

Трилогія «Під крилом УТОГ»

Творчість у тиші
Збірка третя

Українське товариство глухих

**Трилогія
«Під крилом УТОГ»**

**Збірка третя
«Творчість у тиші»**

Київ — 2016

Редакційна колегія: Ю.П. Максименко
І.І. Чепчина
Н.М. Каменська
Г.М. Мережко

Ідея: Г.М. Мережко

Трилогія «Під крилом УТОГ»

Збірка третя. «Творчість у тиші»

У збірці «Творчість у тиші» зібрані літературні нариси про талановитих нечуючих людей, які багато зробили для розвитку культурної сфери Українського товариства глухих та для популяризації всебічних здобутків та досягнень осіб з порушеннями слуху у різних галузях мистецтва.

Збірка підготовлена та видана Українським товариством глухих.

© Українське товариство глухих, 2016

Передмова

Шановні читачі!

До збірки «Творчість у тиші» увійшли літературні нариси про перших професійних нечуючих акторів Республіканського театру міміки та жесту «Райдуга», учасників художньої самодіяльності культзакладів УТОГ, нечуючих поетів та художників, котрі, незважаючи на значне порушення слуху, змогли досягти значних успіхів у розвитку своїх творчих здібностей, багато зробивши для розвитку культурної сфери Товариства, за що були гідно відзначені Українським товариством глухих та державою.

Багатьом з них присвоєно високі звання: «Заслужений артист України», «Заслужений працівник культури України», «Заслужений працівник соціальної сфери України», «Народний художник».

Більшість з них є членами творчих союзів та спілок України й СРСР, неодноразово нагороджувались дипломами обласних, республіканських, всесоюзних та всесвітніх оглядів, конкурсів та фестивалів серед глухих.

Багатьох з ветеранів вже немає серед нас, але молодше покоління продовжує прославляти Українське товариство глухих і сьогодні. Всі вони назавжди залишаться у вдячній пам'яті членів УТОГ.

**Ганна МЕРЕЖКО,
Заслужений працівник
соціальної сфери України,
Почесний член УТОГ.**

Розділ І

Актори Театру міміки та жесту «Райдуга» УТОГ

Актриса от бога

А. Мизгирева.

Для нынешней молодежи имя Александры Мизгиревой мало что скажет, а вот для старшего поколения неслышащих она — личность известная.

Именно ей посчастливилось произнести со сцены первые слова в самом первом премьерном спектакле, которым заявил о себе образованный в 1970 году театр, в котором играют неслышащие актеры.

*«Днепр седой — отец
наш величавый.
Радуга взметнулась над тобой,
Солнечным мостом соединяя
Наш Славутич с Волгою-рекой».*

Эти торжественные слова величественными жестами передавала Александра Мизгирева, стоя на краю авансцены, а по другую сторону стоял совсем еще молоденький Василий Степкин, в будущем — один из лучших артистов театра, удостоенный звания «Заслуженный артист Украины».

Но это — в будущем... А в тот вечер на сцене царствовала она — Александра. Ее плавные, красивые жесты и четкая, выразительная артикуляция точно передавали интонацию звучащего слова, всю торжественность и радость момента. Ведь осуществилась мечта многих неслышащих любителей сцены, и самобытные таланты глухих артистов расцвели всем разнообразием радуги, оправдывая название нового театра!

Как прекрасно смотрелся на сцене творческий дуэт Мизги-

ревой и Степкина! А ведь между этими двумя ведущими актерами — существенная разница в возрасте, но только опытный глаз мог разгадать этот театральный секрет — так хороша была артистка в сиянии рампы и софитов, с мастерски наложенным опытным гримером макияжем.

Александр Мизгиреву Всевышний наградила идеальной внешностью, которая в театральном мире считается второй судьбой актера. И поэтому, несмотря на то, что к моменту создания театра возраст этой обаятельной женщины перешагнул за 40, ее без колебаний зачислили в труппу.

...Открывался занавес, и зритель замирал, видя, как из глубины сцены, под звуки оркестра, торжественно, уверенной походкой выходили двое ведущих программы. И никто бы не поверил, что свободно державшаяся на сцене женщина, только что, стоя за кулисами, дрожала от волнения и молилась о том, чтобы не сбиться с текста.

Пока ее молодые и легкомысленные коллеги дожидались выхода, непринужденно болтая между собой и попивая крепкий горячий кофе, Александра Мизгирева — уже одетая и загримированная — стояла в одиночестве возле кулисы и повторяла заученные слова и жесты. И молодежь знала — Шуру трогать нельзя, она «ушла в себя», готовясь к выступлению.

Такая дисциплинированность и самоотдача только на первый взгляд вызывали удивление. Слишком уж долг и труден был путь Александры на сцену, а любовь к театральному искусству была воистину всепоглощающей, и она, как никто, дорожила каждым часом и днем, отмеренным судьбой для осуществления мечты.

Александра много работала над собой, досконально шлифуя каждый штрих в жестах и ища собственное «я» в сыгранных ею образах, тем самым подавая достойный пример молодым актерам.

Все программы, которые были поставлены в театре «Радуга

га» в 70-е годы, вели Мизгирева и Степкин. И, надо отдать им должное, они прекрасно справлялись с основной задачей ведущих — держать зрителей в руках, вести их от одного номера к другому, соединяя различные выступления в единое целое.

Кроме этого, у Шуры было немало и характерных ролей в спектаклях. Отлично смотрелись в ее исполнении Одарка («Запорожец за Дунаем») и жена Долларсона («Бродяга Чарли»).

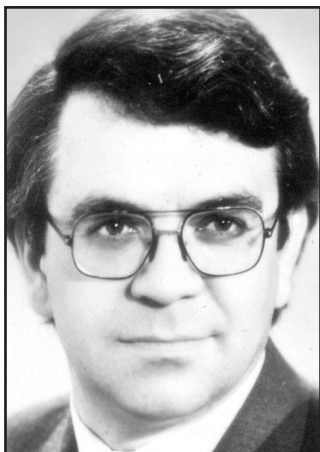
Александра Мизгирева проработала в театре «Радуга» до пенсионного возраста, но со сценой не рассталась — еще долгое время выступала в художественной самодеятельности Дворца культуры им. Луначарского.

С детства влюбленная в театр девочка из далекого Новосибирска нашла в Киеве не только творческое, но и женское счастье. Можно смело сказать, что судьба подарила ей не только красоту и осуществление мечты о сцене, но и отличного мужа. Художник Нафтул Векслер души не чаял в своей жене, а Александра была хорошей хозяйкой и заботливой матерью для сына Нафтула Киселевича от первого брака. Она была любима и любила сама. Годы совсем не отражались на ее облике, и все удивленно восклицали: «Не может быть!», — узнав о ее истинном возрасте.

До последних дней жизни она сохраняла светлое и доброе отношение к миру и к людям. Ушла она от нас в 2015 году, оставив о себе такую же светлую и добрую пам'ять...

Беспокойное сердце

*«Сердце, тебе не хочется покоя!
Сердце, как хорошо на свете жить!
Сердце, как хорошо, что ты такое!
Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!»*

В. Стёпкин.

Где бы и кто бы ни исполнял жестами эту песню, но перед глазами всегда возникает образ Василия Стёпкина — заслуженного артиста Украины, ведущего актера Республиканского театра мимики и жеста «Радуга» УТОГ, очаровательного и обаятельного человека.

Родился он 25 мая 1950 года в жаркой и знойной Средней Азии. Отец его был геологом, а мать — учительницей. Когда их первенцу еще не было и года, он заболел скарлатиной и потерял слух. Из-за работы отца семье часто приходилось менять место жительства и в 1953 году семья приехала в г. Желтые Воды Днепропетровской области. Родители определили мальчика в детский сад для слышащих детей, а незадолго до поступления в школу его перевели в подготовительную группу для слабослышащих детей Днепропетровской спецшколы-интерната. Будучи от рождения веселым, энергичным и жизнерадостным, Вася быстро изучил жестовый язык и обзавелся новыми друзьями, увлеченно участвовал в спортивных соревнованиях, но больше всего любил художественную само-

деятельность. Учеба в школе давалась ему легко, и учился он на «отлично».

Летом, отдыхая в пионерских лагерях, часто выступал с пантомимическими сценками перед слушающими сверстниками. Видя незаурядные способности Василия, учитель рисования спецшколы-интерната, в прошлом — актер театра Б.Д. Дзюба, предложил ему выступить в школе на новогоднем утреннике в роли Деда Мороза. Это была первая для Василия серьезная роль. Затем он выступал в образе Чарли Чаплина, и так сложилось, что ему действительно пришлось сжиться с этим образом на долгие годы. Чарли Чаплин стал его коронным номером и на школьной сцене, и потом — в Республиканском театре мимики и жеста «Радуга», где он исполнил главную роль в спектакле «Бродяга Чарли».

А на I Международном фестивале клоунады глухих Василию Стёпкину был присужден первый приз за исполнение роли Чарли Чаплина в сценке «Чарли в ателье мод». Но это все — в будущем...

А пока после окончания 10 классов Стёпкин поступил учеником фрезеровщика на Южный машиностроительный завод. Вечерами он учился в школе рабочей молодежи, а в свободное время посещал Днепропетровский дом культуры глухих, где активно участвовал в художественной самодеятельности, а также в городских и областных соревнованиях по футболу и плаванию.

Приехавший на практику из Киева В. Журков — будущий культработник, обучавшийся на Курсовой базе УТОГ, просмотрев несколько сценок и песен в исполнении Стёпкина, посоветовал ему серьезно готовиться к поступлению в творческую группу профессионального театра.

На зональный смотр художественной самодеятельности, проходивший в Запорожье, Стёпкин привез с собой 10 номеров и предстал с ними пред очи председателя жюри Иса-

ака Ароновича Сапожникова — будущего директора театра «Радуга», и Маргариты Петровны Матульской — переводчика и режиссера Львовского ДК УТОГ. Однако жюри устало от бесконечных просмотров и предложило ему спеть только один куплет из песни «Зайчишка лопоухий». Но когда Василий начал исполнять жестами первый куплет, имитируя «косоглазого», И.А. Сапожников и М.П. Матульская были в таком восторге, что, забыв об усталости, показали из зала: «Продолжай». Так Стёпкин был зачислен в штат будущего Республиканского театра «Радуга». Это была большая победа!

...На сцену театра он буквально влетел, ворвался, покориw всех и мастерством, и обаянием. Был он тогда самым молодым актером в труппе, однако показал себя как многогранный артист: декламировал, пел, танцевал, жонглировал, был драматическим актером, выступал в клоунаде, комических сценках и конференсе.

В театре он встретился с педагогами — большими энтузиастами своего дела, которые стремились сделать из новичков не просто актеров, а людей, для которых будет немыслима жизнь без сцены. Ежедневно, ежеминутно они влюблялись глухих в театр, в мир искусства. Это уже упоминавшийся И.А. Сапожников, М.Е. Новосельский — режиссер, Е.В. Зайцев — балейтмейстер-постановщик, Р.Б. Кувшинова — прекрасный педагог-репетитор, а также влюбленные в свое дело педагоги-консультанты по жестовой речи: Н.В. Иванюшева, А.И. Набоченко, А.П. Курашева, Н.В. Кузнецова и многие другие специалисты.

С каждым из них Василий Стёпкин работал до самозабвения и после ухода из театра о каждом вспоминает с любовью и теплотой. Ведь это благодаря им он стал профессиональным актером. Мир театра, мир прекрасного искусства заполнил жизнь Василия Стёпкина до отказа. Но это требовало каторж-

ной работы, отдачи всех сил. Иногда хотелось все бросить и вернуться на завод, к станку. Но каждый раз «внутренний голос» говорил ему: «Искусство требует жертв, огромной силы воли. Ты должен работать на сцене так, чтобы неслышащий зритель смеялся, плакал, переживал». Снова и снова возвращался Василий к зеркалу, работая над жестами, отработывал еще и еще раз каждое движение... И так день за днем.

В 1970 году состоялась первая премьера — спектакль «Легенда о «Радуге», где В. Стёпкин был ведущим. Вспоминается еще одна трудная работа — над дуэтом Одарки и Карася из оперы Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем», где Стёпкин исполнил роль Карася. Это были его первые памятные роли на сцене театра «Радуга», а всего за годы своей работы в театре он сыграл более чем в 40 ролях.

И еще один интересный факт из его творческой биографии. В 1978 году режиссер Игорь Негреску утвердил его на главную роль — Джо Каллона в кинофильме «Лобо». Это был совершенно новый мир, новое понимание мастерства актера, все здесь было не так, как в театре.

После премьеры фильма «Лобо», который принес успех В. Стёпкину, он снимался и в других фильмах, но его тянуло в свой родной коллектив, к своим друзьям. И снова театр, снова сцена... В 1979 г. в театре «Радуга» он сыграл главную роль в спектакле «Бродяга Чарли», в котором снова встретился с образом великого мастера немого кино. Были и другие спектакли: «Моим землякам», «Приключения Незнайки и его друзей», «Жил-был в Багдаде Абу Касым», «Путешествие в сказку» и другие. Василий Стёпкин вместе с театральным коллективом «Радуга» покорила сердца не только неслышащих, но и слышащих зрителей во многих городах бывшего Союза и Украины, а также за рубежом: в Болгарии, Испании, Германии, Австрии и др.

Не только сценой увлечен Василий Стёпкин. Под его руко-

водством была создана творческая студия «Райдучата» в Киевском школе № 9 для слабослышащих детей.

За большой вклад в развитие художественной самодеятельности и высокое мастерство актера ЦП УТОГ присвоило В.В. Стёпкину звание «Отличник УТОГ», а в 1996 году Указом Президента Украины, впервые в истории УТОГ, глухой актер получил звание «Заслуженный артист Украины».

После вхождения театра «Радуга» в состав КЦ УТОГ В. Стёпкин стал работать заместителем директора по культурно-массовой работе. Одновременно он был режиссером Киевского народного самодеятельного театра, где подготовил инсценировки по произведениям В. Шукшина «Совесть», «Микроскоп», «Сапожки». С этими спектаклями КНСТ снова подтвердил свое звание «Народный».

Несмотря на большую занятость по работе, Василий Васильевич для повышения образования нашел возможность окончить заочно Киевский пединститут имени А.М. Горького. В 1999 году он решил работать по полученной специальности — сначала был учителем трудового обучения в столичной спецшколе интернате № 6 для глухих детей, а сейчас работает учителем труда и преподавателем жестового языка в Киевской спецшколе-интернате № 9 для слабослышащих детей, а затем стал.

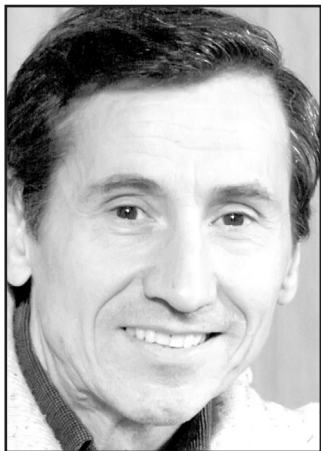
В школе Василий Васильевич открылся как талантливый учитель и мастер производственного обучения. Ему присуще стремление разобраться в интересах и наклонностях каждого подростка, передать ученикам все, чему научился сам, сделать уроки труда желанными для ребят, дать возможность детям почувствовать радость от созданного своими руками, поверить в свои силы. Кредо Василия Васильевича: учитель должен знать и уметь многое. Именно поэтому в его маленьком школьном кабинете компьютер всегда находится в рабочем режиме, а на полках теснятся книги — от пожелтевших справочников до новейших методических пособий для массовой школы.

Он передает свои знания и опыт не только ученикам, но и коллегам по работе. Василий Васильевич — соавтор первой в Украине учебной программы по строительному делу для школ глухих и первой украинской учебной программы по жестовой речи.

Рассказ об этом талантливейшем человеке был бы неполным, если бы мы не упомянули о его активном участии в создании Объединения неслышащих педагогов, где он избран вице-президентом. Ни одно мероприятие, проводимое ОНП, не обходится без его живейшего участия.

Он всегда в делах, заботах и волнениях. Это о его беспокойном, неравнодушном, болеющем за все и всех сердце поется в песне, с которой мы начали свой рассказ о нем. Пусть же наполняется оно радостью от полноты жизни, успехов и новых побед!

Напуття, що збулося

О. Кушніренко.

Численні глядачі, яким пощастило бачити виступи колективу театру міміки та жесту «Райдуга», погодяться зі мною, що виділити будь-кого зі справжнього сузір'я його талановитих і неперевершених акторів — завдання не з легких. Але, гадаю, всі погодяться з тим, що поява на сцені цього симпатичного чорнявого чоловіка з білозубою посмішкою і характерною тільки для нього жвавістю у рухах і жестах, викликає незмінну позитивну реакцію залу: обличчя просвітлюються, погляди уважно

слідкують за кожним його порухом, а руки летючими змахами повідомляють тим, хто сидить поруч: «Саша, Саша Кушніренко!»

І завжди приємно дивує особлива відточеність кожного руху, кожного жесту актора. Саме це вирізняє його з-поміж виконавців у масових номерах, групових виступах і багатолюдних сценах. А ще — своєрідний, саме кушніренківський гумор, його особлива манера спілкування з глядачами у залі.

Але розповідати про особливості його гри — справа невдячна. Адже краще бачити це своїми очима...

І ця нагода — насолоджуватись грою Олександра Кушніренка — була у багатьох членів нашого Товариства, а також у нечуючих з інших країн — і далеких, і близьких.

Адже близько сорока років виходить на сцену актор.

За час роботи у театрі він створив багато яскравих і цікавих

образів у виставах різних років: «Оперета, любов моя» (1976 рік) — образ Івана Івановича, «Гарячі тротуари» (1978 рік) — образ Бернардо, «Бродяга Чарлі» (1981 рік) — Чарлі, «Моїм землякам» (1985 рік) — Мім, «Пригоди Незнайки та його друзів» (1986 рік) — Незнайко, «Жив у Багдаді Абу-Касим» (1987 рік) — Абу-Касим, «Мандрівка у казку» (1988 рік) — Заїка, «Леді та гангстери» (1999 рік) — Гангстер, «Ярмаркові жарти» (1992 рік) — Явтух, «Кармен» (1994 рік) — Тореадор, «Свято у джунглях» (1997 рік) — Партіпрі, «Світ без тебе?..» (1998 рік) — Рекламщик.

У новому спектаклі театру «Рок-поп-джаз — для вас» у О. Кушніренка кілька ролей, таких різних і таких колоритних. Це — і грізний агент, і оманливий удавальник, і галантний танцюрист, і виступи у масових сценах...

А ще у творчій біографії Олександра Кушніренка — численні хореографічні, акробатичні, пантомімічні номери, виступи у концертних та культурних програмах під час проведення різноманітних заходів конкурсів і фестивалів. Частина його праці є й у міжнародному визнанні театру нечуючих України, в блискучих виступах колективу на гастролях в Україні і далеко за її межами.

О. Кушніренко — лауреат багатьох конкурсів та фестивалів, він відзначений званням «Відмінник УТОГ».

А починався його шлях на велику сцену з села Піски Козельщанського району, що на Полтавщині. У ранньому дитинстві втратив слух і навчався у Миргородській спецшколі-інтернаті.

Саме в школі вперше пізнав Саша радість виступу на сцені. Його «коронний» номер — «Матроське яблучко», настільки подобався глядачам, що його включали у концертні програми, де хлопець виступав разом з чуючими самодіяльними акторами.

А ще була у Сашка мрія стати льотчиком, але вона здавалась

такою ж далекою та недосяжною, як і мрія про виступи на великій сцені...

Зі школи захоплювався Сашко спортом, особливо приваблював його футбол. Він був воротарем збірної команди нечуючих України з футболу.

У шкільні роки виявився також хист Сашка і до скульптури, до роботи художника-оформлювача. Але вступити до Ленінградського відновлювального центру на художнє відділення не довелося. Через скрутне матеріальне становище у сім'ї і необхідність допомагати матері, Сашко після школи пішов у робітниче училище і незабаром став працювати слюсарем на Кременчуцькому автозаводі.

Але згодом він віддав перевагу мистецтву і за конкурсом, оголошеним у 1969 році, був прийнятий до театру «Райдуга».

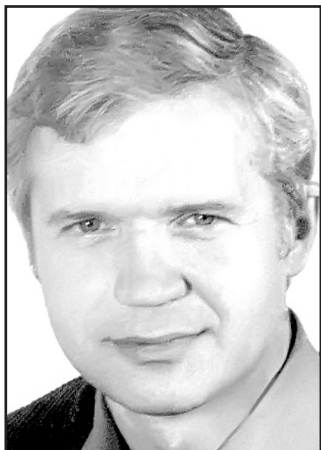
З вдячністю згадує Олександр Петрович тих, хто навчав його азам акторської майстерності. Серед них — незабутній І. А. Сапожников, корифей жестової мови Н. В. Іванюшева та Н. В. Кузнецова.

Особливі слова приязні та вдячності — тодішньому режисеру театру М. Ю. Новосельському. Він багато зробив для того, щоб розвинути здібності актора, наставив його на свій шлях у мистецтві — шлях, що привів до того знаменного дня, коли згідно з Указом Президента України О.П. Кушніренку було присвоєне високе звання «Заслужений артист України».

І зберігає Олександр Петрович подаровану режисером книжку з такими словами напуття йому — тоді ще молодому актору:

*«Вовек не позабудь:
В искусстве очень труден путь,
Отдай ему себя до капли,
Как это сделал Чарли Чаплин!»*

Его путь в искусство

А. Василенко.

Есть люди, отличающиеся особой артистичностью и статью, легкостью движений и утонченностью натуры. Им самой судьбой предназначено быть на сцене, покорять сердца зрителей своим талантом перевоплощения, дарить им радость встречи с искусством. И таких людей по-особому испытывает судьба на пути к заветной цели, к исполнению мечты, как бы требуя доказать, что они действительно заслужили право быть в числе самых-самых. Но, прежде чем выйти на заветную

сцену, многим артистам театра мимики и жеста «Радуга» пришлось пройти долгий путь, усыпанный отнюдь не розами. Он был осложнен и глухотой, которая, казалось бы, навсегда отрезала дорогу к мечте. Среди тех, кто был в числе первых — Почетный член УТОГ Анатолий Алексеевич Василенко.

Родился Анатолий Василенко в грозном 1941 году в Константиновке Донецкой области.

Первые детские впечатления мальчика связаны с войной, бомбежками, обстрелами, когда от взрывов снарядов вздрагивала земля. Мать с маленьким Толей жила тогда у бабушки. Однажды, от взрыва разорвавшейся рядом с домом бомбы, их завалило обломками стен и осколками стекла. Хотя и мама и малыш были глухими, ощущение, когда пол уходит из-под ног, а полотно угрожающе нависает над головой, на-

всегда запомнилось им острым чувством собственного бессилия и грозным дыханием беды.

Благодаря помощи и поддержке бабушки, они пережили военное лихолетье, холод и голод.

После войны Толя учился в Макеевской спецшколе-интернате для глухих детей.

С детства мальчик всей душой тянулся к искусству, любил театр и кино. При любой возможности бегал смотреть массовые развлекательные мероприятия, не пропускал ни одного фильма в местном кинотеатре.

Полюбившиеся ему образы Толя потом как бы примерял на себе, играя дома перед бабушкой, мамой и ее знакомыми. Он представлял себя то Тарзаном, то Отелло, то Скоморохом, в упоении танцевал под неслышную ему музыку. Особенно любил маленький артист аплодисменты — желанную награду за пластичность и веселый задор, за радость, доставленную зрителям.

В школе Толя увлекался художественной самодеятельностью и спортом.

Он продолжал посещать кружки художественной самодеятельности и в Одесском доме культуры УТОГ, когда в 1958 году, после окончания школы, приехал в Одессу и стал работать на УПП №2. Трудился он в трикотажном цехе головных уборов. В 1960 году был переведен на работу по индивидуальному пошиву, прошел производственное обучение по специальности портного мужской верхней одежды и получил 4-й разряд.

В 1963 году Анатолий Василенко переехал в Киев. Работал слесарем-сборщиком в цехе измерительных приборов учебно-производственного комбината, затем перешел на хлопкопрядильную фабрику слесарем-рихтовщиком. Но такая работа не приносила Анатолию радости, все чаще он задумывался о том, чтобы связать свою судьбу с искусством.

Еще в Одессе Анатолий был активным участником художественной самодеятельности. Особенно удалась ему роль шпиона в спектакле «Блудный сын», который имел большой успех у неслышащих одесситов. Василенко продолжал активно участвовать в работе драмкружка и в Киеве. За исполнение роли Мишки Япончика в спектакле «На рассвете» он был удостоен золотой медали на Всеукраинском конкурсе художественной самодеятельности.

Анатолий мечтает найти работу по призванию и поэтому в 1968 году поступает в Политехникум Ленинградского восстановительного центра Всероссийского общества глухих на отделение культурно-просветительной работы, где среди основных спецпредметов были режиссура и мастерство актера. Как раз через год в Киеве открывается второй в мире профессиональный театр глухого актера «Радуга» и Василенко, пройдя все конкурсные испытания, становится актером. Диплом художественного руководителя был им получен уже после перехода в театр, в конце учебы на заочном отделении.

Делая первые шаги на профессиональной сцене, Василенко существенно выделялся хорошей подготовкой и способностью схватывать «на лету» все элементы нового. Его первый дебют в постановке М. Новосельского «Легенда о Радуге» — Лукаш из «Лесной песни». Вместе с Мавкой (арт. Л. Молчанова) молодой актер воистину удивил публику, демонстрируя настоящий классический танец (балет). Изящный, лирический, он завоевал сердца тех, кто увидел первую историческую премьеру Республиканского театра мимики и жеста «Радуга».

За 27 лет сценической деятельности Анатолий Василенко ни разу не оставался «вне игры». У актера было много ролей — больших и не очень, но все они были отработаны трудолюбивым и талантливым актером досконально и с любовью. Особо отличился Василенко в роли Тони из шоу-спектакля «Го-

рячие тротуары» по мотивам «Вестсайдской истории» А. Лоренса. Будучи в прекрасной спортивной форме, Толя отлично справился с поставленной перед ним актерской задачей и, буквально, очаровал публику своей игрой и красивой фактурой. Бесспорно, актер был незаменим в акробатических подержках. И партнерши, находившиеся в его руках, чувствовали себя уверенно. Все номера с подержками («Сон художника», «Витязь в тигровой шкуре», «Комета Галлея», «Встреча», «Трио Вакулапи») имели ошеломляющий успех. Необходимо отметить, что пластические этюды с элементами акробатических подержек требуют особой подготовки и навыков, которые давались единицам из неслышащих актеров и были связаны с риском, ведь малейшая неточность чревата травмой. Что и говорить, это был супер-партнер! Единственный минус был у него — невнятная артикуляция, что мешало ему «забрать» ведущие «говорящие» роли, но Толя и тут проявлял силу воли, упорно работая над собой и поэтому вокально-хореографическая картинка в мюзикле «Необычный мюзик-холл» в постановке заслуженного деятеля искусства и культуры А. Зайцева, где Василенко исполнял песню на жестовом языке «Как много девушек хороших...», воспринималась на «бис».

А.А. Василенко не только был ведущим артистом театра. Он принимал активное участие в общественной жизни творческого коллектива «Радуга», неоднократно избирался председателем первичной организации УТОГ и председателем профсоюзного комитета, являлся членом художественного совета театра при Культурном центре УТОГ.

За творческие успехи и активное участие в общественной жизни Анатолий Алексеевич неоднократно награждался грамотами и знаками трудового отличия. Он награжден двумя медалями: «В честь 1500-летия Киева» и «Ветеран труда». Ему присвоено высокое звание «Почетный член УТОГ».

Но годы берут свое, и в 1997 году А.А. Василенко был пере-

веден на должность гримера-пастижера 5 разряда театра «Радуга» КЦ УТОГ.

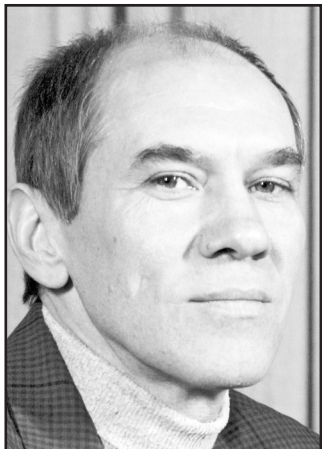
Спектакли «Праздник в джунглях», «Шуры-муры клоунов со зрителями», «Мир без тебя», «Добрый принц Рике» требовали сложного грима, разных париков и масок, и Анатолий Алексеевич, несмотря на скудость выбора реквизита, мастерски изготовил парики не только для этих спектаклей, но и для блока номеров из «Песенного вернисажа» («Ее Высочество», «Моцарт» и «Зеркальце»). А ведь только для спектакля «Мир без тебя» нужно было целых 12 масок! И Василенко справился с этим заданием блестяще.

Все, кто знает Анатолия Алексеевича, ценят в нем не только высокие профессиональные качества, но и его интеллигентность, человечность, умение понять другого человека и поддержать в трудную минуту. С особым чувством относится Василенко к молодым начинающим актерам из кружка клоунады, который он ведет.

Анатолий Василенко не расстается со сценой, он часто играет в спектаклях самодеятельного театра при Культурном центре УТОГ. И вновь зритель завороженно следит за легкими и изящными движениями актера, которому судьба подарила возможность, преодолев сложный путь, покорять сердца, принимая в награду любовь, признание и горячие аплодисменты зала.

Восхождение к мастерству

Между сценой и ареной

А. Мягких.

По сцене, от одного ее конца к другому, под громкую музыку, в вихре искрометного танца стремительно движется группа танцоров. Время от времени они короткими взглядами пронизывают притихший зал, как бы пытаясь зрительно получить информацию — насколько нравится публике их танец. Танец настолько динамичный, что от перемещения его исполнителей на сцене образуются ветерок, волны которого иногда доходят до переднего ряда зрителей.

Яркие нарядные костюмы танцоров в лучах театральных прожекторов переливаются всеми цветами радуги, отсвечивают мигающими разноцветными бликами и огоньками, от которых даже в глазах рябит. Уровень танцевальной техники у исполнителей практически одинаков, а если и есть разница, то она настолько незначительна, что ее трудно уловить. И все же в группе танцоров обращает на себя внимание один из них: щупловатого вида, чуть ниже среднего роста артист. Наблюдая за его исполнительским мастерством, никогда не скажешь, что этот человек лишен слуха. А ведь он за всю свою жизнь никогда не слышал ни единого звука, ибо абсолютно глухой от рождения. Впрочем, его партнеры по танцу — тоже. Но, тем не менее, они — артисты. Причем, профессионалы. Все они вместе и каждый в отдельности заслу-

живают более подробного повествования о себе. Но сегодня я расскажу о жизненном и творческом пути одного из них — артисте профессионального театра «Радуга» Украинского общества глухих Александре Дмитриевиче Мягких.

Родился Саша в декабре 1954 года в г. Карабаш в Челябинской области. Вскоре после рождения мальчика его родители переехали в административный центр Алтайского края — г. Барнаул. Отца Александр не помнит. Его мать, Пелагея Лаврентьевна, растила и воспитывала сына одна. Поскольку в Барнауле в то время спецшколы для глухих и слабослышащих детей не было, то мать, когда Саша подрос, отдала его в школу-интернат в Новоалтайске, что неподалеку от Барнаула.

Нельзя сказать, что юный Саша был примерным и послушным учеником, таким пай-мальчиком. Отнюдь. Он рос таким же сорванцом, как и многие его сверстники. И с отдельными школьными учителями конфликтовал — для этого были определенные причины. Вспоминая об этом, Александр Дмитриевич и поныне убежден, что тогда был прав. Но такая строптивость ученика педагогам, в частности завучу и поддерживавшим ее отдельным учителям, не нравилась и, может быть, по этой причине его отметки были иногда занижены. Тем не менее, он относился к категории «хорошистов» и любил учиться.

Но была у Саши еще одна особенная страсть — это спорт. Больше всего ему нравилась легкая атлетика — бег на короткие и длинные дистанции. И соответствующие спортивные успехи у него уже были, и, может быть, он достиг бы определенных спортивных высот, если бы... Ах, эта художественная самодеятельность!.. Вот она-то и стала виновницей его охлаждения к спорту. Но это было потом. А пока что он однажды по собственной инициативе записался в школьный драмкружок, которым руководила учительница русского языка и

литературы Галина Павловна (ее фамилию он, к сожалению, не помнит). Увлеченно посещал занятия — разучивал простенькие танцы, пробовал играть роли в несложных сценках. Это были его первые, еще робкие, соприкосновения с искусством, конкретно — с театром. Время шло. Дальше — больше. Со временем он попробовал себя во всех доступных ему жанрах — пантомиме, балете, хореографии, драме. Он вроде как забавлялся этим, и в этой, впрочем, серьезной забаве — будь-то танец или драматическая роль — расходовал часть своей неумной энергии, которой было у него в избытке. Но на первом месте у Саши все же оставался спорт. Взрослея, он все больше и больше подумывал о спортивной карьере. Но такие мысли и намерения были у Александра до той поры, пока в один прекрасный день Галина Павловна вдруг не посоветовала ему больше уделять внимания художественной самодеятельности. Видимо, учительница разглядела в нем будущего профессионального актера.

Как показала дальнейшая жизнь, чутье и интуиция педагога не подвели. Услышав такой совет, юноша (он в то время уже был в старшем классе), поначалу несколько недоумевал — неужели неслышащий может стать настоящим артистом? Но, вместе с тем, в душе крепла некая дерзость, озорство. Хотелось бросить вызов, прежде всего, таинственному, неизведанному, пока еще непостижимому, но столь манящему и очаровывающему искусству танца. Влекла и завораживала атмосфера эстрады, ее дух. Сценические подмостки казались основанием, трамплином для прыжка в тот волшебный творческий мир, однажды ощутив который, ты будешь стремиться к нему, к познанию его бесчисленных граней и многообразия, всю свою жизнь. После периода колебаний и размышлений Саша сделал свой выбор. Спорту он предпочел искусство — тот вид человеческой деятельности, которым он занимается вот уже более тридцати лет.

Его Величество случай

Вряд ли стоит рассказывать о его участии в художественной самодеятельности в Барнауле, о его поездках в составе творческих групп по Алтайскому краю. Таких поездок было много. Он любил их, ибо это давало возможность совершенствовать себя как артиста, приобретать опыт, расти профессионально.

Расти профессионально... Но это еще не значит быть профессионалом. Днем юноша работал (он уже окончил школу), а вечером спешил во Дворец культуры на репетицию.

Говорят — «Его Величество Случай». У каждого из нас бывают разные случаи. Один приводит к отрицательному результату. Тогда резюмируют — не повезло. Другой — к положительному. Тогда радостно констатируют — повезло. В 1974 году Александру Мягих повезло. А еще раньше ему повезло в том, что в Новоалтайске он учился, правда, в разных классах, с ныне известной артисткой театра «Радуга» Ниной Петровной Зайонц. Тогда она была еще Шпилева. Поскольку разница в их возрасте составляла пять лет, Нина, как старшая, постоянно опекала младшего друга Сашу, заботилась о нем, помогая ему советами, подсказками... Когда она училась в Ленинградском восстановительном центре, то аккуратно отвечала на все Сашины письма. А когда после окончания ЛВЦ приехала в Киев и узнала о существовании театра «Радуга», тут же сообщила ему об этом.

Саша, получив такую информацию, быстренько оформил отпуск и примчался в Киев — уж очень ему хотелось попробовать свои силы на профессиональной сцене. Он настойчиво добивался, чтобы его посмотрели. Режиссер театра Михаил Ефимович Новосельский был, конечно, мастером своего дела. После просмотра молодого артиста он, вместо того, чтобы изложить свое мнение об уровне его артистической подготовки, его профпригодности, вдруг спросил Сашу: «Сколько ты по-

лучаешь на заводе?» «Четыреста рублей», — ответил артист. «В театре будешь иметь семьдесят рублей и ни копейки больше. Так что выбирай — 400 рублей заводских или 70 театральных...». Саша, не колеблясь, ответил: «Театр для меня — все!»

Годы и роли

У Александра Мягких есть несколько памятных жизненных дат, но одна из них, 27 декабря 1974 года, — особая. В этот день он впервые переступил порог профессионального театра как штатный артист второй категории.

Много воды утекло с тех пор. За этот период произошли изменения не только в репертуаре театра, но и в самом театре, в его составе. Некоторые артисты ушли на пенсию. На смену им пришло молодое пополнение. Театр поменял место прописки и ныне располагается в помещении Культурного центра УТОГ. Артистам здесь вполне комфортно: в их распоряжении сцена, где удобно репетировать, имеется вся необходимая техническая аппаратура и оснастка. У артистов имеются, как и в каждом театре, артистические комнаты, гримерная, балетный класс.

Что же касается самих артистов, то все они выросли профессионально.

Вырос профессионально, приобрел мастерство и взошел на следующую ступень в своей артистической карьере и Александр Мягких. За весь период работы в театре им сыграно более тридцати ролей — разных по жанру и социальной направленности, положительных и отрицательных. Будучи артистом разноплановым, он выступал в качестве танцора, артиста драмы и комедии, мима... По его собственному признанию, есть среди его ролей и особо удавшиеся, поэтому — любимые, и менее удачные. Но таких у артиста — единицы. Его мастерство видели не только отечественные зрители, но и зрители

некоторых европейских стран, а именно: Испании, Германии, Австрии, Словакии, Болгарии, куда в разное время выезжал коллектив театра со спектаклями и представлениями, или куда театр выезжал для участия в конкурсе или фестивале, на которых коллектив театра и отдельные его артисты завоевывали призовые места. Так, например, артист Мягких в 1997 г. стал лауреатом I Международного танцевального конкурса среди неслышащих в г. Сарагоса (Испания).

В 1995 г. ему было присвоено почетное звание «Отличник УТОГ». Артист награжден почетными грамотами Министерства социального обеспечения, Министерства культуры и искусств Украины и др. На протяжении ряда лет он является артистом высшей категории. А в декабре 1999 г. за вклад в развитие театрального искусства среди глухих, за профессионализм и мастерство Александру Мягких присвоено почетное звание «Заслуженный артист Украины».

Свой рассказ о нем я хотел бы закончить стихотворением (да простит меня читатель за такую практику), т.к. стихотворением я как бы дополняю свое повествование, раздвигая его рамки, показываю самое главное — квинтэссенцию того, что я хотел подчеркнуть в своем рассказе. Я как бы наношу последние важные мазки и штрихи в общую картину повествования и этим самым ставлю в ней окончательную точку.

*«Ах, как стало тихо в зале!
Там, на сцене, — гром ударов.
Заблестели, засверкали
В искрометном танце пары.
Завертелись, закружились...
Сколько страсти и напора!
Да никак они двужильны —
Эти славные танцоры.
Ай да браво, в самом деле!*

*Ты смотри, не надо слушать.
Щедра радость и веселье
«Радуга» льет в наши души.
Есть там «па» — мороз по коже...
Многому тут удивишься.
Кто сказал: «Так быть не может?»
Приходи — и убедишься».*

И действительно, приходите по возможности на концерты театра «Радуга» и, увидев моего героя и его товарищей в действии, сами убедитесь, насколько я прав, непредвзят и объективен.

Так что — милости просим...

Звезда по имени Татьяна

Т. Вуйцик.

Бытует мнение, что «чем тише едешь — тем дальше будешь». Это как раз про заслуженную артистку Украины Татьяну Вуйцик.

Сколько я ни силилась, никак не могла вспомнить, как же Таня, с такими видными параметрами, так незаметно «проскользнула» в театр «Радуга»?!

Вуйцик — коренная киевлянка, училась в школе для слабослышащих детей № 18. Ей, интеллектуально развитой девушке, после школы продлить бы свое образование, но

Татьяна почему-то пошла на КОПО «Контакт» простой рабочей.

Она подружилась с Леной Каплан, уже работавшей в театре. Под впечатлением рассказов Лены Таня немедленно решает сменить свой «курс», и в сентябре 1979 года поступает в труппу театра «Радуга». Однако с ее выходом на сцену не все было просто — довольно длительное время Вуйцик вынуждена была сидеть на «скамье запасных», лишь изредка делая неуверенные выходы на публику. Она до дрожи боялась всего — света рампы, зрителя, самой сцены...

И лишь с приходом в коллектив режиссера А.И. Гузеева, постепенно начинается творческий подъем артистки. Гузеев сразу же заметил высокую, стройную, длинноногую девушку с выразительными пугливыми глазами, которая постоянно сидела в стороне. Присмотревшись к ней, он понял, что «та-

кой ценный товар слишком долго залежался под прилавком и его срочно пора выставлять напоказ».

Так и случилось! Он, Гузеев, передал робкую девушку в надежные руки Надежды Владимировны Кузнецовой (Зуевой), в то время занимавшей должность педагога по мимике и жестам, которая рьяно занялась раскруткой Вуйчик.

Надежда Владимировна — опытный педагог, переводчик-дактилолог, кроме того, она сама обладала врожденным даром артистки. Ее жесты, мимика были настолько выразительными, что при переводе она полностью передавала актерам внутреннее состояние, акцент и характер голоса говорившего. Мы, артисты, обожали «слушать» ее. Естественно, обладая всеми этими ценными качествами, Надежда Владимировна помогла раскрытию таланта Татьяны. Кроме этого, Кузнецова заставляла Таню много читать, сама подбирала для нее литературу и расспрашивала о прочитанном, задавая такие «каверзные» вопросы, ответ на которые можно было найти только между строк литературного произведения.

Благодаря такой методике обучения Татьяна состоялась не только как артистка, но и выросла духовно.

Таким образом, из «залежавшегося товара», Вуйчик превратилась в самую востребованную ведущую артистку театра. Ей удалось преодолеть свой страх перед зрителями, и вскоре на театральном помосте она чувствовала себя довольно свободно. Причем сейчас она порой ведет себя со зрителем так раскованно и непринужденно, что никто и не подумает о том, что у этой признанной примы была когда-то боязнь сцены.

Никто из актеров не может лучше Татьяны «прогуляться» по зрительному залу. Ей удастся найти контакт с любым из зрителей, даже совершить выходку — сесть кому-то из мужчин на колени, погладить по голове или взъерошить шевелюру. И при этом она чувствует себя королевой!

Татьяна — артистка многожанровая. Она не только мастер-

ски исполняет жеста́ми песни, но и танцует, участвует в драматических постановках и в иллюзионных номерах. Ее любимый танец — «Чарльстон» из спектакля «Бродяга Чарли» в постановке А.И. Гузеева. В этом номере она в паре с В. Максимовым выглядела потрясающе.

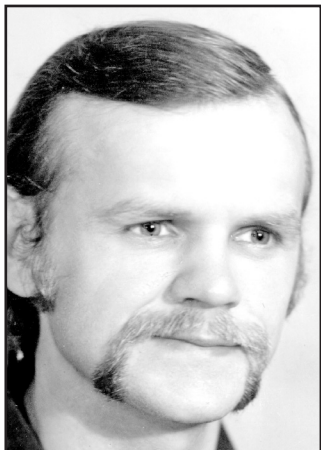
Очень удачна и роль Джини в спектакле «Леди и гангстеры» (постановка И. Ивахно). Но жаль, что этот спектакль продержался недолго из-за смены администрации театра.

Джина-Вуйчик — это новая находка в игре, совершенно не похожая на все предыдущие роли. Это как бы другая сторона медали артистки, имеющей свой сложившийся имидж-амплуа на сцене.

Стоит ей выйти к зрителю, как все замирают в ожидании чего-то особенного — своеобразной изюминки «а-ля Вуйчик». И надо сказать, Татьяна — яркая, острохарактерная, с выразительной внешностью и богатой актерской палитрой — и в жизни такая же неумная, знающая цену остроумному словцу.

В настоящее время Татьяна Борисовна Вуйчик по-прежнему работает в театре «Радуга» Культурного центра УТОГ. У нее много интересных ролей, в каждой из которых артистка проявляет себя так своеобразно, что никто и не сомневался никогда: именно ей «по плечу» высокое звание заслуженной артистки.

Заслуженный не «заслуженный» артист

В. Шахов.

Владимир Шахов совсем не похож на Джеймса Бонда, но у него незаурядные внешние данные, которые в сюжетных спектаклях остро востребованы.

Небольшого роста, но с аккуратно сложенной фигурой, хорошо развитой мускулатурой и с выразительными глазами, он был принят в театр «Радуга» в числе первых, так как приехал на конкурс по подбору актерского состава для театра уже сформировавшимся актером.

Коренной ленинградец, Владимир начал свои первые шаги на сцене еще у себя на родине, во Дворце культуры им. Ленсовета под руководством З. Стуровой — известной в городе на Неве женщины-мима. Под ее же руководством «вырос» и бывший актер Московского театра мимики и жеста И. Шлейдерман, ныне успешно развивающий свою творческую деятельность в Америке.

Отчетливо помню выступление новоиспеченного украинского театра в 1971 году в Ленинграде, где я училась в ЛВЦ. «Радуга» совершала тогда свое первое турне по крупнейшим городам СССР.

Помню и шквал аплодисментов при выходе на сцену Владимира Шахова. Ленинградцы стоя встречали своего земляка. Рядом с ним прекрасно смотрелась Света Мускалова, внешне

выглядевшая как раз не хуже Джулии Робертс, — высокая и стройная, она до приезда в Киев работала в московском ГУМе, где демонстрировала модели спортивной одежды.

Надо сказать, что дуэт Шахов—Мускалова был ударным звеном в тогдашнем театре, и эти актеры по праву были любимцами режиссеров-постановщиков М. Новосельского и Н. Казакова.

По своему актерскому призванию Шахов — мим, профессионально владеющий азами классической пантомимы, очень пластичный и тонко передающий с помощью движений всю гамму чувств. Но его возможности не ограничивались только этим: он усердно овладевал танцами, учился жонглировать, познавал секреты фокусов, а впоследствии неплохо выступал и в конферансе.

Трудолюбию и дисциплинированности Володи мог бы позавидовать сам Евгений Евстигнеев, с которым ему посчастливилось работать бок о бок на съемках фильма «Смирненное кладбище» в роли Молчуна (в этой картине, снятой на «Мосфильме», играли такие звезды кино, как Владимир Высоцкий и Лев Дуров).

Когда я читала биографию Е. Евстигнеева, мне запомнился такой отрывок: «Боже упаси кому опоздать на репетицию спектакля или на съемку фильма с участием Евстигнеева!

Если наступало назначенное время, и кого-то на площадке не было, будь-то сам режиссер, актер, оператор или гример, — Евстигнеев, который являлся на репетицию задолго до начала, демонстративно вставал, закатывал рукав на левой руке, где всегда носил свои именные часы, и подносил руку близко к глазам. Затем он поворачивался ко всем спиной и быстрым, ровным шагом удалялся, и никакими силами его невозможно было вернуть назад. Тогда, считай, рабочий день пропал — репетиция или съемка сорвана».

Владимир Шахов в этом по натуре был похож на великого

Евстигнеева. Он не любил тех актеров из театра «Радуга», которые прохладно относились к своей работе и не уважали время и труд других.

Помню, как мы, актеры театра, торопливо прошмыгивали через холл ДК им. Луначарского в раздевалку, когда большая стрелка часов показывала уже без пяти минут до начала репетиции, чувствуя себя очень неуютно под взглядом ходившего взад и вперед Шахова, переодевшегося в тренировочную форму еще за полчаса до назначенного времени. И никто не помнит такого случая, чтобы он опоздал.

У Шахова-актера было много ролей, но я бы выделила среди всех этих удачных работ самую, на мой взгляд, эффектную — это Анс из «Сказки о медяке». Так называлось второе отделение спектакля-пантомимы «Зримые ритмы» (постановка Н. Казакова). Такой соло-спектакль не всем актерам под силу. Только расслабишься — и зритель уже начинает зевать. Шахову удавалось в течение 35—40 минут почти в одиночку «держат публику в руках». Его персонаж Анс — это символический образ зарождения и развития капитала. Вот молодой Анс, полный жизненных сил, любящий жизнь и сам цветущий жизнью, появляется на сцене, освещенной переливающимся светом, в комбинезоне с заплаткой и в кепке с длинным козырьком набекрень. В руках у него — бублик, и он обращается к зрителю жестами (пантомимой), как бы говоря: «Купите бублик! Купите бублик!». Покупателей нет, но Анс неугомонно продолжает свое дело, и вот, наконец-то, в руках у него доллар за проданные бублики. Молодой парень удивляется и рассматривает его, смеется, но вдруг в его глазах мелькает огонек — у него появляется второй доллар, затем третий и так далее.

Анс покупает баню, затем магазин, а деньги все прибывают. Молодой Анс превращается в солидного предпринимателя. Он уже не носит комбинезон — на него торжественно надевают смокинг, на голову — цилиндр, на котором золотом отсве-

чивает вышивка «\$». Он держится важно, ни на кого не смотрит, ни с кем не считается. Он — банкир, владелец Его Величества доллара!

А деньги все идут и идут к Ансу!

Финал игры — это апофеоз игры Шахова.

Уже старый, обрюзгший, жирный Анс стоит на коленях перед кучей золотых монет — это деньги заставили его так унижаться.

Глаза лихорадочно мечутся по золоту, руки загребают монеты, а деньги все сыплются и сыплются, куча растет и вот уже совсем закрывает Анса, а он продолжает лихорадочно водить скрюченными пальцами по золоту, прикладывается головой к желтому железу и «шипит» от наслаждения.

Вот-вот «золото» его совсем засыплет, и вдруг в голове старого банкира всплывает образ юного Анса в комбинезоне с заплатой, но смеющегося и жизнерадостного (на сцене появляется актер, похожий на Анса). Это как бы символ молодости и жизни.

Анс-старик из-за кучи монет, еле дыша, с кепкой во рту тянется к молодому Ансу, как бы стремясь освободиться от гнета денег, но, увы, поздно — деньги засасывают его.

На одном дыхании Шахов раскрывает этот непростой и глубокий образ, тонко передавая весь трагизм бессмысленно прожитых лет, растраченных в погоне за наживой.

Игра Владимира сильно воздействовала на зрителей. Освещение постепенно тускнело по ходу всей этой сцены, а когда Анс уже умирал на куче золота под резкие звуки барабана, похожие на похоронный марш, свет резко гас, и все погружалось в темноту. В этой темноте зрители сидели, не шелохнувшись и не дыша, а когда затем резко вспыхивал яркий свет и на сцену выходил на поклон Анс-Шахов, в зале еще несколько минут была гробовая тишина. Потом зрители, словно спохватившись, начинали аплодировать!

Я помню, как Н. Казаков приводил на «смотрины» своих

коллег из театрального института имени Карпенко-Карого — не столько для того, чтобы похвастаться своей работой, сколько для того, чтобы показать им игру Шахова.

Ну скажите, разве такая слава не достойна звания заслуженного артиста?

Владимир Шахов, безусловно, заслуживает этого, но, к сожалению, в нашей жизни лавры не всегда достаются по заслугам...

Но все же для Артиста с большой буквы главное не это. Основная награда для него — аплодисменты зрителей и охапки цветов после удавшейся игры. Шахов продолжает выступать — теперь не на профессиональной, а на любительской сцене. И по-прежнему созданные им образы находят теплый отклик у зрителей, а каждый его жест — лаконичен и точен. Подтверждением тому — выступление Шахова на прошедшем недавно фестивале клоунады. Ведь это о нем сказал председатель жюри фестиваля А.М. Зайцев в своем интервью: «Его номера брали за душу, я как бы оказывался на его месте, переживал и смеялся вместе с ним».

Созданная, чтобы творить

С. Мацук.

Жаркий ослепительно-солнечный полдень июня 1972 года. Двери актового зала ДК УТОГ им. Луначарского, выходящие на улицу, настежь распахнуты.

И вся группа актеров Республиканского театра мимики и жеста «Радуга», изнывавшая от жары, расслабившись, полулежала в задних креслах зала, а в первых рядах располагался административный состав в ожидании начала конкурса на замещение актерской вакансии.

И вот на сцену вышла молоденькая девушка среднего роста с ладной, немного плотной фигурой. Огненно-рыжая густая копна выющихся волос обрамляла ее простое, милое лицо с огромными синими глазами. Она пустилась в стремительный пляс под ритмичную фонограмму, и в зале стало еще знойнее...

Так сразу, без всяких споров, вошла в труппу театра Светлана Мацук. Она — такая жизнерадостная, как бы не вошла, а ворвалась на сцену, чувствуя в себе полную уверенность и силу. И было видно невооруженным глазом, что девушка была хорошо подготовлена к работе в театре.

17-летняя Светлана Мацук, приехавшая в Киев из Минска, по праву считалась в столице Белоруссии лучшей танцовщицей среди глухих школьников, была победительницей смотров танцевальных кружков художественной самодеятельности.

Света с первых же шагов на профессиональной сцене облюбовала танцевальные партии в исполнении ведущей артистки театра — Лилии Ивановой, сравняться с которой в скорости и ритмичности исполнения танцев не мог никто.

Эти две артистки были очень похожи по темпераменту и впоследствии всегда дублировали друг друга на гастролях в танцевальных номерах.

Светлана имела остатки слуха, поэтому ей легче, чем другим, давались все танцевальные па, она практически никогда не сбивалась с такта и, если танец по ритму был сложным, Мацук ставили на первый план, чтобы остальным девушкам было легче ориентироваться и не сбиваться со счета. А еще Светлана отлично выступала в вокальных номерах — жестовом исполнении песен. Благодаря ее четкой артикуляции и точечной артистичной мимике все, что она «пела», было очень органично и выразительно, и поэтому ее не понять было невозможно.

Вспоминаю, как во время гастрольной поездки во Львов, после выступления «Радуги», в гримерную вошла признанная звезда сурдоперевода — Маргарита Петровна Матульская. Она осыпала Светлану такими комплиментами, что ее коллеги почувствовали себя «не в своей тарелке».

Светлана была безумно влюблена в свою работу и всегда работала над собой, тщательно отрабатывая каждое движение, каждый жест и взмах руки. И очень болезненно переживала, если что-то у нее на сцене выходило не так. Зритель не замечал промаха, но Света судила себя строго.

Для упорной, целеустремленной Мацук не существовало преград в сложных постановках. В ее театральной деятельности было много сольных вокальных и танцевальных партий, она исполняла главные роли в эстрадно-драматических спектаклях, однако не отказывалась и от подтанцовок.

К примеру, ее маленькая танцевальная сценка из юбилей-

ного спектакля «Ах юбилей, ух юбилей, ох юбилей!», где прославленный Александр Кушнirenко исполнял песню «Париж», а четыре девушки подтанцовывали, изображая сексуальных парижанок. При этом (да простит меня Саша — он, несомненно, блестяще «пел», не уступая Н. Караченцеву, исполнившему эту песню, которая гремела в 80-е годы), Мацук была настолько великолепна, что даже затмевала солиста.

Хороша была в ее исполнении и Эдна из спектакля «Чарли Чаплин». Светлана отлично «пела» и красиво танцевала в паре с В. Степкиным (В. Крицким) — исполнявшим роль Чарли, и с А. Василенко в роли графа.

В те годы представить Светлану Мацук вне театра было невозможно, и когда ей со временем пришлось распрощаться со сценой, из театра она не ушла, а стала заведовать костюмерным цехом театра «Радуга».

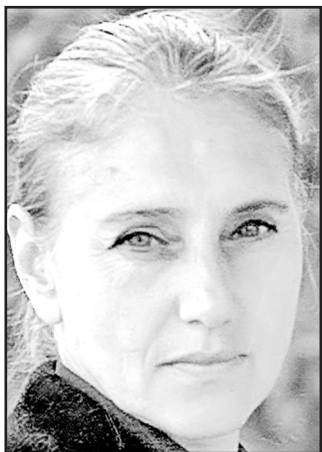
...Легкой походкой входила она в здание и проходила в свою комнату, где создавались наряды, в которых выступали на сцене ее друзья-артисты. Это невидимая зрителю, но такая важная и нужная работа. И работа очень трудоемкая — ведь к иным спектаклям и концертным выступлениям нужно подготовить не один десяток костюмов... Так же, как и в то время, когда блистала на сцене, Светлана продолжала работу над образом — теперь уже в ином качестве. Творчество продолжалось...

Сегодня судьба забросила ее далеко от нас, но и в дальнем зарубежье она так же, несмотря на все, с чем пришлось столкнуться и пережить, сохраняет легкую походку и светлый взгляд на жизнь и на людей...

Актриса Большого театра

*«Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг».*

В. БРЮСОВ.

Е. Стёпкина.

Этими волнующими поэтически-ми строчками хочется охарактеризовать творческую жизнь яркой и своеобразной женщины, актрисы театра мимики и жеста «Радуга» — Елены Георгиевны Стёпкиной. А иначе какими словами передать тот взрывной темперамент, самобытность и артистичность, которыми так щедро одарила природа Елену Георгиевну, а проще — Леночку. Энергия в ней бьет ключом даже сейчас, спустя годы. Посеребренная сединой и умудренная житейским опытом, она осталась все той же — актрисой до мозга костей, темпераментно-непредсказуемой и своеобразной женщиной — «с изюминкой», «с перчинкой».

Известный финский прозаик Матти Ларни говорил что, по его мнению, человеку при жизни не следует ставить памятник. Но Елена Георгиевна уже воздвигла себе нерукотворный памятник в культурной жизни Украинского общества глухих. Многогранен и разнообразен ее творческий потенциал. Она и танцовщица, и мим, и актриса, и клоунесса. Ее знают и любят

неслышащие зрители не только в Украине, но и за ее пределами.

А поскольку все мы родом из детства, то корни наших дарований и способностей следует искать именно там.

Родилась Лена 17 июля 1942 года в Черновцах. Слух потеряла в 5 лет после перенесенного менингита, и в результате этого долго не могла ходить. Девочка росла очень слабенькой и болезненной. А еще была ранимой и впечатлительной. Говорят — природа не терпит пустоты. И если у человека отнимается слух — он компенсируется какими-либо другими дарованиями и талантами. И, может быть, эта ранимость и тонкость натуры маленькой Леночки впоследствии сыграли решающую роль в раскрытии ее таланта характерной актрисы.

Училась Лена в Черновицкой спецшколе-интернате для глухих детей. Директором в то время был Валентин Дорофеевич Лозинский — глухой учитель истории и педагог от Бога. До сих пор помнит она тот день, когда ее впервые привела мама в школу. Там было много детей. Все они кривлялись и зачем-то махали руками. Ужас! Она вцепилась изо всех сил в мамину руку — и в рев. Ее успокаивали, уговаривали. Но когда директор школы В.Д. Лозинский взял ее за руку, чтобы показать класс, она вцепилась зубами в его указательный палец. Долго потом Лозинский вспоминал Лене этот случай. И еще помнит Лена свою классную руководительницу, преподававшую русский язык и литературу, добрую, но совершенно не знавшую жестового языка. Никак не могла она растолковать детям правила грамматики. Например: «прилетели птицы», «улетели птицы», «летают птицы». Все она показывала одним жестом — «летать». И глухим детям было невдомек, почему слово «летать» надо писать по-разному. Помог случай. Учительница заболела, и на уроке ее заменил В.Д. Лозинский. И тут он так популярно объяснил с помощью жестов, что такое «летать», «прилетать» и «улетать», что весь урок для Ле-

ны и ее одноклассников стал открытием слова и понятия. Вот так неслышащий учитель нес свет знаний глухим детям. До сих пор сердечно вспоминают о нем добрым словом все его воспитанники и те, кто просто общался с ним.

После окончания школы Лена пошла ученицей в ателье мод, но профессия портнихи ее совсем не привлекала, и Лена, поработав немного, поступила учиться в ЛВЦ ВОГ. Вот здесь, на уроках мастерства актера, впервые стали проявляться проблески ее таланта. Ей пророчили большое будущее и предлагали идти в Московский театр мимики и жеста. Мешало только одно — Лена плохо владела русским языком. Но, когда она узнала о том, что в Киеве открывается театр глухих, решила во что бы то ни стало поехать на конкурсный отбор. Директор театра И.А. Сапожников заметил талантливую конкурсантку и, узнав, что она учится в ЛВЦ, посоветовал ей перевестись на заочное отделение. Так она стала актрисой театра мимики и жеста «Радуга». Это было в 1969 году.

А спустя два года Лена вышла замуж за актера Василия Стёпкина, ставшего впоследствии заслуженным артистом Украины. Этот прекрасный актерский дуэт уже дожил до внуков.

Из-за своей стеснительности, Лена долгое время на сцене особо не отличалась. Даже сложилось мнение, что в театр она попала по ошибке. Но однажды произошел прорыв. Шла работа над постановкой спектакля «Клоп». А исполнительница главной роли — В. Топчий, как раз в это время ушла в декретный отпуск. Режиссер М.Е. Новосельский рвал и метал. Надо было срочно искать ей замену. И вот он предложил эту роль Лене, бывшей в то время «на вторых ролях». Она согласилась и... Успех был настолько ошеломляющий, что после спектакля растроганный режиссер поцеловал ей руку и попросил прощения за прошлые обиды.

Прошли годы. Лена стала высокопрофессиональной актри-

сой, востребованной в своем сценическом амплуа. Она много танцевала, играла в пантомиме и драме. Все понимали, что несмотря на глухоту, она та актриса, которой, в руках умелого режиссера, всё по плечу — от оратории до водевиля, что Степкина, несомненно, талантлива. Одаренная от природы хорошей сценической внешностью, длинноногая и эффектная, она невольно обращала на себя внимание режиссеров-постановщиков и балетмейстеров, работавших в разное время в театре.

— За большие деньги такие ножки надо показывать! — восклицала о Лене педагог-балетмейстер Т.А. Гарань, любуясь её ладной фигуркой и пластикой.

— Я знаю, что у Леночки в заглавнике обязательно найдется какой-то необыкновенный штрих к создаваемому образу, — улыбаясь, говорил о ней режиссер В. Лысюк.

— Характерная, темпераментная актриса, — с уважением отзывался о ней режиссер-постановщик В. Подберезкин.

А Лена была просто счастлива, увлекаясь самым творческим процессом работы над образом. С какой тщательностью и требовательностью подбирала она реквизит, экспериментировала, накладывая грим, добиваясь нужного «звучания» образа! Порой, не найдя подходящих, по её мнению, аксессуаров, Лена покупала эти вещи на свои деньги. Сохранились снимки того времени: вот Лена в образе поэтессы Семицветик из детской сказки «Приключения Незнайки и его друзей» (режиссер В. Максименко), в зеленом платье с большущими бантами на голове, сосредоточенно-серьёзно декламирует коротышкам Солнечного города свои стишки:

*«Я поймала комара, тара — тара — та — ра — ра.
Комаришку я люблю, трулюлюшки, тру — лю — лю».*

Незатейливый, сказочный сюжет спектакля о маленьких человечках Цветочного городка завораживал, переносил в счастливый мир детства, где добро всегда побеждает зло, вызы-

вал добрую улыбку на лицах зрителей. Этот спектакль, несомненно, был творческой удачей всего коллектива «Радуги».

А вот Лена в образе расфуфыренной мадам в «Женитьбе Бальзамина», мечтающей во что бы то ни стало «захомутать» щупленького, малорослого женишка (актер В. Шахов). Во время этой сценки в зале долго не утихал смех. Не зря «Женитьба» вошла в «золотой» фонд репертуара театра.

И ещё одна из наиболее удачных ролей Лены — вальж-ная, наглая атаманша из «Сказочного детектива» (режиссер-постановщик В. Подберезкин). На протяжении всего спектакля зал, как говорится, «стоял на ушах», бурно реагируя на происходящее. Дети кричали и топали ногами, всей душой болея за героев сказки.

Но особенно запомнилась зрителям её работа в спектакле «Жил в Багдаде Абу-Касым». В нём Лена играла небольшую эпизодическую роль. Но как играла! Она лепила характер создаваемого персонажа сочными, гротескными мазками, порой утрируя, низводя до пародии. Доходило до того, что вся актерская труппа, наблюдая за сценой из-за кулис, умирала от хохота. В то время Лена была уже в бальзаковском возрасте. Годы брали своё, а что может быть страшнее для актрисы, чем морщины и старость? Но она была одной из немногих исполнительниц, чей талант неподвластен времени, и он креп подобно алмазу в толще подземных руд, являя себя всё новыми и новыми, неожиданными гранями. В ней сочетался, казалось бы, несовместимый сплав сатиры и юмора, возвышенного и земного. Её творчество было чем-то созвучно с гением великой Фаины Раневской. Но она не была Раневской, она была самой собой, и создаваемые ею образы были настолько своеобразны и неповторимы, что их почти никому не удавалось скопировать. Это видели и понимали все, кому приходилось работать с ней на сцене.

— После Лены лучше уже никто не сделает! — говорили опытные актеры. Забегая вперед, скажем, что некоторые роли

«ушли» из репертуара театра вместе с ней, ушедшей «по сокращению штатов». Воссоздать их неповторимое звучание и юмор уже не смог никто. Это потом... А пока у Лены было всё необходимое для полного счастья — любимая работа, хорошая, дружная семья.

Но, как говорят классики, «ничто не вечно под луной». В 1992 году Лена была вынуждена оставить театр по возрасту. Остались в прошлом огни ramпы, репетиции и гастролы. Уход со сцены для актера всегда трагедия. Но Лена не унывала, по крайней мере, внешне. Перспектива доживать век в четырех стенах её совсем не устраивала.

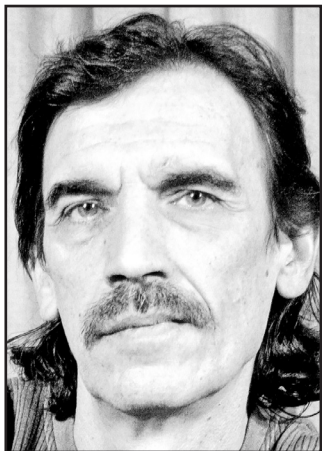
— Эх, пойду я в самодеятельность! — со свойственным ей юмором философствовала она за столом на дружеской вечеринке в КЦ.

— Что же мне — дачей заниматься? — горячилась дальше Лена. — Рассадку у меня куры разгребут, грядки собака потопчет и будет мне из этого ба-а-а-а-льшая дуля! Вот! — жестикулировала Лена, живописно изобразив кукиш. Слушатели стояли и сползали под стол от хохота, созерцая этот жестовый монолог. Это невозможно передать словами, это надо видеть. В этой сценке была вся Лена, с её умением смеяться над тем, что не смешно, сделать из трагедии — комедию. Смех сквозь слезы, юмор на грани отчаяния. Конечно, её тотчас же приняли руководителем в кружок «малых форм» КЦ УТОГ.

Пережив свою боль и возродившись, подобно птице Фениксу, «актриса большого театра» снова вернулась на театральные подмостки. Но это уже другая сцена и другая жизнь. А впрочем, разве это имеет какое-нибудь значение? Думаем, что нет. Все счастье в том, чтобы повторить. Как пела в свое время о себе Алла Пугачева:

*«Нельзя вернуть любовь и жизнь,
Но я артист, я повторяю».*

Незаменимый и неповторимый

В. Марущак.

1972 год был особенно «урожайным» на актеров, пополнивших творческую труппу театра «Радуга». В один из сентябрьских дней порог Дома культуры им. Луначарского переступил высокий, стройный, с накачанными бицепсами молодой парень. Смуглое, с правильными чертами лица, слегка выющиеся волосы цвета воронова крыла, пронзительные черные глаза — таким впервые увидели и запомнили в «Радуге» 18-летнего Валерия Марущака, приехавшего из Запорожья «покорять

столицу». Сидевшие в зале «на просмотре» актеры при его появлении замерли — новоявленный «Тарзан» покори́л всех с первого взгляда...

Однако вскоре выяснилось, что упрямый красавец Валерка ни в какую не поддавался уговорам режиссера спеть песенку или прочитав стих, наотрез отказываясь открывать свой белозубый рот. И рвался он не туда, где актеры работали над словесным жанром, а в спортивный зал, где создавались пластические этюды, шлифовались акробатические номера, отрабатывались эквилибр и жонглирование. И все ему здесь удавалось...

Если вспомнить выражение «Незаменимых людей нет, но есть неповторимые актеры!», то это в полной мере относится к Валерию, и другого такого в театре «Радуга» не будет никогда.

Глухой актер может научиться «петь», танцевать, читать

стихи, произносить текст в спектакле: у одного это получится лучше, у другого — хуже, и у многих — профессионально. А вот классический балет, эквилибр, акробатика, пластическая гимнастика глухим практически не под силу, и лишь считанные единицы могут, преодолевая сложности, овладеть этими точными, как математика, жанрами.

И такие актеры были в первоначальном составе театра: Г. Голота-Колотуша — эквилибр; Т. Круковская, Т. Лапиева, А. Василенко, В. Марущак — пластические этюды, каучук; Н. Бырлэдяну, Ю. Соколов, В. Кривенко, В. Марущак — акробатика. Их номера, которые ставили такие видные педагоги-постановщики, как Виктор и Римма Кувшиновы (лауреаты конкурсов эстрадного жанра), А. Маренков, А. Агешкин (заслуженные артисты Украины), ничем существенно не отличались от тех номеров, которые исполнялись слышащими актерами-профессионалами.

Валерий превосходно владел не только самыми сложными в сценическом направлении жанрами — жонглированием, эквилибром, фокусами, акробатикой, пластической гимнастикой, но и прекрасно освоил технику поддержек.

Я работала с ним в паре с самого начала работы в театре и до своего ухода. Наши номера практически не «старели» и, немного доработанные, переходили из одного спектакля в другой. Сложность работы в пластических этюдах заключается в том, что актеры должны научиться досконально владеть и управлять своим телом, постоянно держать себя в «форме». Всего один день тренировок пропустишь — и это уже чувствуется как зрителем, так и самим актером. Поэтому мы, случалось, до глубокого вечера не выходили из спортивного зала, где вместе с педагогами: Р. Кувшиновой, А. Агешкиным, Н. Рословым работали буквально до седьмого пота, не один раз сменяя тренировочные костюмы.

Сам процесс работы, несмотря на все трудности, был очень

интересным, по-настоящему творческим, и мы никогда не спешили поскорее закончить репетицию и уйти домой — работали с большим наслаждением. И как потом было приятно «прислушиваться», как болят-поют мышцы всего тела, хотя мы буквально с ног валились от усталости.

Валера, с виду очень несерьезный и рассеянный, на репетициях и во время выступлений совершенно преображался, чувствуя свою ответственность за партнершу, т.к. малейшая ошибка могла закончиться серьезной травмой. И, откровенно говоря, я никогда не боялась работать с ним, зная, что он вовремя подхватит, и если даже трюк сорвется, все равно жива останусь.

Благодаря замечательной пластике, Валера отлично смотрелся в танцах в стиле тропик (Испания, Аргентина, Куба) и джаз-балете — все движения у него получались естественными и непринужденными.

В спектаклях номера с участием Валерия Марущака были своего рода украшением представления. И очень жаль, что он не был полностью «раскручен» и реализован как актер драматического жанра. Истины ради стоит сказать, что М. Новосельским была задумана постановка «Бременских музыкантов», где Валере отводилась главная роль, но... режиссер распрощался с «Радугой», так и не осуществив свой замысел.

Она была в числе первых

Н. Крицкая.

В сегодняшнем театре «Радуга» при Культурном центре УТОГ на должности реквизитора трудится Надежда Васильевна Крицкая. Профессия эта скромная, незаметная, но совершенно необходимая в театре. К своим обязанностям Надежда относится добросовестно, с душой, поэтому ее любят и считаются с ней.

А в прошлом Надежда Васильевна — артистка. Она приехала в Киев в том далеком 1969 году из Западного региона Украины — г. Черновцы и, пройдя все конкурсные испытания, была зачислена в труппу Республиканского театра мимики и жеста «Радуга». Это был первый набор неслышащих актеров в новоиспеченный профессиональный театр.

Как и все театральные «первенцы», она сначала занималась всеми жанрами театрального искусства, но чуть позже, когда каждый из начинающих актеров начал «высвечиваться» в определенном жанре, у молодой Надежды, тогда еще носившей девичью фамилию, Ольшевская, проявились способности в разговорном жанре и вокале и она при разделе актеров по жанрам попала под руководство опытного сурдопереводчика и педагога по жестовому языку Натальи Васильевны Иванюшевой. Можно смело сказать, что в этом ей крупно повезло! Иванюшева умела работать со своими воспитанниками и если учесть, что Надежда была примерной и послушной ученицей, то скоро из нее «сотворили» хорошую ведущую театрализованных программ.

Надежда Васильевна родилась в Житомирской области, в небольшом городке Коростень. Школьные годы ее прошли в Черновицкой школе-интернате для глухих детей, где Надюша была активной участницей художественной самодеятельности не только при школе, но и в ДК областной организации УТОГ. Отсюда и ее артистические навыки.

В 1969 году, на зональном отборе кандидатур для будущего театра «Радуга», Ольшевская была замечена самим организатором театра Исааком Ароновичем Сапожниковым и приглашена на заключительный конкурс в г. Киев.

Ее дебют был особенно удачным и оставил неизгладимое впечатление у тогдашних зрителей, которые побывали на первой в истории театра «Радуга» постановке «Легенда о Радуге». Постановка М. Новосельского и Н. Морокина была разделена на два отделения, из которых вторая часть включала легкий жанр развлекательного характера. Вот это музыкальное представление, состоящее из различных, не связанных между собой по смыслу номеров и пришлось «склеивать» Н. Крицкой–Ольшевской в паре с В. Чайкиным. Задача не из легких, но с нею молодые актеры справились великолепно. Молодая, красивая, со сногшибательной обворожительной улыбкой, Надя вылетала на сцену и кокетливо обращалась с определенными вопросами к зрителям, а ответ, конечно, согласно сценарию, получала от Володи. Эти промежутки между эстрадными номерами были вроде своеобразных небольших сценок, делающих плавный перевод зрителей из одного номера в другой.

Благодаря помощи и поддержке таких известных специалистов жестовой речи, как Н.В. Иванюшева, А.И. Набоченко, Н.В. Кузнецова, Надежда Крикицкая довольно долгое время вела спектакли, как подобает профессионалу. Кроме того, она была задействована как в сценических, так и танцевальных номерах.

Проработав в театре на должности артистки 22 года, Надежда была вынуждена уйти со сцены, уступив свои ведущие партии более молодым актрисам. Конечно, ей было больно расставаться с любимой работой, в которую вкладывала всю душу, но, будучи по натуре гордой, она согласилась перейти в костюмерный цех, а затем и реквизитором.

Жизнь, предназначенная свыше

Т. Ланиева.

Маленькая Танюша очень любила балет и, на вопрос взрослых: «Кем будешь, когда вырастешь?», неизменно отвечала: «Балериной». Она имела все данные, необходимые для классической танцовщицы — природную гибкость и нужную структуру тела, высокий подъем ступней ног и отличный музыкальный слух. Девочку водили в кружок при хореографическом училище в г. Вологде (Россия), но... стать профессиональной балериной ей было не суждено. Однажды утром девочка про-

снулась... глухой. Ее целый год возили по клиникам в надежде вернуть слух, но, видимо, все было предназначено свыше...

Когда отец привез 8-летнюю Таню в специализированную школу для слабослышащих детей, девочка очень испугалась, увидев, как дети разговаривают между собой жестами. Она долго плакала и не хотела оставаться в школе. Дети быстро «окрестили» новенькую, дав ей жестовое имя «балерина». Ложась спать, Таня подкладывала под подушку пуанты и молилась в надежде, что наступит завтра и она снова будет слышать... Но наступало утро, и беззвучная жизнь продолжалась... Со временем душевные раны затянулись, и девочка постепенно ожила, освоилась в новой для нее среде.

После окончания школы Таня поступила в Ленинградский восстановительный центр ВОГ на факультет культурно-просветительной работы. Она легко училась, вела активную

общественную работу, занималась в секции спортивной гимнастики, участвовала в спортивных соревнованиях вместе со слышащей молодежью. За спортивные достижения ей присвоили 2 спортивный разряд, она была членом судейской коллегии ЛВЦ по плаванию. А еще она вела КВН и студенческие «огоньки». Но больше всего Таня любила танцевать, участвуя в областных и зональных конкурсах художественной самодеятельности ВОГ.

Как-то в город на Неве приехал Республиканский театр мимики и жеста «Радуга». Таня увидела на сцене то, что было близко ее сердцу, и встретила с тогдашним главным режиссером театра — М.Е. Новосельским, который пригласил девушку осенью на конкурс в Киев (дело было в июне 1971 года). Из 12 приехавших конкурсантов приняли только трех — Аню Петрову (Россия), Сашу Белова (Одесса) и Таню. Но она решила все же закончить обучение в ЛВЦ и полноценной артисткой стала лишь в мае 1972 года, после получения диплома специалиста культурно-просветительной работы.

В древний град Киев Татьяна Лапиева приехала 3 мая, когда город утопал в цветущих каштанах, а уже 5 числа ее взяли на гастроли по городам Украины, которые продолжались целых два месяца. За это время новенькая актриса выучила все танцы, которые были в репертуаре театра, получила «крещение» профессиональной сценой и к концу гастролей была задействована практически во всех постановках. А по возвращении в Киев балетмейстеры ставили номера специально для Татьяны, используя ее танцевальные способности и пластику тела. Но это только со стороны казалось, что ей все давалось без видимых усилий. Сама молодая артистка работала в поте лица и часто, когда все после репетиции уходило домой, она вместе со своими партнерами (а ими были: А. Василенко, В. Марущак, Б. Кривенко) оставалась в спортзале ДК им. Луначарского, на базе которого работал Республиканский театр

мимики и жеста «Радуга», и допоздна, до изнеможения, шлифовала каждый трюк, каждую поддержку, каждый танцевальный элемент. А едва добравшись до койки общежития, Татьяна буквально валилась с ног и засыпала мертвецким сном.

Была у нее фобия — страх высоты, которую удалось преодолеть благодаря стараниям опытных педагогов-балетмейстеров — Анатолия и Риммы Кувшиновых, Агешкина, Рослова, Таирова, которые научили ее во время поддержек владеть и управлять своим телом.

В репертуаре молодой артистки вскоре появились пластические этюды: «Встреча» (Т. Лапиева, А. Василенко), «Змея» (Т. Лапиева, Б. Кривенко), «Бой с тигром» (Т. Лапиева, А. Василенко — В. Марущак), «Трио Вакулапи» (А. Василенко, А. Кушниренко, Т. Лапиева), «Комета Галлея» (Т. Лапиева, А. Василенко — В. Марущак), «НЛО» (Т. Лапиева, А. Василенко, В. Марущак), «Весла» (Т. Лапиева, В. Марущак, Н. Бырлэдяну), «Заклинатель змей» (Т. Лапиева, В. Марущак), которые принесли большой успех, а Таня благодаря этому стала ведущей артисткой.

Необходимо отметить, что актеры сами участвовали в постановке своих номеров и имели право называться соавторами-постановщиками. У Лапиевой практически не было дублеров — в случае ее отсутствия, номер заменяли другим, что сказывалось на всей программе в целом. Ее номера, иногда с небольшими доработками, переходили из спектакля в спектакль и автоматически вошли в «золотой фонд» театра.

Особо выделялся этюд «Змея» (Т. Лапиева, Б. Кривенко). Нередко организаторы гастролей ставили условие, чтобы этот номер непременно был в программе.

Поскольку «Радуга» тогда работала в основном на массового зрителя под эгидой Государственной филармонии, то почти в каждом городе, где театр выступал на ведущих площадках, местные профессиональные слышащие артисты часто интере-

совались, действительно ли в этих красивых, сложных и высокопрофессиональных по исполнению номерах заняты глухие.

На гастролях в столице Латвии после спектакля с Татьяной встретился режиссер из ночного варьете, который предложил заключить договор на исполнение пластического этюда «Змея». Но Лапиева колебалась. Слух об этом предложении дошел до Новосельского, который сразу поставил молодую артистку перед выбором: или театр, или варьете. Все решил запрет Новосельского на использование вне театра костюма, без которого никак не выступишь.

А в Эстонии эксцентрическое трио «Вакулапи» (Т. Лапиева, А. Василенко, А. Кушниренко) и «Одарка и Карась» (П. Овчарова, В. Степкин) были показаны по телевидению, как рекламный ролик, что в те времена было большой редкостью.

Были у Татьяны и драматические роли. В психологическом шоу-спектакле Михаила Козакова «Горячие тротуары» (по мотивам «Вестсайдской истории») она сыграла сложную роль Сорванца — несовершеннолетней девочки-наркоманки, выброшенной на улицу и вошедшей в банду Рифа. Ее сольный джаз-балет на танцевальной площадке и молчаливая сцена с полицейским, которого играл С. Зайонц, вызывала у зрителей жалость и даже слезы.

Полной противоположностью Сорванцу была роль порхающей, легкомысленной Стрекозы в спектакле Григория Максимова «Незнайка и его друзья».

В сольных танцах артистка отличалась особой легкостью и гибкостью (до 35-летнего возраста вес артистки колебался в пределах 37—42 кг). Вспоминается и грациозное исполнение откровенного по тем временам танца «Павлины» (из спектакля «Путешествие в сказку»), в котором партнером Татьяны был В. Ивлев. Запомнился и наивный пингвиненок в танце «Пингвины», и сложная партия Хозяйки Медной горы в хореографической картине заслуженного деятеля культуры и искусства А. Таирова «Русские самоцветы», и одна из амбици-

озных барышень в шуточном танце «Соперницы», и итальянская «Тарантелла» в спектакле В. Ивахно «Леди и гангстеры». Отличный игровой номер с применением элементов оригинального жанра и акробатики был у Татьяны Лапиевой и в постановке В. Подберезкина «Сказочный детектив» — «Вакула и Черт», в котором она играла вместе с В. Марущаком.

Татьяну ценили не только как актрису, но и как профессионала, имеющего свой взгляд на вещи. К ее мнению прислушивались, она была членом художественного совета театра «Радуга».

В конце 1992 года артистка, будучи востребованной в работе и в расцвете творческих сил, уходит в декретный отпуск и возвращается в труппу после трехлетнего перерыва. К тому времени руководство театра почти полностью сменилось, труппа пополнилась молодыми актерами. «Радуга» тогда находилась в сложном положении. Татьяна не нашла поддержки руководства и оказалась «вне игры». Она упорно искала выход из создавшегося положения, ведь на руках у нее была маленькая дочка...

Однако через год в театре произошли кардинальные изменения. Реорганизация затронула весь его коллектив. Театр стал структурным подразделением Культурного центра УТОГ. Актерская труппа была полностью расформирована, а новый состав актеров набирался только через конкурсный отбор.

Татьяна, проработавшая в театре 25 лет, следуя правилу: «Актер, как спортсмен, должен появляться на арене вовремя и вовремя уйти», приняла решение расстаться с профессиональной сценой. Она переходит на работу в канцелярию ЦП УТОГ, где работает по сей день. Ответственная, быстрая и аккуратная в работе, она пользуется заслуженным авторитетом в коллективе аппарата ЦП УТОГ.

Татьяна Павловна принимает деятельное участие в работе первичной организации ЦП УТОГ, является активным членом Всеукраинского совета ветеранов УТОГ, входит в состав лекторов Культурного центра УТОГ.

Вершины творчества

Н. Зайонц.

В майские весенние дни, когда буйно цветут сирень и каштаны, отмечает свои дни рождения замечательный человек, обаятельная, нежная, красивая женщина — Нина Петровна Зайонц, отдавшая театру «Радуга» более сорока лет. Родилась Нина Петровна на Алтае, в семье служащих. Семья часто переезжала с места на место — отец Нины был председателем колхоза и «поднимал» отстающие хозяйства. И вот, наконец, семья осела в глухой деревушке на Горном Алтае. Кругом — тайга и перво-

зданная красота. Дорог не было, связь «держали» рекой Бией — дикой, горной, стремительной.

А каким событием было для деревенских жителей прибытие парохода! Его встречали всей деревней — и взрослые, и дети, в числе которых была и маленькая Нина. С этой рекой в жизни Нины Петровны связано многое. Река была открытием нового мира, она приносила радость, восторг. И вот, эта красивая, своенравная река стала причиной трагедии в жизни 5-летней девчушки. Вспоминает Н.П. Зайонц: «Весной, как только начался ледоход, вниз по реке плыли бревна. И в один из весенних дней, когда родители были на работе, мы с сестренкой побежали к реке и, подражая взрослым, попытались багром поймать плывущее бревно, однако удержать мы его не смогли. И я, боясь потерять багор, ухватилась за него — и очутилась в воде. Меня понесло течением. Сестренка бежала по

берегу, плакала и звала на помощь. И произошло чудо — работающие на пилораме репрессированные спасли меня и отвезли домой. У меня начался сильный жар, а ближайшая больница — очень далеко. Сначала меня на плоту переправили через реку, а потом самолетом — в Караганду. Пролежала я в больнице целый год, переболев менингитом. Врачи опасались за рассудок, и не заметили, что я потеряла слух».

Вот так с 5 лет Нина стала воспринимать мир по-другому... Начались годы учебы в школе-интернате для глухих детей. Учеба Нине давалась легко и из 8-го класса ее перевели сразу в десятый.

В 1967 году Нина с отличием закончила Барнаульскую школу-интернат для глухих детей. Все годы учебы она занималась спортом: баскетболом, волейболом, настольным теннисом, принимала участие в соревнованиях, где занимала призовые места.

Сразу после окончания школы она поступает в Ленинградский восстановительный центр на отделение «Культурно-просветительная работа». После окончания учебы ее направляют методистом в Челябинский дворец культуры глухих. Работа и коллектив были ей по душе. Здесь Нина начала серьезно заниматься в кружках художественной самодеятельности. По-прежнему она оставалась верна и спорту. В составе сборной Сибири заняла III место на первенстве СССР по баскетболу и, уже будучи артисткой театра «Радуга», в составе сборной Украины победила в первенстве СССР.

В Республиканский театр мимики и жеста «Радуга» Н.П. Зайонц была принята в 1972 году. Утром — репетиции в театре, вечером — тренировки в спорте. А еще — гастроли, соревнования... Она понимала, что и то, и другое требует много времени и большой отдачи сил. Необходимо было сделать выбор — спорт или театр. Нина выбрала театр.

Первые шаги на сцене были нелегкими. Молодая актриса

чувствовала себя неуверенно, робко, скованно. Начав, кроме основных репетиций, работать над собой, она уже через месяц «держалась» намного свободнее. И в этом, конечно же, большая заслуга главного режиссера театра М.Е. Новосельского и педагогов по художественному жесту: Н.В. Иванюшевой и А.И. Набоченко.

За время работы в театре Нина Петровна создала много ярких и интересных образов в разных спектаклях: «Возвращенная песня» (Стюардесса), «Оперетта, любовь моя» (студентка Вера), «Увы! и Ах!» (Пуркуа), «Моим землякам» (Земля), «Приключения Незнайки и его друзей» (Медуница), «Жил-был в Багдаде Абу-Касым» (Шахерезада), «Сказочный детектив» (Снежная Королева). Да всех спектаклей и ролей не перечесть — ведь их более 40!

Нина Петровна исполняла не только драматические роли, но и хореографические, иллюзионные номера, была ведущей концертных программ. Она была первой (вместе с актерами театра «Радуга» Т. Вуйчик, В. Степкиным и А. Кушниренко) исполнительницей Гимна УТОГ. Она — лауреат I Международного фестиваля глухих клоунов и II Международного фестиваля песни в жестовом исполнении «Сузорье — 96», обладатель многих призов и дипломов.

Вместе с театром Нина Петровна побывала на гастролях не только во многих областях Украины, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Она принимала участие во II Международном фольклорном фестивале глухих в г. Сантандер (Испания) и в культурной программе XII Всемирного конгресса глухих в Австрии, в гастрольных выступлениях в Германии и Болгарии.

В успехах коллектива есть частица таланта и души артистки драмы высшей категории Н.П. Зайонц. А за кадром остался ежедневный, невидимый, изнуряющий труд... Ведь сколько упорства, выдержки и терпения нужно проявить в оттачива-

нии каждого жеста, каждого движения, которые там — на сцене, кажутся такими легкими, изящными и понятными всем!

Человек творческий, ищущий, разносторонний, Нина Петровна не замыкается в рамках своей профессии. Она в 1991 году заочно закончила дефектологический факультет Киевского педагогического института имени М.А. Горького.

Все это: и опыт, и полученные знания, и умение передать их другим, способствовали тому, что после реорганизации театра Н.П. Зайонц нашла свое второе призвание — стала режиссером по технике жестового языка. Она — постановщик жестов в таком спектакле театра, как «Праздник джунглей», в песенном вернисаже «Время любить!», «Песенный вернисаж» и мн. др.

Не останавливаясь на достигнутом, она пробует себя и в хореографических постановках.

Люди, работающие с Н. П. Зайонц в одном коллективе, любят и уважают ее не только за высокие профессиональные качества. Она — душа нашего театра. К ней тянутся и опытные актеры, и молодежь, обращаясь за советом, помощью, дружеской поддержкой. И для каждого находит она самые нужные, важные, ценные слова.

А с 2004 по 2014 год Нина Петровна была заместителем директора Культурного центра УТОГ по театрально-зрелищной работе. Она — бессменный член художественного совета театра, член Объединения неслышащих педагогов, преподаватель жестовой речи на курсах ЦП УТОГ.

За многолетнюю и безупречную работу Нина Петровна Зайонц награждена многими Почетными грамотами президиума Киевской организации УТОГ, Культурного центра УТОГ. В 2004 году она удостоена звания «Заслуженный работник культуры Украины».

Превращение в прекрасного лебедя

О. Кираш.

Неизвестно, как бы сложилась театральная карьера Ольги Кираш (девичья фамилия — Ярошенко), если бы не случай...

...В конце 70-х годов, когда «Радуга» уже перешагивала все планки популярности на театральных подмостках, в театр вновь пришел режиссер-постановщик Николай Казаков, чтобы осуществить свой проект, который вынашивал довольно долго, пристально примериваясь ко многим профессиональным коллективам и, наконец, остановился на театре глухих актеров.

Этот проект был на шумевшим в те времена шоу-спектаклем с лирическим отступлением под названием «Горячие тротуары» по мотивам «Вестсайдской истории» Артура Лоренса

Как и в любом другом театре, в «Радуге» все роли распределялись «за кулисами» по своим принципам, но Казаков — натура неординарная и, получив в руки готовый список актеров на роли, решил сделать все по-своему — назначил пробные испытания.

В первую очередь его конечно, волновали будущие исполнители главных ролей — Тони и Марии. Именно на них ложилось все сквозное действие спектакля.

На роль Марии по списку были утверждены Лиля Иванова и Наташа Пасичник.

Видимо, у Казакова возникли сомнения, и он начал пробу именно с них.

На сцене моментально смонтировали «ложе» Марии. Предлагаемые обстоятельства — Мария глубокой ночью возвращается после первого свидания с Тони и ложится в постель... Вот это-то и надо было обыграть девочкам.

На сцену вызвали Иванову. Признанная прима Лилечка действовала уверенно (Еще бы! Обладательницы такой внешности всегда и везде себя чувствуют как рыба в воде!).

Когда Иванова дошла до того момента, где требовалось изобразить чувства на «ложе», в зале среди актеров прокатился смешок. Лиля не могла его слышать и продолжала играть, как ни в чем не бывало. Смешки перешли в дружный хохот.

Казаков сидел с хмурым лицом, опустив голову.

Лилия закончила сцену. Режиссер поблагодарил ее и отпустил в зал.

«Следующая!» — произнес Казаков. Наташа Пасичник от пробы отказалась.

Режиссер повернулся в зал лицом и начал «шарить» своими сверлящими глазами по актерам, выискивая «жертву». Внезапно его взгляд остановился на сидевшей вдалеке молоденькой артистке, которая исподтишка щелкала семечки.

«А это кто? — раздался его резкий голос. — Прошу на сцену».

Оля Ярошенко вскочила, смущенно переминаясь с ноги на ногу, и обреченно поплелась на «эшафот». Актеры с жалостью смотрели на нее: «Ну, обязательно сорвется!» Ярошенко взобралась на сцену и... исчезла за кулисой. Зал замер: «Сбежала!»

Но через пару минут Оля вышла на сцену и с гордой осанкой, плавно и очень медленно подошла к «ложе», грациозно опустилась на колени спиной к залу и провела руками по лицу. Затем она прилегла, положив ладони под щечку. Но переполнявшее ее волнение не давало покоя — девушка перевер-

нулась на спину, широко раскинув руки, затем скрестила их на груди, а взгляд ее как бы блуждал в пространстве, и на лице скользила едва заметная блаженная улыбка.

Во время этой сцены, длившейся 5—7 минут, в зале стояла гробовая тишина.

В этой тишине девушка встала и подошла к краю сцены... Теперь это вновь была робкая и неприметная Оля Ярошенко. Она со страхом смотрела на постановщика и ждала его оценки.

Выдержав паузу, Казаков хлопнул в ладоши, вскочил и произнес: «Все свободны. Остаются Тони и Мария».

А ровно через 2 месяца, превратясь «из утенка в прекрасного лебедя», Ольга Ярошенко дебютировала на сцене ДК авиазавода в образе Марии.

В ее исполнении это — нежный поэтический образ, само обаяние и неповторимость. Изысканностью игры в «Горящих тротуарах» Ярошенко напоминала знаменитую балерину Майю Плисецкую — тот же профиль, та же лебединая шея, классическая походка.

Этот образ, несомненно, шедевр, который потянул за собой шлейф удач и успехов в театральной деятельности артистки.

...Прошло много лет. За спиной Ольги Николаевны Кираш (Ярошенко) множество ролей — больших и маленьких. Это сольные и массовые танцевальные партии, пластические этюды, вокальные сценки. Вспомним темпераментную Кармен в одноименной постановке В. Корнияки; сексуальную, обольстительную Гитель в «Философии любви» (постановка Д. Гончаренко); наивную Заиньку в «Незнайке и его друзьях» (Г. Максименко); величественную Фею в «Добром принце Рикке» (В. Гончаренко). А в детском спектакле «Дюймовочка» (В. Гончаренко) Ольга Кираш раскрыла себя еще в одном жанре — милая, добрая Мышка в ее исполнении «вязала» изумительные фокусы.

Артистка обладает прекрасной пластикой тела и высокой тех-

ником исполнения танца. Знаменитые «Танго» в паре с А. Мягких, «Буковинский» с А. Кушниренко, «Встреча» с В. Марущаком входят во все концертные программы театра «Радуга» при Культурном центре УТОГ и являются «жемчужинами» его золотого фонда.

За талант и исполнительское мастерство Ольга Николаевна Кираш не раз отмечалась наградами Министерства труда и социальной политики, грамотами ЦП УТОГ, а в 1999 году была удостоена высокого звания «Заслуженной артистки Украины».

Ее прекрасные выступления видели не только украинские зрители. Ольга Кираш — участница всех гастрольных поездок театра в Испанию, Австрию, Германию, Болгарию. Она обладательница Гран-при на I Международном конкурсе танца среди глухих в Сарагосе (Испания, 1997 г.).

Жизнь продолжается, и пусть, как и прежде, дорогая наша Олечка, Ольга Николаевна, дорога Ваша будет усеяна лаврами и лепестками роз!

Главное в нем — преданность сцене

М. Пилипенко.

Михаил Михайлович Пилипенко — человек очень скромный, не любит быть «на виду». Для профессионального актера это качество кажется несвойственным. Тем более, что есть в его биографии факты, заслуживающие внимания и восхищения.

Родился Михаил Михайлович недалеко от Киева, в селе Глеваха, в семье военнослужащего. У них был свой добротный дом с большим участком земли, домашняя живность. Вела все это хозяйство мать, а маленький Миша, который был от рождения глухим, с удовольствием помогал ей.

Он и сейчас прекрасно «ладит» с землей, выезжая на свою дачу. К нему всегда можно обратиться за дельным советом в ведении хозяйства.

Школьные годы мальчика прошли в спецшколе-интернате № 6 для глухих детей, которая тогда находилась по ул. Артема, 43.

Миша учился прилежно, а в свободное от уроков время пропадал в драмкружке. Это была его отдушина, которая сказалась на всей его жизни.

Получив после окончания учебы не только 8 классов образования, но и профессию столяра, Михаил стал работать на

ДОК № 3 на Подоле по своей специальности. По вечерам посещал школу рабочей молодежи.

Несмотря на то, что работа и учеба занимали много времени, Михаил находил время для участия в театральном кружке Киевского ДК им. Луначарского, где играл в постановках НСТ («За двумя зайцами» М. Старицкого, «На рассвете» Б. Плотникова и других).

В 1967 году, на заключительном фестивале самодеятельного искусства, Михаилу Пилипенко вручили бронзовую медаль за самую интересную танцевальную композицию.

Благодаря этой награде, в 1969 году Пилипенко был вне конкурса зачислен в труппу новообразованного Республиканского театра мимики и жеста «Радуга», где и блистал на сцене уже как профессиональный актер.

Аккуратный и исполнительный, он точно выполнял все указания режиссеров-постановщиков, создавая прекрасные хореографические и пантомимические образы.

Хореографы настолько доверяли Пилипенко, что могли практически без подготовки ставить его в любую танцевальную сюиту.

Был такой случай. Заболел А. Василенко, исполнявший партию Лукаша (спектакль «Лесная песня»). Роль довольно большая и сложная, но Михаил за одну репетицию освоил партию Лукаша не хуже своего коллеги, бывшего в то время ведущим актером театра.

Пилипенко неплохо владел сценическими поддержками, которые были под силу единицам из актерского состава.

Обладая чувством ритма и прекрасно владея техникой танца, самые интересные и удачные творческие работы он создал в образах Красавчика в спектакле «Леди и гангстеры» и Тигра в «Горячих тротуарах».

После реорганизации театра «Радуга» в 1997 году, Михаил Пилипенко не прощается со ставшим родным коллективом,

а переходит на должность машиниста сцены, одновременно участвуя в постановках Киевского НСТ в качестве актера-любителя.

Вот так школьное увлечение стало делом всей жизни. В театре встретил Михаил и свою судьбу. Вместе с артисткой Аллой Лейбиной они воспитали прекрасного сына Андрея, а сейчас радуются внучке Кристине.

Увлеченный сценой

И. Лисовой.

Иван Лисовой — в прошлом актер профессионального театра мимики и жеста «Радуга» УТОГ, гротесковый образ и клоунада которого покоряли сердца любителей эстрадного искусства. Его, как актера-профессионала, хорошо помнит старшее и среднее поколение членов УТОГ.

Созданные Иваном Лисовым яркие образы остались не только в памяти благодарных зрителей и на фото, но и также в поэтическом творчестве. В начале 70-х годов о нем была написана эпиграмма, принадлежащая перу председателя ЦП УТОГ Ю.П. Максименко (она вошла в его сборник «Запомните нас веселыми»):

*Любитель дам, любитель публики,
Пред вами никнет головой
Заслуженный артист республики
Бесценный Ваня Лисовой.*

Конечно, звание «заслуженный» упомянуто в этой эпиграмме ради шутки — ведь в те годы, когда театр только накапливал силы и опыт, никто даже подумать не мог, что глухие актеры смогут иметь такое почетное звание. Впрочем, в народе его так и называли — «заслуженный артист Ваня Лисовой», конечно, в шутку, но с серьезным намеком и любя.

Незаурядный комедийный дар Лисового проявлялся не только в театральных постановках, но и в играх КВН.

Сегодня Иван Лисовой — энтузиаст художественной самодеятельности. Он по-прежнему веселит и развлекает публику, играет в хореографических постановках. Редко какое мероприятие проходит без его участия.

Сцена — самое главное его увлечение и отдушина, без которой Лисовой не мыслит жизни.

А начиналось все в далекой от театральной рампы обстановке — в херсонской степи, где в селе Новогригорьевка 17 февраля 1949 года, в крестьянской семье появился на свет Божий мальчик, которого нарекли простым именем Иван.

Родители Вани были глухими и, зорко наблюдая за реакцией своего маленького сына на звуки, втайне лелеяли надежду, что их ребенок будет слышать. Однако их мечтам не суждено было сбыться... Но, несмотря на абсолютную глухоту, Ивасик рос живым и смышленным. Он был общительным мальчишкой, не чуждался соседских ребятишек, добившись того, что детвора приняла его в свою компанию, и пытался даже быть среди сверстников заводилой.

Маленький сельский клуб находился в 3 километрах от дома Лисовых. Мать часто брала с собой сына на просмотр кинофильмов. Эти культмероприятия стали для Ивасика настоящим праздником. Он вприпрыжку бежал вслед за мамой, легко преодолевая неблизкий путь.

Однажды в клубе крутили киноленту «Молодая гвардия», где в одном эпизоде Люба Шевцова (артистка Инна Макарова) лихо отплясывала чечетку перед немцами. Этот танец запал в душу мальчику. Не раз, оставшись дома один, Ивасик пытался повторить запомнившиеся танцевальные движения... Еще большее впечатление произвели на него такие фильмы как «Я буду танцевать» и «В мире танцев» с участием известного танцора Махмуда Эсамбаева. С тех пор мальчик потерял покой и сон. Он буквально грезил танцами.

Шли годы. Ваня рос, не оставляя лелеять свою заветную меч-

ту. Когда его отдали учиться в Запорожскую школу-интернат для глухих детей, а затем перевели в Днепропетровскую спецшколу, он не особенно налегал на грамматику и математику — его больше влекла школьная сцена. Он с большой радостью участвовал во всех спектаклях, создаваемых на основе сказок, пытаясь самостоятельно найти изюминку в каждом образе сказочного героя, и это ему удавалось. Дети от души смеялись от одного только вида Ванюши, удачно загримированного и наряженного в театральный костюм. В старших классах Иван участвовал в постановке спектакля «Голый король».

Его способности к лицедейству замечают учителя. Его хвалят на школьных линейках и награждают грамотами, но Иван больше всего радуется аплодисментам своих товарищей.

И вот в 1966 году в город на Днестре приехал на гастроли ансамбль танца Махмуда Эсамбаева. Увидев на афишах знакомый портрет танцовщика с мировым именем, Иван Лисовой чудом попал на концерт, т.к. билеты достать было практически невозможно, а затем встретился за кулисами со своим кумиром. Получив заветный автограф знаменитого Махмуда, Иван впоследствии беспрепятственно посещал его последующие гастрольные концерты.

Знаменитый танцовщик хорошо запомнил глухого украинского парня. Когда Лисовой, будучи уже взрослым, осмелился пригласить звезду танцев народов мира на I Международный фестиваль клоунады глухих, который проходил в Киеве в 1993 году и в котором он принимал участие, Эсамбаев не оставил приглашение без ответа, прислав официальную поздравительную телеграмму, которая зачитывалась на гала-концерте фестиваля.

Но тогда, в школьные годы, Иван не мог даже мечтать об этом. Как-то в Днепропетровскую школу для глухих приехала труппа актеров Московского театра мимики и жеста. Дети впервые увидели в исполнении профессиональных неслыша-

щих актеров спектакль «Заводские ребята». Так Ваня узнал, что и для глухих открыта дорога на профессиональную сцену, и начал всерьез мечтать о профессии актера...

Однако путь на театральные подмостки был не так прост. После школы Лисовой пошел работать на Днепропетровское УПП УТОГ. Днем он трудился за шлифовальным станком, а вечерами пропадал в ДК УТОГ, где активно участвовал в художественной самодеятельности.

Когда в связи с созданием театра мимики и жеста «Радуга» по Украине стала разъезжать комиссия во главе с И.А. Сапожниковым, выискивая талантливых самодеятельных артистов, Лисовой предстал перед этой комиссией в образе умалишенного. Причем он сыграл его так убедительно, что входившие в состав комиссии И.А. Сапожников и М.П. Матульская не решились сразу зачислить Ивана в труппу театра (а вдруг он и на самом деле «того»...) и предложили ему дополнительно пройти еще один тур.

Во Львове, где проходил второй тур, перед знакомой комиссией он предстал в образе «подвыпившего дядька». Закончен номер, а в жюри — тишина... Наконец, отважилась сказать слово Матульская: «А может, это талант?!». И комиссия дружно вынесла вердикт — зачислить. Так осуществилась заветная мечта Ивана Лисового.

... Жизнь профессионального актера — нелегкий, изнурительный труд: уроки классического и народного танца, акробатики, оригинального жанра, пантомимы, жестового пения, продолжительные часы мастерства актера и репетиции, репетиции, репетиции. И, наконец, премьеры и гастроли, где весь невидимый миру труд возмещается радостью встречи со зрителем.

На сцене Лисовой проявил себя как характерный актер, которому хорошо удаются соответствующие роли — большие и не очень. Вот изящный, интеллигентный Гусейн Гуслия из спектакля «Жил в Багдаде Абу-Касым»; мудрейший му-

дрец из «Сказки о золотом петушке»; услужливый лакей из «Зримых ритмов»; до слез смешной старичок-генерал из музыкальной композиции «Песенка о капрале»; жалкий Пьеро из «Арлекино»; ловелас Баян из «Клопа»; пьянчужка кум из «Ночи перед Рождеством» и много других, удачно созданных Лисовым образов. Но самый коронный из них — Попович из танцевальносюжетной композиции «Хивря и Попович». Вместе с красавицей Хиврей (артистка М. Снисарь) Лисовому удалось достичь такого высокого уровня исполнения, что повторить Поповича — Лисового, уже никто не смог.

В 1975 году Ивана Лисового приглашают на киностудию имени А. Довженко, съемочная группа которой снимала в Одессе фильм «О загадках смеха и...» — о знаменитом Дне смеха. В этой работе Лисовой предстает в образе Пьеро — и по праву становится в один ряд со знаменитым Евгением Евстигнеевым.

При этом надо отметить, что характер у Лисового — отнюдь не сахар. В работе своенравный Иван часто упорно отстаивал свою точку зрения. Учитывая незаурядные актерские данные Лисового, ему шли на уступки, но однажды он ушел со сцены и... не вернулся.

Но со временем, не выдержав серой будничной жизни и переборов гордость, Лисовой вновь вернулся на сцену, но уже в художественную самодеятельность при КЦ УТОГ. И опять он добивается успеха в привычном для себя амплуа и получает главный приз за лучшую мужскую роль (Поповича) на Международном фестивале художественной самодеятельности в г. Вильнюсе (Литва).

А вне сцены Иван Иванович Лисовой — серьезный женатый человек, хозяин дома, отец двух взрослых дочерей и дедушка троих внуков.

Пожелаем же этому поистине увлеченному сценой человеку новых ярких образов и аплодисментов, аплодисментов, аплодисментов!

По наклонной вверх

Е. Каплан.

С завистью гляжу на стройную, почти девичью фигуру Елены Евсеевны Каплан, и в моей памяти всплывают «картинки из прошлого».

...Мы сидим с ней друг напротив друга на казенных койках в 60-й комнате общежития по ул. Кустанайской. На старом круглом столе, покрытом простенькой клеенкой, стоит маленький переносной телевизор (в то время — большой дефицит). Мы смотрим передачи и ведем долгие ночные разговоры о жизни — с Еленой было интересно поговорить, она

всегда имела свое мнение и называла вещи своими именами. Медленно отпивая из маленькой чашечки крепкий ароматный кофе, она смотрела, как я уплетаю очередную тарелку любимого салата «Оливье», а затем еще с аппетитом съедаю пирожки с капустой, купленные в армейской столовой возле ДК им. Луначарского, запивая их чаем из большой кружки.

— Счастливая ты, Лапка, ешь и не толстеешь.

— А ты угощайся, — дразнила я ее.

— Нее, — мотала она головой.

Лена боялась съесть больше нормы, чтобы не набрать лишний вес к своей ладной, но чуть полноватой фигурке.

Она пришла в наш театр безо всякого конкурса, прямо со школьной скамьи, причем вела себя очень тихо, — может, рассчитывала, что «тише едешь, дальше будешь»... Но в профессиональном театре такое поведение не одобряется, поэтому

Лене в нашем коллективе среди актеров, уже знавших себе цену и возомнивших себя звездами, вначале было не комфортно.

Ее дебют как профессиональной актрисы состоялся в роли Екатерины II в спектакле «Золотые россыпи» (постановка М. Новосельского). Невысокого роста, сильно загримированная, с высоким париком и в платье голубого цвета со множеством нижних юбок, Леночка действительно смахивала на портрет великой императрицы и смотрелась очень даже неплохо. Она была задействована и в танцевальных сюитах, но... Почему-то у нее не ладились отношения с хореографами, появились проблемы, и Лена вынуждена была уйти из театра.

Вынести такой удар не каждому под силу, но Лена держалась бодро и виду не подавала, насколько ей тяжело. Уходя на работу ни свет ни заря (она устроилась на КОПО «Контакт» рабочей) и возвращаясь после смены в общежитие, где мы, бесшабашные актеры, жили без подобных проблем и забот, Лена, глядя на наши счастливые лица, продолжала мечтать о сцене. Вечерами она пропадала в кружке художественной самодетельности, где в ней души не чаяли и, без преувеличения, носили на руках.

Однажды я предложила ей попытать счастья в Московском театре мимики и жеста — в тот год как раз был набор студентов в студию при Театральном училище им. Б.В. Щукина. Она согласилась, а я поехала с ней для поддержки. Оказалось, что мы опоздали на первый тур. Пользуясь «шапочным» знакомством со Знамеровским — тогдашним главным режиссером Московского театра мимики и жеста, нам удалось уговорить сделать исключение для Лены. «Смотрины» устроили прямо в фойе на глазах московских знаменитостей. Актеры, выходящие из «Щуки», пристально разглядывали нас. Я волновалась за Лену, но она, молодец, выдержала все эти испытывающие взгляды. Выйдя в центр фойе, Каплан превосходно исполнила партию Одарки из «Запорожца за Дунаем», прочла стих и

станцевала. Московские «звезды» переглядывались, молчал и Знамеровский. После некоторых раздумий он пригласил Елену на 2 тур.

Мы разъехались по домам (была середина июля, в «Радуге» — каникулы). Приезжаю после отпуска и, к своему удивлению, узнаю, что Каплан «пролетела»... А ведь я уже представляла Лену студенткой знаменитой «Щуки». В чем было дело — сказать трудно.

Прошло время. Лена долго не появлялась в общежитии — она вышла замуж и жила у мужа (у Елены прекрасный любящий супруг Виктор, который почти 10 лет проработал заведующим осветительным цехом в театре «Радуга»).

Но однажды пришла и сказала: «А знаешь, Лапка, в «Радугу» я непременно вернусь!»... И действительно вернулась.

Теперь она словно переродилась. От ее простоватости не осталось и следа. Видимо, «пройдя огонь и воду», она поняла, что в этой жизни ягненком быть нельзя. В каком-то бешеном темпе, будто пытаясь наверстать упущенное, она работала над собой в поиске сценического имиджа, бралась за все роли. Часто Елена появлялась и в спортзале, где шла работа над пластическими этюдами, оригинальным жанром, танцевальноакробатическими постановками. В коротких перерывах я делала растяжки (даже природную гибкость легко потерять, если не тренироваться, тем более, что с каждым годом мы становились взрослее) и краем глаза наблюдала, как Лена «мучила» себя, пытаясь сесть на шпагат, а когда это ей удавалось, лицо ее светилось.

Ее по-прежнему не очень-то баловали ролями, но вскоре все изменилось. Видимо, фортуна, не устояв перед ее упорством, наконецто повернулась к ней лицом. Ушел из театра Новосельский, поменялись хореографы. Лену ставили во все танцевальные номера, она очень старалась, похудела, и ...ее «звездочка» взошла и по-настоящему засияла.

Я хорошо помню, как Каплан какое-то время подолгу стала «исчезать» за дверью танцевального зала вместе с актером Александром Кушниренко, режиссером-постановщиком Григорием Максименко, педагогом по мимике и жесту Надеждой Кузнецовой и дикторами-вокалистами, видимо, готовя сюрприз. Нас «сжигало» любопытство, но подсмотреть никто не решался. И вот, когда номер был готов, его показали нам во всей красе. На слабо освещенной сцене (свет появлялся постепенно) стояли порознь Каплан и Кушниренко. Лена была на высоких каблуках, в черном облегающем платье, с шифоновым шарфиком на шее, который развевался от легкого дуновения.

*«...За рекой струится синий вечер
И печаль нам укрывает плечи,
Потому, что этот вечер без тебя...»*

Они «пели» лирическую песню «Чай вдвоем». Естественность и душевность, необычная сквозная интеллигентность — это то, что Лена «уловила» у постановщика и безукоризненно передала в своем исполнении. К сожалению, этот красивый номер недолго продержался в репертуаре театра...

Дальше дела у Каплан быстро пошли «по наклонной вверх». Она получила ведущую роль Синеглазки в спектакле Г. Максименко «Незнайка и его друзья». Затем последовала шоу-программа «Оп-ля, или Секрет музыкальной шкатулки» А. Шуб, где Елена превосходно исполнила роль клоуна Клепы. Надо отдать должное — она к любой роли относилась серьезно, с полной отдачей, и уверенно одолевая все новые и новые ступени профессионального мастерства, не останавливалась ни перед чем и ни перед кем. В танцах она — похудевшая и постройневшая — перешла со второго плана на первый.

Была у Каплан интересная и видная роль Пестициллы — мамы Тони (арт. А. Мягких) в спектакле А. Ивахно «Леди и

гангстеры». Нельзя не отметить и ее яркий сценический образ последних лет — это Гитель (бывшая балерина) из психологической драмы Д. Гончаренко «Философия любви», гламурная женщина, вопреки тяжелой болезни жаждущая любви. Пара Каплан — Мягих в этом спектакле неотразима.

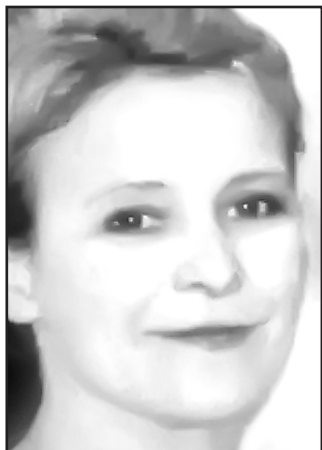
Елена — артистка разноплановая и характерная, за все годы работы в театре она сыграла около 30 ролей, не говоря о массовках. Имеет множество похвал и наград в том числе и самую высокую — в 2000 году за мастерство и большой вклад в развитие профессионального театра «Радуга» ей было присвоено звание «Заслуженная артистка Украины».

В настоящее время Елена Евсеевна не только играет во всех постановках на сцене КЦ УТОГ, но и передает свой опыт новичкам из самодеятельного коллектива. А опыт ее — уникален. Ведь этой невысокой женщине с большими выразительными глазами многое пришлось пережить, многим пожертвовать ради счастья выходить на сцену и творить.

Изюминка по имени ЛИЛЯ

Из биографии:

Лилия Афанасьевна Иванова — коренная киевлянка, родилась 28 февраля 1942 г., окончила школу-интернат № 6 для глухих детей, в прошлом — отличная спортсменка, входившая в сборную Киева по баскетболу, волейболу, легкой атлетике и настольному теннису.

Л. Иванова.

70-е годы прошлого столетия. Мы гастролировали в Черкассах уже неделю и на завтра ожидали выходной (рабочая монтажная группа должна была подготовиться к переезду в Ровно) с чувством предвкушения отдыха. Но поздно вечером обстоятельства изменились — администратор З. Ратнер объявил, что завтра выезжаем в Корсунь-Шевченковский на дополнительный спектакль по договору.

С утра нас поджидал новенький «Икарус» с молодым симпатичным шофером, с интересом наблюдавшим за «необычными» артистами, то есть за нами. Вся труппа нехотя залезала в автобус и лениво занимала места в салоне. Я села у окна, а Лиля — у прохода (мы всегда сидели вместе). Автобус плавно тронулся. Спустя некоторое время Лиля встала и пошла к кабине шофера, откинула складное кресло и спокойно села, устремив свой взор вдаль на почти пустынную дорогу. Вдруг автобус сделал

небольшой «зигзаг» — видимо, шофер увидел Лилию и не удержал руль...

«Ольга Семеновна, отправьте Лилию на свое место! — с хохотом закричали музыканты, сидевшие в последних рядах. — А то угробит всех!». Милявская сделала Лиле замечание. Она послушно встала и, мило улыбаясь, вернулась на свое место. А после спектакля наш шофер поджидал Лилечку с огромной охапкой полевых цветов...

Несомненно, Лилия Иванова производила какое-то магическое воздействие на мужчин, словно завораживала их. Да, конечно, не заметить такую красавицу было просто невозможно. Она была самая, ну что ни есть, обаятельная и привлекательная в театре на тот день. Если мы все, сидя в гримерной перед зеркалом, целый час до начала представления наводили красоту, то Лиле для этой процедуры хватало 5—7 минут. Она забегала в гримерку как бы между прочим, вытаскивала из косметички помаду, едва прикасалась тюбиком к щекам, растирала равномерно пальцем пятнышки, придавая щекам румянец, а потом подкрашивала губы — вот и все. А выглядела всегда безупречно! (Ну куда уж голливудским, да и нашим украинским красавицам, подкорректировавшим до неузнаваемости свой облик, до тогдашней Лили Ивановой с ее естественными чертами!). Лилечка в театре появилась с первых же дней его существования (грешным делом думаю, что не мог же сам Сапожников устоять перед такой природной красотой) и сразу заняла ведущую позицию на сцене. Она прекрасно знала, чего стоит ее персона, но вела себя проще простого — никакого зазнайства! И еще у нее было полное отсутствие зависти (попробуйте сейчас встретить такого человека)!

Если честно, то с дисциплиной у Лили всегда были «проколы», но если за это другим и попадало, то ей прощалось все. Она никогда не стремилась к лидерству и не держала секретов своего мастерства исполнения, всегда готова была помочь

новичку-актеру (между прочим, не все были такими доброжелательными) овладеть тем или иным движением в танце, а танцевала она... ого, как! По скорости и темпераменту исполнения ей не было равных! Ну, кто из старшего поколения не помнит ее Земфиру в «Цыганской композиции» — инсценировке по «Цыганам» А.С. Пушкина в спектакле «Голоса сердец». Ее партнером первоначально был Иван Осипов — настоящий цыган по национальности, но и он чуть ли не проигрывал ей в этом по-настоящему головокружительном вихре танца. Лиля буквально зажигала и как бы завораживала весь зал.

К ней, как и ко всем, приставляли дублеров, но это была простая формальность — на самом деле не было никого, кто смог бы тягаться с ней, а если уж и бывали случаи замены (при ее отсутствии), то они сильно проигрывали. Лиля была характерной артисткой и, безусловно, ведущей танцовщицей театра «Радуга», олицетворяющего все формы театрального искусства. Помимо танца, она владела как элементами иллюзионного жанра, так и азами сценической пантомимы, была занята и в словесных сценках, но, повторяю, ее «фирменные» сюжетные искрометные танцевальные номера были неподражаемы — «Гарбузы» (Молодуха), «Арлекино» (Коломбина), «Витязь в тигровой шкуре» (Нестан-Дареджан).

Лиля была настоящей изюминкой и, я бы сказала, создавала шедевры танцевального жанра. Она, бесспорно, выделялась на общем фоне многочисленной труппы актеров не только своей внешностью, но и мастерством своеобразной игры и манерой исполнения, чувствуя себя на сцене довольно вольготно, умело «выходила» из сценических непредвиденных помарок. Балетмейстерам с ней работать было легко — природа наделила Лилю, кроме таланта, еще терпеливостью и покладистостью.

Был в нашем репертуаре экстравагантный номер «В старом кафе». «Картинка из далеких дней — рассказ прабабушки мо-

ей. В одно кафе прадед зашел и в нем прабабушку нашел» — медленно, выделяя каждое слово, произносила А. Мизгирева. И тут на сцену, в противовес спокойной по темпераменту ведущей, грациозно буквально «вылетала» в танцевальных «па» официантка — Лиля. Непринужденно размахивая в воздухе красивой щеточкой, она смахивала «крошки» с миниатюрного столика, подставляла стульчик и порхала по сцене, то есть, танцевала, пока не появлялся Саша Кушниренко — джентльмен, а затем по сюжету шли фокусы попеременно с поддержками... Этот номер подарили театру балетмейстеры Римма и Анатолий Кувшиновы (золотые призы в конкурсе исполнителей эстрадных танцев всесоюзного значения) и ставили они его исключительно для Лили, даже реквизит свой сложный, который стоил немалых денег, уступили. И никому другому, кроме Лили, к своему «детищу» приблизиться не позволяли.

Мне посчастливилось с Лилей бок о бок играть девушек в одном из танцевально-игровых блоков «Хелло, Долли!» (в постановке М. Новосельского «Необычный мюзик-холл»), где в морском клубе-баре для американских моряков эти девушки их развлекали танцами. Лиля всегда была заводилой, а мы с Пашей Овчаровой «поддакивали» ей в «такт». Танцевали мы с Лилей и в «Соперницах» (нашим партнером был прекрасный актер В. Крицкий, а после его раннего ухода исполнял партию А. Мягих). Ставил танец заслуженный артист Украины А. Таиров.

Я вспоминаю, как Лилечка, чувствуя мое унылое настроение перед выходом на сцену, моментально настраивала меня на позитив. Кто-кто, а уж она-то умела «прятать», что у нее на душе, как бы следуя правилу — все свое плохое настроение оставлять на вешалке при входе в театр.

Если в «Радугу» заходили представители киностудии им. Довженко или, к примеру, киностудии научно-популярных фильмов в поисках нужного исполнителя на определенный

персонаж, выбор неизменно падал на Лилию. Так она не раз и не два мелькала на экранах в эпизодических ролях, но однажды, в фильме «О загадках смеха и ...» ее показали крупным планом, видимо, демонстрировали ту самую Лилину неповторимую природную красоту...

Она родилась, казалось бы, под счастливой звездой — у нее было все: красота, талант, слава, любящий муж, дочь... Но жизнь, порою, бывает жестока... Затерялись ее следы, разошлись наши дороги, а в памяти она осталась все такой же: легкой, порхающей, покоряющей своей красотой.

Розділ II

Учасники художньої самодіяльності

Воспоминания

Н. Коржинецкая.

Оглохла я в 22 года. Потеря слуха для любого человека — большая беда. Но для меня это была трагедия. Я закончила музыкальное училище по классу рояля. Хорошо пела. Работала в Одесском театре оперы и балета аккомпаниатором хора и концертмейстром в консерватории. Замужем была за дирижером-хормейстром. Моими знакомыми почти исключительно были музыканты, певцы, артисты. Смысл, цель всей моей жизни я видела лишь в искусстве, сцене. И потеря слуха явилась для меня

крушением этого смысла, а, следовательно, и крушением самой жизни. Но, волею случая, я осталась жить. Однако порвала со всем, чем жила. Ушла от мужа. Отказалась от встреч со знакомыми. Замкнулась в своем горе. Материально я была обеспечена. Надо было чем-то жить, и я научилась шить. А так как по своей натуре я ничего не умею делать наполовину, не вкладывая в дело своей души, то шила я хорошо и работы было больше, чем достаточно. Так что жила в достатке, но без цели, без радости, с опустошенной душой.

О том, что есть глухие, что они организованы в Обществ, я не имела понятия. Мне нигде не приходилось встречаться с глухонемыми, и я считала, что на всем белом свете не слышу я одна.

Так я прожила 12 лет. «Без божества, без вдохновения», но в слезах и в безысходной тоске. В 1936 году ко мне в отпуск приехала старшая сестр — энергичная, волевая особа.

Она с душевной болью восприняла мою беду, мое моральное состояние и решила мне помочь. Детально разузнав об организации глухих, сестра против моей воли (меня уже ничего не интересовало), буквально за руку повела в облотдел УТОГ. Председателем был Г.И. Кирика. Подробно ознакомясь с моей биографией, Кирика хотел было направить меня по специальности в швейную мастерскую. Но, учтя, что я имею среднее образование и физически мало приспособлена к работе на производстве, определил меня на вакантную должность секретаря облотдела УТОГ с обязательством посещения клуба глухих и участия в общественной работе. Так с 3 октября 1936 года я связала свою судьбу с глухонемыми.

И в клубе (он находился тогда на ул. Жуковского, 33, директором был Завьялов) ко мне очень участливо, сердечно отнеслись. Благодаря помощи Парчевского, Васильченко, Фруль, Гринберг, Крамаровского и др. я быстро усвоила жесты, начала принимать активное участие в общественной работе. И в облотделе в короткий срок освоилась с работой секретаря, потому что не жалела ни времени, ни сил для детального ознакомления с этой работой. Видя мое рвение, Кирика тут же направил меня на 6-месячные курсы машинописи за счет облотдела (которые, кстати сказать, закончила вместо шести за два месяца, поскольку пальцы мои были отлично натренированы с детства еще на рояле, хотя к тому времени я музыку совсем забросила), и я стала работать секретарем-машинисткой, что улучшило материальное положение. А в 1937 году в Одессе была организована вечерняя школа ликвидации неграмотности взрослых глухих, и ее первый директор С.Я. Макановецкая пригласила меня педагогом. И хотя у меня не было ни специального образования, ни опыта педагогической работы, я с радостью согласилась и на это предложение, как охотно бралась за все, где была бы полезна. Педагогом я проработала до 1940 года.

Зимой 1937 года из Киева поступило распоряжение об орга-

низации смотра коллективов художественной самодеятельности УТОГ. В Одесском клубе активом художественной самодеятельности были Михайлов, Парчевский, Барский, Бородина, Пиотровский, Костецкая, Фруль и др. Изредка ставили спектакли на пьесы своего сочинения, не отличавшиеся высокой культурой. Посоветовавшись, мы решили подать заявку на участие в смотре. Кирика возглавил руководство, и мы за очень короткий срок (меньше месяца) подготовили водевили А. П. Чехова «Медведь» и «Предложение». Исполнителями были Михайлов, Парчевский, Барский и я. Жюри первого украинского смотра коллективов художественной самодеятельности УТОГ (в его составе два представителя от Центрального дома народного творчества — слышащие, и И.А. Сапожников) дали самую высокую оценку нашим постановкам.

Так я снова вернулась на сцену — хоть и в ином жанре — снова обрела то, с чем казалось, навсегда вынуждена была распрощаться из-за потери слуха.

После удачного выступления на смотре, мы решили всерьез заняться художественной самодеятельностью. Г.И. Кирика предложил мне руководить драмкружком. Я взялась и за это, хотя не имела почти никакого опыта. Конечно, работала на общественных началах, как и сами его участники. Желающих участвовать в драмкружке было очень много. Мы могли ставить и большие пьесы. В то время на театральных сценах большим успехом пользовался спектакль по пьесе Шкваркина «Чужой ребенок». Мы тоже дерзнули взяться за эту пьесу. Это была моя первая самостоятельная режиссерская работа. В постановке принимали участие — Бородина, Макановецкая, Дударевич, Михайлов, Кирика, Суханов, Парчевский, Бланк и я.

После этого коллектив уже начал регулярно работать. Это было нелегко: не было средств не только на оплату руководителю, но и на декорации, костюмы, реквизит. Все это актив изготавливал сам, своими силами, из своего материала.

Мне было еще трудно, потому что многие, сценически способные кружковцы были мало или вовсе не грамотные, прочесть свою роль не могли, и мне приходилось попутно учить их грамоте, а иных и культуре поведения, морали. И все это после напряженного рабочего дня, ведь и в облотделе, и в школе я продолжала работать, чтобы существовать, продолжала добросовестно выполнять все свои общественные нагрузки, а их было немало и в облотделе, и в горотделе, и в клубе, и в профсоюзе — грамотными кадрами мы были не богаты. Но я со всем справлялась, никогда не роптала и морально была полностью удовлетворена. Я была при деле, моя работа была нужна людям. Это огромная радость!

В 1939 году меня направили в Москву на курсы повышения квалификации режиссеров при Центральном доме народного творчества им. Крупской. Закончив курсы с отличием, вернулась в Одессу (хотя меня уговаривали остаться в Москве, как одну из наиболее способных, подающих надежды руководителей драмколлективов) и уже с февраля 1940 года начала работать в клубе штатным руководителем драмкружка. Работу в облотделе и в школе я оставила. Коллектив был большой, так что одновременно можно было готовить несколько пьес. Организована была также студия для вновь вступающих, занятия велись по системе Станиславского. Специфика нашей работы состояла в том, что зрительская аудитория была ограничена, и один и тот же спектакль можно было показать два-три, ну, четыре раза. Правда, мы часто выезжали обслуживать глухих области, а в то время в Одесскую область входили Херсон и Николаев со своими районами. В репертуаре были, в основном, пьесы: «Санция Злючувышки», «На границе», «На старой даче», водевили Чехова «Медведь», «Предложение», «Свадьба», «Юбилей», «На даче», из классики — «Запорожец за Дунаем», «Наталка Полтавка», «Бульварщина».

С оформлением спектаклей по-прежнему были трудности,

средствами мы были крайне ограничены, все нес на себе актив. Но никакие трудности нас не пугали. Работа спорилась. И вдруг... война!

С первых же дней войны Одесса стала подвергаться интенсивным бомбежкам. Предприятия сразу же перестроились на работу для фронта. А в августе началась эвакуация учреждений и граждан. Фронт быстро приближался. Все руководство облотдела эвакуировалось. Уехали многие глухие. Клуб закрылся. В начале августа большая группа глухих (до 100 человек), в основном молодежь, вошла в организованный фортификационный отряд первой линии обороны Одессы по строительству укреплений. Начальником отдела был Резниченко, его заместителем Б. Парчевский. Отряд находился в подчинении райкома партии, секретарем был т. Луценко. Нам выделили общежитие, обмундирование, паек. Во время почти непрерывных бомбежек многие отрядники были ранены, трое убиты. Я была санитаркой в этом отряде. Так мы проработали до последних дней обороны Одессы. Накануне отступления последних воинских частей мы обратились к Луценко с просьбой эвакуировать отряд. На что получили ответ, что не хватает транспорта, что Одесса будет оставлена ненадолго, — «затаитесь, ждите, мы скоро вернемся». Так мы и поступили.

10 апреля 1944 года мы вновь встречали воинов нашей родной Красной Армии. Одесса на две трети была разрушена. Надо было сразу приступить к ее восстановлению. 12 апреля мы собрались, чтобы решить с чего начать, не дожидаясь возвращения руководства. В исполкоме нам сказали, что ничего дать нам не могут, чтобы мы сами искали и организовывали все, что сможем. И мы начали. За три года вынужденного бездействия у всех сил накопилось с избытком, хоть жили впроголодь, но работали, не зная усталости. Восстановили не только металлокомбинат, который был до войны, но организовали два новых цеха — столярный и швейный. Наш клуб во время ок-

купации был переоборудован под румынскую церковь. С каким наслаждением и треском мы ломали и вышвыривали церковное оборудование, иконы, утварь! С каким энтузиазмом восстанавливали наш родной, любимый очаг культуры! Тут же сразу, еще не имея помещения для работы, я приступила к организации драмкружка. Участников было достаточно. Возвращались эвакуированные. Приехало много новых, Одесса ведь всегда влекла к себе людей. За три года подросла молодежь. Состав коллектива значительно изменился к лучшему. Больше стало грамотных, способных, даже талантливых. И хотя больше прежнего были стеснены в средствах, но работали по-настоящему, по строгому плану, с железной дисциплиной, как в настоящем театре, без каких-либо скидок на трудности. Контингент глухих в Одессе быстро рос. Нам уже стало тесно в старом клубе.

В 1948 году были выделены средства на строительство нового здания клуба. Оно было быстро закончено, и в 1953 году мы уже перешли работать в новый клуб, который по объему работы и обслуживаемому контингенту был вскоре переименован в Дом культуры, что способствовало увеличению ассигнований, штата, как прямое следствие, улучшению работы. Коллектив художественной самодеятельности год от года рос, мужал, развивался, повышались требования к подбору репертуара, качеству спектаклей, мастерству исполнителей. Во всех Республиканских смотрах художественной самодеятельности УТОГ наш коллектив, конечно, принимал участие и всегда имел самые высокие оценки жюри. В 1967 году одесскому коллективу за спектакль по пьесе Н. Зарудного «Ах, эти дети» и М. Стельмаха «Зачарованная мельница» было присуждено высокое звание Народного самодеятельного театра. Некоторые наши спектакли на смотрах шли в присутствии авторов пьес: так, на спектакль «Зачарованная мельница» был приглашен М. Стельмах, на «Ах, эти дети!» — Н. Зарудный, которые с большей похвалой

и удовлетворением отзывались об исполнительском мастерстве участников.

Коллектив был сплоченный, дружный, с высокой культурой и самой строгой дисциплиной. Ни разу не было нарушений, срывов занятий, прогулов, аморальных поступков. Каждый понимал свою ответственность за общее дело. Запомнился такой случай: был просмотр и утверждение спектакля по пьесе Раннета «Блудный сын». Как правило, участники всегда приходили заблаговременно, чтобы без спешки одеться, загримироваться, а главное, войти в свой сценический образ. А тут нет Гриши Склярова. Уже все сроки истекли, уже и члены жюри на месте, а Гриши нет. Клава Бородина язвит: «Если бы это я, так Коржинецкая меня бы с потрохами съела, а Гришеньке все можно». И когда мы дошли до высшего накала, когда жюри предупредило о снижении бала за задержку начала спектакля, прибегает Гришка Скляров запыхавшийся, но сияющий и нарядный, как на свадьбе. Оказалось, у него в самом деле свадьба, задержали в ЗАГСе, едва отвез невесту домой, чокнулся с гостями бокалом шампанского (пить нельзя — спектакль), оставил банкет и прибежал на спектакль. Ну, конечно, жюри учло это обстоятельство и задержка начала спектакля не повлияла на самую высокую оценку. Много еще было случаев, характеризующих самозабвенную любовь участников к искусству, их высокие моральные качества. Я старалась прививать своим ребятам не только любовь к искусству, но, главное, воспитывать у них лучшие черты человека, воспитывать так, как воспитывали меня саму.

Ведь я пришла в Общество глухих совершенно неприспособленной к жизни, ничего не знала, ничего не умела, эгоистически поглощенная своей бедой. И благодаря чуткости, доброте, терпению окружавших меня товарищей, в первую очередь т. Кирики Г.И., я стала сознательным человеком, за короткий срок не только освоилась с работой, но и могла выполнять самые ответственные общественные задания,

которые сразу же мне не боялись поручать. Я была избрана секретарем самого первого президиума облотдела УТОГ и в течение длительного времени оставалась на этом посту. Была бессменным членом правления горУТОГа, правления клуба, художественного совета Дома культуры, была делегатом всех отчетно-выборных конференций Одесского облотдела. Одновременно избиралась в профсоюзные органы, свыше 25 лет отвечала за КВП при МК УПК-2. Научилась жить полнокровной, содержательной жизнью. Ощущала большую ответственность, но и удовлетворение от сознания, что мой труд нужен людям. Конечно, мой путь не всегда был усыпан только розами. Были и невзгоды, душевные переживания, были взлеты и падения. Но я научилась все беды переносить стойко, упорно шла прямой дорогой, веря в торжество справедливости. А без ненастья мы не ценили бы солнца.

Так проработала я до 1974 года, без малого 40 лет. Мне исполнилось уже 72 года, но я была еще полна сил, энергии, творческого горения. Однако, семейные обстоятельства сложились настолько трагически, что я вынуждена была с большим сожалением оставить работу. Но коллектив я передала в умелые руки — в течение последнего года со мной работал художественным руководителем выпускник Харьковского театрального училища — молодой, энергичный, очень способный А. Гуляев. В течение совместной работы я познакомила его с нашей спецификой, передала навыки, метод своей работы. А. Гуляев оказался достойным продолжателем хорошо налаженного дела.

И вот теперь, подводя итоги своей долгой жизни, я с удовольствием констатирую, что не жалею о потере слуха. Благодаря Одесской обласной организации УТОГ, я не лишилась возможности жить в искусстве. Этой жизни я отдала все свои силы, способности, весь жар своей души. Я счастлива. Я прожила не даром.

Светом озаренная

*«Смотрят звезды лунными ночами,
Как целуют волны берега.
Женщина с раскосыми глазами,
Ты со мной не слишком ли строга?»*

А. СИМОНЕНКО.

Е. Заднепровская.

Свыше 25 лет работает художественными руководителем в Культурном центре УТОГ Евгения Филипповна Заднепровская.

Кто не знает Женечку? Женю знают все — и в УТОГ, и далеко за пределами Ураины. Эта незаурядная женщина с постоянной грустинкой в глазах и светлой аурой души многие годы блистала на самодеятельной сцене, покоряя своим исполнительским мастерством. Она восхищала умением работать с людьми, понимать их, чутко и внимательно вникать в суть проблем и преодолевать их.

Как многие глухие люди, потерявшие слух в детстве, Евгения Филипповна прошла нелегкий жизненный путь. Судьба не гладила ее по головке. Отца она почти не помнит — он погиб в страшном 1941 году. Через год в дом пришла новая беда — после тяжелой болезни Женя потеряла слух, и мир звуков навсегда остался для нее недостижимым...

В послевоенные годы они с мамой выживали, как могли. Жили трудно, но в согласии. Девочка нашла в себе силы

учиться так, что из Белоцерковской школы-интерната для глухих детей по решению районо была переведена в общеобразовательную среднюю школу в этом же городе, которую окончила с отличием.

В 1955 году Женья начала трудовую деятельность ученицей индпошива на Киевском УПК № 3 УТОГ, где проработала до 1958 года. В это время впервые набиралась группа глухих студентов в техникум легкой промышленности. Старательная, трудолюбивая и способная Женья, в числе других счастливицов, стала студенткой техникума, который успешно окончила в 1962 году. По распределению она была направлена на работу в Специальное проектно-конструкторское бюро УТОГ. Это была та «школа жизни», которая определяет дальнейшую судьбу человека. Молодому специалисту — Евгении Заднепровской, поручили ответственный участок работы. Начиная она несмело, боялась, справится ли. Опасения оказались напрасными: справилась, и успешно работала. Начиная с должности техника-технолога, она «выросла» до старшего инженера-технолога швейно-трикотажного цеха, а спустя несколько лет сама помогала другим глухим специалистам освоиться на новом месте и влиться в коллектив.

Как известно, наилучший способ завоевать авторитет в коллективе — это личный пример, честный и добросовестный труд. Евгения Филипповна прекрасно справлялась со своими обязанностями. Нормирование сырья и материалов, изготовление лекал, расчеты площади материала — если за это бралась инженер Заднепровская, можно было не сомневаться в безукоризненности выполнения.

К Евгении Филипповне приходили за советом и помощью не только по работе, но и в решении житейских проблем. И она щедро делилась с неслышащими коллегами своими знаниями и опытом, рассказывала о прочитанном, передавая свою любовь к чтению литературы и поэзии.

Видя, как тянутся к ней люди, Евгению избрали председателем бюро первичной организации УТОГ. Этот опыт пригодился ей в дальнейшей работе, когда она почти 4 года была воспитателем общежития Киевского УПП № 1 УТОГ. Затем работала председателем Киевского городского отдела УТОГ, а с 1975 года перешла в Научно-методический кабинет клубной работы УТОГ. Этот переход на культпросветработу не был случайным — еще с юности, с 1955 года, Евгения принимала активное участие в художественной самодеятельности. Сцена стала не просто хобби, а главным смыслом ее жизни. Она выступала с эстрадно-драматическим коллективом Киевского дворца культуры глухих, была одной из ведущих актрис драматической студии ДК УТОГ, коллективу которой в 1964 году присвоено звание «Самодеятельный народный театр». С любовью и самоотверженностью Евгения Заднепровская создавала на сцене самобытные образы своих героинь, по-своему осмысливая их, привнося в них черты собственной актерской индивидуальности. Талантливая актриса, она создала ряд прекрасных сценических образов. До сих пор старшее поколение глухих помнит ее Катерину в «Грозе» Островского, Валю в «Иркутской истории» Арбузова, героиню спектакля «Одна береза знает» и др. Евгения любила эти роли, где ее привлекала тема борьбы за светлые идеалы, поиска человеком своего места в обществе, в жизни. На творческом пути Е.Ф. Заднепровской было немало успехов. Евгения Филипповна — лауреат многочисленных смотров и фестивалей народных самодеятельных театров и эстрадных коллективов системы УТОГ. Особенно запомнился 1967 год, когда на республиканском смотре любительских кинофильмов первое место занял фильм «Первые чувства» по сценарию И.А. Сапожникова, в котором главные роли сыграли Е.Ф. Заднепровская и В.В. Скурчинский.

Работая методистом клубной работы, Евгения Филипповна продолжает совершенствовать свои способности и знания, по-

ступив учиться в политехникум Ленинградского восстановительного центра ВОГ, который с отличием окончила в 1979 году по специальности «Клубная работа. Руководитель самодеятельного коллектива». За плечами был большой опыт работы с людьми и 25 лет творческой работы в самодеятельном театре. Поэтому неудивительно, что в 1979 году ее пригласили работать художественным руководителем Республиканского дома культуры УТОГ.

Свой талант и душевное горение она отдает любимому делу. «Наша мама» — называют ее с признательностью участники художественной самодеятельности Дворца культуры. Это под ее руководством народный самодеятельный театр и народный самодеятельный ансамбль танца «Голубая лента» неоднократно подтверждали свои почетные звания «Народный».

Е.Ф. Заднепровская воспитала не одно поколение самодеятельных актеров разных жанров. Коллективы художественной самодеятельности РДК УТОГ занимали почетные призовые места в городских, областных, республиканских и международных фестивалях и конкурсах. Большая заслуга в этом принадлежит их художественному руководителю — Евгении Филипповне Заднепровской. За многолетний добросовестный труд она награждена медалями «За трудовое отличие» и «Ветеран труда», Почетной грамотой Министерства труда и социальной политики Украины, удостоена звания «Отличник УТОГ».

Евгения Филипповна — замечательный человек, обаятельная женщина, светлая личность, о которой можно сказать, что такие люди — украшение нашего Общества. Она — прекрасная мама и бабушка. Вместе с мужем Иваном Макаровичем воспитала двоих сыновей — Сергея и Андрея, дала им хорошее воспитание и высшее образование. Воистину светом озаренная, Евгения Филипповна светила всем нам отраженным светом звезды, своим творческим трудом показывая яркий пример молодому поколению глухих людей.

Друзі — артисти

М. Саксонов.

В. Пустогвар.

Вони були такі різні: і за характером, і за рівнем освіченості, і за станом здоров'я. Та одне їх єдило і пов'язувало багаторічною дружбаю — самодіяльна сцена Київського будинку культури УТОГ, який містився по вул. Шота Руставелі, 15, а з 1958 року — по вул. Курська, 6. Звали цих нерозлучних друзів — Василь Пустогвар та Мойсей Саксонов.

Василь був худощавий, темноволосий, білолиций молодий чоловік. На час нашого знайомства він уже мав симпатичну дружину Тамару і сина Юру. Працював нотографером на нотній фабриці.

Його друг по сцені, Мойсей Саксонов — повна протилежність Василеві. Міцний, кремезний, широкоплечий, спортивної статури, ще молодий, але рано полісілий дядечко. Від нього так і пахло енергією та здоров'ям. Навіть у лютий мороз на його блискучій лисині рідко з'являвся головний убір. Зате взимку він нерідко приходив на репетиції із гостро заточеними ковзанами. Захоплювався спортом, брав участь у спортивних змаганнях. Працював слюсарем на Київському УПК № 2. На відміну від Мой-

сея, який полюбляв активний відпочинок, його колега по сцені Вася Пустогвар захоплювався «тихим полюванням» — походами по гриби у ближні й дальні ліси. Але обидва вони були одностудійцями на сцені, особливо їх єднала естрада. Василь був багатогранним, обдарованим артистом. І, напевно, не було ролі, якої б він не зіграв. Мойсееві ж важко давалися складні за змістом, багатослівні ролі. Зате в естраді і Василь, і Мойсей були рівноправними партнерами. Досить було режисерові І.А. Сапожникову мовою жестів роз'яснити суть ролі, як Мойсей буквально «з рук» режисера схоплював усе, але по-своєму доповнював, і завдяки власним, йому одному притаманним «штрихам», робив роль ще виразнішою, змістовнішою.

А ще єднало обох друзів глибоке почуття гумору, бо обидва мали веселу вдачу і, так би мовити, синхронно створювали жезовою мовою веселі, влучні, часом саркастичні образи своїх друзів-артистів, а також нашого режисера І.А. Сапожникова і перекладачки Г.І. Максимової-Набоченко. Коло їх веселих влучних шаржів зачіпало і перших осіб тодішнього Центрального правління УТОГ.

Часто у перервах між репетиціями ми відпочивали, слухаючи дотепні жарти-пародії на Максимову і Сапожникова, з якими виступали Саксонов і Пустогвар. Ісаак Аронович і Ганна Іванівна не ображались. Максимова добродушно посміхалась, а Сапожников дивився на виступ друзів-пародистів із серйозним виразом обличчя і лише іскринки в очах виказували його. По закінченні імпровізованої вистави Ісаак Аронович широко розводив руками і серйозно промовляв: «Ну й артисти!». І з легким жалем в очах мрійливо додавав: «Якби Мойсееві в його розумний казанок, який так гарно варить, додати добру ложку освіченості, йому б ціни не було!»

Та Мойсей Саксонов, на відміну від високоосвіченого Сапожникова, не переймався цим, бо мав практичний склад мислення і був оптимістом.

Моє спілкування з обома друзями не обмежувалось тільки зустрічами на репетиціях у Будинку культури.

Якось Василь Пустогвар запросив мене на вихідний до себе на квартиру на Нивках, де він мешкав з сім'єю. Виявилось, що у нього до мене була особиста, суто сімейна справа. У США мешкала тітонька Василювої дружини Тамари. Вони листувались. Тітонька частенько балувала їх посилками з різними хорошими речами. Звісно, на листи потрібно було відповідати. Вася поклав переді мною кілька листів і попросив: «Читай!». Я прочитав і запитав у Василя:

— То в чім річ?

— А в тім, що потрібно відповісти на тітчиного листа. Мені важкувато, особливо у закінченнях слів, побудові речень...

Я зрозумів Василя. Це біда більшості нечуючих, які втратили слух у ранньому дитинстві і вже не пам'ятають живої материнської мови. І школа, на жаль, не завжди може допомогти подолати цей бар'єр. Тому нечуючий вільно викладає свої думки мовою жестів, але спотикається, коли потрібно викласти сказане в писемному вигляді.

Тож я ще раз прочитав листа із США і написав відповідь на нього — по-діловому, стисло. Василь уважно, не кваплячись, прочитав написане і сказав: «Те, що потрібно. І коротко, і зрозуміло». І в задумі мовив:

— Заздрю тобі, грамотному.

— Не прибіднюйся, Василю. І я тобі заздрю, по-хорошому.

— Мені? — здивувався Василь, — Це ж чому?

— А тому, Васю, що тобі підкоряються складні ролі. Ну хто, окрім тебе, зміг би зіграти Голохвастова, Щорса? А в естраді ти ж просто універсал! Тож не прибіднюйся, Васю. Ми з тобою грамотні, лише по-різному.

Хвилину ми мовчали, потім засміялись невимушено, по-дружньому.

Наші взаємини з Мойсеєм склались по-іншому, вони бу-

ли більш стримані, прямолінійні і суто практичного напрямку. Він знав, що я жив у гуртожитку. А яке там життя? Холостяцька невлаштованість: ліжка, кухня, спільний чайник — от і всі зручності та затишок.

Напевно, з цього і виходив Мойсей, турбуючись про мою парубочьку долю. Одного вечора, коли ми з ним, сидячи в залі, спостерігали за репетицією, він несподівано штурхнув своїм міцним кулаком по моїх ребрах.

— Ти знаєш оту дівчину, тонку і чорняву? — Мойсей очима вказав на сцену.

— Так, трохи знаю.

— А що тобі, Андрію, заважає ближче познайомитись з нею? — поцікавився Мойсей.

— А для чого це? — в тон йому запитав я. Мойсей зручніше вмовстився в дерев'яному кріслі і повів розмову далі.

— Ось ти після репетиції поїдеш у свій гуртожиток. А що тебе там чекає? — задумливо і розважливо запитав він. І сам відповів: — Залізне ліжка, тумбочка... В ній батон, цукор, чашка. Завариш чай. — .. А після — холодне ліжка.

— Я вже звик, — байдуже сказав я, не розуміючи, до чого гне Мойсей.

А він повів далі:

— Уяви собі, Андрію: приходиш додому, а там тебе чекають люба дружина, смачна, гаряча вечеря і чиста, м'яка постіль... Це тобі, Андрію, не гуртожиток! Чи не так? — весело запитав мене, намалювавши картину сімейного затишку.

— То ти хочеш, щоб я одружився? Цікаво, на кому? — весело запитав я.

— А чому б і ні? І на отій дівчині, про яку ми щойно говорили. Це Сапунова — порядна дівчина, з хорошої сім'ї. А яка у них трикімнатна квартира! І в якому районі?! Центр Києва, де біля Львівської площі. Ну то як? — запитав Мойсей.

— То ти мене сватаєш, Мойсею?

— А може і так. Ти, Андрію, хоч і грамотний, начитаний, але непрактичний у цих справах, сором'язливий, тому тобі у цьому без сватання — ніяк!

Проте я сповідував принцип: «Постав хату з лободи, а в чужу не веди», тому довго парубкував. От Мойсей і вирішив мені допомогти в цій делікатній справі, пропонуючи сватання.

— А як ти, Мойсею, познайомився із своєю синьоокою білявкою Леною, теж був сват?

— Ні, я все зробив сам.

— Цікаво, а як саме? — допитувався я.

— А дуже просто. В клуб із школи прийшли старшокласники. На екскурсію, значить, та виставу подивитись. Серед школярів я і запримітив Лену. Кілька слів про се, про те. А далі я їй без зайвих слів і сказав: «Ти будеш моя. Розумієш — моя! І щоб ніяких шурів-мурів, ні наліво, ні направо. А якщо якийсь жевжик приставатиме, ти скажеш йому, що у тебе є хлопець. Моє прізвище — Саксонов, запам'ятай: Саксонов! Мене у Києві знають усі. Якщо буде потрібно, я будь-кого відшлю. А ти вчись, я чекатиму!»

Отаке було женихання Мойсея Саксонова. Небагатослівне, конкретне: взяв і забронював красуню за собою.

— От бач, як ти зробив — сам собі сват. І я, друже, сам знайду собі дівчину.

— Як знаєш, — розчаровано мовив Мойсей. — А Сапунова довго в дівках не сидітиме. Вона дівчина примітна, а ти дивись, щоб не залишився з носом, — закінчив Мойсей свою думку.

Втім, мені не довелося ставити фольклорну хату з лободи. На початку січня 1961 року ми з Мойсеєм разом привели свої сім'ї до нового будинку на вулиці Культури, 20. Мойсей привів у нову квартиру свою білявку Лену та синів, Лева і Сашу. Я ж привів до нової квартири свою карооку Шуру і двох дочок — Наташу та Іру. Так ми обидва стали не тільки друзями, а й сусідами.

Як одного з найкращих артистів Київського народного самодіяльного театру, Василя Пустогвара було зараховано до професіонального театру міміки і жесту «Райдуга». Та недовго виступав він на професійній сцені... Виснажливі щоденні репетиції і гастрольні поїздки виявились для Васі аж ніяк не легшими за роботу нотогравера. Маючи далеко не ідеальне здоров'я, він дуже перевтомлювався. В один день, прямо на сцені, Вася у перерві присів відпочити. Занепокоєні його поганим виглядом, друзі викликали «швидку». І прямо зі сцени Василя Пустогвара — веселу, товариську вдачу людину, залюблену в життя, в мистецтво, «швидка» відвезла... і, на превеликий жаль, — не повернула.

Недовгий вік судився і Мойсею Саксонову.

В один з серпневих днів, повертаючись з роботи, я зустрів Мойсея у дворі. Він був одягнений по-дорожньому, з плеча звисав старенький рюкзак. Привітались.

— Ти куди, Мойсею, зібрався? — питаю.

— В Геленджик, на море. У мене відпустка.

Відпустку Мойсей проводив один, без сім'ї. Це була його роками освячена традиція.

Неправду казав Мойсей Лені при першому знайомстві: «Мене у Києві знають усі». Завдяки Геленджику Мойсея знали мало не всі глухі Союзу. За веселу вдачу, вміння «жарити» веселі анекдоти і миттєво створювати шаржі на друзів і знайомих. І потрібно зауважити: в Геленджику збиралась, кажучи образно, найрізноманітніша публіка. Від звичайнісіньких глухонімих з якого-небудь села до високоосвічених, вельми грамотних керівників товариств глухих.

Мойсей Саксонов з усіма був «на рівних» і створював конкуренцію тамтешнім культмасовикам. Як у Києві, так і в Геленджику, довкола Мойсея збирались вдячні слухачі його веселих анекдотів, шаржів, оповідок. Це вечорами, а вдень — море, пляж, друзі... Мойсей не уявляв відпустки без моря, без

веселого товариства... Море він любив понад усе... І морська стихія принесла його у жертву Нептунові...

Отак, у короткий проміжок часу, за примхою долі, ми втра-
тили двох друзів, двох життєлюбів — таких різних, хороших,
незабутніх.

О Пете Тимакове

П. Тимаков.

Скромный, обаятельный, красивой души человек, артистичный и беззаветно преданный театру — именно таким мы помним Петра Тимакова, хотя прошло много лет, как он погиб, будучи еще совсем молодым. А как много мог бы еще сделать!

Родился Петр Иванович Тимаков в Херсоне в 1936 году. После окончания Херсонской школы-интерната Петр прошел обучение на Курсовой базе УТОГ в группе по подготовке художественных руководителей культурчреждений Общества, а также закончил Херсонскую вечернюю среднюю школу для рабочей молодежи.

Вот и, кажется, все его образование. Но нет — он очень много, буквально «запоем», читал, изучал нужную ему литературу. Петя был на редкость самоорганизованным и целеустремленным человеком. Если он загорался очередной театральной идеей, то обязательно осуществлял ее.

Эти его качества особенно ярко проявились во время работы в Херсонском доме культуры УТОГ, где он с 1964 года был директором и одновременно — художественным руководителем. Он не только готовил концерты и спектакли, но и сам шил себе галстуки-«бабочки».

Петр Иванович успешно справлялся со своими нелегкими обязанностями во многом благодаря тому, что стоял на голову выше неслышащих ровесников по своей образованности,

культуре, определенным взглядам на жизнь. Отличался он и внешне: подтянутый, аккуратный, роста небольшого, но артистически строен. Организован и требователен к себе. Владел сравнительно хорошей речью. Без труда и на равных общался со слышащими.

В вечерней школе он был одним из тех немногих, кто действительно стремился к знаниям. Как вспоминают учителя, особенно его интересовало все, что касалось литературы и истории а вот математику он только поверхностно созерцал. И на уроках математики читал пьесы, другую необходимую ему литературу, вытягивая как бы невзначай книги из-под парты. На замечания учителя Петя реагировал спокойно: «Очень уважаю Вас, но не математика, а совсем другое поглощает меня полностью». Так и был он на особом положении в отношении математики.

Школа была достойным ценителем его творчества. Часто ее коллектив и ДК проводили совместные вечера, концерты.

Когда Петр полюбил девушку из Николаева, он носил при себе ее фото и на уроках часто смотрел на него. «Назову дочь Алисой», — говорил он при этом.

Так все и вышло. Живет теперь дочь Алиса — красивая, умелая переводчица и воспитательница группы садика-школы для слабослышащих детей в Херсоне. А его нет...

Но успел он еще построить (вместе с Алфимовым) наш большой красивый Дом культуры. Был первым организатором всех глухих на его строительстве. А сколько труда вложил он в его художественное оформление! Вот уж неподражаемый фантазер и мечтатель!

Работал Петя всегда с огоньком. И радость светилась в глазах: любил свое дело. Организовывал самодеятельность, проводил фестивали, конкурсы. И была в Херсоне группа аматоров, участников художественной самодеятельности, которую Петр лелеял.

Сам участвовал в таких спектаклях, как «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Костин санаторий» и многих других. А как артистично он пел! Песня «Я люблю тебя, жизнь» в исполнении Петра запомнилась навсегда, как память о нем.

В 1967 году на фестивале художественной самодеятельности в Киеве за жестовое исполнение песен Петр Тимаков был награжден серебряной медалью.

Пользовался Петр большим авторитетом среди глухих и слышащих. Был инициатором всех начинаний. Его энтузиазму по-доброму завидовали все. Это был самородок-театрал.

Шел он по жизни походкой, как на сцене: стройной, элегантной. И мечта у него была: попасть в Киевский театр мимики и жеста «Радуга», чтобы реализовать себя полностью. Но подвел дефект глаз, несколько нарушавший эстетичность лица. После неудачи с поступлением в труппу театра Петр был разочарован, долго ходил будто с подрезанными крыльями, но переборол себя. И работал, работал еще усердней, будто повзрослел на глазах, стал серьезнее и ответственнее.

С тех пор больше не было среди неслышащих Херсона таких энергичных, творческих руководителей. Каждый уголок Дома культуры УТОГ, его художественное оформление и сейчас напоминают нам об этом истинном профессионале.

Большое светлое здание ДК УТОГ стоит как памятник о нем и помогает нам выживать в это трудное время.

Леонид ФИЛЯНИН

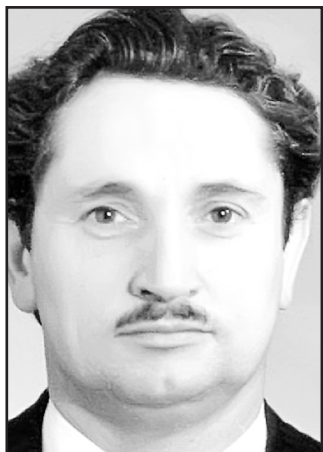
Моя жизнь в искусстве

(серия очерков-воспоминаний)

Первые шаги

«Середнього зросту, смаглявий, веселий і життєрадісний, з почуттям гумору, з доброзичливим поглядом карих очей, він справляв враження справжнього артиста».

І. САПОЖНИКОВ.

Л. Филянин.

Интерес к искусству возник у меня еще в начальном классе Саратовской школы-интерната для глухих детей. К празднику новогодней елки мне дали костюм клоуна с колпаком-конусом. Мы водили хором вокруг елки, украшенной разноцветными шариками, гирляндами и другими игрушками ручной работы. Прыгали, шутили, смеялись. Этот новогодний костюмированный праздник стал для меня главным праздником в жизни. Подрастая, я сам делал для себя разные маски ге-

роев из народных сказок, подбирал и шил костюмы, участвовал в бал-маскарадах, проводившихся в клубах глухих Саратова, Златоуста и Киева. За свои оригинальные костюмы получал призы.

Однажды мы с одноклассником, посмотрев кинофильм «Александр Невский», загорелись идеей сделать костюмы

русских богатырей в полном боевом комплекте: шлем, кольчуга, защитный жилет, меч и щит. Все делали сами, необходимые материалы отыскивали на свалке металлолома, достали сапоги и макинтош. Что и говорить, костюмы получились потрясающие. Нас пригласили пройти в них на первомайской демонстрации. А чтобы «русские богатыри» не просто шагали, но и исполняли какой-то танец-поединок, дирекция школы пригласила заслуженного артиста. Он и поставил нам несколько танцев.

В дальнейшем я с большим удовольствием занимался хореографией, несмотря на то, что совсем не слышал музыку. Опытный баянист только следил за нами и подгонял музыку под наши движения. Не знаю, как было в других школах, но в нашей завуч организовала шумовой оркестр для глухих и слабослышащих, в котором я был барабанщиком. Но самое интересное — это наш школьный хор, певший под аккомпанемент рояля. Вместе с завучем мы пели «Москва майская» и гимн страны, приложив руки к роялю — таким образом мы воспринимали мелодию. Завуч даже ввела уроки пения в старших классах, пригласив специального преподавателя.

В детстве я занимался в секции гимнастики, посещал кружок рисования, но тяга к театральному искусству была непреодолима. Ходил на цирковые представления, балетные спектакли в театре, а также учился танцевать, читать стихи, пробовал свои силы в сценках и клоунадах. Со школьной программой побывал в госпиталях города. Фронтовики с радостью смотрели наши небольшие концерты, просили придать еще и еще.

На студенческой сцене

«Пластична і виразна міміка у поєднанні з добре відпрацьованою ритмікою не могли не викликати симпатій у глядачів».

І. САПОЖНИКОВ.

Когда я уже был студентом Златоустовского машиностроительного техникума имени Аносова, мне удалось уговорить всю нашу группу поставить в техникуме своими силами многоактный спектакль «Голос Америки» Б. Белоцерковского. С этим спектаклем мы выступили и перед неслышащими работниками завода, на котором трудилось 350 глухих. Успех был большой, и мы, студенты, испытали моральное удовлетворение от того, что подарили людям праздник.

При заводском общезнании действовал кружок художественной самодеятельности, в котором я принимал участие и выступал вместе с рабочими завода. Мы ездили на гастроли в Челябинск, Уфу, Куйбышев с показом спектакля А. Корнейчука «Калиновая роща», водевиля В. Сологуба «Беда от нежного сердца» и концертной программой. На гастролях в Уфе я познакомился со студенткой Московского заочного института — моей будущей женой.

Нужно отметить, что в концертной программе кружка отсутствовали танцевальные номера. По собственной инициативе я поставил несколько танцев, которые разучил еще в школе. Начальник бюро завода по работе среди глухих не был уверен в правильности моей постановки и пригласил балетмейстера из Дворца культуры завода. Балетмейстер-консультант впервые в жизни увидела, как танцуют глухие и очень удивилась четкости темпа без музыкального сопровождения. Она лишь кое-что отшлифовала в танцах, а меня пригласила на репетицию в заводской Дворец культуры. Там меня радуш-

но встретили и сразу пригласили к гимнастическому станку. Я растерялся, но упражнения все же выполнил. После просмотра мне предложили принять участие в подготовке концертной программы — это был смелый эксперимент. Начальник бюро, увидев меня на концерте в ансамбле танца среди слышащих, не поверил своим глазам.

Призвание... Признание...

«Його душа сповнена невичерпного творчого горіння і любові до театрального мистецтва, від якого він отримує велике моральне задоволення і яке облагороджує людину, робить її більш красивою і духовно багатшою».

І. САПОЖНИКОВ.

После окончания техникума я вернулся в Саратов, где стал работать на оборонном заводе в отделе главного технолога. Конечно, я не мыслил себя вне сцены, и меня без проблем приняли в заводской ансамбль танца. И однажды, выступив в концерте, подготовленном молодежью завода, на следующий день я проснулся знаменитым. Сослуживцы из отдела долго не верили, что я полностью глухой.

Там же, в Саратове, после основной работы на заводе, по вечерам, работал режиссером в городском клубе глухих. Поставил водевили «Юбилей» и «Медведь» А. Чехова, комедию «Паршивая овца» С. Михалкова, сатиру «Ах, сердце» В. Полякова и концертные номера.

В 1954 году меня направили на курсы повышения квалификации художественных руководителей, организованные ЦП ВОГ в г. Калинин.

В 1956 году выступал в Москве на заключительном смотре художественной самодеятельности Всероссийского общества

глухих. За исполнение парного шутивого танца и жестовое пение получил первую премию среди исполнителей из 16 городов России. В том же году поступил во Всесоюзный заочный институт народного творчества имени Н.К. Крупской на факультет режиссуры.

Жизнь в творчестве

«Не приховую, його приїзд до Києва здорово підбадьорив мене. Залучити до свого колективу такого обдарованого артиста було досить приємною перспективою».

І. САПОЖНИКОВ.

В течении двух лет я сдавал зачеты, а защитить диплом не удалось. Это было связано с моим переездом в Киев, по месту жительства супруги. Тогдашний художественный руководитель при Киевском дворце культуры УТОГ И.А. Сапожников, видевший мое выступление в Москве, сразу принял меня в свой коллектив художественной самодеятельности. Мою просьбу о выделении нескольких участников для подготовки моей дипломной работы он удовлетворить не смог, так как все были заняты в спектаклях, и на этом моя преддипломная работа прекратилась.

Но я не пал духом. Организовал кружок художественной самодеятельности в общежитии Киевского УПК № 2 УТОГ. Чаще всего мы ставили сценки из жизни предприятия. Некоторые из них были отобраны для исполнения на республиканском смотре художественной самодеятельности УТОГ.

В работе кружка принимали активное участие работники УПК № 2: А. Настенко, В. Тарасенко, С. Столярчук, Н. Рыбальченко, М. Безбородько.

В те годы проводились различные встречи и конкурсы

между коллективами нашего УПК № 2 и УПК № 1. В спектаклях, подготовленных работниками УПК № 1, принимал участие и председатель ЦП УТОГ Ю.П. Максименко, работавший тогда на этом предприятии инженером по технике безопасности.

И.А. Сапожников, 30 лет проработавший художественным руководителем в Киевском дворе культуры УТОГ, вырастил и воспитал целую плеяду прекрасных артистов. Вместе со мной на киевской сцене выступали талантливые артисты: В. Пустиговар, Е. Заднепровская, М. Саксонов, П. Шевченко, С. Столярчук, А. Мизгирева, А. Устенко, затем — В. Скурчинский, Г. Красилов, Н. Косарева, Е. Довгань и другие. Коллектив был замечательный — дружный, сплоченный.

В Киеве я 44 года участвовал в художественной самодеятельности. За это время сыграны роли в 13 спектаклях, таких как: «Сорочинская ярмарка» Н. Гоголя, «Иркутская история» А. Арбузова, «Судьба разведчика» В. Шевченко, «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Тогда в Севилье» С. Алешина в постановке одаренного режиссера и прекрасного организатора В.И. Дубравского.

Исполнение комических ролей — это мое амплуа. Выступал с клоунадой, интермедиями, миниатюрами, сатирическими частушками, рассказами, конференсом, жестовой песней.

Киевский коллектив, в котором я участвовал, проводил большую работу по культурному просвещению и эстетическому воспитанию неслышащих. С 1958 года наш коллектив побывал на гастролях в 9 районах Киевской области, в 15 городах Украины и в 9 столичных городах бывших республик Союза.

Я принимал участие во всех фестивалях народного творчества, шесть раз удостоивался звания «Лауреат фестиваля». Награжден 32 дипломами, грамотами, благодарственными письмами. Вместе со мной звание лауреата завоевали многие

участники нашего коллектива, который неизменно занимал призовые места.

Отрадно, что коллектив Народного самодеятельного театра подтвердил свое высокое звание, что киевляне успешно выступили на IX Всемирном фестивале иллюзионистов и Международном фестивале жестовой песни «Сузорье—2».

Дело, начатое основательницей нашего самодеятельного театра — В.Ф. Лоос, живет и продолжается. Успехи последних лет тесно связаны с именами художественного руководителя Е.Ф. Заднепровской и директора Культурного центра УТОГ В.М. Гончаренко. И я рад, что дело, начатое мной и другими ветеранами сцены, в надежных руках.

Талант, красота и любовь

З. Плис.

В славной когорте актеров Харьковского народного театра по праву стоит имя ветерана Общества, талантливой актрисы и замечательного человека Зинаиды Даниловны Плис.

Родилась Зинаида Даниловна на Харьковщине, в маленьком городке Барвенково, в многодетной семье. Окончив 1 класс местной школы, в 8 лет после болезни полностью потеряла слух. Ей очень помог совет доброго врача, который посоветовал братьям и сестрам заставлять Зину читать вслух, поэтому у нее сохранилась внятная речь. Читала Зина хорошо, и домашние внимательно ее слушали. Дальше была учеба в Барвенковской школе для глухих детей, а потом — в Харьковской школе № 56 им. Н.К. Крупской.

Свою первую рабочую специальность Зина получила на швейной фабрике им. Тинякова. Во время посещения Харьковского дома культуры глухих милую, жизнерадостную девушку заметил тогдашний режиссер драмкружка Н. Маляров, и первая роль Параски в «Сорочинской ярмарке» принесла Зинаиде Даниловне заслуженный успех. В это же время ЦП УТОГ организовывало в Харькове курсы работников культуры, и после их окончания Зина стала библиотекарем в Доме культуры УТОГ. Последовали новые роли на сцене, большие и маленькие. А дальше была война...

В результате жестоких сражений три раза Барвенково, ку-

да вернулась к родителям Зина, переходил из рук в руки. Брат ушел в партизаны, и не раз немцы устраивали на него в доме облавы. Раненых советских военнопленных фашисты держали в сарае впроголодь. Зина со своими слышащими подругами собирала еду и передавала раненым. Во время освобождения города в бывшем здании школы для глухих был организован советский госпиталь, и Зина вместе с земляками ухаживала за ранеными, стирала, стерилизовала и гладила бинты.

Победный 1945 год для Зинаиды Даниловны был особенным — ее назначили председателем первички глухих г. Барвенково. В этом же году Зина вышла замуж и переехала в Харьков, где родился сын Юра. Как только он чуть подрос, Зина пошла работать учетчицей на УПП № 3. Но сцена звала к себе. В 1952 году в драмкружок пришел В.К. Шрамов, ее первый настоящий учитель сценического мастерства. Он был интеллигентом в истинном понимании этого слова и очень любил своих питомцев — самодеятельных артистов, заботился об их душевном росте, никогда не забывал поздравлять с днем рождения, ценил всех.

Конечно, Зинаида Даниловна без помощи супруга не смогла бы столько времени отдавать сцене. Муж, сам активист Общества, хороший спортсмен, с пониманием относился к увлечению Зины искусством и часть домашних забот взял на себя.

После окончания двухгодичных курсов Зинаида работала художественным руководителем Дома культуры глухих. На протяжении 20 лет в одном лице она была и худрук, и костюмер, и организатор различных вечеров и выездов в районы. Больше чем за 30 лет участия в народном самодеятельном театре Зина создала целую галерею сценических образов в спектаклях: «Гибель богов» А. Сафронова, «У неділю рано зілля копала» О. Кобылянской, «В степах України» А. Корнейчука, «Долгожданный» А. Салынского и многие другие.

Зинаида Даниловна полностью отдавалась каждой роли.

В семейном архиве хранится множество почетных грамот, медали лауреата фестивалей, золотая медаль, дипломы.

Сейчас в силу своего возраста Зинаида Даниловна не участвует в спектаклях, но, как прежде, всегда готова прийти на помощь советом и просто добрым словом своим товарищам по сцене, особенно молодым и талантливым.

Как-то раз на мой вопрос, что Зинаида Даниловна считает главным в жизни, она ответила стихами:

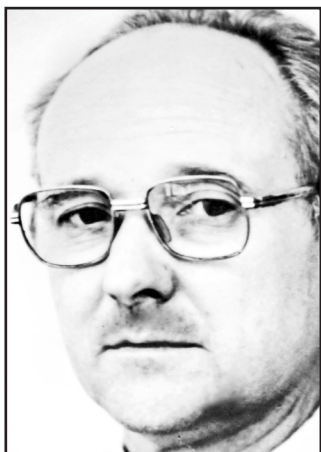
*«Пусть наша жизнь не течение плавное,
Только б в ней было самое главное, —
Сердцем хранимые, сердцем хранимые
Наши любимые».*

В дружной семье Зинаиду Даниловну окружают родные: сын, невестка, любящие внуки, правнучки, и для всех у нее хватает душевного тепла.

Слобожанский волшебник

*«Пусть наш язык застыл в немом бессилье,
Пусть в тишине навеки мы живем,
Одарены в могучем изобилье
Мы гордой волей и живым умом».*

И. ЛАБУНСКИЙ.

О. Нествед.

Олег Феликсович Нествед — замечательный мастер оригинального жанра. Он был хорошо известен не только своим землякам-харьковчанам, но и снискал признание неслышащих зрителей всей Украины и даже международную известность. Более пятидесяти лет он занимался фокусами, иллюзией и достиг в этом искусстве большого мастерства.

Ни одна концертная программа, ни один конкурс иллюзионистов или смотр художественной самодеятельности не проходили без его участия.

Клубная сцена стала его вторым домом.

Родился Олег Феликсович Нествед в Харькове. Слух потерял в 4 года после болезни. Окончил Харьковскую спецшколу-интернат для глухих детей им. Н.К. Крупской.

Олег по своей натуре был мальчишкой любознательным, пытливым, стремящимся все познать, до всего дойти своим умом.

С юных лет Олег любил цирк. Трюки гимнастов, клоунов и фокусников приводили его в восторг. После возвращения с цир-

кового представления он пробовал разгадать секреты иллюзионистов и пытался сам придумать новый оригинальный номер.

В 1955 году Олег — молодой рабочий Харьковского завода «Холодильных машин», по-настоящему увлекся иллюзионным искусством. Свои первые фокусы он показывал в Доме культуры, на заводе, в кругу друзей. Это были самые простые и легкие трюки.

Не посещая никакой студии или кружка по иллюзионному жанру, не имея еще общения с коллегами по увлечению, он самостоятельно готовит первую программу, и первое его выступление в 1964 году приносит победу.

Он завоевал диплом I степени, стал лауреатом городского смотра художественной самодеятельности профсоюзов г. Харькова среди слышащих.

В 1967 году, на таком же смотре, Олегу сопутствует новый успех. В качестве ассистентки он пригласил в программу свою жену Ирину.

Областная газета «Красное знамя» отмечала, что супруги Нестведы «с профессиональным артистизмом проводят сложные иллюзионные номера».

В 1972, 1973, 1977 годах Нествед участвовал в республиканских и всесоюзных фестивалях, где завоевал дипломы первой и второй степени.

В 1990 году он стал лауреатом Всесоюзного фестиваля магов среди любителей и профессионалов, состоявшегося в г. Харькове. Конкурс этот был очень представительный. В составе жюри — признанные исполнители этого жанра: И. Кио, Л. Грин, А. Ларионов. Номер, с которым выступили Нестведы, назывался «Фантазия с цветами». На сцене в ловких руках фокусника все превращается в цветы, которыми он щедро одаривает свою партнершу. И даже бутафорский пистолет в руках Олега Феликсовича «выстреливает» чудесным букетом.

Этот номер в исполнении Нестведов (как и другие их выступления) не только отличались высоким профессиональным уровнем, галантной исполнительской манерой, но и имели свою сюжетную линию и смысловую законченность.

История рождения этого трюка занимательная. Лет 20 назад приехал в г. Харьков А.И. Ларионов — известный мастер иллюзионного жанра, который участвовал со своими номерами в цирковых представлениях.

Олега Нестведа, частого посетителя цирка, поразили чудесные превращения в руках фокусника столика и стула в цветы. Олег решил разгадать этот секрет. Три раза он побывал на выступлениях А.И. Ларионова, пытаясь разгадать фокус. Секрет долго не давался. Много часов Нествед провел в раздумьях, штудировал специальные книги. Пригодилось все, в том числе знание Олегом слесарного, токарного и столярного дела. Упорство и труд, умноженные на знания и мастерство, победили. Столик и стул стали волшебными, как того и хотел мастер.

Этот номер принес Нестведу ошеломляющий успех на Всесоюзном фестивале иллюзионистов. Был в нем один замечательный завершающий штрих — уже исполнив номер и уходя со сцены, Олег поднимал традиционный столик фокусника и через секунду он превращался в щегольский чемоданчик. Ирина же бралась за спинку стула, слегка его встряхивала, и он превращался в изящную корзиночку с цветами. Так, рука об руку и улыбаясь, они удалялись со сцены.

«Звездный час» Олега Нестведа пробил в апреле 1990 года в г. Лейпциге, где проводился III Международный фестиваль глухих магов. Конкуренция была очень жесткая. Неслышащие маги со всего мира оспаривали призовые места.

Глядя на реквизит, который был в руках у его зарубежных коллег, Олегу Феликсовичу оставалось только охать и удивляться. Из отличных импортных материалов были изготов-

лены волшебные аксессуары и технические приспособления, которые каждый мастер держит в секрете.

Олег Нествед тоже хранил в секрете, что все свои «волшебства» он часами и годами изготавливал сам из дешевых материалов: из шелкового шарфика жены, зонта тещи и прочих случайных вещей, подвернувшихся под руку. Благо, жена Ирина понимала увлечение мужа и приносила эти жертвы на алтарь искусства.

В Лейпциге, несмотря на упорную борьбу, Нестведы заняли 2 место в жанре «Сценическая магия». Это была уже победа, подтверждающая международный класс их мастерства.

Были у Олега Феликсовича и другие замечательные выступления: в 1991 году в г. Запорожье на концерте среди профессионалов иллюзионного жанра; в 1992 году на смотре-конкурсе в г. Киеве, где он с женой получил приз «За элегантность исполнения программы»; в 1994 году на городском фестивале инвалидов в г. Харькове, когда зал бурно аплодировал неслышащему фокуснику.

Он участвует в больших концертах, в престижных конкурсах, чувствуя себя уверенно и естественно перед любой, даже самой взыскательной аудиторией. Но с таким же удовольствием он едет и в далекий районный центр, где выступает перед глухими из глубинки. И везде Олег Нествед работает профессионально и четко.

Свое мастерство он охотно передает молодежи. В числе его учеников — молодой талантливый фокусник Вадим Присекин, который на IX Всемирном фестивале глухих иллюзионистов, проходившем в Москве в 2002 году, награжден первой премией в номинации «Микромагия».

Талантливый человек — талантлив во всем. Олег Нествед родился вдали от моря, но в нем живет страсть ко всему морскому, особенно к моделированию старинных кораблей. Это своеобразный «зов крови» — ведь его предки, датчане, с древ-

них времен были отважными мореходами. Если взглянуть на карту, то можно обнаружить в Дании город Нествед...

Образцы творчества О. Нестведа — макеты старинных кораблей — не раз бывали на различных выставках и получали высокую оценку.

Была у Олега Феликсовича еще одна страсть — это народный самодеятельный театр. Впервые он пришел в драматический коллектив в 1955 году. Играл в спектаклях А.И. Максимовой-Набоченко, Н.А. Устинова (актера Московского театра мимики и жеста), А.Н. Росинской, Н.С. Борисенко. С уважением относился к консультанту В.К. Шрамову.

О.Ф. Нествед сыграл более 20 ролей в разноплановых спектаклях. Здесь и Том Брандер в «Гибели богов» Сафронова; Володя Цветков в «Муках ревности» М. Власова; офицер Вернер в «Русских людях» К. Симонова и многие другие роли.

В самом деле, талантливый человек — талантлив во всем.

Вот таким был он, наш слобожанский волшебник!

Влюбленная в Терпсихору

*«Она, одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит, (...)
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет».*

А. ПУШКИН.

М. Суботская.

Тот, кто впервые видит эту милую моложавую женщину, ни за что не определит ее возраст, потому и не удивительно, что на сцене Киевского дворца культуры УТОГ Майя Михайловна Суботская танцевала до 50 лет. Ни один спектакль, ни одна концертная программа не проходили без её участия. Влюбленная в танец с молодых лет, она пронесла любовь к Терпсихоре до сегодняшнего дня. И хотя Майя Николаевна уже давно не выходит на сцену, она остается самым преданным зрителем — не пропускает ни одного мероприятия в Культурном центре УТОГ и, сидя в зале, сопереживает вместе с исполнителями.

Родилась Майя Николаевна в 1937 году в г. Мена Черниговской области. В большой хате под соломенной крышей жила их большая семья. Бабушка была фельдшером, дедушка — офтальмологом, мама — детским врачом, а отец служил в авиационном полку в г. Конотопе. В этой же хате жила и прабабушка с тремя дочерьми.

Дом был большой, стоял посреди красивого сада, а рядом

журчала речка и зеленел лес. В дружной семье часто по вечерам музицировали, пели, танцевали. Отец и мать в молодые годы участвовали в художественной самодеятельности. И хотя маленькая Майя, потеряв слух в раннем детстве, не могла воспринимать мир звуков, она унаследовала от родных любовь к творчеству, к искусству.

Семья часто переезжала вслед за отцом на очередное место его службы. Так, в 1940 году они оказались в Харькове, а когда началась Великая Отечественная война — эвакуировались на Урал. Здесь, в селении Синара, что на горе Шаньга, Майя вместе с другими детьми собирала грибы и ягоды в окрестных лесах.

Когда в конце 1943 года Черниговщина была освобождена от немцев, семья возвратилась в Мену, под крышу своей родной хаты. В следующем году — вновь переезд, теперь уже в Москву. Здесь Майю определили в спецшколу для слабослышащих детей № 337 (ныне № 30). Майя училась хорошо и с увлечением посещала уроки ритмики, а также танцевальный кружок.

Когда девочке исполнилось 9 лет, мама впервые повела её и сестру в Большой театр, на балет «Лебединое озеро». Для Майи это было что-то волшебное, сказочное. Тогда и зародилась у нее заветная мечта стать балериной. Несмотря на слова мамы, что для этого обязательно нужен хороший слух, Майя делала все для достижения своей мечты. Она посещала танцевальный кружок и хорошо танцевала в пуантах. Глядя на ее выступления, никто не мог поверить, что она не слышит.

В 1953 году отца перевели в Киев. Майе было в то время шестнадцать лет. Руководитель танцевального кружка РДК УТОГ Янина Вацлавовна Ланге, посмотрев, как танцует эта красавица с черными волнистыми волосами и огромными глазами, поставила ее на главные роли.

И Я.В. Ланге, и сменившая ее Н.Б. Трубецкая, были в прош-

лом балеринами, поэтому упор в танцах делали на балет. Майя и её партнеры с честью справлялись с непростыми задачами. Их выступления доставляли большую радость неслышавшим зрителям.

В 1958 году Майя поступила в Киевскую вечернюю школу рабочей молодежи № 27, которую окончила в 1962 году с отличием.

В эти годы участники художественной самодеятельности часто выезжали с концертными программами в разные города бывшего Союза и во многие города и районные центры Украины. Свои любимые танцы Майя помнит до сегодняшнего дня: «Украинский», «Гуцульский», «Нунча», «Русский», «Мексиканский», «Балет-вальс», «Подсолнух», отрывок из балета «Лебединое озеро», танцевальная сюита «Это было давно» и многие другие. Когда готовился балет «Подсолнух», не было средств на пошив театрального костюма, поэтому Майя сшила его сама. Впрочем, она не раз перешивала свои костюмы для выступлений — ей важно было, чтобы наряд был красивым, а танец понравился зрителям.

Спустя годы Майя перешла в Народный самодеятельный театр при Киевском дворце культуры УТОГ, где сыграла много ролей в таких спектаклях, как: «Шельменко-денщик», «Ой не ходи, Грицю...», «Клоп», «На рассвете», а также участвовала в пантомиме, шуточных сценках и других постановках. За активное участие в хореографическом кружке, а затем — в НСАТ, Майя Николаевна не раз награждалась почетными грамотами и дипломами Центрального правления УТОГ и Киевской организации УТОГ. В копилке ее наград не только 22 грамоты, но и медали «Ветеран труда» и «В ознаменование 1500-летия Киева», а также награды лауреата фестиваля самодеятельного народного творчества (в 1972 году она была награждена серебряной и бронзовой медалями, а в 1977 году — самой высшей, золотой наградой).

Выйдя на заслуженный отдых, Майя Николаевна продолжала большую общественную работу. Она была избрана председателем Совета ветеранов Киевской организации УТОГ и председателем клуба «Ветеран» при Культурном центре УТОГ, где активно проработала с 1997 по 2004 год. За это время она организовала и провела много мероприятий: экскурсии в разные города, походы в музеи и театры Киева и др. А главное, Майя Николаевна смогла добиться для ветеранов бесплатного зубопротезирования, о чем многие из них с благодарностью вспоминают по сей день.

Окончив еще в юности курсы вязания, Майя Николаевна долгие годы работала вязальщицей и преподавала на курсах вязания во Дворце культуры УТОГ. Ажурные изделия, связанные ее умелыми руками, стали любимыми нарядами в гардеробе неслышащих киевлян.

Хранитель Вечности

Итоги и даты

В.В. Скурчинский.

В 2015 году исполнилось 80 лет нашему бессменному директору Музея истории Украинского общества глухих — Владимиру Викторовичу Скурчинскому. Событие никак не рядовое, особенно для тех, кто близко знаком с этим уникальным человеком. Лауреат республиканских и всесоюзных фестивалей художественной самодеятельности, обладатель многочисленных дипломов и почетных грамот, ветеран труда, Почетный член УТОГ, заслуженный работник культуры и директор му-

зея Владимир Викторович — это яркая звезда из плеяды видных людей Общества. Человек, близко знавший Сапожникова И.А., Неплюй М.И., Криволапова И.Т. и других известных деятелей УТОГ, отныне он сам стал живой частицей нашей истории. И еще, он просто любимый нами человек, друг и «душа компании» неслышащих, и не только их, а всех, кто его знает и любит. Юбилей — это, в некотором смысле, время подведения итогов. Глядя на энергичного и деловитого директора музея, вникая в его заботы, начинаешь понимать, какую гигантскую работу проделал этот человек. Делу создания музея отдана почти вся его жизнь. Экспонаты, собираемые годами, бережно и с любовью хранимые — свидетели больших и малых исторических событий жизни УТОГ, его славы и побед,

живая память ушедших лет и дань уважения людям, внесшим свой вклад в развитие Общества. Без прошлого нет будущего, и созданный им музей УТОГ — это наши истоки, из которых начиналось Общество, подобно тому как, из маленького лесного родничка начинается могучая река бытия. Река по имени Жизнь.

Взгляд сквозь годы

Я не ровесница В.В. Скурчинского. Моя первая встреча с ним состоялось в 1995 году, когда, будучи новым сотрудником КЦ, я впервые шагнула в зал музея, чтобы ознакомиться с его экспонатами, а Владимир Викторович, с присущим ему юмором, провел для меня коротенькую экскурсию. Мы разговорились и тут же стали друзьями. Этот незаурядный человек сначала казался мне, новому работнику КЦ, просто скромным директором музея. Бросалось в глаза только одно — к нему тянулись все неслышащие посетители Культурного центра. В нем чувствовалась сила и обаяние яркой личности, аура доброты и недюжинный интеллект. К нему «на огонек» шли глухие за советом, поговорить о жизни, поделиться наболевшим. И еще поражала его удивительная бескомпромиссность и безоговорочное отстаивание прав глухих в любой деятельности.

Как говорит пословица: «лицом к лицу — лица не увидать!» Только с годами совместной работы в КЦ, для меня все ярче и сильнее стала проступать значимость и вклад Владимира Викторовича в работу над историей УТОГ, его колоссальная работа по созданию музея. Он стал для меня человеком с большой буквы, достойным «нерукотворного памятника» и живой легендой.

Страницы биографии

Коренный киевлянин — Владимир Викторович Скурчинский родился в 1935 году в многодетной семье глухих. Отец — Скурчинский Виктор Сергеевич, работал на Первой обувной фабрике. Мать — Скурчинская Мария Андриановна, трудилась на УПК № 1 УТОГ. Они были простые рабочие люди.

В три года Вова заболел скарлатиной и частично потерял слух. В годы войны, в оккупированном немцами Киеве, отчаянный мальчишка чудом избежал угона в гитлеровскую Германию. Видимо, судьба хранила Вову. В 1950 году он окончил 7 классов массовой школы, и с 15 лет пошел работать учеником в швейную мастерскую. В 19 лет Вова полностью потерял слух и окончательно связал свою судьбу с Украинским обществом глухих. Жизнерадостный и разносторонне одаренный юноша быстро завоевал признание и авторитет в Доме культуры УТОГ, как активный участник художественной самодеятельности. Многочисленные дипломы и награды, врученные на Всесоюзных смотрах и конкурсах — как подтверждение его многогранного таланта. Помимо этого, Владимир увлекался фото и киносъемками. Так возникла первая киностудия при Доме культуры глухих. Снимаясь вместе с Е. Заднепровской, Вова сыграл главную роль в кинофильме «Первые чувства», который затем занял первое место на Республиканском кинофестивале глухих. Кроме этого, им было создано много интересных киноэтюдов и зарисовок. В 1968 году при Проектно-конструкторском бюро (ПКБ УТОГ) была создана кинолаборатория, в которую перешел работать Владимир Викторович инженером-кинооператором. Он снял документальный фильм «Сосновый бор», в котором сам был автором, режиссером и оператором, а также, по заказу Киевского УПК № 2 УТОГ, — фильм «Жизнь одного предприятия». В 1969 году Владимир Викторович перешел работать инже-

нером по технике безопасности на Киевский УПК № 2 УТОГ, переименованный на КОПО «Контакт». Там он трудился вплоть до выхода на пенсию.

Рождение музея

Одной из ярких страниц биографии В.В. Скурчинского стало воплощение в жизнь идеи его отца о создании музея Украинского общества глухих, который открылся в 1967 году. Начав практически с нуля, Владимир Викторович по крупицам собирал интересные экспонаты, приобретал их на свои сбережения и исколесил в поисках их почти весь Союз. Делу создания музея он посвятил всю свою оставшуюся жизнь. За годы своего существования, на общественных началах, музей неустанными заботами Владимира Викторовича обновился и разросся до уровня всеукраинского. Многочисленные зарубежные делегации, посещающие УТОГ, школьники и студенты знакомятся с его экспонатами. Музей Общества отныне наша гордость и история для будущих поколений. А Владимир Викторович по-прежнему собирает и ищет редкие, интересные фотографии, документы и факты из жизни неслышащих, проводит экскурсии для молодежи и школьников. Для многих посетителей Культурного центра он интересный собеседник и живая энциклопедия УТОГ. Его память и знания о различных событиях истории Общества поражают даже ветеранов.

Вместо эпилога

Страна глухих! Тебя нет ни на одной карте мира, ни в одном школьном учебнике по географии. Но, тем не менее, ты существуешь и живешь на свете по своим, только тебе известным, законам бытия. В твоих недрах нет ни золота, ни полезных ис-

копаемых, а главное твое богатство — люди, с их заботами и жизнью. И своеобразен твой жестовой язык, твой мир и твой менталитет.

Остановись на мгновение и оглянись, моя страна! Не отсюда ли, из этого музея начинаются твои корни, твоя память и слава, твой путь в завтра. А во главе его стоит уникальный человек и его бессменный хранитель — В.В. Скурчинский, чей вклад в твою историю колоссален и неоценим. Знай и помни об этом, страна!

Театр — ее призвание

*«От странной лирики, где
каждый шаг — секрет,
Где пропасти налево и направо,
Где под ногой, как лист увядающий, слава,
По-видимому, мне спасенья нет...»*

А. АХМАТОВА.

А. Росинская.

Однажды до войны пришла в клуб Харьковского облотдела глухих молоденькая неслышащая девушка. Звали ее Ариадна. Пришла и осталась. Вступила в Общество глухих, стала часто приходить в клуб на мероприятия.

Особенно привлекли Ариадну занятия в хореографическом кружке. Она была удивительно способной танцовщицей — пластичной, с поразительным чувством ритма. Быстро выучила и жестовый язык, который был для нее таким же органичным, как и танцевальные движения.

Родилась Ариадна 2 апреля 1920 года в Харькове. Оглухла в раннем детстве после менингита. Благодаря тому, что мать полностью посвятила себя ее воспитанию и обучению, Ара получила хорошее домашнее образование, а затем продолжила учебу на Харьковском индустриальном рабфаке.

Свою трудовую деятельность она начала чертежницей-копировальщицей на табачной фабрике. Днем работала, а вечером бежала в клуб. И до войны и после нее она исполняла

главные роли в спектаклях с преобладанием танцевальных номеров, которые ставил балетмейстер И.Ф. Дергауз. Ара была и Земфирой (А.С. Пушкин «Цыгане»), и Эсмеральдой (балет «Лилея»).

В феврале 1941 года коллектив подготовил спектакль «Сорочинская ярмарка» Н. Гоголя, а в мае этого же года показал его в Одесском клубе глухих. В спектакле участвовало 60 глухих актеров. Успех был ошеломляющий. Артисты возвращались в Харьков, исполненные надежд и новых планов, но Великая Отечественная война надолго прервала работу самостоятельного коллектива.

С началом войны Ариадна Наумовна, вместе с мужем Абрамом Израйловичем Росинским, эвакуировалась в Среднюю Азию. С большими трудностями они добрались до Узбекистана. Здесь им предоставили временное жилье и нашли в колхозе работу по очистке хлопка.

Позже Росинские обратились за помощью в местное Общество глухих, где к ним отнеслись с сочувствием и направили на работу на завод «Сельмаш». Абрам Израйевич работал слесарем, а Ариадна Наумовна — копировальщицей.

Затем семья Росинских переехала работать в г. Андижан. Муж работал начальником цеха по пошиву обуви, затем был назначен директором предприятия, а Ариадна Наумовна возглавила местное Общество глухих. После освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков Ариадна Наумовна с маленьким ребенком вернулась домой и начала работать заместителем директора по УВР Харьковского УПК № 3 УТОГ, а вечерами опять посвящала себя сцене. С 1952 года ее по совместительству приняли в Харьковский дом культуры УТОГ руководителем драматического коллектива. Это была ее заветная мечта, и она полностью отдалась работе, в которой ей постоянно сопутствовал успех.

После освобождения Харькова в коллектив вернулись ве-

дущие актеры: Ф. Лисбанова, М. Гринев, Г. Толыпин, З. Плис, И. Шейко и др. Пришло и молодое пополнение: З. Богатырева, Ю. Гузенко, В. Иванушкин, В. Хоменко. В. Лапко, О. Нествед. Вернулся из эвакуации режиссер К. Маляров. Был приглашен в качестве консультанта методист Дома народного творчества В. Шрамов. Много сил отдавали подготовке спектаклей руководитель драмколлектива Н. Устинов и художественный руководитель З. Плис.

Драматический коллектив работал в полную силу и одержал немало побед, в их числе: награждение золотыми медалями и дипломами в республиканских конкурсах, успех на многочисленных гастролях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Риге, Львове.

В 1952 году коллектив участвовал со спектаклем Я. Галана «Под Золотым орлом» в Республиканском смотре художественной самодеятельности УТОГ и занял второе место.

В 1953 году был поставлен спектакль Ю. Буряковского «Прага остается моей», который был показан в Сумах, Полтаве, в Харьковском театре оперы и балета (для слышащих зрителей). В 1956 году харьковским актерам рукоплескали неслышащие киевляне, которым они показали спектакль И. Шиллера «Коварство и любовь».

За годы работы Ариадны Наумовны драмколлектив осуществил постановку многих спектаклей и объездил практически весь бывший Союз.

В 1963 году А.Н. Росинская уволилась с должности заместителя директора по УВР УПК № 3 УТОГ и перешла работать режиссером драматического коллектива в ДК УТОГ.

Она всецело посвятила себя любимому делу, и уже в 1967 году был подготовлен спектакль «Русские люди» К. Симонова, с которым харьковчане выступили на Республиканском смотре и заняли первое место.

Ариадна Наумовна умела подбирать участников художе-

ственной самодеятельности на главные роли. Так, в спектакле «Русские люди» участвовали Ирина Нествед в роли Вали Анощенко и Владимир Хоменко в роли комбата Сафонова.

За постановку этого спектакля драматическому коллективу в 1967 году было присвоено звание «Народный самодеятельный театр».

С 1970 по 1973 год подготовлены такие многоактные спектакли, как: «Сережка с Малой Бронной» Ю. Шевкуненко; «Лекарь поневоле» Ж. Мольера; «Все остается людям» С. Алешина; «Не все коту масленица» А. Островского; «Солдатская вдова» Н. Анкилова; «Долгожданный» А. Салынского.

Ариадна Наумовна проработала режиссером драматического коллектива 24 года и поставила 15 многоактных спектаклей, которые были показаны на сценах различных городов бывшего Союза более 85 раз.

После выхода на пенсию по возрасту она не ушла из Дома культуры УТОГ, а продолжала работать там костюмером. Душой болея за свое детище, она продолжала агитировать молодежь, привлекая ее к активному участию в театральных постановках. Щедрая, душевно чистая, всегда готовая прийти на помощь другим, талантливая и бескорыстная — такой запомнили Ариадну Наумовну все, кто имел счастье знать ее.

В 1989 году после тяжелой болезни ее не стало, но осталась память о ней, и остался театр, носящий ее имя.

Счастливая судьба

И. Нествед.

Толпа народа собралась у пятиэтажного дома. Люди смотрели вверх, ахали, охали и не знали, что предпринять. А там, наверху, по карнизу, мимо окон, преспокойно шла девочка лет шести-семи. Вот она миновала три окна. Перед ней была ограда балкона, впритык к карнизу. Девочка перебралась через ограду, прошла по балкону и отправилась в обратный путь, на карниз. И в это время послышался отчаянный женский крик: «Это Ира, Ира! А-а...» Женщина бежала изо всех сил к до-

мму, влетела в подъезд — скорей, на пятый этаж, спасти дочку! А девочка в это время, все так же невозмутимо, прошла по карнизу, ступила на подоконник и спустилась в комнату. В этот миг в комнату вбежала мама, увидела дочь: «Ира!» и — упала в обморок. Появилась соседка, плеснула водой из стакана — мама очнулась. Обретя силы, она схватила дочь и задала ей порядочную трепку. Кричать и упрекать было бесполезно — Ира была глухая. Ей не было и года, когда она потеряла слух после гриппа.

Какой же это был любимый и какой трудный ребенок! Беда настигла малышку незадолго до войны, а потом было прощание с отцом, уходившим на фронт, эвакуация в Саратов. Лидия Михайловна, молодой инженер-автомобилист, занята была с утра до позднего вечера — проектировала взлетные полосы для военных аэродромов, занималась восстановлением

мостов. Четыре тяжких военных года — «Все для фронта, все для победы!» И вот она, Победа! И можно вернуться в родной Харьков! Ире уже пять лет, но она по-прежнему не слышит и, что самое мучительное для родителей, не говорит. Вот только теперь появилась возможность больше внимания уделить ребенку.

* * *

— Ира, смотри на меня! Скажи: А-а! А-а! Посмотри на себя в зеркало, скажи: А-а! А-а!

Евгения Соломоновна Пайкина терпеливо берет Иру за плечи, требует смотреть на себя: «А-а! А-а!» Поворачивает девочку к зеркалу. Ира пользуется мгновением, когда ладони педагога слегка разводятся в стороны, и — быстрее молнии вырывается, бежит в ванную и запирается там. Ей не хочется говорить «А-а! О-о! У-у!» Это так непонятно, так скучно.

На следующий день Евгения Соломоновна приходит с кульком конфет: Ира, скажи: «А-а! А-а! Скажи, скажи! Видишь — вот конфетка! Скажешь — и дам!». Ира смотрит на конфетку и прекрасно понимает, чего от нее хотят. Она открывает рот и нехотя тянет: «А-а!» Конфетка сразу же оказывается в ее руке, потом во рту.

Не один год Е. С. Пайкина занималась с Ирой, формировала ее речь, учила грамоте, счету и азам других школьных предметов. Она же приохотила девочку к чтению книг. Это тоже далось непросто. Каким чтением можно заинтересовать ребенка? Надо дать что-то особенно интересное, интригующее. После первых неудачных попыток учительница предложила Ире книжку про шпионов. Напечатана она была крупными буквами, встречались картинки, сюжет излагался просто, доступно, и хотелось узнать: а что будет дальше? Вот

на этот-то крючок и попалась наша Ира. Ей захотелось читать «про шпионов» еще и еще. А там уже и другие книги пошли.

Ирина Андреевна Нествед с благодарностью вспоминает свою первую учительницу и обводит взглядом ряды книжных полок в своей комнате.

И дальше, на каждом повороте жизни встречались Ирине люди, которые делились с ней своим жизненным опытом и давали дельные советы. Пришла юная Ирина в Харьковскую вечернюю школу для глухих, там ее зачислили в пятый класс. А при вечерней была еще и заочная школа, которая давала знания за 10 классов по той же программе, что и в массовой средней школе. Математику и в вечерней, и в заочной школе преподавал глухой учитель Владимир Никанорович Хоменко. Поговорив с Ирой, он сразу же оценил ее способности и прочную базу знаний.

— Иди, Ирина, в заочную! Там труднее, но зато ты получишь полное среднее образование!

Ирина послушалась. И этого человека она тоже вспоминает с благодарностью.

Листая семейный альбом, Ирина Андреевна показывает цветную фотографию из журнала «Смена» за 1955-й год, на ней — всемирно известная олимпийская чемпионка, гимнастка Лариса Латынина и пятнадцатилетняя Ирина: обе в спортивном трико, Лариса стоит в позе тренера, Ирина исполняет одно из гимнастических упражнений. Какими судьбами они оказались рядом?

Мама Ирины Нествед, Лидия Михайловна, которую помнят еще под девичьей фамилией Красненко, с 18-ти лет занималась спортивной гимнастикой, до войны успешно участвовала в различных соревнованиях, а после войны продолжала выступать и прославилась на всю страну, став чемпионкой Советского Союза в вольных упражнениях, тогда и получила золотую медаль. Дочку свою, Ирину, она стреми-

лась закалить физически, привлекла к занятиям спортивной гимнастикой в Харьковском спорткомплексе «Динамо». Ирина тренировалась вместе со слышащими. В 1955 году мама со своей сборной поехала в Москву и взяла с собой дочку — пусть посмотрит серьезные соревнования. Как водится, фотокорреспонденты стремились запечатлеть прославленную чемпионку Ларису Латынину. Они нашли ее на московском стадионе, неподалеку была Ирина с мамой. Прекрасно, сюжет готов! Самый проворный корреспондент просит Латынину занять позу тренера, бежит к Ирине, хорошенькой девочке с короткими кудрями, влечет ее к Ларисе: а ну, становись, вот так! Или так? Одобрено! Щелчок фотоаппарата — и снимок пошел в журнал.

В последующие годы Ирина упорно тренировалась, участвовала в соревнованиях по спортивной гимнастике среди слышащих, причем очень успешно: всякий раз ей вручали грамоты, присвоили сначала 3-й разряд для взрослых, потом она выполнила норму 2-го разряда, а в 1958 году — норму 1-го разряда. И вдруг — стоп! Ирина Холодова (такова ее девичья фамилия) выходит замуж за Олега Нестведа. А потом появилась на свет первая дочка. Тренировки заброшены. Проходит время. В апреле 1961 года планируются 1-е Всесоюзные соревнования по спортивной гимнастике среди глухих. Анатолий Симоненко уже прослышал об Ирине, знал, что с глухими она еще не общалась, не владеет жестовой речью, но ведь прекрасная гимнастка и надо же, чтобы кто-то поддержал честь глухих харьковчан в этом виде спорта. Он идет к Ирине, беседует с ней и с ее мужем, уговаривает. Последнее слово было за Олегом. Он согласился. За дочкой стала присматривать бабушка, а Ирина принялась за тренировки, надо было спешить, так как сроки поджимали. Скольких же синяков и ссадин стоили ей эти тренировки! И все же упорство было вознаграждено: на 1-м Всесоюзном первенстве по спортивной гимнастике

в Москве среди глухих Ирина заняла 3-е место в общем зачете и 2-е место в вольных упражнениях.

1961-й год был очень насыщенным для Ирины — к спортивным волнениям прибавилось огромное впечатление от спектакля «Гибель богов» в Харьковском доме культуры глухих. Одну из ролей в нем играл ее муж Олег. Очарование сценой заронило в ней мечту: вот бы самой так играть, стать актрисой!

Я помню юную Ирину Нествед читающей стихи на сцене нашего ДК. Большое внимание уделяла ей Ариадна Наумовна Росинская, она обучила начинающую артистку основам сценической жестовой речи. И в 1964 году мы увидели Иру в первой ее крупной роли — в спектакле «Беда от нежного сердца», который поставил режиссер того периода Василий Калинович Шрамов. А дальше пошли все новые и новые роли. Даже рождение второй дочки не заставило Ирину Нествед бросить театр. Мы видели ее в спектаклях «В степях Украины», «Русские люди» (за лучшую женскую роль в этом спектакле Ирина получила золотую медаль), «Сережка с Малой Бронной», «Солдатская вдова», «Трибунал», «А зори здесь тихие», «Шельменко-денщик», «Без вины виноватые» и в других. Когда недавно на последнем из названных спектаклей присутствовала гостья, знаток театра, она призналась: «Как только я увидела Ирину Нествед на сцене, я поняла, что это прирожденная актриса».

Высокая артистическая культура присуща И. А. Нествед в любом из ее выступлений, будь то роль в спектакле, исполнение частушек, ассистирование О. Ф. Нестведу в оригинальном жанре, за успехи в котором оба они удостоились высоких наград.

А за всеми спортивными и театральными достижениями — работа на производстве: 11 лет — оператором, а потом старшим оператором вычислительных машин, когда доводилось быть наставницей слышащей молодежи; затем 22 го-

да — учетчицей, в дальнейшем — бухгалтером закройного цеха Харьковского УПП № 2. Специальность свою И. Нествед получила благодаря деду по отцу, он был заместителем директора Харьковской фабрики механизированного счета и обучил внуку. Имея полное среднее образование, прочные знания по математике, Ирина успешно сдала экзамены и стала оператором.

Вот такая судьба. Прямо скажем — счастливая судьба, когда человек реализовал себя во всем, на что был способен, добился всего, к чему стремился. Прекрасный пример для нашей молодежи!

Сцена — любовь и жизнь ее

А. Исакина.

Анне Константиновне Исакиной судьба не дала радости слышать, но подарила добрую душу, талант к искусству, которым она щедро делится с другими глухими людьми.

Родилась Анечка 13 октября 1936 года в селе Белоусовка Вознесенского района Николаевской области в семье Константина Терентьевича и Ефросиньи Васильевны Мачулей. Росла жизнерадостной и неугомонной девчушкой, которая постоянно что-то напевала, а вечерами, когда семья садилась за стол, танцевала для

папы и мамы. Так и прозвали ее «артисткой».

Неизвестно, как бы обернулась ее дальнейшая жизнь, но от судьбы не уйти... В 1942 году, когда была в полном разгаре война и земля стонала от взрывов бомб и канонад, Анечка заболела менингитом и оглохла. Долгие месяцы она была прикована к постели и уже не могла ни петь, ни танцевать. Тяжелая болезнь отобрала у девочки слух, и она уже больше никогда не слышала пения птиц и голоса мамы...

Вначале сверстники забегали навестить Анечку, но общаться с ней было трудно, и ребята появлялись в ее доме все реже. Мир потускнел, ничто не радовало, время как бы остановилось.

Однако жизнь брала свое. Спустя два года, когда Ане исполнилось 8 лет, ее определили в Николаевскую школу-интернат для глухих детей. Учеба давалась ей легко, а вот общаться со сверстниками не могла, так как жестового языка не знала.

Но, находясь в кругу глухих, научилась жестам и вскоре начала участвовать в школьных кружках художественной самодеятельности. Особенно любила Аня танцевать и перевоплощаться в любимые образы из сказок.

В 1951 году Аню перевели в Одесскую школу-интернат № 91 для глухих детей, которую она окончила в 1953 году.

Годы были трудные, нужно было думать о куске хлеба, и Аннушка поступила ученицей швеи на Николаевский учебно-производственный комбинат УТОГ, где быстро овладела профессиональными навыками. Вскоре ее назначили бригадиром, а затем — сменным мастером. Во время обеденного перерыва Аня любила рассказывать глухим о прочитанных книгах и интересных статьях из газет, организовывать импровизированные спектакли. Она очень увлеклась культурно-массовой работой, и как-то само собой происходило, что к ней тянулись неслышащие за советом и помощью. Видя, что Аня пользуется авторитетом среди глухих, руководство комбината предложило ей работать воспитателем общежития.

Вечерами после работы она спешила в Дом культуры глухих — это был ее второй родной дом. Здесь она посещала спортивные секции. Особенно любила баскетбол и принимала участие во всех городских и областных соревнованиях, имея второй разряд.

Однако настоящее удовольствие Аня получала, когда участвовала в художественной самодеятельности. Выступление на сцене стало смыслом ее жизни. Молодая, энергичная, веселая, она была лидером во всех мероприятиях Дома культуры УТОГ и своим примером привлекала молодежь к участию в драматическом кружке и кружке малых форм.

Вспомнив, как мама по праздникам в кругу соседей под гармонь пела частушки, Аня сама начала подбирать стихи и петь их на всех мероприятиях в ДК. Это стало ее настоящим увлечением.

Когда в 1964 году был объявлен набор на Курсовую базу УТОГ, она приехала в Киев и первая подала заявление на учебу. Двухгодичные курсы клубных работников окончила с отличием. После возвращения домой ее назначили художественным руководителем Николаевского дома культуры УТОГ. Мир для нее будто окрасился в розовый цвет — наконец-то сбылась давняя мечта и теперь она может полностью отдать себя сцене — петь, танцевать и учить этому других.

Первый спектакль «Дядя Костя», о подвиге разведчика Константина Заслонова в годы Великой Отечественной войны, на зональном смотре получил высокую оценку. Эта победа окрылила Анну Константиновну, она с удвоенной энергией взялась за работу в Доме культуры УТОГ, создавая многочисленные кружки: драматический, эстрадный, клоунады, танцевальный, которые постоянно участвовали во всех областных и республиканских смотрах художественной самодеятельности.

К каждому крупному мероприятию, проводимому Николаевской облорганризацией УТОГ, готовились большие разнообразные концертные программы и спектакли с участием учащихся спецшкол-интернатов и самой Анны Константиновны.

Ежегодно, в порядке поощрения участников художественной самодеятельности, коллектив выезжал в Полтаву, Львов, Одессу, Донецк, Херсон, Ужгород с показом концертных программ и спектаклей. Анна Константиновна лично участвовала в таких спектаклях, как: «Жаркое лето в Берлине» (роль служанки профессора), «На линии фронта» (партизанка Нина), «Последнее звено» (Мария, жена полковника Ярова), «Трибунал» (мать Володи), отрывок из спектакля «Свадьба в Малиновке» (Триндычиха), отрывок из спектакля «Женитьба» (Агафья Никифоровна) и многие другие.

В 1990 году Анну Константиновну назначили директором Николаевского дома культуры УТОГ. В этой должности она

проработала около 10 лет, а после выхода на пенсию перешла работать на Николаевское предприятие «Зоря — Машпроект» и продолжает участвовать в художественной самодеятельности. Ни один спектакль, ни один концерт не проходят без ее участия. Кроме того, она — председатель областного Совета ветеранов УТОГ, оказывает помощь неслышащим пенсионерам и всегда готова прийти на помощь нуждающимся в ней.

На протяжении 25 лет Анна Константиновна избиралась членом правления и членом президиума Николаевской областной организации УТОГ, удостоена звания «Отличник УТОГ», неоднократно награждалась почетными грамотами президиума ЦП УТОГ и Николаевской облорганизации УТОГ.

*«Они уходят безвозвратно, неповторимые года,
А мы ведь думали когда-то, что будем молоды всегда...
И нам казалось год от года, когда врывалась в мир весна,
Что нас помилует природа, что нас не тронет седина.
Уходят годы осторожно, мы не сдаем своих высот
И только зеркало безбожно наш возраст все же выдает».*

Но Анна Константиновна молода душой всегда, духом не падает, зеркалу не верит, и до сих пор выступает на сцене в концертных программах, как и в прежние годы.

Звезда эстрады

Р. Пискун.

При упоминании ее имени перед глазами возникает залитая светом клубная сцена, а на ней — изящная женщина в длинном черном бархатном платье. А рукава в нем с фонариками, с прорезами, сквозь которые сверкают белые руки. А сама она была так похожа на знаменитую Софию Ротару!

Раиса поет... Плавно мелькают гибкие руки, рисуя тончайшее кружево песни и проникает до глубины души нежная мелодия, которую мы слышим глазами...

В детстве, заболев в девятилетнем возрасте менингитом, она отчаянно сопротивлялась ему и смогла отвоевать у болезни немного слуха. Поэтому, прислушиваясь к звукам баяна или рояля на сцене, она так тонко передавала все оттенки лирических песен.

Училась Рая в Одесской школе для слабослышащих детей № 97. А с 1955 года, после окончания школы, началась ее трудовая биография: работала сначала на Одесском учебно-производственном предприятии № 3, где научилась очень ответственной операции — сборке маслофильтров, а потом перешла на швейное предприятие, где овладела премудростью пошива мужских костюмов.

После работы шла Рая в Дом культуры УТОГ на репетиции художественной самодеятельности, где делала большие успехи. Ее способности, эрудиция и организаторский талант бы-

ли высоко оценены, и Раиса, к ее большой радости, была направлена на учебу в Киев, на Курсовую базу УТОГ, в группу клубных работников.

Одновременно с учебой Рая по совместительству работала библиотекарем в Киевском дворце культуры УТОГ. Ей очень нравилось быть хозяйкой в царстве книг и журналов, она радовалась каждому посетителю библиотеки, выдавала и принимала книги бережно и любовно, как самую большую драгоценность. И, конечно, влюбилась в прекрасный, древний и вечно молодой Киев, в золотые купола его церквей, любовалась, как «чуден Днепр при тихой погоде».

Но когда по окончании учебы ей предложили остаться работать во Дворце культуры, она сразу отказалась, повторяя, что никогда не оставит Одессу и ни на что ее не променяет.

Ее давно ждал Одесский дом культуры, где она стала работать массовиком. Это была очень веселая, творческая работа, но она требовала серьезного подхода и ежедневных поисков нового. Раиса была неистощима на выдумки, придумывала игры и развлечения, танцы и конкурсы. Молодежь охотно проводила свой досуг в клубе. Нередко туда приходили повеселиться и пенсионеры, которым молодая хозяйка была от души рада.

А еще было у Раисы другое увлечение — спорт. Она занималась легкой атлетикой, настольным теннисом, играла в волейбол, участвовала в различных соревнованиях. Спортивные тренировки приносили радость телу, а для души были репетиции в драмкружке Дома культуры, где режиссером была замечательная артистка Н.В. Коржинецкая. Под ее руководством драмкружок ставил прекрасные спектакли. В 1967 году он получил звание Народный самодеятельный театр.

Раиса Пискун сыграла почти в 50 разных спектаклях. Играла на одной сцене вместе с известными артистами: К. Бородиной, В. Стельмашуком, Л. Кирилюк, М. Головченко, А. Дрибнюхом и другими.

Однажды готовили спектакль «Трехгрошовая опера», с которым должны были ехать в Харьков на смотр художественной самодеятельности. Но неожиданно заболела артистка Галина Крестино, которая играла главную роль. Положение спасла Раиса Пискун: она в кратчайший срок выучила эту роль и прекрасно ее сыграла. К большой радости одесситов, «Трехгрошовая опера» заняла первое место.

Со своим будущим мужем Раиса познакомилась на спортивных соревнованиях по волейболу. В 1964 году молодая пара сыграла комсомольскую свадьбу, и в подарок счастливые супруги получили ключи от квартиры.

Есть у Раисы Дмитриевны еще один талант — кулинарный, из обычных продуктов может создать кулинарный шедевр, от которого любой гурман придет в восторг.

Незаметно прошло 40 лет работы Р.Д. Пискун в Одесском областном доме культуры УТОГ. Позднее ее избрали председателем клуба ветеранов. Долго радовала она своих друзей песнями в жестовом исполнении, легко и просто передавая всю их прелесть плавными движениями прекрасных рук.

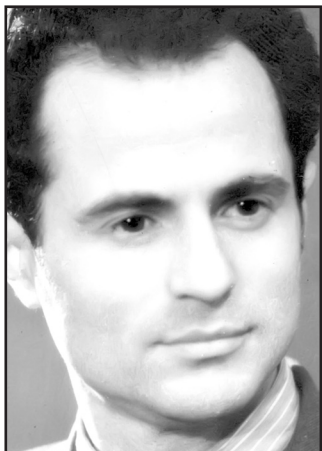
Раиса давно уже на заслуженном отдыхе, нянчится с внуками, заботится о близких, а при встрече с ней одесским ветеранам часто вспоминаются ее песни, ставшие такими понятными и доступными им благодаря ее таланту и умению.

Нина БЕЛОВА

Он принял бой

*«А то, что жил я не напрасно
И не напрасно принял бой, —
За мной идущие прекрасно
Докажут собственной судьбой»*

Михаил ДУДИН.

В. Хоменко.

9 мая 1975 года в г. Новомосковск Днепропетровской области жители праздновали 30-летие Победы над гитлеровским фашизмом. В почетном эскорте с группой ветеранов Великой Отечественной войны шагал и глухой харьковчанин — Владимир Никанорович Хоменко.

Мало кто знал, что в этот день у Владимира Никаноровича был двойной праздник: не только День Победы, но и день рождения.

Родился В.Н. Хоменко 9 мая 1918 года в селе Берданка Харьковской области. Детство его ничем не отличалось от детства остальных сельских детей. Так же как и они, помогал родителям в поле и в саду, пас гусей и коров, как все, играл в «красных и белых», познал голод, холод и нищету. Ещё в детстве перенес тяжелое заболевание, в результате которого потерял слух. После учёбы в школе-интернате для глухих детей им. Н.К. Крупской, Владимир Хоменко в составе группы глухих харьковчан стал студентом рабфака индустриального техникума в Киеве.

Это было в 1938 году. Учился он с большим энтузиазмом. Часто бывал в Киевском доме культуры глухих и часами просиживал в библиотеке.

Ранним июньским утром 1941 года тишину мирного Киева разбудили бомбовые удары фашистских самолетов — началась война. Владимир вместе со всеми студентами работал на строительстве укреплений на подступах к городу. Работа была изнурительная, приходилось трудиться под обстрелом и бомбами. Но немцы наступали, и студенты еле успели эвакуироваться с одним из последних эшелонов. За Полтавой эшелон попал под бомбежку, и дальше пришлось добираться домой пешком.

Село Берданка стоит на оживленной магистрали, которая связывает Харьков с Днепропетровском, в нескольких километрах от него находится Красноград, а с другой стороны — Перещепино. Поэтому здесь сконцентрировалось большое количество фашистских войск. В селе хозяйничала немецкая власть. Назначили старосту. Начались расстрелы, грабежи — фашистские порядки.

Владимир не мог смириться со своеволием и разбоем оккупантов, с жизнью раба. Его душа искала выход из этого положения, но мешала глухота. И вот зимой 1942 года Владимир случайно встретил своего бывшего учителя, Василия Романовича Нестеренко, который доверил ему перевести небольшую листовку на немецкий язык. В таких листовках подпольщики сообщали правду о поражении немецких войск под Москвой. Так Владимир стал подпольщиком, переводил листовки и разбрасывал их в селах и близлежащих городах, а главное — среди немецких солдат. Почти два года, в невероятно тяжелых условиях, под носом у гестапо, действовали местные подпольщики, а в их числе и Владимир Хоменко. Немцы начали проводить аресты и облавы. Подпольщики вынуждены были перебазироваться в другие районы.

Закончилась война. Владимир работал на восстановлении разрушенного войной народного хозяйства и активно посещал Дом культуры УТОГ в г. Харькове. Здесь его и заметили руководитель драмкружка А.Н. Росинская и консультант В.К. Шрамов, пригласили грамотного парня в коллектив художественной самодеятельности. Впервые Владимир Никанорович сыграл в спектакле Я. Галана — «Под золотым орлом» в 1952 году. С этим спектаклем драматический коллектив на Республиканском смотре УТОГ занял I место.

Через год В.Н. Хоменко сыграл роль Ю. Фугина в спектакле Ю. Буряковского «Прага остается моей». С этим спектаклем труппа выступила в театре оперы и балета г. Харькова, а также во время выезда в Сумы и Полтаву.

За 39 лет участия в драмколлективе В.Н. Хоменко запомнился зрителям во многих спектаклях, но особенно в таких постановках, как «Гибель богов» Сафронова, «В степях Украины» А. Корнейчука, где играл Часныка. Все спектакли, в которых Владимир Никанорович исполнял главные роли, как правило, получали высокую оценку зрителей и принимали участие в Республиканских смотрах художественной самодеятельности. За спектакль К. Симонова «Русские люди» коллектив получил звание «Народного».

Однако, работа на сцене не была основной для Хоменко, это всего лишь его хобби, увлечение для души. А работал он преподавателем математики в вечерней школе рабочей молодежи для глухих г. Харькова. Точные науки он любил, заочно закончил 4 курса физико-математического факультета Харьковского университета. С благодарностью вспоминают его бывшие ученики, что «учителем математики он был от Бога, он был требовательным и не успокаивался, пока ученики полностью не усваивали материал».

Владимир Никанорович был ещё и командиром добровольной народной дружины (ДНД), которая следила за порядком

в ДК. В то время в Харькове было много приезжих глухих, на одном только заводе им. Малышева в группе глухих насчитывалось более 500 человек, а таких крупных компактных групп на заводах в городе было более пяти. Глухие приезжали со всех регионов не только Украины, но и со всего бывшего Союза только с одной целью — поработать обрубщиком, заработать высокую пенсию и через 2 года уехать. Среди них были и случайные люди, не отличавшиеся воспитанностью и хорошим поведением. Выяснять свои отношения они шли в ДК. Однако Владимир Никанорович зорко следил за порядком. Не всем это нравилось, нашлись «доброжелатели», которые его жестоко избили, но он все равно продолжал нести свою службу.

Вместе с художественным руководителем и коллегой по театру — З.Д. Плисс, он был бессменным ведущим многих вечеров в ДК.

Очень переживал Хоменко, что не все преподаватели в школе знают жестовый язык, из-за чего материал усваивается учениками посредственно. В этом вопросе он не шел ни на какие компромиссы, часто спорил, обижался, доказывал свою правоту и, в конце концов, в знак протеста ушел из школы. Позже занял должность воспитателя в общежитии завода имени Малышева, где и проработал до выхода на пенсию. Все эти годы он разыскивал своих товарищей по подполью, и однажды судьба ему улыбнулась — неожиданно в Харькове встретил бывшую подпольщицу Елену Матвеевну Рижило. А спустя время, по приглашению Днепропетровского штаба ветеранов партизанского движения, принял участие в праздновании 30-летия Победы над немецким фашизмом в Новомосковске. Так, к имевшимся у Хоменко медалям лауреата всесоюзных фестивалей народного творчества, добавилась и медаль участника Великой Отечественной войны.

Очень непросто пришлось В.Н. Хоменко в годы перестрой-

ки. Не мог он принять умом и сердцем развал СССР и все, что потом происходило в стране. Во время одной из дискуссий на эту тему, проходившей в 1991 году в Доме культуры УТОГ, с ним случился приступ и «скорая» увезла его в больницу, где он и умер от тромбоза сердца...

На прощание с ним в ДК пришли многие его ученики, коллеги по работе, участники художественной самодеятельности...

Ирина ДУЦЕНКО

Король смеха

А. Белов.

К большой радости одесских утговцев, после длительного перерыва возобновил свои выступления на сцене любимец публики — комический артист Александр Белов, своими манерами и игрой очень похожий на знаменитого Юрия Никулина.

Воспитанник режиссера Н.В. Коржинецкой, он вначале играл разные роли в спектаклях, но у него был талант все делать с юмором, всех смешить — это получалось у него само собой, без всякого старания с его стороны. И сказала ему Наталья Васильевна: быть тебе клоуном — это твое призвание!

И стал он не только клоуном, но и фокусником. А в спектаклях играл комедийные роли. Особенно ему удавалась роль бравого солдата Швейка. Вообще если на сцене шел спектакль с участием Белова, то зрительный зал всегда был переполнен — ведь известно, как все любят юмор, шутку, смех.

Бережно хранит наш артист пожелтевшие от времени программы народного театра и вспоминает, как играл вместе с талантливыми исполнителями: К. Бородиной, Л. Кирилук, А. Чечерой, М. Головченко и другими коллегами-энтузиастами. Очень много у него этих афиш и программ, напоминающих о самых разных спектаклях: «Волшебное кресло», «Медведь», «Похождения Швейка», «Музейная редкость», «АРТЛОТО» и многих других. Эти постановки видели не только одесситы, но

и неслышащие зрители других городов, куда самодеятельный театр выезжал на гастроли.

И над всеми этими артистическими волнениями и радостями витает дух режиссера Н.В. Коржинецкой — строгой мамы всех артистов, которой все очень боялись и в то же время были в нее влюблены.

Слушая рассказ артиста о былом, я вспоминаю Шурика Белова первокласником Одесской школы № 91 — уже тогда он выделялся среди малышей артистическими манерами и выразительным взглядом. Когда ему было 12 лет, отец повел его в цирк, который произвел на него потрясающее впечатление. Шурик с этого дня стал просто бредить цирком. И отец договорился с цирковыми работниками, чтобы Шурику разрешили присутствовать на репетициях. Там его научили нехитрым трюкам и фокусам. Мальчика хвалили за сообразительность. На седьмом небе от счастья, он решил, что цирк и сцена — это его призвание.

Быстро пролетело время. Работая паяльщиком на заводе «Медтехника», Александр во время перерыва развлекал сотрудников своими фокусами, а после работы шел в Дом культуры репетировать свои новые трюки. Как праздника, ждал он минуты, когда раздвинется занавес и зал будет восхищенно внимать каждому его трюку и каждой репризе.

За годы сценической деятельности у Александра Белова накопилось много дипломов, грамот и... вымпелов разных городов, где он побывал на гастролях. Но всего дороже ему огромный, сверкающий золотом Диплом первой степени с надписью: «Победителю I Всесоюзного фестиваля самодеятельности 1977 года».

Александр — трижды лауреат фестивалей художественной самодеятельности. Он бережно хранит огромные толстые альбомы с фотографиями выступлений и портретами друзей.

Прочитал однажды Александр объявление, что Киевский

театр «Радуга» проводит конкурсный набор артистов. Приехал он в Киев и предстал перед взорами строгой комиссии. В ожидании вопросов притаился за спинку стул, уселся на него в позе роденовского Мыслителя, поправил шляпу и задумался.. И это получилось так комично, что строгая комиссия расхохоталась. Ему сказали: «Ты принят вне конкурса, больше никаких испытаний не будет!»

Александр был немного разочарован, таким оборотом дела. Он приготовился к борьбе, волновался, и вдруг — принимают его вот так, без особого труда. Просто неинтересно!

Коллективом Киевского театра «Радуга» одессит А. Белов был принят очень хорошо. Он успешно выступал во всех постановках, завоевал авторитет и любовь зрителей. Для него открылись возможности дальнейшего творческого роста. Пошли разговоры о том, что надо ему менять одесскую квартиру на киевскую...

И тут взяло Шурика сомнение: как это он, одессит в пятом поколении, оставит Одессу и переедет в другой город? Ведь его предки поселились в Одессе чуть ли не с самого ее основания, были современниками и Дюка, и Воронцова, и Пушкина! Как оставить своих многочисленных родственников-одесситов, которые образуют целое племя? Да и его собственная семья не захотела сниматься с места. И поэтому Александр, хотя было очень жаль покидать профессиональную сцену, ушел из «Радуги» и вернулся в родной город.

Но вскоре пришло ему приглашение из Московского театра Всероссийского общества глухих. Очень уговаривали москвичи нашего Белова переехать к ним, желали видеть его на своей сцене в гриме и театральном костюме. Обещали шоу клоуна-иллюзиониста, золотые горы и поездки за рубеж. Но наш Шурик решил, что не стоит ехать в Москву — ведь ему до пенсии осталось всего два года. И вежливо отказал москвичам.

Однажды приехал из Киева с визитом давний друг Белова — Владимир Скурчинский, смотритель Музея истории УТОГ. Он побывал на концерте в Одесском центре культуры глухих и удивился, что Белов давно не выступает. Выяснив, что Александра, обладающего нежной и ранимой душой, на этот шаг толкнула обида, Скурчинский уговорил его забыть все недоразумения и немедленно вернуться на сцену — чтобы не «заржавел» талант.

И Белов вернулся! На одесской «Юморине» нынешнего года наш веселый клоун и фокусник блестяще показал свое шоу на сцене Одесского центра культуры УТОГ. В свою группу он взял еще трех юмористов — Анатолия Дрибнюха, Любовь Денисову и Сергея Герасимова, которые вместе с ним целый вечер откалывали номера и веселили публику. Белов был очень доволен и своими талантливыми ассистентами, и тем, как принимали зрители их программу.

Бывшая председатель Одесской облорганизации УТОГ В.И. Семенова в благодарственном письме на имя Александра Белова выразила ему огромную признательность за талант: «Спасибо за то, что Вы есть — наш самый смешной клоун. Желаем Вам всегда иметь веселую улыбку на лице и всех нас веселить!»

«Мои года — мое богатство...»

А. Устенко.

Сегодня уже трудно удивить человека чем-нибудь хорошим. Все мы привыкаем удивляться постоянно-му росту цен, удорожанию жизни, извращенному сознанию и поступкам отдельных ваших сограждан, громким и невыполнимым обещаниям власть имущих, не менее громким скандалам вокруг их не всегда законной деятельности.

Но все же, вопреки этому, остается в вашей жизни место для праздников. Пускай не столь грандиозных шоу в окружении блистательных звезд и сиянии ослепительных фейерверков, но все же не менее значимых для нас неподкупной простотой и искренностью. Ведь это наше, родное, ведь это — наша жизнь.

И все, что делает сегодня Культурный центр УТОГ для того, чтобы мы не забывали праздники, не забывали лучших людей, не теряли душевной доброты, любви и человечности — заслуживает настоящего удивления, восхищения и благодарности.

Кто бы ни был героем проводимого мероприятия — простой труженик или организация УТОГ, здесь найдут те слова, пожелания и приветствия, подготовят такое красочное действие, что праздник, посвященный конкретному герою, превращается в праздник для всех — в наш праздник.

В один из таких светлых и незабываемых дней съехались гости в Культурный центр УТОГ, чтобы отметить 70-летний

юбилей Андрея Ивановича Устенко. На празднике присутствовали самые близкие и родные люди, ведь юбиляр не хотел никакой «помпы» вокруг этого события: «Пусть все будет по-домашнему...»

Вечер открыл «рідною українською мовою» юбиляра директор Культурного центра УТОГ В.М. Гончаренко. И форма проведения вечера была придумана необычная — интервью с юбиляром. Много интересного рассказал о себе сам Андрей Иванович, но больше говорили о нем.

Трудовая жизнь А. И. Устенко была не из легких: ушел на заслуженный отдых из литейного цеха одного из киевских предприятий. Много времени уделял самообразованию. Как сам пошутил: «Закончил сельский университет». Книги помогли ему досконально изучить русский и украинский языки. Среди любимых книг были повести и романы на исторические темы. Они-то и определили его общественную деятельность: Андрей Иванович был бессменным лектором в Культурном центре УТОГ. Он — и политический обозреватель, и прекрасный рассказчик о самых разнообразных событиях. Неслышащие с интересом ждали встречи с ним, и зал всегда был переполнен слушателями.

Еще одно увлечение Андрея Ивановича — народный драматический театр глухих, которому он отдал 40 лет творческой жизни. За это время сыграно множество ролей. Талантливое самодеятельного актера знала и Украина, и ближнее зарубежье.

Но о самой главной странице жизни Андрея Ивановича, странице любви и верности длиной в 42 года, следует вспомнить особо.

...Встреча с будущей супругой была самой прозаической — надо было помочь написать письмо ее родителям. Так и познакомились. Андрею Ивановичу было что рассказать скромной и застенчивой Сашеньке, приехавшей в столицу в поис-

ках работы. Приглянулась милая девушка, сделал предложение, и в 1955 году образовалась молодая семья...

Много воды утекло с тех пор, всякого повидали Андрей Иванович и Александра Григорьевна за 42 года совместной жизни, а жили они душа в душу. Спустя годы их семья разрослась: две взрослые дочери, четверо внуков и два замечательных зятя — Николай и Александр.

С какой нежностью говорили о папе его дочери Ирина и Наталья! Кстати, Наташино поздравление с юбилеем было ему в поэтическо-вокальной форме: она исполнила жестаи песню «Дорогие мои старики», да так проникновенно, что у многих присутствующих выступили слезы на глазах.

Словно сговорившись, с теплом и уважением говорили о своем тесте зятя. И Николай, и Александр ценят в Андрее Ивановиче не только его ум, но и мудрость, доброжелательность, талант научить, а не поучать, его бережное отношение ко всем членам семьи.

Казалось бы, жить и жить ему, но годы неумолимы... Ушла из жизни после тяжелой болезни любимая супруга, и Андрей Иванович, только отметив свое 80-летие, ушел вслед за ней.

Прикосновение ангела

Е. Волошина.

Ее полное имя — Евгения Евгеньевна Мазур-Волошина. Но так ее почти никто не называет, разве что на официальных мероприятиях. Для родных, друзей и коллег по работе она просто Женя, Женечка... Ею восхищаются, ее обожают, в нее влюбляются — а иначе и быть не может. И в повседневной жизни Евгения — милая, обаятельная женщина, но на сцене она преображается до неузнаваемости — перед вами возникает то женщина-вамп, то изящная кокетка, хорошенькая гризетка, амазонка

и даже... баба Яга! И дело здесь совсем не в гриме и париках — Женя в совершенстве владеет искусством перевоплощения. Но еще в большей мере она владеет искусством танца, — по словам Евгении, танцует она, сколько себя помнит. Ее увлечение стало профессией, а врожденный талант артистки стал путевой звездой.

Про таких, как Евгения Волошина, говорят — «при рождении к ней прикоснулся ангел». Балетмейстер Одесского дома культуры УТОГ, руководитель шоу-группы «Феникс» и ее солистка, участница знаменитой комик-группы «Маски» и жена актера этой группы Михаила Волошина — вот лишь небольшая часть «послужного списка» Евгении. В ее коллекции наград — Гран-при с различных фестивалей, в том числе и международных. Ее выступлений — сольных и в составе группы, с нетерпением ждут не только в Украине, но и далеко за ее

пределами. Евгении Волошиной и ее «Фениксу» стоя аплодировали зрители России, Румынии, Молдовы, Швеции. О ней сняли фильм, а ее артистическую индивидуальность сравнивали с дарованием блистательной Айседоры Дункан, от которой потерял голову Сергей Есенин...

Могла ли хорошенькая Женечка Мазур, ученица Одесской школы-интерната для слабослышащих детей, когда-то трогательно исполняя на школьной сцене песенку «Я у бабушки живу...», представить свое будущее таким блестящим? Могла ли она предположить, что спустя годы ее будут предлагать включить в книгу Гинесса как единственного неслышащего балетмейстера? Вряд ли... Но в ее жизни волшебным образом обстоятельства складывались так, что талантливой девочке изначально была уготована яркая сценическая судьба.

Во время учебы в школе Женя жила в Одессе у тетушки, которая на время заменила любимой племяннице родителей. А на выпускной вечер в школу пришли гости — художественный руководитель Одесского дома культуры УТОГ Л.Л. Ройтенберг и директор Л.Г. Галатонова, они-то и заприметили Женю. Юное дарование было приглашено в Дом культуры, где через какое-то время и расправило крылья, изумив всех своим талантом.

— Я вижу настоящий бриллиант! Она высоко взлетит! — пророчески воскликнул увидевший танцы Жени Роберт Коган, жена которого была балериной и дружила с Майей Плисецкой. Тетушка, Зинаида Владимировна Кузина, которая была в курсе всех Жениных дел, решила показать племянницу педагогу тогдашнего Одесского культпросветучилища, хореографу Александру Васильевичу Пшеничному. «Для классического танца уже поздно, — заключил он, — а народные танцевать будет!» И в 1988 году девушка поступила на хореографическое отделение училища. Учиться было трудно, ведь Женя почти не слышала лекции. Но главным было то,

что она нормально воспринимала музыку, что и позволило ей с блеском закончить училище.

А дальше...

— Я начала танцевать в варьете, в шоу-группе «Семь грехов», — рассказывает Евгения Волошина. — Все девочки с нормальным слухом, но на сцене у нас не возникало никаких тренировок, наоборот, все ориентировались на меня. Мы выступали вместе с блистательной джазовой певицей Татьяной Боевой, которая как-то подозвала меня и вот так прямо и сказала: «Женя, ты должна танцевать одна, открыть себя, остальным до тебя далеко». Татьяна Боева очень много сделала для меня, а для начала познакомила с хореографом тогдашнего Дома актера Ириной Полуниной. Вместе с ней мы поставили хореографический номер «Женщина: времена года...» Посмотрев номер, солист балета из Петербурга Валерий Михайловский очень хвалил его. Конечно, для меня это было наивысшей похвалой и оценкой моего труда. Татьяна Боева брала меня с собой на гастроли, вместе с ней я ездила в Болгарию. Потом наши творческие пути разошлись, но дружим мы до сих пор.

В 1997 году Евгения Волошина на базе народного самодеятельного ансамбля Одесского ДК УТОГ создала уникальный в своем роде коллектив — шоу-группу «Феникс». Ее главным советчиком, другом и «ангелом-хранителем» была Валентина Ивановна Семенова...

С комик-группой «Маски» Женя сотрудничает очень давно. А началось с того, что актер Вадим Поплавский, преподававший пантомиму в Одесском доме культуры, искал для своего шоу выразительную девушку. Увидел Женю и... Результатом совместной работы стало маленькое шоу «Водевиль» в постановке В. Поплавского и с участием Жени Мазур, которое в Киеве завоевало Гран-при. Художественному руководителю «Масок» Георгию Делиеву даже не пришлось обучать новенькую. «Дайте музыку, я уже знаю, как двигаться», — за-

явила Женя на первой же репетиции. Далее были сюрреалистический спектакль «Ночная симфония» в постановке Георгия Делиева, «Атака клоунов» в комик-группе, а также многочисленные сценки. Женя также работает в «Масках» как хореограф и постановщик танцев. Здесь, в «Масках», она встретила «мужчину своей мечты» — талантливого актера, большого любителя мультфильмов и хорошей музыки, и просто замечательного мужа Михаила Волошина.

— Поначалу мы просто работали вместе, ставили сценки. Позже возникла идея — создать совместный номер. Мы долго обсуждали, каким он будет, кто и как будет играть... Шло время... С Мишей мы сыграли не одну сценку в «Масках», была у нас и такая смешная сценка под названием «Водевиль», где японец и японка занимаются под зонтиком любовью. Потом они хотят продолжить путь, глядь — а у них ребенок! Так и у нас с Мишей получилось. Нашей доченьке Маше уже 10 лет. Много изменилось за это время, мы и дом обустроили, и дочек вырастили (у Жени есть еще одна, уже взрослая дочь Зиночка), и в профессиональном плане выросли... А номер, который задумывали, так до сих пор и не поставили. Не знаю, хорошо это или плохо, но для нас это служит своеобразным стимулом. Значит, еще не все сделали и, следовательно, жизнь продолжается!

Трудно или легко двум творческим людям ужиться под одной крышей? И когда заниматься домашним хозяйством, если два артиста дома бывают наездами? Не секрет, что не одна семейная лодка разбилась о подводные рифы под названием «быт». Но ведь есть и исключения. Семья Волошиных — из их числа.

— Раньше я была хорошей хозяйкой, — критически вздыхает Женя. — И вкусненькое что-то готовила, и дом в порядок привести успевала. Сейчас времени нет совсем, а уж на готовку... Но у нас в семье есть прекрасный рецепт курицы, ко-

торый не дает нам умереть с голоду, — смеется Женя. — Вечером беру курицу, внутрь тушки напихиваю все, что в данный момент есть в холодильнике и подходит в качестве начинки — это могут быть и яблоки, и рис, и остатки ветчины. Затем курицу выкладываю в сотейник, вокруг — очищенный целый картофель, и оставляю в холодильнике. На следующий день звоню домой и того, кто подойдет к телефону, прошу поставить курочку в духовку. Там она и тушится в собственном соку, пока домашние, наконец, не соберутся в полном составе. Тут мы ее и достаем. Получается очень вкусно! А главное — не обременительно и все довольны! Кстати, таким кушаньем и фигуру не испортишь. У меня часто спрашивают, какую диету я соблюдаю. Да никакой. Весь секрет — в движении. Побольше двигаться и поменьше есть — и никакая диета не понадобится. А что касается Миши... Он большой ценитель и знаток пива, и этим все сказано. Когда у нас собираются друзья, Миша закупает пиво, я варю гору креветок, и мы прекрасно проводим время.

Миша у меня — меломан, в Одессе все знают, что у него — самая большая коллекция музыкальных дисков — джаз, классика, оригинальные эстрадные композиции... Мне он помогает подобрать музыку к номерам, и вообще по музыкальной части Миша — мой главный советчик и критик.

Конечно, нелегко приходилось Жене, особенно, когда очень хотелось поговорить с мужем «по душам». Импульсивный Михаил часто просто забывал о том, что Женя из-за недостатка слуха может его не понять, и говорил без остановки минут 15, в то время как Женя тщетно пыталась уловить ускользающую нить темы разговора.

— Я не обижалась на Мишу, у него такая манера разговора — пока дойдет до конца своего «монолога», тема может несколько раз поменяться. И меня он воспринимал как нормальную женщину, он просто забывал о том, что я плохо слы-

шу. Когда мы собирались с друзьями, или посещали «тусовки», среди большой компании я чувствовала себя некомфортно. В таких случаях я просто брала какой-нибудь журнал и устраивалась где-нибудь поблизости, изображая интерес к глянцевым страницам. Но с недавнего времени у меня два цифровых слуховых аппарата, и я уже не испытываю чувства неловкости, оказавшись в большой компании. А в работе мне это никогда не мешало. Музыку я не только слышу — я ее душой и телом чувствую, каждой клеточкой...

Только не надо думать, что раз человек необычайно талантлив, то у него и получается все легко, играючи. Все достигается трудом и потом. «Сначала — труд, а потом — праздник», — подтверждает Женя. Конечно, необязательно знать, сколько сил и времени затрачено артистом на то, чтобы в течение нескольких минут погрузить зрителя в состояние эйфории, изумительного ощущения Праздника. Просто для информации приоткрою завесу над тем, о чем говорить не принято: номер из мюзикла «Чикаго», длящийся несколько минут и за который в Беларуси Евгения Волошина получила Гран-при, она ставила два месяца.

Женя удивительная женщина — открытая и солнечная, и при такой известности и таком успехе совершенно не болеет «звездностью». Просто пообщавшись с ней, ощущаешь какое-то удивительное чувство легкости и окрыленности. Есть в ней и такое, в общем-то довольно редкое для женщин качество — умение безоглядно восхищаться красотой другой женщины. Девочки из ее шоу-группы — тому подтверждение.

Женя не скрывает свой возраст. Ей — 40. Но когда я встретила ее прошлым летом во время выступления в Киеве, я чуть было не спросила: «Зиночка, а где мама?» Что позволяет ей сохранять красоту и удивительную молодость? Женя, не задумываясь, ответила: «Любовь. И увлеченность делом!»

У читателей могут возникнуть вопросы — а было ли на са-

мом деле интервью с Волошиной? Не плод ли это фантазии автора? Где Киев, а где Одесса... Интервью Евгения Волошина действительно дала, причем при очень интересных обстоятельствах. Буквально накануне Нового года Евгения Волошина была удостоена звания «Заслуженный работник культуры Украины», и награду ей вручил лично Президент Украины Виктор Ющенко.

Пусть судьба Евгении Волошиной послужит примером для тех, кто сомневается в своих силах, кто, имея талант, не пытается его развить, раскрыть... Бог каждому дал талант, будь то здоровый человек или с «ограниченными физическими возможностями», а уж выбор каждого — воспользоваться ли им для того, чтобы состояться самому и дарить радость другим.

«Казав мені батько, щоб я оженився...»

Г. Красиков.

Минають роки, а з пам'яті не стирається час, проведений на самодіяльній сцені народного театру Київського будинку культури УТОГ, серед таких же любителів театру, як і я, серед друзів — талановитих аматорів сцени і неординарних особистостей. Про одного з них, Геннадія Красикова, я й хочу розповісти.

Котовський і одесити

Перша ж роль у виставі «На світанку» відразу розкрила його талант. Геннадій так блискуче зіграв роль Григорія Котовського, що запам'ятався і колегам по сцені, і глядачам. Він був задоволений своїм успіхом і навіть трохи загордував. Особливо після пам'ятної зустрічі з одеситами, яка відбулась під час проведення у Києві чергового огляду самодіяльних колективів УТОГ.

...Своїх друзів-одеситів ми зустрічали в аеропорту «Київ». З невеликою групою учасників спектаклю «На світанку» поїхав і Геннадій Красиков, загримований під Котовського. Наш герой не дотягував до Григорія Івановича зростом, але був кремезним, мав веселу вдачу й почуття гумору, а гарний грим, одяг і шабля доповнили образ. Ні дати ні взяти — живий Котовський!

Колоритна група котовців розташувалась на бортовій автомашині, а Котовський стояв, спираючись на кабінку. Привертаючи увагу перехожих і пасажирів тролейбусів, ми поїхали до аеропорту зустрічати одеситів. Як автоінспекція дозволила таку поїздку бортовою машиною, для нас залишилось загадкою.

Але й одесити не були б одеситами, якби також не подивували.

...Вони зійшли з трапу в кашкетах з крабами і в смугастих тільняшках під піджаками. Сміх, жарти... І вся ця мальовнича ватага на тій же бортовій машині попрямувала на Курську — до Будинку культури УТОГ.

Як «хрестили» новачків

Далі була «Загибель ескадри». В ній Геннадій блискуче зіграв морського офіцера. І знову — успіх, оплески, квіти. Після цієї вистави Красиков вирішив впровадити у колективі армійську субординацію.

В день прем'єри він відвів мене в бік і безапеляційно заявив: «Андрію, серед нас є група новачків на ролях молодших офіцерів. Вони вперше на сцені. Я їх попередив: після вистави нехай свого стола сервірують окремо, вони ще не доросли до нас — «вовків» сцени. Щоб ти знав!»

Через кілька хвилин до мене звернувся один з новачків, розповів про рішення Геннадія і попросив поради. Я знав новачків як гарних, грамотних хлопців, тож, не довго думаючи, сказав: «Будемо всі за одним столом. Як скінчиться вистава, швиденько перевдягайтесь, несіть свої припаси і займайте місця за столом».

Розмірковував я так: не гоже «хрестити» новачків за окремим столом — якщо на сцені всі гуртом, то й за столом також.

Так хлопці і зробили. Зайняли кінець столу, протилежний

від входу, під вікнами, виклали домашні припаси і стали чекати, коли зберуться всі.

Одним з останніх увійшов розпашілий, умитий, збуджений і задоволений прем'єрою Геннадій... Оглянув друзів, стіл і «молодих та ранніх» у протилежному кінці столу... Поглядом знайшов мене. З притиском запитав: «Твоя робота?» і додав з розстановкою: «Демократ!» Я лише розвів руками і ствердно кивнув головою — мовляв, моя!

Ми розташувались за столами. Як водиться, перше слово — режисерові. Підбивши підсумки прем'єри, він підкреслив і гарний початок наших новачків.

Ми дружно підняли келишки і взялись за наїдки.

Згодом один із новачків підійшов до Красикова і галантно, як і слід морському офіцерові, запросив його до свого столу: «Будь ласка, допоможіть нам справитись з нашими припасами». Геннадія вдруге просити не довелось. На столі з'явилась ще одна пляшка, потім друга...

Після трапези я запитав Геннадія: «Як почувався в гостях?» Він весело зареготав, підняв великий палець і прорік: «А отак!»

«Казав мені батько...»

Зігравши чергову роль в одному із спектаклів, Геннадій звільнявся з роботи і брав курс на схід, кудись на Урал. А ми ломали голови: що він там шукав? Одні думали, що «довгого карбованця». Інші заперечували: мовляв, на мотозаводі заробляв більш ніж пристойно, працюючи маляром.

Врешті-решт, ми зійшлись на одному: йому властива романтика, бажання до зміни місця.

Через рік-півтора Геннадій повертався додому. Влаштувався на той же мотозавод, на ту ж роботу, де йому не відмовляли, бо був гарним працівником. І знову з'являвся серед нас, у дружньому театральному колективі...

Після останнього вояжу ми помітили, що у Геннадія негаразди із здоров'ям: поперек підперезаний шерстяним шарфом. На запитання: «Що сталося?», він буркнув, розвівши руками: «Радикуліт прив'язався». На додачу і нога «барахлила», як він сам зізнався. З таким «прицепом» важко брати участь у великих виставах. Та Геннадій не був би Красиковим, якби підкорився вибрікам долі.

Життєлюб, весела, діяльна людина, він довів, що «не святі горшки ліплять», змінивши своє акторське амплуа. Геннадій подався у вокал, став гарним солістом.

Росіянин, петербуржець, на подив усім, Красиков почав виконувати жестами українську пісню. Та ще як виконувати!

Виходячи на сцену, він якусь мить чекав перших акордів музики. А далі, як у К. Симонова:

*«Лебязьими крыльями руки
Взметнулись, взорвав тишину...»*

Спершу — плавно, потім швидше і швидше. Далі Геннадій просто вибухав емоційним, натхненним співом. Він немов не помічав глядачів.

Зал замирав. Сотні очей дивились і слухали чарівну пісню. Майстерне жестове виконання полонило увагу не тільки глухих, а й чуючих, які сиділи в залі. І в притихлий зал линули слова веселої, бадьорої пісні:

*«Казав мені батько,
Щоб я оженився...»*

Потрібно було бачити, з якою увагою і задоволенням ловили глядачі кожен жест артиста! В кінці розпашілий Геннадій дякував за увагу легким порухом голови, а зал вибухав шквалом оплесків, запрошуючи його заспівати ще. Але більше двох разів співати Геннадію було важко, адже у нього «співали» не

тільки руки, а й обличчя, очі, кожен мускул. Зі сцени він йшов знесилений і вкрай втомлений.

...Одягався до співу відповідно, грим використовував мінімальний. Мав свої вуса кольору стиглої пшениці і чималу лисину, яка ховалась під сірою смушковою шапкою — такий собі гарний сільський парубок.

Його лебедина пісня була стрижнем програми багатьох творчих вечорів.

Тож коли колишні колеги по сцені і глядачі згадують Геннадія Красикова, в першу чергу постає у пам'яті його неповторний Котовський на початку артистичної діяльності й співучі жести у піснях останнього періоду життя.

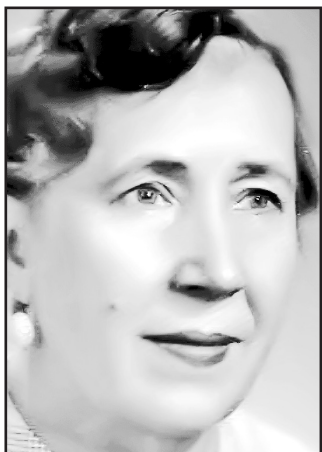
Після важкої хвороби Геннадій Красиков пішов життя, залишивши по собі чудові ролі й чарівні пісні...

Ирина ДУЦЕНКО

Ее любовь — театр

*«О, наслажденье скользить по краю!
Замрите, ангелы, смотрите, я играю!
Моих грехов разбор оставьте до поры,
Вы оцените красоту игры!»*

А. МИРОНОВ.

К. Бородина.

Мы часто вспоминаем тех, для кого сцена — смысл жизни. Одна из них — Клавдия Ивановна Бородина, ведущая актриса Одесского народного самодеятельного театра, звезда жестового исполнения песен, особенно украинских народных. Никто в 50—70-е годы лучше ее не мог исполнить «Ой, казала мені мати».

Она покорила сердца зрителей на сцене более 50 лет, сыграла разные роли в более чем 40 спектаклях, участвовала в эстрадных номерах, жестовом исполнении песен, неоднократно была золотым, серебряным и бронзовым призером многих смотров, конкурсов и фестивалей.

Много интересных персонажей сыграла Клавдия Ивановна. Любую роль она всегда исполняла осмысленно и убедительно, на высоком профессиональном уровне. Был такой случай. В 1961 году, на зональном смотре Республиканского фестиваля художественной самодеятельности, который проходил в г. Одессе, хозяева показывали спектакль «Юность московская», где у Клавдии Ивановны была главная роль.

И играла она ее так убедительно, что слышащим членам жюри показалось, что эту роль исполняет актриса с нормальным слухом. Возглавлял их «бригаду» Н.В. Портнов — тогдашний председатель ЦП УТОГ, он-то и встал на защиту Бородиной, т.к. не раз раньше видел ее на сцене Одесского ДК.

Особенно глубоко запомнились созданные ею образы в драматической поэме Н. Зарудного «Синие росы»; пьесе Н. Зарудного «Ах, эти дети!»; героической драме А. Салинского «Хлеб и розы»; спектаклях А. Корнийчука «Почему улыбались звезды»; С. Стельмаха «Зачарованная мельница»; С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем»; В. Шкваркина «Чужой ребенок» и многих, многих других. Но больше всего она мне понравилась в спектаклях «Бахчисарайский фонтан» и «Барышня-крестьянка», где тонко передала колорит и романтику этих замечательных произведений А.С. Пушкина.

Но самым памятным был 1937 год, когда на I Республиканском смотре художественной самодеятельности Клавдия Ивановна успешно сыграла в водевилях А.П. Чехова «Медведь» и «Предложение».

Созданные ею герои захватывали, она очаровывала зрителей непринужденностью и простотой игры, ее выход на сцену всегда вызывал бурные аплодисменты.

Я познакомилась с Клавдией Ивановной очень давно, но помню все, как сейчас.

В Одесском ДК УТОГ, который тогда ютился в двух небольших комнатах старого дома, была неплохая библиотека, в которой я была самой активной читательницей.

И вот прихожу туда однажды, выбираю книги. Библиотекарь записывает их в мою карточку, а потом поднимает глаза и начинает упрекать:

— Как тебе не стыдно! Ведь ты комсомолка, а партия учит нас все силы отдавать народу. Столько ты уже книг перечита-

ла, и ни разу не выступила с художественным рассказом перед неслышащими зрителями!

Я робко возразила, что пока жестовую речь знаю слабо и боюсь выйти на сцену. Но библиотекарь распалилась еще пуще. Стала обвинять меня в эгоизме, лени и других грехах.

Тут в разговор вмешалась незнакомая мне скромная женщина средних лет. Она заступилась за меня.

— Хватит тебе кричать на всю Одессу! Девочка у нас в УТОГ недавно. Она очень грамотная, но жестами еще плохо владеет. Выступать она сможет через год, не раньше!

Библиотекарь еще немного поворчала и успокоилась, а моя спасительница обратилась ко мне: «Не обижайся на нее, она — добрый человек, хотя, порою, нервная и вспыльчивая».

Потом подвела меня к дивану, усадила рядом и стала расспрашивать. Мне с ней было очень легко, я сразу обрела в ней старшего друга.

Так состоялось мое знакомство с Клавдией Ивановной Бородиной. Я всегда восхищалась ее игрой на сцене. В жизни она не отличалась ни внешностью, ни статью, но во всех ее движениях и манерах была артистичность. Этим она напоминала мне знаменитую актрису Фаину Раневскую.

Клавдия Ивановна рассказывала, что, будучи совсем маленькой девочкой, придумывала и шила себе всякие необычные наряды, без конца вертелась перед зеркалом и танцевала. Родители радовались: растет у нас артисточка!

Родилась она в 1910 году. Рано потеряла слух. Детство пролетело быстро. Надо было думать о будущем, об образовании. В 1931 году она вместе с группой глухих товарищей поехала в Киев, чтобы поступить на рабфак. Училась прилежно, много читала. Жизнь обещала много интересного, манила светлыми мечтами...

Уже в то время глухие стали объединяться, а благодаря первым энтузиастам-организаторам у них появились свои арте-

ли и культучреждения. В 1934 году в Одесском клубе УТОГ открылся первый самодеятельный драмкружок. Начинаящие артисты посещали его с радостью, раскрывая свои способности и таланты. Среди них — и Клава Бородина. Она была счастлива, ведь сбылась ее самая заветная мечта — она стала выступать на сцене!

Сначала драмкружок ставил пантомимы и небольшие сценки, но и они доставляли большое удовольствие неслышащим зрителям. Ряды самодеятельных артистов быстро пополнялись талантливой молодежью, что дало возможность делать постановки спектаклей, эстрадных концертов, балетных номеров.

В 1937 году драмкружком стала руководить Н.В. Корженецкая. В Общество глухих ее привела большая беда — она, молодая артистка Одесского оперного театра, неожиданно оглохла в 22 года. Весь свой опыт и талант она стала отдавать неслышащим артистам драмкружка. Под ее руководством они добились больших успехов, которые были высоко оценены на смотрах, и, в скором времени, самодеятельный кружок получил звание народного театра.

А в исполнении жестами задушевных украинских песен равных Клавдии Бородиной не было. В колоритном украинском костюме с лентами и кораллами, она была как картинка. Ее жесты и движения завораживали. Казалось, что мы видим, как катятся волны седого Днепра, расстилаются широкие поля, расцветает вишневый сад. Все выступления Клавдии Ивановны были пронизаны любовью и радостью жизни. Бородина была настоящей звездой эстрады.

Общение с ней действовало на меня, как свежий ветерок. Она была очень интересной собеседницей, давала мудрые советы. Часто, заменяя переводчицу, помогала неслышащим уладить их житейские дела и проблемы.

Клавдия Ивановна работала контролером на швейной фаб-

рике, и прямо с работы шла на репетиции спектаклей. Ее настоящая жизнь была на сцене. Она мастерски входила в роль, умела перевоплощаться в своих героинь, сама себе шила сценические платья, умела делать парики и бутафорские украшения. Знала тайны нанесения грима, участвовала в создании декораций, во всем помогала своим коллегам по театру, которые ее очень любили и уважали.

Летели годы, но неутомимая и неподвластная возрасту Клавдия Ивановна Бородина, вместе с молодыми артистами, участвовала во всех спектаклях, ездила на гастроли не только по Одесской области, но и по всей стране. Она показывала мне множество фотографий, где была запечатлена в разных ролях и спектаклях в Минске, Таллинне, Львове, Севастополе, Ялте, Тбилиси... Участвовала во всех смотрах художественной самодеятельности УТОГ.

На фестивале, посвященном 50-летию Октября, Клавдия Ивановна показала высокое сценическое мастерство, за что была награждена медалью и дипломом. Ее игру по достоинству оценили видные украинские и советские драматурги, побывавшие на постановках своих пьес.

Уйдя на заслуженный отдых, Бородина не оставляла сцену и участвовала в спектаклях до глубокой старости, потому что безгранично была влюблена в театральное искусство и не мыслила без него своей жизни.

Клавдия Ивановна Бородина — звезда нашего Одесского театра глухих — ушла в мир иной в 1994 году, но я, как наяву, вижу ее на сцене. В украинской вышиванке и яркой косынке стоит она и задорно, великолепно плавными жестами исполняет украинскую песню: «Розпрягайте, хлопці, коней...».

Портрет женщины в интерьере

Нина Игнатьевна Белова — председатель Харьковского совета ветеранов, Отличник УТОГ, ветеран труда.

О возрасте женщины, если ей больше 30-ти, говорить не принято. Но скажем так: Нина Игнатьевна вступает в фазу пионерско-пенсионного возраста. Бодрым шагом и с большими надеждами на будущее.

«Человек-оркестр»

Н. Белова.

Так называется известная французская комедия с Луи де Фюнесом в главной роли. Зрители, наверное, помнят экспансивного героя, который брался за все сразу, делал несколько дел одновременно: танцевал, музицировал, нянчил детей, участвовал в погоне и спасался от преследования, был шоуменом, менеджером, продюсером. Не знал ни минуты покоя и в любых обстоятельствах не терял присутствия духа.

Такой полифонизм натуры, разнообразие интересов, многовекторная направленность энергии присущи и Нине Игнатьевне Беловой. Говоря о ней, невозможно остановиться на чем-то одном. Она именно — Человек-оркестр, человек, который исполняет сам все партии сразу и одновременно сам же дирижирует этим многоголосьем.

В переносном смысле, конечно, образно говоря. Её энергичности и жажде жизни можно позавидовать.

Царевна Несмиянова

Бывают в жизни парадоксы. Девичья фамилия Нины Игнатьевны Беловой — Несмиянова. Кажется совсем ей не подходящая. Ведь окружающие знают Нину Игнатьевну как оптимистку, заводилу в любой компании, знают её в образе Рыжего клоуна на сцене, она же наша харьковская «Клара Новикова». А уж за обильным и щедрым столом она хлебосольная хозяйка, которой все по плечу — и изыски кулинарного искусства, и роль тамады.

Но грустная фамилия Несмиянова досталась ей от родителей. А дом, род, корни, истоки — это как родимое пятно, на всю жизнь.

*«И можно кожу заживо содрать,
Но имя к нам так крепко припечатано,
Что силы нет переименовать...»*

(А. ТАРКОВСКИЙ)

Не только фамилия грустная, но и детство с грустинкой, с недетскими печальями.

Нина Игнатьевна родилась на Волыни, в г. Горохове, 27 июня 1948 года. Послевоенное лихолетье носило людей по городам и весям, но вскоре семья вернулась в родные края — поселок Мерефу под Харьковом. Живописное это место, тихое, уютное. Здесь прошли детство и юность нашей героини. Когда маленькой Нине исполнилось 5 лет, не стало её мамы. (Украинская красавица с короной черной большой косы вокруг головы умерла в расцвете лет от травмы, полученной во время войны. При бомбежке обвалившаяся балка ударила молодую женщину по голове. Тогда, в войну, от смерти её спасли роскошные косы — они смягчили удар).

Девочка осталась с отцом и старшей сестрой, позже в доме появилась мачеха. В 1955 году Нина пошла в обычную школу. Во время зимних каникул заболела корью в легкой форме, не

долечившись, побежала на улицу кататься с горки. Через день — высокая температура, беспамятство, потеря слуха. К этому трудно было привыкнуть, но Нина Игнатьевна сейчас с благодарностью вспоминает людей, которые не оставили её один на один с новой бедой.

— Я речь сохранила благодаря тому, что общалась со слышущими. С лучшей подругой мы часто болтали: я старалась читать слова с её губ, а она требовала от меня: «Говори! Говори!». Соседки меня всегда баловали — кто-то яблочко протянет, кто-то пирожок. И детворе строго-настрого приказывали: «Не обижайте сиротку!» И дети, и взрослые относились ко мне очень доброжелательно.

Да, послевоенное время имело свои плюсы: люди знали горе и были милосерднее друг к другу, ближе, теплее.

— Ну, а мачеха? Как она к вам относилась? — не выдержав, спрашиваю я.

— Мачеха была хорошей хозяйкой, она нас с сестрой не обижала. Но по простонародной привычке воспитывала «без излишеств». Главное, чтоб сыты были, а то, что мы уже невестились, так «гарній дівці — гарно і в ганчірці», — говаривала она.

В 15 лет Нина Игнатьевна поступила в швейное училище г. Харькова и окончила его мастером 5 разряда по пошиву легкой мужской одежды, 2 года работала в ателье поселка Высокий. И вот однажды...

— Я ехала в Харькове трамваем от вокзала до ул. Тринклера, чтобы в областной больнице сделать аудиограмму. В окно я увидела 2-этажное здание на Чеботарской, возле которого стояла группа молодежи и общалась жестами. Меня это поразило! В 19 лет я впервые увидела, что люди с проблемами слуха, как и я, могут быть вместе. Я вышла из трамвая, вернулась к этому зданию — это была ВШРМ № 23. Судьба шла мне навстречу в лице глухой учительницы Зинаиды Владимировны Поздняковой. Именно она потом опекала меня, учила жестам,

ввела в «страну глухих». То, что началось потом в моей жизни, — все было связано с УТОГ.

Да, действительно, с 1968 года, вот уже 40 лет, Н.И. Белова на виду в нашем Обществе, где ей удалось не только реализовать себя, но и сделать много полезного для глухих людей.

Талант не бывает односторонним

Талантливый человек — талантлив во всем. В 1968 году молодую девушку направили в г. Киев на курсы культработников при Курсовой базе УТОГ. Два с половиной года учебы пролетели мгновенно. Люди, с которыми Нина Игнатьевна встретилась в Киеве: художественный руководитель Киевского ДК УТОГ И.А. Сапожников, заведующая библиотекой М.И. Можарова, замдиректора В.А. Бондаревская, переводчик Е.М. Зуева, — сыграли большую роль в её духовном и творческом становлении, приобретении профессиональных знаний.

Многие парни заглядывались на харьковскую «красавицу, комсомолку, артистку». В свои 20 лет Нина Игнатьевна была замечательно хороша: ясные голубые глаза, трогательно-вопросительное лицо, лилейные плечи.

В 1971 году, вернувшись в Харьков, Нина Игнатьевна со всей энергией и энтузиазмом молодости взялась за работу. Её деловую хватку, её артистичную одаренность, организаторские способности быстро оценили в Харьковской организации глухих, и в последующее десятилетие Нина Игнатьевна занимала руководящие должности в Доме культуры и управленческом аппарате: художественный руководитель ДК УТОГ, председатель горотдела УТОГ, инструктор по культуре облотдела УТОГ, и.о. директора ДК и режиссер НСТ, заведующая массовым отделом ДК УТОГ. Послужной список довольно солидный, несмотря на ее молодость.

Культурота — её стихия. Она была генератором новых идей

— сейчас сказали бы «ноу-хау» — в ДК УТОГ. Первый конкурс красоты в Харьковском ДК УТОГ в 1990 г. она организовала и провела с размахом и привлечением внушительных спонсорских средств. Харьков гудел, как растревоженный улей: билетов на конкурс не достать, в зале аншлаг, на сцене феерия красок и представлений: показ коллекции Дома моделей; участие танцевального коллектива Дома художественной самодеятельности; неслышащие красавицы выступали по полной программе в номинациях: впервые в купальниках, впервые на балу!!! (Это сейчас мы привыкли к зрелищам, а тогда для советского зрителя все было в диковинку). А подарки победительницам — поистине королевские! Уровень конкурса соответствовал лучшим образцам аналогичных программ на сценах Союза, на экранах ТВ! До сих пор зрители вспоминают этот конкурс. Вообще, у Нины Игнатьевны есть талант находить и «раскручивать» красавиц. С ее легкой руки харьковчанки — Мария Соробей (1990 г.) и Наталья Сергеева (2000 г.), засияли на звездном небосклоне республиканских конкурсов красоты УТОГ, стали предметом гордости харьковчан.

Чуть позже харьковские глухие зрители увидели конкурс-выставку кошек, где серые домашние мурки членов УТОГ соседствовали с экзотическими элитными кисками из Харьковского городского клуба любителей кошек.

Потом на сцене ДК состоялся вечер о собаках, и пока колли супругов Нестведов вежливо «общалась» на своем собачьем языке с колли Нины Игнатьевны Беловой, хозяева животных любовленно рассказывали публике о своих питомцах.

О новогодних представлениях и вечерах юмора к 1 апреля, которые готовила Нина Игнатьевна, можно сказать, что это было всегда весело и ярко. Умеет она зажигать артистов и публику.

С 1978 по 1985 год она работала режиссером НСТ «Ариадна» вместе с постановщиком Н.С. Борисенко. Спектакли:

«Весенние перевертыши», «Жил-был Иван», «Мизантроп», «Таня», открыли зрителям имена новых талантливых артистов — А. Лымаренко, Л. Малыхиной, Л. Власенко, С. Цыгичко.

Сама Нина Игнатьевна сыграла роли в 30 спектаклях, ведь как актриса она участвует в нашем самодеятельном театре уже 40 лет. Ею созданы образы героинь в таких спектаклях, как: «А зори здесь тихие...», «Сад без земли», «Суета», «Без вины виноватые». Сценическими удачами артистки стали роли в спектаклях последних лет — «Последняя попытка» и «Сватання на Гончарівці». Образ Одарки из «Сватання» — 100-процентное попадание в роль. Лучше Нины Игнатьевны Одарку сыграть вряд ли возможно.

Были в ее актерской карьере и рискованные случаи. В спектакле «В чем их грех?» Нина Игнатьевна и ее муж Геннадий Владимирович заменили внезапно ушедших актеров за две недели до представления. В практике театра такое случается часто, но уникальность ситуации заключалась в том, что нужно было заменить двух главных исполнителей, на которых держался весь спектакль. Плюс к тому же — через две недели должен был состояться не просто показ и даже не премьера, а коллективу предстояло подтверждение звания «Народный». Замена была сложная и ответственная, спектакль висел «на волоске» от провала, однако Нина и Геннадий справились с задачей и буквально спасли коллектив.

Словом, ДК при Нине Игнатьевне бурлил, кипел, как вулкан, и никогда не жил спокойно. Её фантазия, её цепкое пристальное внимание ко всяческим новинкам в области развлекательной индустрии и желание экспериментировать простирались так далеко и свободно, что стоит пожалеть о тех планах, реализацию которых мы не увидели. Голливуд — отдыхает! Но... Нина Игнатьевна в 1992 г. внезапно, оборвав все нити, уходит из ДК УТОГ.

Когда пушки стреляют — музы молчат

Увы, наступила постперестройка, и большинству населения стало не до зрелищ. Был бы хлеб насущный! Нина Игнатъевна, после столь успешной и блестящей карьеры в ДК УТОГ, ушла работать в общежитие УПП № 2 УТОГ воспитателем, а потом — комендантом (с 1992 по 2003 год).

Огни рампы погасли, и началась проза жизни. Нет нужды говорить, что работа коменданта — это огромный труд. А на фоне того безденежья и нестабильности, которые переживало в 90-е годы предприятие и общежитие вместе с ним, комендантское место — это каторга. Забудьте о фейерверках! Сегодня вам надо вывозить мусор, латать крышу, менять ржавые трубы и мирить соседей на кухне. «Великое переселение народов» (когда старое здание общежития было продано, и народ двинулся в новое общежитие, уже давно обжитое и заселенное, со скарбом, с детьми и взведенными нервами) — это переселение коменданту надо было не только организовать, но и пережить.

— Нина Игнатъевна, откуда в Вас столько энергии?

— Я с детства привыкла к самостоятельности. Жизнь так сложилась... Везде и всегда всего добивалась сама. Мне никто не помогал.

Да, держать удар — это в характере Н.И. Беловой. Она справилась и там, в общежитии, со всеми трудностями и «негараздами». Как, каким образом, когда, чего это ей стоило — осталось за кадром, но общежитие приводилось в порядок, благоустраивалось, жило. Нина Игнатъевна организовала детей глухих родителей, и они пели и танцевали для работников УПП № 2. Команда КВН «Рябинушка» из числа работниц УПП № 2 в 2002 г. достойно соперничала на областном конкурсе с командами ВШРМ и ДК УТОГ.

На областной конкурс красоты в 2004 г. Нина Игнатъевна привела целый отряд красавиц из УПП № 2, где уже успела

провести 1 тур конкурса среди швей своего предприятия. Дед Мороз и Снегурочка каждый Новый год вручали детям жильцов общежития подарки от профкома. Артисты ДК малым детским ансамблем «высаживались» в общежитии с концертами. Нина Игнатьевна с помощью мастерицы Елены Симоненко собрала в общежитии коллекцию бальных костюмов, и теперь уже ДК УТОГ и школы-интернаты наведывались к Беловой взять напрокат красивое платье. Спектакль ДК УТОГ «Моя прекрасная леди» был «одет» с помощью костюмов Н.И. Беловой. Зачем ей это было надо?! У коменданта общежития свои обязанности — «от и до». Может быть, Нина Игнатьевна доказывала что-то другим, может, себе самой: что не жалко же ей оставленного ДК УТОГ, что сама себе она и есть ДК (Человек-оркестр)!!! А может, просто было интересно жить так: творчески, увлеченно, увлекая других, — не знаю. Но работала она от души, на полную катушку.

В 2003 году, ровно в 55, с насиженного места, из налаженного уже общежития ушла на пенсию, бесповоротно, без оглядки, оборвав разом все концы.

Почетных грамот, благодарностей за всю трудовую и творческую деятельность у Нины Игнатьевны много. Не хочется утомлять читателя перечислением всех наград — их много, поверьте на слово. В 2008 году ЦП УТОГ ее наградило знаком «За заслуги».

Но Нине Игнатьевне этого, как ни странно, мало. Она стремится быть в гуще событий, быть на виду. Сейчас она работает в ДК УТОГ костюмером и снова, «засучив рукава», наводит порядок. Она сменила А.И. Росинского на посту председателя Совета ветеранов облорганизации глухих, не забывает юбилеи и заслуги наших ветеранов, спешит организовать для них вечера, сказать добрые слова, поддержать материально.

К этому следует добавить (а, может, надо поставить впереди всего!), что у человека, помимо общественных дел и рабочих

обязанностей, есть еще личная жизнь. Нина Игнатьевна замужем за Геннадием Владимировичем Беловым, вместе они прожили уже ой-ой-ой!!! У них два взрослых сына, сад-огород и все остальное. На заре туманной юности Гена подарил молодой жене 2 книги — «Готовим вкусно» и «Шьем сами». Нина была способной ученицей и в этом: готовит она отменно, не говоря уже о том, что прекрасно шьет. Любит Нина Игнатьевна удивлять нас кулинарными изысками.

— Попробуйте, — говорит она, ставя на стол блюдо, и загадочно улыбается. — Котлетки, вкусно?

Мы проглатываем деликатес и долго ломаем голову над тем, из чего он приготовлен. Клянусь, что и наши читатели вряд ли догадались бы.

— Из цветков кабачка! — торжествующе заявляет Нина Игнатьевна. А я с ужасом думаю: это сколько ж надо нарвать цветков, чтобы сделать одну котлету, а тут на весь коллектив!

Да, талант не бывает односторонним, талантливый человек — талантлив во всем!

Нина Игнатьевна — настоящая женщина, и она напоминает мне классический образ «української господині»: «і сорочка в неї хрестом вишита, і хата біла, і квіти найкращі, і борщ найсмачніший, і все, як треба, як у людей». Она и сама красива (хотя нет уже той тоненькой застенчивой девочки, какой она была 40 лет назад), красива дородной, пышной красотой. На празднике всегда при параде, с красивой прической, с серебряными кольцами на руках. Как говорят французы: то, что надо! Во всем — первая, единственная, неповторимая!

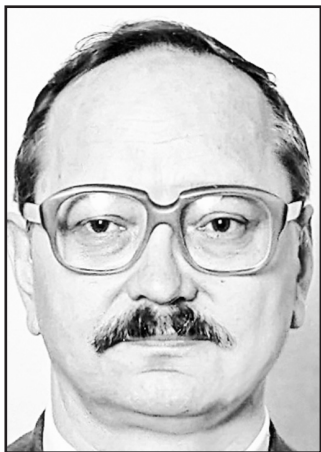
В новом спектакле «Старомодная комедия» Нина Игнатьевна играет главную роль чудачки и актрисы, любящей жизнь. Слова из роли: «Жить долго — не главное, главное — жить с интересом!» — в полной мере подходят и для самой Нины Игнатьевны.

У Вас это здорово получается, Нина Игнатьевна, жить с интересом!

Достойный сын своего отца

*«Батьки наші будову починали
На пустирі безлюдному — з нуля...
Уперто, терпеливо пізнавали
Всі тайнства верстата і руля.
Що є — то є. А зроблено чимало!
Життя прожити — не поле перейти...
Вже те одне, що нас людьми признали, —
Досягнення високої мети!»*

Г. ШВЕЦ.

В. Глодин.

Почетный член УТОГ Виктор Михайлович Глодин родился в 1944 году в г. Смела Черкасской области, в семье глухих родителей. Сам частично потерял слух в детстве, после болезни.

Его отец — Михаил Прохорович, всю свою жизнь посвятил Украинскому обществу глухих, он — основатель организации глухих на Волыни. До приезда в Луцк отец занимал руководящие должности в Украинском обществе глухих и по долгу службы часто переезжал со своей семьей

из города в город. И только в 1954 году он переехал в Луцк на постоянное место жительства. Здесь Виктор пошел в школу, начал свою трудовую биографию и достойно продолжил дело отца, став одним из активистов организации глухих на Волыни.

Снижение слуха не помешало Виктору окончить в 1962 году Луцкую общеобразовательную школу. Он с 12 лет принимал активное участие в художественной самодеятельности Луцкого дома культуры УТОГ, куда приходил сначала с отцом, а потом уже самостоятельно. С 16 лет он — член Украинского общества глухих.

Трудовую деятельность Виктор начал в 1963 году учеником токаря на Луцком приборостроительном заводе «Электро-термометрия». Профессия токаря ему пришлась по душе. С большим интересом Виктор наблюдал, как из куска металла вытачиваются красивые, изящные детали. Избранной специальности он остался верен до сегодняшнего дня. В трудовой книжке В.М. Глодина всего одна запись: «Луцкий приборостроительный завод».

Виктор Михайлович по-настоящему влюблен в свое дело, в токарный станок, который по-хозяйски чистит, смазывает и лелеет, и тот никогда не подводит его в работе.

Руководство завода обратило внимание на смекалистого и толкового рабочего. Уже в 1976 году его назначили бригадиром токарного участка цеха, где он — единственный слабослышащий руководитель среди слышащих рабочих.

А вечерами после работы и в выходные дни Виктор Михайлович торопится в Луцкий дом культуры УТОГ на репетиции, выступления и мероприятия. Он всегда в самой гуще событий, всегда там, где собираются люди. В летние вечера посетители клуба чаще всего проводят время в тени ветвистого дуба, посаженного отцом Виктора Михайловича — Михаилом Прохоровичем Глодиным, во дворе Дома культуры. И с ними — Виктор Михайлович. Он — человек многогранного, яркого артистического таланта, успешно выступающий и в драматических постановках, и в декламации, и в песенном жанре, и в иллюзионном искусстве.

В.М. Глодин не только принимает участие в выступлении-

ях на сцене Луцкого дома культуры УТОГ, но и часто выезжает в другие районы области с концертами, выступает перед неслышащими жителями сельской местности в районных клубах, в спецшколах-интернатах для глухих детей. В.М. Глодин принимает участие во многих городских и областных смотрах художественной самодеятельности среди слышащих. Он неоднократно выступал на культурно-массовых мероприятиях областного значения: «Звоны Волыни», «Славься, мой град, в Украине воскресшей, славься, мой Луцк, в веках!»

И везде ему сопутствовал успех, ему от души аплодировали за мастерство, неповторимый юмор и любовь к искусству.

В.М. Глодин — участник I, II и III республиканских фестивалей песни в жестовом исполнении. На II и III республиканских фестивалях он награжден дипломами I и II степени. Он также участвовал в III Международном фестивале глухих магов в г. Лейпциге (Германия) в 1990 году.

Кроме всего прочего, В.М. Глодин активно принимает участие во всех городских соревнованиях по шашкам, шахматам и настольному теннису, неоднократно был победителем областных соревнований по этим видам спорта.

Виктор Михайлович — постоянный член президиума Волынской областной организации УТОГ, более 30 лет он избирался членом Центрального правления УТОГ, был делегатом съездов Общества (с 1968 по 2001 год). И это еще не все. Глодин — член художественного совета Луцкого дома культуры глухих и член правления Луцкой городской организации УТОГ.

Виктор Михайлович досконально знает работу организации УТОГ, поэтому, как член ее президиума, он многие годы исполнял обязанности председателя Волынской областной организации во время его ухода в отпуск. Конечно же, такой активный и инициативный человек, как Виктор Михайлович, отмечен многими наградами и званиями. За трудовые до-

стижения и активное участие в общественной жизни Общества глухих он награжден медалями «За доблестный труд», «За трудовое отличие», «Ветеран труда», почетными грамотами Верховного Совета УССР, Совета Министров СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, почетными грамотами президиума ЦП УТОГ и президиума Волынской областной организации УТОГ, дипломами за участие в художественной самодеятельности. 4 июня 1993 года, на IV пленуме ЦП УТОГ, ему присвоено звание «Почетный член УТОГ».

Виктор Глодин — хороший семьянин. С любовью и заботой он относится к своим родным и близким. Особые отношения связывают его с младшей сестрой Ольгой — известной неслышащей спортсменкой, которая сейчас живет в далекой Австралии.

В своем письме на родину Ольга пишет: «Витя — мой кумир. Я его очень уважаю и люблю. Он меня воспитал, несмотря на небольшую разницу в годах, на личном примере. Всему хорошему в моем характере я во многом обязана ему».

С таким же уважением и любовью относятся к Виктору Михайловичу не только родные, но и все люди, которые знают его. Среди глухих Волыни В.М. Глодин пользуется большим авторитетом, к его мнению прислушиваются и по праву гордятся им — достойным сыном, продолжателем дела своего отца, стоявшего у истоков нашего Общества.

Н. ДЬЯЧЕНКО

Моя мама

Л. Парчевская.

Моя мама, Леонида Григорьевна Парчевская, родилась 16 апреля 1925 года в селе Гасино Винницкой области, в семье крестьянина, в которой было семеро детей.

Леонида, а ее звали просто Лидочка, была третьим ребенком в семье и, как в большинстве крестьянских семей, старшие дети всегда присматривали за младшими. Поэтому и росли дружной семьей.

Моя мама среди братьев и сестер с малых лет отличалась сообразительностью, острым умом, хорошей памятью и тягой к знаниям.

Она любила сидеть возле старшей сестры во время выполнения домашнего задания, и то, что сестра не могла долго выучить, читая вслух, маленькая Лидочка схватывала на лету. Я помню, как она читала мне стихи из своего детства — знала их очень много, а больше всего любила А.С. Пушкина, и эту любовь передала своим детям, а особенно — внукам.

Но случилось горе — зимой 1932 года мама заболела менингитом. Никто из сельских врачей не знал, как ей помочь. Прошли долгие недели болезни — она выжила, но полностью потеряла слух. Так, в 7 лет, еще не успев пойти в первый класс, она стала глухой.

Семья очень переживала случившееся, а отец начал срочно искать школу, где могла бы учиться его глухая дочь. И когда узнал о том, что в Одессе есть такая школа, он продал все свое

довольно большое по тем временам хозяйство, дом и ради глухой дочери, в голодном 1933 году, переехал со всей многочисленной семьей в Одессу.

Маму определили в спецшколу № 91 для глухих детей. В начале ей было очень трудно, непривычно, пугал жестовый язык учеников, но, поняв его необходимость для глухого человека, она окунулась в учебу и делала большие успехи, за что ее переводили через класс. Так в 1941 году мама окончила 8 классов.

Война не дала ей возможности получить полное среднее образование, поэтому она доучивалась в вечерней средней школе № 19, уже имея двух детей, и получила среднее образование в 33-летнем возрасте.

Во время войны и оккупации мама жила в Одессе. Здесь познакомилась со своим мужем. Они создали дружную семью. После освобождения города от немецко-фашистских захватчиков мама начала работать швеей в швейном цехе на ул. Карла Маркса, 41, который потом расширился — на его базе был создан УПК № 2 УТОГ.

Молодая, красивая, энергичная, мама сразу окунулась в жизнь глухих. Начала тренироваться в спортивных секциях, особенно увлекалась легкой атлетикой, где добилась высоких результатов, выступая в республиканских соревнованиях.

А вечерами она спешила в Дом культуры, где участвовала во всех постановках драматического кружка. Особенно ей запомнилась первая роль — в спектакле «Царская невеста». С этим спектаклем коллектив выступал на республиканском смотре и получил высокую оценку жюри, председателем которого был И.А. Сапожников.

В 1947 году, по предложению председателя Одесского облотнодела УТОГ Г.И. Кирики, мама закончила курсы секретарей-машинисток и работала по этой специальности в областном отделе УТОГ, а затем — секретарем на Одесском УПК № 1 УТОГ.

Здесь в обеденный перерыв она собирала вокруг себя моло-

дежь и рассказывала о прочитанном, о репетициях спектакля, агитируя молодежь принимать активное участие в художественной самодеятельности и спортивных секциях. Уже в 1950 году ее, как грамотную и увлеченную литературой, Г.И. Кирика перевел в Одесский дом культуры УТОГ библиотекарем. Теперь она практически весь день проводила в Доме культуры, много читала, постоянно участвовала в спектаклях. Видя такое рвение к работе, по направлению Одесской областной организации УТОГ ее командировали в Москву на курсы подготовки режиссеров драматических коллективов при клубах глухих, где преподавателем была известная артистка Московского театра мимики и жеста Евгения Николаевна Минасова, уроженка Одессы.

После окончания курсов Леонида Григорьевна в 1958 году была назначена директором Одесского дома культуры УТОГ и проработала на этой должности более 20 лет.

Помню её энергичной, болеющей за свое любимое дело, всегда в круговороте событий УТОГ. Ведь у директора областного Дома культуры был широкий круг обязанностей, кроме того, она же была председателем Одесского городского отдела УТОГ. Такое совмещение должностей продолжалось вплоть до 1965 года, пока не была утверждена должность председателя городской организации УТОГ и не разделены обязанности.

Леонида Григорьевна занималась и спортивной работой, всегда была в оргкомитете при проведении всех спортивных мероприятий местного, республиканского и всесоюзного значения, проводимых в г. Одессе. Наши одесские спортсмены, такие как: В. Рухледев, И. Черчес, В. Скоморохов, братья Петуховы, были известны как в Украине, так и во всем Советском Союзе.

Мама пользовалась очень большим авторитетом и любовью среди своих коллег и всех членов УТОГ, для блага которых она отдавала все свои знания, силы и время.

В период её работы директором Дома культуры драматическому кружку за постановки спектаклей по пьесе Н. Зарудного «Ах, эти дети!» и М. Стельмаха «Зачарованная мельница» в 1967 году присуждено высокое звание «Народный самодеятельный театр», и он на протяжении многих лет подряд удерживал первое место среди культучреждений Общества.

Будучи членом правления Одесской областной организации УТОГ, Леонида Григорьевна часто выезжала в районные первичные организации УТОГ для оказания практической помощи председателям МРО в проведении слётов тружеников села и различных собраний.

Люди любили слушать её выступления, её жестовые рассказы и политинформации. Она помогала глухим в трудоустройстве, в воспитании детей, в сложных жизненных ситуациях.

К ней шли за советом, помощью. Люди тянулись к ней, любили с ней пообщаться — ведь она много читала, много знала и всегда могла рассказать немало интересного. Мама всегда была оптимистом, энергичным и творчески активным человеком. У нас в доме постоянно бывали друзья и знакомые, которых она — умелая хозяйка и искусная кухарка — старалась угостить. Даже когда она ушла на пенсию, не могла отойти от дел Общества, от своей любимой работы. Она была председателем Совета ветеранов и обязательно 2—3 раза в месяц проводила политинформации на ОПО «Электрик», в Доме культуры, в первичных организациях УТОГ.

Ее труд высоко оценило Общество. Она была удостоена наивысшего звания — «Почетный член УТОГ», награждена медалями: «За доблестный труд», «Ветеран труда», многими почетными грамотами президиума ЦП УТОГ, президиума Одесской областной организации УТОГ, Министерства культуры УССР, президиума УРК профсоюза.

Покинула нас Леонида Григорьевна в 1989 году.

Для нас, ее детей, которые тоже посвятили свою жизнь слу-

жению глухим людям, она была и остается навсегда замечательной матерью и бабушкой, красивым и богатым душой человеком, с очень добрым и ласковым сердцем, открытым людям.

Ваш выход, Маэстро!

«Главное дело жизни»

И. Левин.

Играл Левин когда-то давно с большим успехом спектакль с таким символическим Названием — «Главное дело жизни». Но театр театром, а жизнь жизнью. В ней с успехом выступать не всегда удастся. Если традиционно считать, что к зрелым годам мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына, то Левин эту программу выполнил. У него взрослые дети, надежный домашний очаг, а уж деревьев он на своем садово-огородном участке посадил достаточно. Работал Левин на

УПП № 1 УТОГ более 20 лет, был передовиком, сейчас перешел на фирму.

Одним словом, кормилец и опора семьи. Ему не страшно оглянуться в прошлое, есть что вспомнить, есть чему радоваться. Дети, внуки, любящая жена. Для полноты портрета можно добавить, что он — заядлый футбольный болельщик, рыболов со стажем, душа любой компании. Но есть у него одна страсть, которая будто и не к лицу такому серьезному мужчине...

«Любил, люблю и буду...»

«И буду любить! Чтоб я сдох!» — так клянется в любви к

деньгам его герой Шельменко-денщик. Левин мог бы так сказать о театре.

В народный самодеятельный театр Харьковского ДК УТОГ он пришел в 1970 году и с тех пор бескорыстно и преданно служит сцене. Сыграл 26 ролей, «вытерпел» трех режиссеров, был партнером по сцене многих актеров. Но люди приходили в театр, играли... и уходили, а Левин оставался. 36 лет он на сцене. Сначала фамилия Левина занимала нижние строки в списках действующих лиц и исполнителей, но очень скоро переместилась на первые позиции, в число «звезд». Даже с корифеями театра — В. Хоменко, З. Плис, А. Тряминой, И. Нествед — он, начинающий артист, не терялся, чувствовал себя уверенно. Значительная часть репертуара театра 80 — 90 — начала 2000 годов лежала на его плечах. Приказчик Ипполит («Не все коту масленица»); старшина Басков («А зори здесь тихие»); узник гестапо Короткевич («Главное дело жизни»); Шельменко-денщик в одноименном спектакле, профессор Хиггинс («Моя прекрасная леди»)... Можно продолжить этот список ролей Левина, но не хочется утомлять читателей. Добавить к этому нужно только одно: что репетиции, премьеры, гастроли, смотры и фестивали занимали так много времени, что Левин частенько отсутствовал дома. Близкие это ему прощали, увлечение его разделяли и, бывало, сами выходили на сцену. В спектакле «Судьба и люди» играли всей семьей: и жена, Валентина Петровна, и дети — Алеша и Володя, и сам Иван Левин.

«От любви до ненависти...»

Я увидела Левина впервые в роли старшины Васкова. Думаю, что он ничуть не уступал актеру Мартынову из знаменитого на весь Союз фильма «А зори здесь тихие». В Левина нельзя было не влюбиться. Так мужественно, так трагически, так страстно он играл эту роль.

Позже он блестяще играл в комедии «Шельменко-денщик» роль пройдохи и хитреца Шельменко. Играл с наслаждением, с коленцами и вывертами, в легкой импровизационной манере. В 1996 году этот спектакль был показан дважды в Киеве и отзывы имел самые восторженные. Да что! Сам директор Культурного центра УТОГ Владимир Гончаренко писал: «Светло, театрално, искренне, музыкально! Прекрасно сыграны роли Шпака (С. Федоров), его жены (И. Нествед), Шельменко (И. Левин). Мо-лод-цы!!!».

То, что Левин — талант и талант от Бога — очевидно. Я стала горячей поклонницей его таланта, старалась не пропустить его выступления.

Несколько лет спустя мне пришлось встретиться с Левиным уже на сценической площадке. Николай Семенович Борисенко, возглавлявший театр 30 лет, передал режиссуру начатого спектакля «Треугольная шляпа» мне. Рядом с такими «акулами» сцены, как Левин и Лымаренко, я, начинающий режиссер, чувствовала себя «килькой в томате». Ох, и досталось мне от них перчику!

Спектакль, впрочем, получился веселым и ярким, актеры и зрители были довольны. Но розы первого успеха запомнились мне все-таки своими шипами.

«Кто не рискует, тот не имеет!»

Речь пойдет, разумеется, не о деньгах. В 2001 году мы решили ставить на нашей сцене спектакль «Моя прекрасная леди». Это был риск. У нас не было нужных декораций, костюмов, реквизита, чтобы хоть как-то изобразить богатую Англию начала XX века. Никто из нас не числился в отпрысках знати и на балах не бывал. Но на главную роль Элизы Дулиттл у нас была замечательная актриса — Елена Бобырева. А это значило, что спектакль получится. Нашлись у нас и свои арис-

тократы: Ирина Нествед, Елена Смирнова, Владимир Шаповалов, Вячеслав Онацкий, Нина Белова — они чувствовали себя в ролях леди и джентльменов очень уверенно. Дамы уже мастерили наряды и шляпки, мужчины изучали придворный этикет (и как-то удивительно стали галантны на время этого спектакля), весь состав коллектива азартно танцевал вальс под музыку Штрауса, а спектакль был под угрозой срыва. У нас не было актера на главную мужскую роль. Где взять профессора Хиггинса?!

В том, что Левин сыграет эту роль, сомневались многие. Он и сам сомневался. По жизни и на сцене у него амплуа простака, человека из народа. Ну, не аристократ... ничего страшного. Живут люди и без этого. Левин был скроен совсем по-другому, и ходил, и говорил он не как профессор, а уж до английского сноба и эстета ему было еще дальше. Но искусство требует жертв (тем более, самодеятельное), и Ване пришлось под давлением коллектива, директора ДК, моим и жены согласиться на эту роль. Не отменять же спектакль.

Левин человек надежный — взялся, значит, сделает. Слова он выучил быстро, роль тянул. Только Лена в образе уличной цветочницы никак не могла «опроститься», а Ваня в роли профессора никак не дотягивал до ученого мужа. «Лена, будьте развязнее, — требовала я от Бобыревой. — Ваня, держитесь высокомернее, прямее!» — от Левина. До премьеры оставались считанные дни. Ваня приходил на репетиции уставшим после тяжелого трудового дня. Я понимала, что актер принес себя в жертву общему делу, но зритель не прощает ошибок. Как все получится?! Забросают нас зрители помидорами или цветами?

Но на премьере Левин и Бобырева выдали «класс»! Их дуэт на сцене высекал искры, потрясающе интересно было за ними наблюдать. Во взаимных упреках, колкостях и обвинениях их герои — Профессор и Элиза — переживали чувство настоящей любви, менялись к лучшему.

Все, кто был в тот день на премьере, помнят праздник этого вечера. И его, этот праздник, подарили зрителям актеры театра. В тот вечер мы радовались успеху, как дети. Но больше всех радовались за Левина. Ему было труднее всех — и он победил. Это была его заслуженная победа!

«Праздник со слезами на глазах»

Ни одно 9 Мая на сцене нашего ДК не обходится без песни «День Победы» в исполнении Ивана Левина. В нем есть какая-то врожденная фронтовая выучка. Кажется, что Левин и воевал на фронте, и автомат в руках держал, и гарью пропах. Феномен Высоцкого: тот тоже на войне не был, но все фронтовики-ветераны считали его своим.

На одном из первых всеукраинских конкурсов жестовой песни Левин занял второе место, исполнив песню о войне «Эта рота». Сейчас он поет трагическую балладу «Курск». Зрители плачут. У него редкое для актера качество на сцене — сохранять мужественность. Без позерства, без слащавых театральных приемов.

Он любит сцену и не боится публики, сценическая площадка для него — место, где он чувствует себя, как бессменный Дед Мороз на новогодних праздниках. Глядя на него, думаешь, что без театра жить он не может. И хотя бывают периоды, когда Левин вынужден отходить от театральных дел, но как-то верится, что он обязательно вернется на сцену, как корабль возвращается в родную гавань. И сыграет еще много хороших ролей. Чего желаем ему и всем нам, зрителям, которые его любят, коллегам и партнерам по театру, которым с Левиным всегда интересно и надежно играть, и театру в целом. Ведь именно благодаря таким артистам, как Левин, театр и держится.

Так и хочется сказать Левиному: «Ваш выход, Маэстро! Успеха!».

Призвание — дарить чудеса

А. Резник.

Кто-то из нас сразу нашел свое призвание в жизни, а кому-то подсказал случай.

Именно такая «подсказка судьбы» помогла в 1968 году ученику Запорожской школы для глухих детей Анатолию Резнику. Зашел он как-то в книжный магазин, и на глаза ему попалось редкое издание «Репертуар иллюзиониста». Оно сразу чем-то притянуло, взяло за душу — то ли описанием трюков, то ли техникой их исполнения. Его руки, повинаясь внутреннему толчку, задвигались в воздухе, воспроизводя написанное... И в этот момент родился артист оригинального жанра, маг и чародей. Он и сам не заметил, как в нем проснулся дремавший дар. Так он нашел призвание всей своей жизни. Но к мастерству и всеобщему признанию еще надо было идти долгие годы. Ведь не сразу Анатолий вышел на сцену, и случайно купленная книга еще ждала своего времени.

После окончания школы юноша поступил на завод «Радиоприбор», где работал слесарем. Спустя время, в 1973 году, появилось желание попробовать свои силы в чем-то неизведанном. Из шкафа была извлечена и книга. По ней Анатолий сделал свой самый первый, самый простой реквизит.

А где зрители? Они нашлись сначала в родной семье, а потом и в областном Доме культуры УТОГ. Еще не очень технические трюки понравились всем. А бывшего в то время пред-

седателем Запорожского облотдела УТОГ В.Н. Дюкова так впечатлило увиденное, что он решил помочь талантливому самоучке, и А.А. Резник был направлен на двухнедельный семинар в г. Киев. Заинтересованности и опыта прибавилось.

На первом Республиканском конкурсе магии и иллюзии Анатолий не попал в число лауреатов, но не упал духом. Чтобы совершенствовать технику исполнения, начал выезжать в другие города и даже выступал в сельских клубах. Но одному не так интересно, хочется кого-то научить, посоветоваться. Для этого Резник создал в 1979 году коллектив оригинального жанра при Запорожском ОДК УТОГ. Начался поиск единомышленников и будущих талантливых исполнителей.

С тех пор прошло уже 36 лет. Коллектив сейчас носит название «Народный цирк «Калейдоскоп». Рядом с Анатолием теперь его друзья и коллеги по сцене: Анатолий Немировченко, Елена Ким, Тамара Максименко, Дмитрий Петелин. За все годы в цирке выступали: Мария Панкеева, Павел Ракович, Раиса Федорова, Николай и Таисия Махины, Елена Кучеренко и многие другие.

Сколько прекрасных концертов увидели зрители, не счесть! Постепенно, после многократных репетиций и усовершенствования трюков пришел долгожданный успех. Но постоянно возникали трудности с заменой реквизита, ведь тогда в СССР не было специальных магазинов для фокусников. Приходилось многое делать своими руками.

Шло время, коллектив совершенствовал свое мастерство и становился победителем многих республиканских смотров по магии и клоунаде с элементами иллюзии.

В 1988 году художественный руководитель — Галина Михайловна Воротникова, организовала небольшую стажировку А.А. Резника в профессиональной цирковой студии, чтобы он еще лучше отработал технику и освоил новые элементы показа фокусов. Во время этой стажировки Анатолию несказанно

повезло познакомиться с выдающимся иллюзионистом Ивченко В.П. (к большому сожалению, его уже нет в живых).

Виктор Петрович помог Резнику попасть в Московский клуб фокусников, где раз в месяц проводились собрания, обмен реквизитом, освоение новой техники трюков.

В том же году коллектив цирка «Калейдоскоп» впервые получил звание «Народный».

В следующем году в Москве проводился Всесоюзный фестиваль магов. Пригласили и молодой запорожский коллектив, чтобы он мог себя показать, на мир посмотреть и поучиться.

На этом фестивале коллективу из Запорожья присудили специальный приз среди профессионалов.

Первый всемирный успех пришел в 1990 году, когда коллектив в составе: А.А. Резника, Е.Н. Ким и А.И. Немировченко успешно выступил на III Международном фестивале глухих магов в г. Лейпциге (ГДР). Состязаясь в искусстве магии с 30 участниками из 8 стран, запорожцы заняли призовые места. А. Немировченко и Е. Ким стали первыми в номинации «Комическая магия», а А. Резник завоевал второе место в номинации «Микромагия». Успех окрылил! Коллектив народного цирка «Калейдоскоп» каждые 2 года начал принимать участие во всех международных фестивалях глухих иллюзионистов и магов. Возросшее мастерство, приобретенный опыт позволили им занимать места в призовой тройке.

В 1992 году они успешно выступили в Киеве; в 1994 году — опять в г. Лейпциге (Германия); в 1996 году — в г. Рочестере (США); в 1998 году — в Лондоне (Англия); в 2000 году не смогли поехать в Индию, но с концертом выступили в г. Бильбао (Испания). В 2002 году был триумф в г. Москве (Россия), где Тамара Максименко завоевала Гран-при. В 2004 году — опять г. Лейпциг (Германия), уже ставший почти родным, и в 2006 году — Санкт-Петербург (Россия). Из-за болезни отца Анатолий не смог поехать в апреле 2008 года в г. Рочестер

(США), но Е. Ким, А. Немировченко и Д. Петелин постарались не подвести своего руководителя и выступили достойно, заняв второе место.

Благодаря участию запорожского коллектива в 10 международных фестивалях глухих магов и тому, что он 14 раз занимал призовые места в первой тройке, он приобрел известность далеко за пределами Украины.

Для популяризации и развития оригинального жанра он объездил с концертами почти всю Украину, выступал на конкурсах: «Поверь в себя», «На всей земле мы люди, как и все», в областных мероприятиях среди инвалидов.

Признание среди неслышащих иллюзионистов всего мира позволило А.А. Резнику неоднократно избираться президентом и вице-президентом Международного общества глухих магов.

Особенно запомнился ему 1999 год, когда на сцене родного Запорожского ДК УТОГ успешно прошел Международный конкурс магов — как глухих, так и слышащих. В гостях побывали коллективы из Одессы, Николаева, Лисичанска, Харькова, а также представители России — Н. Чаушьян и клоунмаг Кирюшка.

А.А. Резник уже 24 года трудится на Запорожском ПП «Неон». Был гальваником, а сейчас работает слесарем-инструментальщиком. Как хобби, имеет дома небольшой магазинчик реквизита.

Его беспокоит, что в Украине оригинальный жанр — иллюзия и магия, не так популярны среди глухих, как хотелось бы. Мечтает о том, что в каждом ОДК УТОГ появятся студии фокусов с участием молодых талантливых исполнителей.

А.А. Резник награжден многими почетными грамотами областной организации, знаком «Отличник УТОГ» и высшей наградой нашего Общества — «За заслуги». В 2014 году ему присвоено звание «Почетный член УТОГ».

Мадам Одесса — это что-то!

Л. Стихина.

В предверии Международного женского праздника мэрия города Одессы организовала пятый по счету, юбилейный конкурс «Мадам Одесса—2002». Мы рискнули и выставили свою кандидатуру — Лилию Стихину.

В конкурсе участвовали лучшие из лучших одесситок, независимо от возраста, роста, веса, образования и профессии. Обязательным условием было наличие одесской прописки и статуса «мадам».

После пятого отборочного тура наша Лиля успешно прошла в финал. При отборе финалистов учитывались такие качества, как чувство юмора, умение раскованно держаться на сцене и, конечно же, наличие неповторимого одесского колорита.

Главное действо развернулось на сцене Украинского музыкально-драматического театра имени В. Василько. Вместительный зал был до отказа заполнен зрителями, а присуждать призы должно было авторитетнейшее жюри: президент клуба «Мадам Одесса» Ирина Ардашева, председатель Союза театральных деятелей, народный артист Украины Анатолий Дуда, художественный руководитель хореографической школы, заслуженный работник культуры Анатолий Литвиненко, директор издательства «Папирус», член Союза писателей Юрий Овтин, директор Украинского музыкально-драматического театра, народный артист Украины Андрей Гончар, директор

Дворца моряков, член Всемирного клуба одесситов Андрей Ненченко, начальник управления молодежной политики, семьи и туризма горисполкома Ирина Семишкур.

И вот, наконец, заключительное действо, Финалистки в сопровождении галантных юношей вышли, а вернее, — выплыли на прекрасно убранную сцену. Наша Лиля держалась уверенно и смело. Первое задание — «Знакомство», она представила в стихах:

*«Вас всех люблю! Мужчин же... просто обожаю!
И в конкурсе я победить мечтаю!
Но главный «титул» у меня уж есть:
Я — Женщиной зовусь и этим званием горжусь!»*

Второе конкурсное задание — «Пара слов по любому вопросу». Участницы экспромтом отвечали на вопросы приглашенных из зала зрителей, и здесь Лиля была на высоте. Когда прозвучал вопрос: «Если бы вы в статусе «Мадам Одесса» впервые пришли на прием к мэру города, что бы у него попросили?» Лиля Стихина моментально ответила: «Руслан Борисович! Нам нужен новый Центр культуры и отдыха для глухих!»

Третья задача конкурса — «У нас в Одессе это все едят», заключалась в том, чтобы приготовить и подать членам жюри блюдо, которое любят в семье, сопровождая веселым, с юмором, приглашением. «Рулечки для Мулечки» — мясное ассорти, приготовила наша Лиля:

*«Чтоб смогли мужчины
нашу прелесть оценить
их надо мясом, девочки, кормить!»*

Четвертый конкурс назывался «Лопни, но держи фасон!» Необходимо было из подручных материалов смастерить такой костюм, чтобы мужчины засматривались. Это было не-

обычайное представление: «Семейный антистресс» — костюм из пластиковых коробочек от майонеза; «С песней по жизни» — из старых грампластинок; «Мадам свежая пресса» — из газет, которые муж приносит в счет зарплаты. Когда, комментируя этот костюм, финалистка показала, где она расположила «спортивные новости», а где — «политику», зал взорвался от хохота. Зрители по достоинству оценили костюмы: «Элочка-людоедка», «Одесский секонд-хенд», «Унесенные ветром», «Крыша поехала», «Долой авитаминоз».

Л. Стихина продемонстрировала костюм «Зимой и летом — одним цветом» — в образе елочки, сделанной из зеленого «дождика» и украшенной гирляндами. А когда Лиля произнесла: «У меня шикарный вид и во лбу звезда горит...» — и звезда загорелась в самом деле — зрители были в восторге. И после того, как вышла Снегурочка и, обращаясь к елочке, пропела:

*«Солнце мое — я твой Лучик.
Нет тебя в мире лучше!
Ты стерженек — я твоя ветка,
Мы навсегда связаны крепко!»*

— член жюри, руководитель театра А. Гончар, в восторге назвал представление этого костюма «триумфом добра и любви». Здесь нужно заметить, что в роли Снегурочки выступил сын Лилии — Женя Стихин.

В пятом конкурсном задании под названием «Гостиная «Мадам Одесса» (показ своего таланта и фантазии) Лиля вместе с Евгением Мельниковым блестяще исполнили сценку «Я обиделась» — что вызвало в зале настоящий шквал аплодисментов.

Но вот конкурс подошел к заключительному аккорду. Вручать призы победительницам вышел мэр города Руслан Боделан, и каждая финалистка получила свою номинацию и приз. Лиля Стихина — единственная из всех — получила два при-

за: «Мадам Смелость» и «Мадам Симпатия». Причем, «Мадам Симпатия» — фактически главный приз конкурса, и свои симпатии Лиле выразили 87% зрителей.

Когда же ей надели огромную ленту «Мадам Смелость», ведущий сказал: «Я преклоняюсь перед смелостью этой женщины, вышедшей оспаривать высокий титул «Мадам Одесса—2002» вместе со слышащими!»

Вся программа конкурса сопровождалась концертными номерами в исполнении лучших артистов города, в том числе и группы «Феникс», которая показала два танца: «Времена года» и «Веселые озорницы». И каждый раз ведущий объявлял: «Это группа поддержки Лилии Стихиной».

И мы, неслышащие одесситы, испытывали вполне понятное чувство гордости от того, что инвалиды по слуху могут наравне со слышащими показать себя, свои таланты и возможности, на таком престижном городском мероприятии.

А в праздничный день этот красочный и яркий конкурс показали по местному телеканалу.

*«Мадам Одесса — это что-то!
И шик, и шарм, и колорит.
Забыв на время все заботы,
В восторге млеет одессит!»*

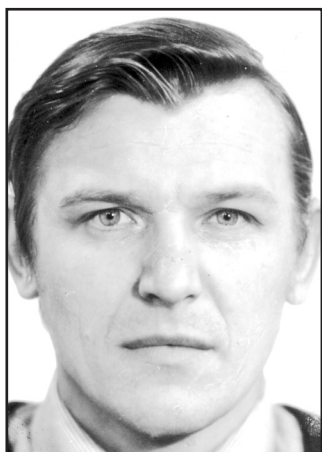
*Мужчины любят их и ценят,
Все дамы — королевы просто.
Ведь чувство юмора важнее
Стандартов, талии и роста!»*

К сожалению, наша неповторимая Лилечка внезапно ушла из жизни в 2014 году. Остановилось ее большое, любящее сердце. Болью отозвалась эта утрата в душе каждого, кто ее знал и любил...

Яскрава особистість

*«Твого життя не висохне русло,
А повноводдям зануртують ріки.
Як зерня, що з любові проросло —
Живим залишиться навіки».*

З. ГАРНИК.

Ф. Чепурний.

Федір Григорович Чепурний — людина, яка належить до покоління, чиє життя наповнене роботою на підприємстві та участю у художній самодіяльності Чернівецького будинку культури УТОГ — зі стажем понад 40 років. Ті, хто добре його знає, згадують, що трудився і трудиться він самовіддано й невтомно.

Народився Федір Григорович у період післявоєнної розрухи — 25 жовтня 1946 року в селі Андріївка Сосницького району, що на Чернігівщині, в сім'ї колгоспника.

У семирічному віці застудився і після менінгіту втратив повністю слух. Тож навчався з 1964 року у Сосницькій спецшколі-інтернаті для глухих дітей. Там і закінчив 12 класів, отримавши неповну середню освіту. Далі навчався у вечірній школі для робітничої молоді. У 1990 році здобув юридичну освіту в Політехнікумі при Ленінградському відновлювальному центрі ВОГ, який закінчив на «відмінно».

Свою трудову біографію розпочав у 1967 році на Чернівець-

кому деревообробному комбінаті, де працював верстатником 4 розряду.

Федір з дитячих років дуже захоплювався спортом: легкою атлетикою, волейболом, футболом. В спецшколі-інтернаті брав участь в змаганнях і неодноразово посідав призові місця.

Коли у 1969 році в УТОГ була створена Українська спортивна федерація глухих, а на місцях — обласні спортивні федерації глухих, тодішній голова Чернівецької обласної організації УТОГ Михайло Борисович Батшев, дізнавшись про організаторські здібності Федора Чепурного, вмовив його працювати інструктором з фізкультури та спорту в Будинку культури УТОГ. На цій посаді він працював до 1975 року і залишив помітний слід в розвитку спортивного руху в Чернівецькій обласній організації УТОГ. Тож хоча і не мав спеціальної підготовки, але любов до спорту й організаторські здібності давали свої результати — і область була не на останньому місці.

Але сімейні обставини примусили Чепурного перейти на завод «Металіст», де умови праці та заробітна плата більше підходили для утримання сім'ї. Пізніше доля знову повернула його на деревообробний комбінат, де він продовжував працювати верстатником.

3 серпня 1989 року Федір Григорович був одноголосно обраний заступником директора з виховної роботи та кадрів Чернівецького УВП УТОГ, де працював до виходу на пенсію. З 2014 року Чепурний працює на посаді директора Чернівецького ОБК УТОГ.

Але, де б не працював Федір Григорович, яку б роботу не виконував, та душа його завжди прагне свята. Він був закоханий у мистецтво ще з юних років. Брав участь у художній самодіяльності ще в школі-інтернаті, а коли в 1968 році приїхав до м. Чернівці, став активістом Будинку культури УТОГ. Коли сюди прийшов режисер драматичного гуртка (а пізніше на-

родного самодіяльного театру) Микола Іванович Котляревський, то він відразу «поклав око» на Федора Чепурного, розпізнав у ньому майбутнього артиста – і не помилився.

І ось уже у Федора – перша роль бійця за твором О. Малишка «Прометей» і перша золота медаль за її виконання на Всеукраїнському огляді драматичних колективів у 1970 році, а також присвоєння драматичному колективу високого звання «Народний».

Уже своїми першими ролями у театрі він приворожив аудиторію і вона щиро його любить до цього часу. А час, що присвятив Федір Григорович театру складає сорок років. За ці чотири десятиліття творчої праці з допомогою засновника театру М.І. Котляревського, режисерів – А.Г. Литвинчука, З.П. Білевича, В.Г. Агєєва, Ю.П. Рижкової створено близько тридцяти образів у виставах різних жанрів:

- Михайло у драмі О. Кобилянської «Земля»,
- майор Шпрее у драмі К. Горіна «Справа Жанни Валуа»,
- син в ісценізації повісті М. Горького «Мати зрадника»,
- Незнамов у драмі А. Островського «Без вини винуваті»,
- Фердінанд у драмі Ф. Шиллера «Підступність і кохання»,
- офіцер у драмі А. Мішоріна «Зимова баллада»,
- Волощук у драмі Я. Снігура «Полум'я»,
- Сметанич у сатиричній драмі М. Ердмана «Мандат»,
- Дмитро у драмі В. Довгого «Весняні пали»,
- Арташоков у комедії В. Буриличова «Ідеальний вік»,
- Таран у комедії А. Коломійця «Фараони»,
- Омелько в українському водевілі-жарті А. Тендейтнікова «Хто сміється, тому не минеться» та багато інших.

Кожна його роль була відмічена журі багатьох оглядів фестивалів почесними грамотами, дипломами лауреата, золотими та срібними медалями.

Звичайно, майстерність не приходить сама по собі – це результат величезної невтомної праці. Для втілення своїх ролей

Федір Григорович знаходить чітку й виразну форму, створені ним образи вирізняються природністю і простотою, він володіє надзвичайним акторським магнетизмом.

Для глядачів кожна зустріч з ним дарує неповторне враження від його акторської гри.

Без його участі не обходився не один концерт чи вистава, з якими Будинок культури виїжджав у різні куточки нашої області та поза її межами.

Свою любов до театру Федір Григорович передавав учням спецшколи-інтернату для глухих дітей, де працював керівником драматичного гуртка.

Багато років віддано сцені та людям, але актор вважає, що головне ще не зіграно, адже з приходом «осені» життя по-особливому починаєш відчувати цей світ і хочеться ці відчуття розділити з усіма.

Федір Григорович протягом 30 років є членом президії правління обласної організації УТОГ, неодноразово був делегатом з'їздів УТОГ. Він уміє організовувати людей, проводить активну виховну та роз'яснювальну роботу серед нечуючих області, користується великим авторитетом серед колег та членів УТОГ.

«Яскрава, неповторна особистість, людина, яка вміє допомогти, підставити надійне плече в скрутну хвилину», — так говорять про нього працівники підприємства, Будинку культури, друзі та послідовники.

Розумне, добре слово Федора Григоровича, його турбота про людей завжди знаходять розуміння, відгук серед нечуючих міста Чернівці. І обласна організація УТОГ пишається тим, що у нас є така людина, як Чепурний!

Ирина ДУЦЕНКО

Наш Евгений

*«Театр уж полон. Ложки блещут,
Партер и кресла — все кипит.
В райке нетерпеливо плещут,
И взвизвись, занавес шумит».*

А.С. ПУШКИН.

Е. Мельников.

...Вспомнились мне эти стихотворные строчки перед началом спектакля «Фонтан слез» в Одесском центре культуры и отдыха УТОГ. Зрители с волнением ожидали, когда раздвинется таинственный бархатный занавес и все они приобщатся к чему-то волнующему и романтичному. Пробежал озабоченный режиссер спектакля Евгений Мельников, он же — исполнитель роли в этой прекрасной и печальной пушкинской трагедии...

Спектакль удался и оставил глубокий и яркий след в сердцах зрителей. И Евгений снова был счастлив, что доставил радость людям. Не каждому повезет, имея призвание и талант, найти такое место в жизни, где он мог бы развернуть крылья своей мечты, реализовать способности и вдохновение. А Евгению это удалось в полной мере.

Начиналось это так: учась в Донецкой школе-интернате № 4 для слабослышащих детей, он сразу стал выделяться среди ребят своей артистичностью. Никому не давал скучать,

был первым заводилой во всем, любил шутить, петь, танцевать. Позже стал организатором всех школьных вечеров — с выдумкой, фантазией, веселыми сюрпризами. Умея прекрасно рисовать, сам оригинально оформлял школьную сцену и фойе.

С ним было весело, он был душой коллектива. Очень любил искусство, книги, живопись и приобщал к этому всех учеников школы-интерната. Друзей у него было очень много — вся школа. Такой уж у него был веселый, солнечный характер, что он всем умел создавать хорошее настроение. И имя мама с папой ему дали прекрасное — Евгений. Это имя обязывает творить что-то гениальное, если не в великом, то в малом.

Взять, к примеру, артистов Евгения Евстигнеева и Евгения Леонова, поэта Евгения Евтушенко. А может быть, стоит вспомнить и Евгения Онегина — хотя он был бездельник и повеса, но сумел вдохновить великого поэта А.С. Пушкина на создание первого в русской литературе романа в стихах.

Однажды нашего Евгения — тогда еще школьника, осенила гениальная мысль использовать для искусства заброшенный школьный подвал. Он, конечно, побаивался, что директор школы запретит ребятам там хозяйничать — вдруг еще пожар устроят! Поэтому под большим секретом ребята понемногу стали выносить из подвала мусор, сделали там генеральную уборку, навели блеск и чистоту. И стали собираться там тайно для проведения репетиций. В этой конспирации была своя романтика, поэтому было вдвойне интересно.

Таились недолго — директор школы обо всем узнал и лично пожаловал в подвал как раз во время ответственной репетиции. У зачинщика этого дела — Жени Мельникова, как говорится, душа ушла в пятки — вдруг директор разгневается, разгромит всю эту «подпольную организацию» и закроет подвал на замок.

Но волнения были напрасны — директор оказался сознательным и добрым. Он похвалил Женю за хорошую идею

и разрешил продолжать работу этого «клуба». Так началась деятельность Евгения, как шоумена — на все руки мастера в эстрадном, театральном, дизайнерском деле. Ни в одной донецкой школе не было такой художественной самодеятельности, как в интернате для слабослышащих.

После школы Женя Мельников пошел работать на производство и одновременно заочно учился в Киевском институте культуры. Но свою школу не забывал — по зову сердца часто приходил туда, встречался с друзьями, репетировал концерты с танцами, песнями, оригинальными сценками. Для души, на общественных началах, выступал в Донецком доме культуры УТОГ, а по окончании учебы по-настоящему обосновался там и стал общепризнанным шоуменом.

Его творческая фантазия не имела границ. Всегда он придумывал что-то новое, яркое, остроумное. Вместе с Лилией Стихиной придумали и сотворили оригинальное шоу «Черный кот», которое пользовалось большим успехом у зрителей. Выезжали с этой шоу-программой на гастроли в Киев, Симферополь, Мелитополь, Харьков, Полтаву. Побывали в Польше, Венгрии. И, наконец, попали в Одессу!

Бывалые одесситы вначале немного испугались названия шоу «Черный кот» — ведь не так давно всю Одессу беспокоила бандитская шайка «Черная кошка». Но донецкий «Кот» оказался очень добрым и веселым. Он вальяжно сидел на сцене, развлекал всех своими шутками и озорными выступлениями. Все зрители веселились и остались очень довольны и зрелищем, и тем, что к нам в Одессу приехал сам Евгений Мельников, которого одесситы запомнили по его выступлениям на XIII съезде УТОГ.

А он с первого взгляда влюбился и в наше синее море, и в гостеприимную Одессу, которую он покори́л своим оптимизмом и чувством юмора. И Одесса не отпустила его от себя, сказав ему: «Ты наш, оставайся с нами!» И вот уже несколь-

ко лет служитель муз, шоумен Евгений Мельников является одесситом.

Наш Евгений — ведущий шоу-группы «Феникс», которая пользуется большой известностью. Там вместе с мастерами эстрады выступают восхитительные танцовщицы блистательной и вечно юной Евгении Волошиной. В этом творческом коллективе — полное взаимопонимание и прекрасные отношения.

Одессит Е. Мельников продолжает любить свой родной Донецк и никогда не забывает старых друзей, которые на расстоянии радуются его успехам.

...Закончился очередной шоу-концерт на одесской сцене. Режиссер — наш Женя, уходит из зала последним, как всегда, усталый, но очень счастливый.

И витают в воздухе пушкинские слова:

*«Финал гремит. Пустеет зала,
Шумя, торопится разъезд.
Толпа на площадь побежала,
При блеске фонарей и звезд...»*

Рожденная для сцены

Н. Середа.

Любовь к сцене — это у Натальи Середы, можно сказать, наследственное, впитанное с молоком матери. Девочка часто бывала на репетициях и концертах художественной самодеятельности, в которых ее мама принимала самое активное участие.

Одним из самых ярких детских впечатлений был поход всей семьей в местный Дом культуры (малышке тогда было около 4 лет). В тот вечер ее родители вместе выступали на сцене: папа играл на гитаре, а мама танцевала и пела. Маленькая Наташа, сидя в зале, не сводила глаз со своих самых дорогих людей — они были такие молодые, красивые, талантливые!

А еще в семье рассказывали, что бабушка по маминой линии тоже играла на сцене и даже исполняла главную роль в спектакле «Любовь Яровая». Выходит, что Наташа — из династии самодеятельных актеров, не мыслящих себе жизнь без творчества и сцены.

Девочке, родившейся в светлый женский праздник — 8 марта, казалось, тоже была уготовлена такая же легкая судьба, связанная с театром, музыкой, танцами. Но в жизни оказалось все гораздо сложнее... В раннем детстве Наташа заболела и частично потеряла слух. Родители старались сделать все возможное, чтобы девочка не отставала в развитии от своих сверстников, были очень внимательны к своему единственному ребенку, старались как можно больше общаться с ней, развивать ее слух и речь.

Отец девочки был военным, поэтому семья часто меняла место жительства. С Полтавщины, где в 1954 году и родилась Наташа, спустя пять лет семья переехала в Харьков. Вернее, это был не переезд, а возвращение домой — в этом городе родители жили раньше.

До школьного возраста воспитанием Наташи занималась бабушка, а затем родители определили дочку в Одесскую школу-интернат № 97 для слабослышащих детей, где девочка училась 9 лет.

Она активно участвовала в школьной художественной самодеятельности: танцевала и читала стихи жестами. Был такой случай: старшекласники готовили сценку на украинском языке и выбрали Наташу на одну из ролей. Хотя она тогда общалась только по-русски, с задачей справилась отлично. Это была ее первая маленькая роль в школьном театре, первый шаг к осуществлению мечты.

Утвердиться в своем желании играть на сцене Наташе помог еще один случай, когда в школе со спектаклем по произведению М. Горького «Мать» выступили артисты из местного ДК УТОГ.

Их игра так впечатлила юную артистку, что с этого времени девочку не покидала мысль о театре. Она загорелась желанием во что бы то ни стало добиться заветной цели.

Вскоре ее родители вновь переехали — на этот раз в Житомир. Наташа окончила школу и поступила в этом городе в техникум механической обработки древесины, где обучалась на технолога мебельного производства.

В свободное от учебы время она стала посещать Житомирский ДК УТОГ. Сначала занималась в танцевальном кружке, а затем обратилась с просьбой взять ее в самодеятельный театр (в то время он уже имел звание «Народный»). Взяли ее не сразу, но Наташа упорно добивалась своего, и настойчивость ее была вознаграждена: в спектакле Б. Горбатова «Юность от-

цов» девушке предложили маленькую роль подружки партизана. С этой ролью Наташа справилась блестяще, и по окончании спектакля многим стало ясно, что у нее действительно есть талант. Ее стали смело приглашать на более серьезные роли.

Окончив техникум, девушка поступила на местный мебельный комбинат, где прошла вся ее трудовая жизнь. Вышла замуж, родила дочь, но не покидала свое любимое увлечение. Помимо участия в театральных постановках, с удовольствием играет и в различных сценках, особенно удаются ей юмористические миниатюры.

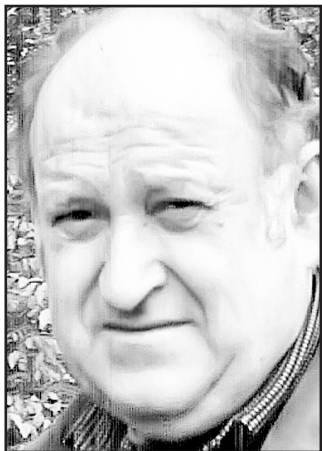
Вот уже тридцать лет выходит Наталья на сцену Житомирского ДК УТОГ. Дважды была лауреатом всесоюзных смотров художественной самодеятельности среди глухих. Не обходятся без нее ни гастроли театра, ни выездные концерты. За прошедшие годы вместе с коллективом, неоднократно подтверждавшим звание «Народный», она исколесила полстраны: Харьков, Одесса, Киев, Ровно, Чернигов...

Много главных ролей сыграла Наталья за это время, перечисление их займет не один абзац. Одна из последних ее работ — главная роль Катерины в спектакле В. Канивца «Мама собирается замуж».

Веселая, энергичная, жизнерадостная — такой знают Наталью Владимировну многочисленные поклонники ее таланта. Однако, помимо театра, у нее еще есть одно серьезное занятие в Обществе глухих — она председатель ревизионной комиссии Житомирской областной организации УТОГ.

Ко всему в своей жизни она подходит творчески, подавая и подросшей дочери, и другим молодым людям пример в том, как ставить перед собой цель и добиваться ее.

Театр — его жизнь

М. Ковальчук.

Родился Михаил Иванович Ковальчук 25 августа 1943 года на Житомирщине — в селе Солодери Новоград-Волынского района. В детстве после болезни частично потерял слух, однако пошел в обычную массовую школу. С 1 по 4 класс, когда была одна учительница, к артикуляции которой Миша привык, мальчик учился на одни пятерки. Но в старших классах, когда появились учителя по разным предметам, речь которых воспринималась тяжелее, у Миши возникли проблемы в учебе. Но он изо

всех сил старался не отставать, держался молодцом и аттестат о среднем образовании получил с хорошими отметками.

После окончания школы молодому парню трудно было определиться с выбором профессии, и все по той же причине: потому что плохо слышал. О том, что есть Общество глухих, Михаил тогда не знал.

Двенадцать лет он проработал кладовщиком в местном колхозе. Изменить жизнь парню помог Его величество случай. Однажды на почте, подписываясь на периодические издания, он просматривал каталог газет и журналов и наткнулся на издание Всероссийского общества глухих «В едином строю». Отправив письмо по указанному адресу, через две недели получил ответ: «В Вашем областном центре — Житомире, есть организация глухих». Михаил написал письмо с заявлением в Житомирский областной отдел УТОГ с прось-

бой принять его в члены Общества. Последовал ответ: «Приезжайте на собеседование».

Председателем Житомирского областного отдела УТОГ в то время была Александра Дмитриевна Тверская. В разговоре с ней Михаил сказал, что хотел бы заниматься строительным делом, на что Александра Дмитриевна ответила: «У нас в УТОГ — только легкая промышленность». Посоветовались и решили направить парня в Ровно, где есть подходящая для него работа. Но и тут вмешался в судьбу Михаила случай: во время разговора в кабинет Тверской зашел заместитель директора по воспитательной работе Житомирского УПП УТОГ А. Д. Халамовский. Он-то и уговорил Михаила пойти работать на их предприятие.

Так Ковальчук впервые переступил порог Житомирского УПП УТОГ, где стал работать закройщиком. Работа пришлась ему по душе. Тут, в закройном цехе предприятия, он и пенсионный возраст встретил.

На предприятии Михаил нашел и свое счастье. В семье Ковальчуков родилась дочь Наташа, которая, повзрослев, стала первым помощником не только глухим родителям, но и другим людям, лишенным слуха. Сейчас она — первоклассный переводчик. Ее любят и уважают глухие.

Ну, а как же ДК? Как же театр? На сцену Михаил вышел не сразу. Немного обжившись в Обществе глухих, он начал изучать жестовый язык. Затем стал вместе с женой посещать библиотеку ДК. Но вот однажды, во время очередного визита в клуб, на Михаила — высокого, приятной внешности мужчину — обратил внимание режиссер и предложил ему маленькую роль в драме В. Зарудного «Ночь и пламя». Это была первая роль Ковальчука. А дальше, в 1986 году, он блестяще сыграл уже куда большую роль — офицера милиции — в комедии З. Зборовского «Развод по-варшавски».

За годы, прошедшие с тех пор, Михаил Иванович исполнил много ролей в разных спектаклях и сценках:

— в 1988—1989 годах — роль Бога в трагикомедии М. Варфоломеева «Святой и грешный»;

— в 1991 году — роль следователя Бодяги в пьесе А. Крыма «Взятка для Клавы»;

— в 1992 году — роль Савки Щербины в спектакле В. Канивца «Як наші діди парубкували»;

— в 1993—1994 годах — роль О. Ковинька в спектакле В. Канивца «Шлюб за оголошенням»;

— в 1995—1996 годах — главная роль бедного селянина Гната (Е. Кравченко, «Сватання»);

— в 1997—1998 годах — роль Тарана (А. Коломиец, «Фараоны»).

Участвовал также Михаил Иванович в сценке «225 рейс» и в спектакле «Відавали батька в прийми», а совсем недавно сыграл директора предприятия в спектакле В. Канивца «Мама збирається заміж». Замечательно удаются ему сатирические миниатюры и юморески, с которыми он выступает на концертах и праздничных мероприятиях.

Хотя годы берут свое, Ковальчук не поддается им: он трудится в том же цехе, куда пришел в начале своей трудовой деятельности в нашем Обществе, и так же с большой ответственностью относится к работе над новыми ролями в театре. Ведь, как говорится, «еще не вечер». И как на праздновании Дня театра признался сам актер: «Театр — моя жизнь». Его увлечение разделяют зять и дочка. И даже маленький внук пробует себя на сцене.

Культработник от Бога

*«Я боюсь не потерь,
Не ударов, нацеленных в спину, —
Нет, всего мне страшнее теперь,
Что до времени сердцем остыну».*

Э. ВИШНЕВСКАЯ.

С.А. Вишневская.

Эти строки известной поэтессы как нельзя лучше выражают внутреннюю сущность ее однофамилицы — Светланы Ахматовны Вишневской, женщины широкой натуры и большого темперамента, любви к жизни и особого чувства юмора. И хотя судьба ее не раз ставила «к стенке», она всегда оставалась заводилой, душой общества, неистощимой на выдумки и идеи, неизменно находила выход из создавшегося положения и притом всегда — с улыбкой.

Такой мы знаем С.А. Вишневскую не один десяток лет, со дня ее появления в Киеве. А приехала она в столицу Украины из Душанбе в декабре 1970 года. Узнав о наборе учащихся в группу культработников на Курсовой базе УТОГ, Светлана сдала вступительные экзамены и с 1 января 1971 года приступила к учебе. Это был шестой, последний набор учащихся в группу по подготовке культработников для Украинского общества глухих. Группа оказалась очень сильной. Впоследствии, окончив Курсовую базу, все учащиеся работали в УТОГ: Галина Журавлева (Романова)

из Севастополя, Мила Арсеньева из Ужгорода, Любовь Милейко из Чернигова, Евгений Скульский из Тернополя, Марина Свиридок из Чернигова, Владимир Балдыга из Львова, Евдокия Семенюк из Ужгорода, Ярослав Мартыняк из Дрогобыча Львовской области, Игорь Квитковский из Луганска, Валентина Варварина из Ташкента, Василий Зварыч из Киева, Виктор Кушнир из Черкасс, Валентина Ноженко из Одессы и Светлана Вишневская из Душанбе.

Как и другие слушатели, во время учебы Светлана жила в общежитии по ул. Кустанайской, куда позднее привезла и маленькую дочь Лиду. Жизнь была трудной. Днем — занятия на Курсовой базе, а вечерами — учеба в вечерней школе и обязательное участие в культурных мероприятиях в Киевском дворце культуры им. А.В. Луначарского. А еще она умудрялась подрабатывать в типографии Киевского УПП № 3, где выпускалась газета «Наше життя» УТОГ. И так каждый день. Иногда казалось, что Светланы надолго не хватит, но в самые трудные моменты жизни приходили на помощь друзья, и у нее открывалось второе дыхание — молодость брала свое.

Участие в культурных мероприятиях было незыблемым законом для учащихся Курсовой базы. За этим очень строго следили директор базы Т.Г. Филянина и заместитель директора ДК им. В.А. Луначарского В.А. Бондаревская. Таких мероприятий во Дворце культуры проводилось великое множество: «голубые огоньки», КВН, диспуты, викторины, читательские конференции, устно-мимические журналы, тематические вечера, специальные мероприятия для ветеранов УТОГ и др. Славился в то время и литературный кружок «Киевский каштан», которым руководил И.А. Сапожников. Участие в работе ДК давало слушателям Курсовой базы хорошую практику и оттачивало профессиональное мастерство будущих специалистов УТОГ. Кроме этого, Светлана принимала

участие в мероприятиях, проводимых в общежитии Киевского УПП № 1.

В 1973 году она с отличием окончила Курсовую базу и была направлена художественным руководителем в Черкасский ДК УТОГ. Через месяц была назначена директором этого культучреждения. Как известно, в то время директор на общественных началах был и председателем межрайонного отдела УТОГ, поэтому, кроме хозяйственной и культурно-массовой работы, должен был оказывать всестороннюю помощь глухим города и прилегающих к нему районов. Вот и ездила Светлана Ахматовна от села к селу, собирая членские взносы, разбирая жалобы глухих и оказывая им помощь. Нелегкую работу надо было делать в жару и холод, в дождь и слякоть. И, конечно, Светлана Ахматовна проводила мероприятия для посетителей ДК и организовывала концерты в сельской местности. Жила она в то время с ребенком в общежитии.

В 1974 году Вишневская решила учиться дальше и поступила в Киевский институт культуры на дневное отделение. Вступительные экзамены сдала на «отлично» и вновь стала студенткой. В группе было 27 человек, и лишь одна Светлана имела проблемы со слухом. Учеба давалась ей легко, а учиться было интересно. Но не все было так просто... Декан, узнав о ее глухоте, поставил вопрос об исключении из института, мотивируя тем, что она не сможет сдавать экзамен по истории музыки. Светлану отстранили от занятий. Пришлось опять проходить медкомиссию, собирать различные справки — короче, отстаивать свое право на «место под солнцем». В институте она была первой неслышащей студенткой, которая «замахнулась» на стационар. И только благодаря постановлению ВЦСПС от 18 апреля 1963 года «О перечне основных специальностей, по которым возможна подготовка специалистов из числа глухих граждан», где была указана культурно-просветительная работа, ее оставили в институте. И, са-

мое интересное, что экзамен по истории музыки из всей группы она единственная сдала на «отлично».

Потянулись незабываемые годы учебы. В общежитии института культуры, которое было расположено на Львовской площади, в комнате проживало 13 взрослых студентов и трое их детей. И вечерами, когда готовились домашние задания, каждый студент затыкал уши, дабы не слышать других. Но упорство и желание получить высшее образование пересиливало все бытовые неудобства. Светлана была культработником от Бога — самой активной, неугомонной и находчивой в группе. Во многом благодаря ей группа, на удивление и зависть всем, занимала призовые места и награждалась денежными премиями. На эти деньги студенты организовывали увлекательные экскурсии по Киеву, часто выезжали в другие города.

В 1978 году Вишневская окончила институт и по направлению ЦП УТОГ уехала в Донецк, где начала работать художественным руководителем в Доме культуры УТОГ. Однако пресловутый «квартирный вопрос» не решался, Светлана по-прежнему жила в общежитии. И она приняла решение вернуться в Душанбе. Здесь работала художественным руководителем в Доме культуры Таджикского общества глухих.

В июле 1979 года, видя ее организаторские способности, руководство ЦП ТаджОГ назначило Вишневскую начальником орготдела, а в 1980 году на съезде она была избрана заместителем председателя Общества глухих Таджикистана и проработала в этой должности до 1992 года.

В первую очередь, Светлана Ахматовна занялась учетом всех глухих Таджикистана. Переодеваясь в национальный костюм таджиков (иначе в дом никто не впустит), ходила от кишлака к кишлаку, выявляя глухих, агитируя родственников отпустить их в город для трудоустройства на УПП и обуче-

ния в вечерней школе. Не всё удавалось сразу, не все с пониманием относились к ее советам, но постепенно стена отчуждения была сломлена.

Много было сделано для открытия вечерней спецшколы для взрослых глухих. Подчас казалось, что ничего не выйдет из этой затеи, но, встречаясь с безграмотными глухими, Вишневская снова и снова поднимала эту проблему. И, в конце концов, такая школа была открыта при ДК глухих.

Немаловажным являлся вопрос подготовки и выдвижения кадров. Благодаря Вишневской многие глухие и слышащие работники ЦП, УПП, ДК были направлены на учебу и вскоре заняли руководящие должности в Обществе.

Определенную лепту внесла Светлана Ахматовна и в строительство спортивного комплекса в Душанбе, вовлечение глухих в физкультурную и спортивно-массовую работу, в организацию городских и республиканских спортивных соревнований и в участие глухих спортсменов Таджикистана во всесоюзных состязаниях.

При участии Вишневской был решен в Министерстве здравоохранения республики вопрос о выходе на пенсию глухих по возрасту: женщин — в 50 лет, мужчин — в 55 лет. Этот закон действует в Таджикистане и поныне.

Но любимое ее детище, хобби ее жизни — это развитие художественной самодеятельности среди глухих. Сцене она отдала 25 лет, сама участвовала в концертных программах и оказывала помощь работникам ДК ТаджОГ.

За годы ее работы коллектив художественной самодеятельности г. Душанбе трижды был лауреатом Всесоюзного смотра, побывал на гастролях во всех столицах республик бывшего Союза, а также в других городах.

Выступления Вишневской в концертах всегда воспринимались «на бис». В 1988 году она стала лауреатом Всесоюзного конкурса культорганизаторов среди слышащих, который про-

ходил в Ленинграде, а в 1991 году был проведен вечер-бенефис в честь 25-летия ее выступлений на сцене Дома культуры.

Кроме того, она много сделала для налаживания связей ТаджОГ с другими обществами глухих бывшего Союза. Участвовала практически во всех совещаниях и симпозиумах, перенимая опыт работы других обществ и применяя лучшее в своей деятельности.

Однако все изменилось с распадом СССР. Из-за возникших межнациональных трений Светлана Ахматовна вынуждена была оставить свой город, работу и в ноябре 1992 года с семьей приехала в Киев. Украинское общество глухих предоставило ей работу в доме отдыха «Сосновый бор» (так тогда назывался УВЦ УТОГ). Это было сложное время кризиса и разрыва экономических связей. Дом отдыха УТОГ пустовал и скушал по отдыхающим.

Лишь когда в УВЦ отдыхали глухие школьники, здесь царили праздник, веселый смех, песни, пляски, игры, проводимые заместителем директора по культурно-массовой работе С.А. Вишневской, о чем, повзрослев, дети вспоминают до сих пор.

Вишневская активно включилась в жизнь Киевской организации УТОГ и в выступления местной художественной самодеятельности. С 1996 года она — председатель ревизионной комиссии столичной организации глухих. Много лет преподавала жестовую речь на курсах в УВЦ УТОГ.

В 2002 году Светлана Ахматовна уволилась с работы в связи с выходом на пенсию по возрасту. Но и сегодня, как в молодые годы, она — неунывающая, веселая, жизнерадостная, по-прежнему неистощимая на выдумку и шутку. Она была председателем областной организации глухих ветеранов и является членом Всеукраинского совета ветеранов УТОГ.

Его талантов — не счесть

*«Предо мной запечатанной книгой
Мир чудесных напевов лежит.
Я не знаю Шопена и Грига
И не слышу, как роща шумит».*

В. ДМИТРИЕВ.

Н.А. Бельский.

Николай Алексеевич Бельский — профессиональный мастер-наладчик швейного оборудования, Отличник УТОГ, ветеран УПП УТОГ, известный в Симферополе и далеко за его пределами как великолепный актер, участник художественной самодеятельности Симферопольского дома культуры УТОГ.

Он прошел долгий путь, и всегда, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства, его верными спутниками были доброта, оптимизм, трудолюбие и стремление помочь людям.

Родился Николай 11 апреля 1949 года в селе Дидыш Волынской области в многодетной семье, где был девятым ребенком. В 1955 году пошел учиться в массовую сельскую школу, но в 5 классе, когда ему было 10 лет, заболел тяжелой формой кори и слух резко понизился. Но это его не сломило и не остановило в стремлении развиваться наравне со своими слышащими сверстниками. Николай продолжал ходить в сельскую школу, но проблемы со слухом давали о себе знать, и постигать сложные науки становилось день ото дня труднее. Это

вынудило родителей Николая сделать нелегкий выбор и после пятого класса перевести сына в Подкаменскую спецшколу-интернат для слабослышащих детей во Львовской области, где мальчик в 1969 году и закончил 10 классов.

Его попытка после окончания школы поступить в ЛВЦ ВОГ учиться на художника-оформителя не увенчалась успехом, и юный Николай направил все свои силы на постижение науки в группе наладчиков швейного оборудования Киевского техникума легкой промышленности, куда он поступил с первого раза. Учеба в техникуме давалась легко, он любил оборудование и мог часами возиться возле старенького мотора, пока тот не начинал работать в отлаженном ритме. По окончании учебы, в 1973 году, был направлен на производственную практику в г. Симферополь.

Красоты Крыма, теплый климат, замечательный коллектив Симферопольского УПП УТОГ стали решающим фактором при выборе его дальнейшего места жительства и работы.

Здесь он проработал 36 лет, был и остается незаменимым специалистом своего дела, отзывчивым коллегой, мудрым наставником. Благодаря его усилиям и знаниям, вся техника Симферопольского предприятия находится в исправном состоянии. Также не обделяет Николай Алексеевич своим пристальным вниманием профессионала мастерские Симферопольской школы-интерната для глухих детей и ПТУ № 38, где обучается швейному делу группа неслышащих.

А вечерами и в выходные дни Николай всегда в Доме культуры УТОГ. Он активный участник художественной самодеятельности, замечательный танцор, а его неповторимая манера исполнения жестовой песни заставляет всех «заслушаться».

Он участвовал во многих спектаклях.

За роль в спектакле «Как дед покупал лошадь», ему было присуждено 1-ое место на республиканском смотре-конкурсе. Это было в далеком 1969 году.

Но танцы— это особое его увлечение. В самодеятельном народном ансамбле танца «Крымчанка» он танцует с 1973 года. Здесь он возглавлял Совет НСАТ вместе с В.Ф. Близнюк, отвечал за выпуски газеты «Ритм».

Ансамбль «Крымчанка» принимал самое активное участие во всех мероприятиях, которые проводились в Крымской АРО УТОГ. Руководитель ансамбля В.Я. Веселова готовила обширный репертуар: здесь были бальные танцы — «Венский вальс», «Русский лирический», «Украинский лирический», «Ча-ча-ча», «Рок», «Ятраночка», «Сударушка» и др. Ведущими исполнителями постоянно были Н. Бельский и В. Денисова.

Пользовались особой популярностью сюжетные танцы: «Весільний», «Гречаники», «Русские сапожки», «Свадьба в Малиновке» и др.

Кроме того, коллективом уделялось внимание местной тематике: «Крымские виноделы», «Севастопольский вальс». Были и развлекательно-сюжетные темы: «Ну, погоди!», «Сладкая вишня» и другие. Во всех этих танцах участвовал Николай Бельский.

Вместе с коллективом он побывал в Феодосии, Керчи, Ялте, Севастополе, Евпатории, Джанкое, Бахчисарае, Белогорске, Алуште. Выступал перед неслышащими Москвы, Киева, Одессы, Кировограда, Херсона, Луганска, Черкасс, Донецка, Риги, Ташкента, Кишинева и многих других городов.

И ни годы, ни житейские проблемы не отвлекают его от творчества, увлечения музыкой, любви к искусству. Николай Алексеевич — замечательный человек, его таланты и умения безграничны, у него «золотые руки», чуткая душа, доброе сердце. Он отзывчив, благороден, ответственен, талантлив. Его верными спутниками в жизни всегда были доброта, оптимизм, трудолюбие и стремление помочь людям, а его артистический дар признали не только неслышащие зрители, но и ав-

торитетные жюри конкурсов и фестивалей художественной самодеятельности, на которых он становился лауреатом.

Н.А. Бельский неоднократно награждался почетными грамотами и дипломами ЦП УТОГ, Крымской АРО УТОГ, а в 2008 году он удостоен звания «Отличник УТОГ»

Оглядываясь назад, делаем вывод, что его достижений и свершений хватит на несколько человек, а впереди — долгие годы, в течении которых он сделает еще больше.

Увлечение на всю жизнь

Л. Топчиева.

Есть люди, которых с детства, как магнитом, манит к себе сцена. Они могут попутно заниматься еще чем-то, например, пробовать себя в спорте, но любовь к искусству все перевешивает. Какие-то неведомые силы бурлят внутри и ищут выхода. Каждое выступление — как рождение образа и желание поделиться богатством души со зрителями. К таким фанатам сцены относится и Людмила Михайловна Топчиева. Вот уже более 30 лет она не мыслит своей жизни без художественной самодеятельности.

Еще во время обучения в школе-интернате для слабослышащих детей в Феодосии родилась у Люды мечта стать артисткой. Тогда же и началась дорога к ее осуществлению. На школьной сцене Люда исполняла маленькие сценки, читала стихи, играла в спектаклях. Ее старания заметили и оценили. Уже в 12 лет одаренная девочка сыграла в школьном спектакле, и была тогда самой младшей из всех участников, самой милой и обаятельной.

Незаметно пролетели школьные годы. Надо было выбрать свой жизненный путь. Люда мечтала поступить в московский или киевский театр мимики и жеста, но, взвесив все «за» и «против», решила остаться дома, в Запорожье. Днем работала на УПП, а вечерами спешила на репетиции в областной ДК УТОГ. Здесь Люда пробовала себя во всем — «пела» жестами, участвовала в драмкружке, играла в баскетбол. По молодости

лет хотелось везде успеть, но переводчик областного ДК УТОГ Г.М. Воротникова посоветовала ей заняться чем-то одним, не распылять свои силы. Так Люда сделала выбор в пользу сцены.

Вскоре девушка встретила свою судьбу. Он — спортсмен, она — артистка, очень красивая пара. Николай и Людмила вот уже много лет идут по жизни рука об руку и как-то незаметно дополняют друг друга.

Мягкий, пластичный жестовый язык, умение войти в образ очень скоро сделали Люду незаменимой в разных постановках, будь то песня в жестовом исполнении, участие в сценке или в спектакле. В любую погоду после работы и в выходные спешила она в областной ДК. А ведь в семье — двое детей, а мама — одна и всем нужна. Но без огней сцены Людмила не мыслила своей жизни и с наслаждением создавала все новые и новые образы.

С ее участием проходили многие конкурсы и фестивали. Памятным для запорожцев стал 1992 год, когда на республиканском конкурсе малых форм они поделили 1—2 места с черновицким коллективом. Сколько пота пролили на репетициях, однако за труд была достойная награда (возродить бы этот конкурс малых форм!).

А с тех пор, как в Украине стали проводить конкурсы песни в жестовом исполнении, Людмила Михайловна полностью ушла в свое новое хобби — жестовое исполнение песен — как народных, так и эстрадных. В дуэте с Николаем Махиным она участвовала во многих конкурсах и фестивалях, но успехи пришли не сразу. Например, на конкурсе в 1999 году было высоко оценено исполнение запорожским дуэтом песни «Как служил я у пана».

В 2002 году поехали в столицу Беларуси — Минск, на фестиваль «Сузорье», где представили блок украинских народных песен, получивший высокую оценку. Возвратились лауреатами с массой впечатлений и большими планами на будущее.

В это время Людмила Михайловна работала в Запорожском

ДК УТОГ художественным руководителем, заочно окончила Киевский университет культуры и старалась применить в работе все лучшее, что узнала во время учебы. Запомнилась ее работа по подготовке юбилейного торжества в связи с 70-летием УТОГ. Благодаря Л.М. Топчиевой тогда удалось не только подготовить чудесный концерт по подтверждению звания «Народный» двумя творческими коллективами, но и организовать замечательный праздничный фейерверк.

Вспомнив свое второе хобби — спорт, она также оказывала помощь в работе своему мужу — президенту Запорожской облспортфедерации глухих Н.П. Топчиеву. Со временем перешла на работу в областной центр «Инваспорт». И хотя второе увлечение — спорт — вышло на первый план, не бросает сцену и передает свой опыт молодым. В Доме культуры УТОГ подрастает замечательная смена — молодые исполнители: Дима Петелин, Оля Башмакова, Алена Скотаренко, Андрей Терентьев, Даша Шевченко, Тамара Максименко, Катя Лисица и многие другие.

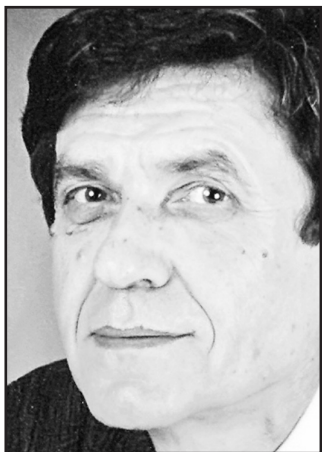
Порадовали маму и дети. Дочь Юлия с отличием окончила национальный университет физической культуры и спорта, участвовала во многих соревнованиях по волейболу, в том числе на Дефлимпийских играх, заволаживая самые высокие награды. Серьезно начал заниматься спортом и сын Антон.

Людмила Михайловна сегодня на заслуженном отдыхе, но мир искусства и дальше будет манить ее своими огнями, и свою главную песню она еще так споет, как никогда не пела, и наградой ей будет шквал аплодисментов от благодарных зрителей.

Критерій щастя

*«Не засмучує ранній мій іній,
Що на скронях русявих біліє, –
Тільки б вітер холодний осінній
Весен з серця мого не розвіяв».*

В. МИКОЛАЄВСЬКИЙ.

В.П. Кушаков.

Віктор Петрович Кушаков — «Відмінник УТОГ», провідний актор народного аматорського драматичного театру при Чернівецькому будинку культури УТОГ, голова Чернівецької обласної ради ветеранів праці УТОГ.

Народився Віктор Петрович 10 травня 1947 року в м. Мелітополі Запорізької області. Після важкої хвороби в 5-річному віці втратив слух. Навчався в Дніпропетровській спецшколі-інтернаті для слабочуючих дітей до 1963 року.

У 1968 році закінчив курси підготовки клубних працівників при Курсовій базі УТОГ і згодом шість років працював директором Мелітопольського будинку культури та на громадських засадах був головою Мелітопольського міжрайвідділу УТОГ.

Разом з дружиною Юлією Іванівною, також випускницею Курсової бази УТОГ, постійно брав участь в художній самодіяльності. Найбільш значним досягненням Віктора Петровича на той час було виконання ролі Василя у спектаклі «Циганка Аза», 1970 р.

У 1974 році Віктор Петрович переїхав до Чернівців — міста, в яке був закоханий давно. Працював на заводі «Електрон-маш» полірувальником, але ніколи не забував про рідне Товариство. Все життя Віктора Петровича пов'язане з УТОГ. Будинок культури став його другою домівкою.

Понад 30 років він — провідний актор народного самодіяльного театру Чернівецького БК, де зіграв більше 30 ролей. Любів до сцени в їх сім'ї традиційна — і мати, і бабуса в свій час також були учасниками художньої самодіяльності.

Жоден концерт не проходить без його участі: він ведучий і конферансьє, декламатор прози і поезії, Виконувач анекдотів та гуморесок.

«Щаслива мить, — згадує Віктор Петрович, — коли я отримав золоту медаль на Всесоюзному фестивалі художньої самодіяльності за декламацію віршів С. Єсеніна».

Як актор, найбільшого успіху Віктор Петрович досягнув, коли режисером в БК працював істинний метр драматичного мистецтва М.І. Котляревський, який не давав спокою ні собі, ні акторам, вимагаючи від них повного перевтілення і життя на сцені. Йому вдалося із звичайного провінційного хлопця зробити провідного актора театру.

Віктору Кушакову підвладні ролі у всіх жанрах — від глибоко драматичних до гостро характерних та комічних, різнопланові образи, як в сучасному, так і в класичному репертуарі української та зарубіжної літератури, образи героїв та зрадників, коханців та плутнів, селяків та заможних буржуа.

Маючи яскраві зовнішні дані та безмежну любов до театру, Віктор Петрович створив незабутні образи:

- Вурма в драмі Ф. Шіллера «Підступність і кохання»;
- Міловзорова в драмі О. Островського «Без вини винуваті»;
- Сави в драмі О. Кобилянської «Земля»;
- нареченого в комедії М. Зоценко «Весілля»;

- Гулячкіна в сатиричній драмі М. Ердмана «Мандат»;
- Ониська в комедії А. Коломійця «Фараони»;
- Лисюка в драмі Я. Снігура «Полум'я»;
- Гюстава в сатиричній притчі М. Метерлінка «Чудо Святого Антонія», та багато інших різнопланових ролей.

Любов до театру у Віктора Петровича безмежна, до того ж він ще й член лекторської групи при Будинку культури УТОГ і щонеділі знайомить його відвідувачів з новинами політичного та економічного життя держави.

В.П. Кушаков багато років є членом президії правління обласної організації УТОГ. Він намагається ще ефективніше організувати роботу серед ветеранів Товариства і бере активну участь в організації культурного відпочинку ветеранів та молоді.

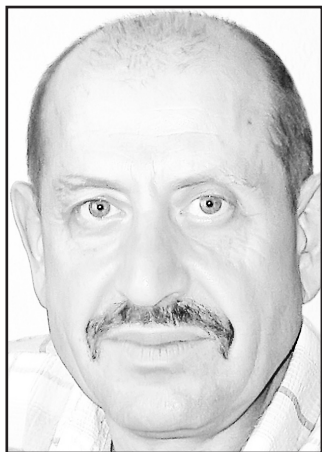
Віктор Петрович — «Відмінник УТОГ», він неодноразово нагороджувався почесними грамотами Центрального правління нашого Товариства, обласної організації УТОГ та місцевих органів влади.

Кажуть, що щастя, зазвичай, приходить до щасливих. Такою щасливою людиною почувається Віктор Петрович. Як стверджує він, щастя починається з сім'ї. Разом з дружиною Юлією Іванівною виростили двох чудових дочок: Вікторію та Аріну, які віддячують батькам своєю любов'ю та теплом, а дідуся з бабусею опікуються вже онуками.

А ще Віктор Петрович великий любитель «тихого полювання», він найкращий грибник, агітує молодь за здоровий спосіб життя, вважає, що природа лікує та надає сили.

Ось, мабуть, основний критерій щастя цієї талановитої людини з красивою і відкритою душею — любити людей і бути їм потрібним.

Зов души и сердца

И.М. Квитковский.

Небольшой городок Мангут в Читинской области (Россия). Здесь, в самой глубине Сибири, 6 ноября 1949 года родился мальчик Игорь с красивой украинской фамилией Квитковский. Вскоре после его появления на свет вся семья переехала в Украину, в Сумскую область.

Неслышащий от рождения, мальчик 12 лет учился в Лебединской школе-интернате для глухих детей, постигая азы науки. В школьных стенах у него проявились способности к сценическому искусству. Игорь Михайлович до сих пор с благодарностью вспоминает учительницу эстетического воспитания, которая привила ему любовь к театральному искусству. Квитковский смущается, что не запомнил ни фамилии, ни имени этой милой и энергичной женщины, отдававшей все свое свободное время неслышащим детям, создавая вместе с ними простенькие сценки и отрывки из сказок. Игорь был постоянным исполнителем главных действующих ролей и оттого слыл всеобщим школьным любимцем.

Создавая образы на сцене школьного актового зала, Игорь произвольно получал уроки актерского мастерства, которыегодились ему в будущем, а самое главное, — стали его вдохновением и стимулом в жизни. В старших классах Игорь Квитковский организовал собственный театральный кружок из своих «однокашников», с которыми и выпустил 3 малень-

кие инсценировки: «Два брата — мушкетеры», «Бессмертный Хан», «Триполье». Затем они сами всей группой сочинили две пьесы-сказки: «Волшебный графин» и «Тайна подземного хода», которые зрители приняли на «бис».

В это самое время в Лебединском клубе глухих слабослышащий режиссер Николай Гаврилович Лужков ставил спектакль «Когда восходит солнце», который должен был участвовать в зональном смотре художественной самодеятельности УТОГ, проходившем в областном центре — Сумах. Руководитель кружка приметил талантливых школьников и пригласил для участия в постановке Наташу Дрозобенко и Игоря Квитковского. Спектакль «Когда восходит солнце» с их участием имел большой успех и занял почетное 2 место.

Спустя какое-то время весь коллектив отправился на гастроли в г. Луганск (в прошлом — Ворошиловград). Он не только успешно выступил со спектаклем, но и побывал в Краснодонском мемориальном музее-памятнике «Молодая гвардия», находящемся в 45 км от областного центра. Тогда считалось, что тот, кто не побывал в Краснодоне, не был на Луганщине. Посещение музея оставило неизгладимое впечатление у Игоря, и он все время вспоминал те края.

Парень мечтал поступить в театр «Радуга», но, видимо, не судьба... В 1971 году он становится студентом Курсовой базы УТОГ, где и встречается свою будущую «половинку» — Варю. Когда встал вопрос, где же свить свое «гнездышко», они, не сомневаясь, выбрали Луганск. Так, с 1972 года, Квитковские обосновались здесь. Игорь устроился на Луганский тепловозостроительный завод им. Октябрьской революции обрубщиком, а через три года его перевели столяром в модельный цех. Зарплату платили хорошую, и в семье было благополучие и достаток, но... Сердце и душа Игоря постоянно рвались на сцену.

Луганский дом культуры глухих славился в те времена кол-

лективом художественной самодеятельности, завоевавшим в числе первых в УТОГ звание «Народного». Игорь Квитковский, не задумываясь, идет туда и становится не только его активным участником, но и, впоследствии, — режиссером.

Старшее поколение луганчан хорошо помнит молодого красавца-гусара Пилипа (Филиппа) в исполнении И. Квитковского в спектакле Карпенко-Карого «Наймичка», шустрого судью Леонора Баталя в комедии А. Франса «Немая жена», немецкого офицера в драме «Непокоренные», подполковника русской армии из «Соловьиной ночи».

Талант Игоря многогранен. Восхищали его искрометные выступления в конкурсах КВН и клоунаде, чтение монологов и стихов, хореографические сюиты... Особенно отличался его коронный номер «Метр девяносто девять», неизменно вызывавший шквал аплодисментов, но все же Игорь больше любил театр. Всех спектаклей, в которых он был задействован, не перечесть. В 1987 году, в г. Одессе, на I Всесоюзном фестивале художественного творчества, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Игорь Квитковский был удостоен золотой медали и диплома лауреата фестиваля за роль поручика Вадима Канавина из спектакля А. Кузнецова «Суровый час». Затем последовали и другие награды — грамоты ЦП УТОГ и УРК профсоюза работников местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий. За высокое исполнительское мастерство на фестивалях художественной самодеятельности УТОГ Квитковский дважды награждался Дипломом I степени.

В 1978 году Квитковский поступает на заочное отделение в Ленинградский восстановительный центр Всероссийского общества глухих, на культурно-просветительный факультет, и оканчивает его с красным дипломом. Тогда, получив специальность руководителя кружков художественной самодеятельности, Игорь пробует себя в режиссерской работе. Он

становится руководителем кружка малых форм Луганского ОДК.

Творческий багаж Квитковского-режиссера богат — «Порог» А. Дударева, «Гусар из КГБ» В. Константинова, «Энергичные люди» В. Шукшина и другие. Особо запомнилась всем литературно-музыкальная композиция «Это было в Краснодоне» по совместному сценарию И. Квитковского и Е. Пятигорской. Коллектив, руководимый Квитковским и состоявший из 30 влюбленных в театральное искусство самодеятельных артистов, был слаженным, и неудивительно, что в 1981 году он занял 2 место на Республиканском смотре художественной самодеятельности малых форм, получив грамоту ЦП УТОГ и грамоту УРК профсоюзов.

В 1983 году Игорь Михайлович становится руководителем народного самодеятельного театра. И сразу же берется за создание сложной психологической драмы «Русские люди» К. Симонова, которая дает театру возможность в очередной раз подтвердить звание «Народный».

Необходимо сказать, что всю творческую деятельность И.М. Квитковский осуществлял без отрыва от основной работы на заводе. Некоторое время (в 1981 — 1983 годах) работал шлифовщиком и на Луганском ПП «Восток» УТОГ.

Квитковский — хороший, надежный товарищ. У него прекрасная семья — жена, двое сыновей, внук.

Побольше бы таких хороших и талантливых людей!

Звезда любительской сцены

*«В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга».*

В.А. ЖУКОВСКИЙ, «СВЕТЛАНА».

С.И. Марченко.

Эти строки из старинной романтической баллады как нельзя лучше передают сущность еще одной Светланы — нашей современницы.

Светлана Ильинична Марченко (Латынова) со школьных лет блистает на сцене Культурного центра УТОГ. Сначала она покоряла сердца зрителей в танцевальном коллективе, а затем в народном самодеятельном ансамбле танца «Голубая лента» и Народном самодеятельном театре, неоднократно удостоивалась наград и дипломов на фестивалях и конкурсах, почетных грамот и благодарностей за огромный вклад в общественную жизнь и культурно-воспитательную работу среди глухих, а также за высокое мастерство исполнения танцев и ролей в спектаклях.

Светлана Марченко — коренная киевлянка. Родилась 15 фев-

раля 1944 года в только освобожденном от фашистов Киеве, в семье глухих родителей. Отец — Илья Поликарпович Латынов работал слесарем в ЖЭКе, а мать — Нина Николаевна Савотохина — была домохозяйкой.

Семья жила дружно, но детство Светы прошло в тяжелые голодные годы послевоенной разрухи.

Слух девочка потеряла в 5 лет по глупой случайности. Бабуясь с детьми, упала с высоты трех метров, сильно ушиблась и оглохла. С тех пор ее судьба была предопределена.

В 1951 году ее отдали в Киевскую спецшколу-интернат № 6 для глухих детей. Училась Света хорошо, школьную программу усваивала легко, кроме того, увлекалась спортом и художественной самодеятельностью, особенно танцами. Уже с 8 класса начала посещать танцевальный кружок в Киевском дворце культуры УТОГ, которым руководила Нина Борисовна Трубецкая. А после репетиций во Дворце культуры, возвращаясь в школу, обучала танцам своих одноклассниц и вместе с ними выступала с танцевальными номерами на сцене родной школы. Кроме того, участвовала в различных постановках, сценках, исполняла жестами стихи.

Школьные годы — особая страница в жизни Светланы Ильиничны, которые она вспоминает с огромной любовью и благодарностью. До сих пор помнит своих любимых учителей, которые дали ей хорошее образование и путевку в жизнь: первую учительницу Полину Илларионовну Гуслистую, классного руководителя Галину Иосифовну Остренскую, учителя математики Евгению Семеновну Грищенко, учителя физкультуры Владимира Ивановича Воробья (он же долгие годы был ее тренером по волейболу), пионервожатую Лидию Ивановну Гаевскую. Благодаря этим добрым и щедрым душой людям школа-интернат была Светлане вторым родным домом.

В школьные годы она жила насыщенной жизнью, была пионерским лидером и заводилой, председателем Совета дружины, ее портрет до сих пор на Доске почета в музее школы-интерната.

Имея небольшие остатки слуха, а также незаурядные педагогические наклонности, она во многом помогала учителям школы в общении с глухими сверстниками. Ей пророчили в будущем быть педагогом, да и сама она мечтала окончить педагогический институт, а затем заниматься обучением неслышащих детей. Но условия жизни в то время не дали ей такой возможности — нужно было работать, чтобы помогать семье.

В 1964 году она окончила 12 классов школы и начала свою трудовую деятельность на Киевском УПП № 3 УТОГ. Сначала была швеей, а потом печатницей. Здесь она проработала 7 лет. И все эти годы после тяжелого труда вечерами спешила во Дворец культуры им. А.В. Луначарского на репетиции, а также на тренировки по волейболу.

В 1965 году Светлана Ильинична соединила свою судьбу с одноклассником Владимиром Марченко, который, как и Светлана, увлекался спортом: баскетболом, легкой атлетикой, но больше всего любил футбол. В дальнейшем он был одним из лучших футболистов сборной Киева и УТОГ.

Для этой удивительной пары неслышащих тогдашний председатель Киевского областного отдела УТОГ Анна Ивановна Набоченко организовала комсомольскую свадьбу во Дворце культуры УТОГ.

Теперь молодожены вместе посещали репетиции и тренировки. В 1967 году Светлана родила сына Алешу, а в 1975 году — дочь Марину. Увеличилась семья, добавилось забот по дому, но сцена была ее любимым детищем и хобби, без которого жизнь была не интересной. Тренировки и репетиции научили ее преодолевать трудности, а в жизни их было великое

множество. Это и квартирная проблема, и неурядицы с мужем, но она никогда не падала духом, знала: чтобы достичь чего-то, необходимы железная выдержка и твердая вера в лучшее.

Покой и удовлетворение она находила только на сцене. Искрометная и романтичная, жизнерадостная и упорная, с сильной волей и азартом, с тонко чувствующей душой — она стала звездой самодеятельной сцены Дворца культуры, покоряла сердца зрителей ореолом «сияния любви».

Сколько было концертов и гастролей в разные города бывшего Союза, фестивалей и конкурсов, дипломов и грамот, сколько раз о ней писалось в прессе! Все это богатство бережно хранится в заветном ларце. Ведь каждый диплом, грамота, благодарность — это целая эпопея прожитой жизни.

В 1973 году в журнале «В едином строю» о ней писали: «... участница конкурса в Москве, электромонтажница КОПО «Контакт» УТОГ, удостоена диплома I степени и золотой медали на Республиканском фестивале художественной самодеятельности, посвященном 50-летию образования СССР», а рядом — огромный портрет Светланы.

В 1992 году Светлана Марченко с коллективом художественной самодеятельности выезжала в Турцию с фольклорным спектаклем, где исполняла главную роль украинской девушки. Зрители ей рукоплескали.

На сцене Светлана танцевала 30 лет, показав зрителям более сотни разножанровых танцев: народные, классические, танцы из оперетт, танцевальные композиции, характерные, сюжетные, а главное — она всегда была ведущей.

Позже Светлана участвовала в спектаклях народного самодеятельного театра, таких как: «Сорочинская ярмарка», «Любовь Яровая», «Шельменко-денщик», «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці» и др., где прекрасно исполняла разноплановые, запоминающиеся роли.

В последние годы Светлана Ильинична выступает с песнями в жестовом исполнении. Кто не помнит ее в дуэте с Александром Крышеlem! Они исполняли такие популярные песни, как «Телефон» и «Полевые цветы». В сольном исполнении Светланы Марченко полюбили зрители такие песни, как «Журавлиное перо», «Синий платочек», «Кукушка», «Лаванда», «Подорожник-трава» и многие др. Это были не просто песни, а мини-спектакли, пронизанные яркой чувственностью и эстетичностью.

Светлана Марченко постоянно участвовала в концертах, посвященных съездам УТОГ и знаменательным датам, выступала на гастролях. И всегда ее выступления были яркими и запоминающимися, трогающими душу. Это и не удивительно, ведь Светлана Ильинична — неординарная личность, замечательная актриса и красивая женщина, отличается исключительной пластикой движений и тонким психологизмом исполнения.

А красоте жестового языка и пластичности рук она благодарна своим любимым наставницам — переводчикам-дактилологам Надежде Владимировне Кузнецовой, Нине Евсеевне Гольдиной, Евдокии Михайловне Зуевой, которые с ней постоянно работали. Но надо отдать должное самой Светлане Ильиничне, она часами отрабатывает каждый жест, шлифуя его и совершенствуя.

Кроме того, она непревзойденная мастерица — модельер по пошиву одежды. Все свои театральные костюмы и платья она изготавливала для себя сама, вкладывая в сценический наряд всю свою фантазию и тонкий вкус. А ведь швейному делу ее опять-таки научили в спецшколе-интернате № 6, где уроки труда преподавала Лина Михайловна Пуляева. Она обучала своих учеников азам моделирования, кроя и шитья. А в ловких руках Светы из кусков ткани получались красивые, модные и нарядные изделия.

В 1999 году Светлана Марченко вышла на пенсию по возрасту и занялась дачей, выращивая овощи и фрукты и помогая своим детям и любимым внукам. И к работе на земле она относится с любовью, потому что воспринимает окружающий мир исключительно через посредство любви. А во время праздничных мероприятий или вечеров для ветеранов УТОГ она изредка дарит свои выступления в ретро-стиле, оставив приятный след в душе зрителей.

Жизнь «в кадре» и «за кадром»

П.С. Шевченко.

Пелагея Самсоновна Шевченко разложила на столе множество фотографий, на которых она — молодая и красивая, а рядом скромно и аккуратно сложила стопочкой пожелтевшие от времени грамоты и благодарности, а сверху — значки и медали. Их много: здесь и «За доблестный труд», и «В честь 1500-летия Киева», и «За спортивные достижения», и «За участие в художественной самодеятельности», и другие награды.

И даже мельком взглянув на старые фото Пелагеи Самсоновны, можно сразу определить, что эта женщина имела определенный вес в тогдашней УТОГовской жизни. И отнюдь немалый.

На многих фото рядом с ней — известные в УТОГ, поистине исторические личности: П.К. Набоченко, И.А. Сапожников, В.И. Дубравский, Я.В. Ланге и другие.

Так кто же такая Пелагея Самсоновна Шевченко, которой посчастливилось запросто общаться с нашими корифеями?

Она — высококлассная портниха, много лет проработавшая в ателье мод по пошиву верхней одежды. Ее руками были изготовлены модные пальто и костюмы для «высоких» киевских персон, которые были ее постоянными клиентами, а также она обшивала многих глухих. О ее «золотых» руках в городе тогда ходила молва... Но это еще не все! Кроме того, она была еще и сильная спортсменка. Молодой девушкой постоянно защищала честь Киева на зональных и республиканских со-

ревнованиях, занимая призовые (2 и 3) места по метанию диска. И, наконец, Шевченко — участница художественной самодеятельности ДК УТОГ, без которой на протяжении многих лет не обходились ни в танцевальном кружке, ни в народном самодеятельном театре.

Ее знали и любили киевские любители спортивных зрелищ и театрального искусства. Об этом красноречиво говорят ее многочисленные пожелтевшие фотографии. И Пелагея Самсоновна, бесспорно, достойна того, чтобы о ней рассказать подробно.

...Девушку с редким именем Пелагея, временами появлявшуюся в ДК им. Луначарского, заметила руководитель танцевального кружка, бывшая профессиональная танцовщица — Я.В. Ланге, и пригласила в свой коллектив. Сначала девушка очень стеснялась, а затем, освоившись, стала солисткой. В массовых танцах, таких как «Гопак», «Украинский венок», «Эстонский», «Белорусский», «В кабаре», новенькая заметно выделялась не только легкими движениями, но и лучезарной заразительной улыбкой. Это не прошло мимо взора тогдашнего руководителя народного самодеятельного театра Исаака Ароновича Сапожникова и он «переманил» Пелагею в свой театр. Так Шевченкополнила ряды НСТ, в которых были довольно знаменитые в то время «асы» театральных подмостков — В. Пустогвар, А. Устенко, В. Скурчинский, С. Столярчук, Л. Филянин, Е. Заднепровская и другие.

С ее приходом в коллективе появилось как бы «новое дуновение ветерка», «новая окраска» сцены. Пелагея, не шибко грамотная и не владеющая русским языком, быстро и уверенно вписалась в ряды активистов художественной самодеятельности. Сапожников, а затем и пришедший ему на смену В.И. Дубравский, уделяли внимание обаятельной девушке, помогали разучивать роли и вникать в смысл слов. Пелагея была на удивление прилежной ученицей и легко «овладева-

ла» любой ролью. У нее их было множество, но наиболее удачные — это Вера в спектакле «На рассвете» и Таня из постановки «Когда восходит солнце», где она играла в унисон с известным самодеятельным актером А. Устенко и вызывала своей игрой шквал аплодисментов зрителей. Отлично смотрелась П. Шевченко и в спектаклях «На рассвете» и «Мальва», блестяще играла с Л. Филяниным в сценках «Мелочи жизни», где она заменяла в игре Е. Заднепровскую. С этими постановками Пелагея Шевченко объездила всю Украину и побывала в республиках бывшего СССР — Беларуси, Грузии, Азербайджане, Латвии, а также в России. И везде ее игру выделяли и отмечали не только простые зрители, но и представители профессионального театрального искусства — об этом свидетельствуют записи в Книге отзывов, которую имел коллектив художественной самодеятельности ДК им. Луначарского и которая сейчас хранится в архиве Музея истории УТОГ.

Талантливая артистка Пелагея Шевченко всегда была участницей тех спектаклей и постановок, которые выдвигались на подтверждение театром звания «Народный», что также весьма примечательно. Поглощенная своей работой и хобби, она порой забывала о личной жизни...

В заключение хочется отметить, что ее имя запечатлено в сборнике о Киевской областной организации УТОГ. Ее творческой деятельности в художественной самодеятельности в далекие 50—70 годы прошлого столетия посвящались фотостенды в Культурном центре УТОГ. Многие фотографии с участниками НСТ прошлых лет, где есть и Пелагея Самсонова, хранятся в архиве Музея истории УТОГ.

Поэтому, хотя некогда блиставшая на сцене артистка и оказалась сегодня «за кадром», говорить о том, что о ней забыли, не приходится. Вне всякого сомнения, Пелагея Шевченко оставила свой неизгладимый след в истории искусства глухих.

Возвращение после «антракта»

Н. Косарева.

— Кого бы Вы поставили на первое место?

— Наташу Косареву!

Этот короткий диалог состоялся между двумя зрителями во время областного конкурса ветеранской песни «Ретро» Киевской организации УТОГ, который проходил в мае 2010 года. Конечно, давая столь высокую оценку исполнительнице песен «Днепровская вода», «Счастья тебе, Земля», эти уже немолодые ветераны, в первую очередь, «ностальгировали» по прошлому...

Для многих было неожиданным возвращение на сцену после длительного «антракта» одной из самых видных участниц самодеятельного кружка песен в жестовом исполнении 70—80 годов прошлого столетия. Наталья Косарева была первой «ласточкой», которая «пела» жестами под живую музыку инструментального ансамбля слабослышащих музыкантов при ДК УТОГ им. Луначарского (ныне КЦ УТОГ).

... В те времена таких ярких творческих личностей, как Наташа, в УТОГ было совсем не так уж и много, а она не просто ушла с театральных подмостков, а практически «исчезла из поля зрения» УТОГовской «страны», причем в самый разгар своей творческой деятельности.

И в тот день, на конкурсе ветеранской песни, вернувшейся на сцену «повзрослевшей» Наталье вновь удалось «утвер-

даться» даже среди бывших профессиональных артистов театра «Радуга», которые к тому же были и моложе ее...

...Девочке, рожденной в Ленинграде (Санкт-Петербурге) за год до окончания Великой Отечественной войны, наверное, посчастливилось бы стать и певицей, если бы в два годика коварная болезнь — дифтерия — не «забрала» у малышки слух. Ее мать, будучи замужем за украинцем из Черкасс и, обосновавшись на родине своего супруга, часто навещалась в Ленинград, поэтому маленькая Наташа была определена в специализированный садик именно там, а затем там же пошла и в школу-интернат для тугоухих детей. Таким образом, в детстве девочка большую часть времени проводила в Северной Пальмире и в Черкассах появлялась лишь на летние каникулы. Но в семье произошел разлад, родители развелись, и мать, в то время уже с двумя детьми на руках, испытывая материальные трудности, не могла больше позволить себе такую роскошь — возить дочурку в такую даль. Так Наташа и переехала насовсем в Украину, а семилетку окончила уже в Одесской школе № 97 для слабослышащих детей. Затем, вопреки своему призванию, пошла работать на Черкасскую трикотажную фабрику, чтобы помочь матери материально и приносить в дом хоть какой-то рубль. Но от дальнейшего образования она не отказалась и вечерами посещала школу рабочей молодежи вместе со слышащими. Там и получила аттестат об окончании десятилетки. А в свободное время она часами слушала музыку и разучивала песни, которых знала наизусть множество. Это и было ее хобби, ее отрада и любовь на всю жизнь!

Однажды мать привела девушку в клуб при Черкасской областной организации УТОГ, и с тех пор каждый раз, когда Наташа появлялась там, возле нее собиралась толпа молодежи, кольцом окружая темпераментную и живую девушку. Видя незаурядные способности, ей посоветовали связаться с Киевом, чтобы талант организатора «не пропал даром» и она

смогла определиться в жизни и быть лидером глухих не только на общественных началах. Тогдашний заместитель начальника оргмассового отдела ЦП УТОГ И.Ф. Здоровило направил Наташу Косареву на курсы клубных работников. Это было в 1962 году. Два года учебы на Курсовой базе УТОГ дали возможность Наташе не только получить соответствующую специальность, но и показать себя на сцене.

Именно в тот период Косарева «заблестела» на театральных подмостках и стала известна среди неслышащих киевлян — любителей эстрадного и театрального искусства. Она была самой активной участницей художественной самодеятельности Киевского ДК УТОГ, руководителем которой был легендарный Исаак Аронович Сапожников. Именно он и раскрыл «косаревский» талант. Наташа, вместе с молодым и тоже заядлым участником самодеятельного театра Леней Филяниным, вела все концертные мероприятия. Они выступали в конференсе, «пели» жестами. Эта пара ведущих была непревзойденной и прославилась не только в киевских краях. Косаревой и Филянину рукоплескали неслышащие всей Украины, а также московский ВОГовский бомонд. Наташиным патриотическим и лирическим песням: «Широка страна моя родная», «Смело, товарищи, в ногу», «Я люблю тебя, жизнь», «Хорошее настроение», «Пять минут», «Погоня», «Молитва», «Днепровская вода», «Миллион алых роз», «Три счастливых дня», «Скупимся на любовь» и многим другим, дружно подпевали все сидевшие в зале зрители, так как артикуляция и жесты Наташи были удивительно выразительны и слова песен — понятны всем... С этим репертуаром дуэт Косарева — Филянин не раз побывал в Москве и в других стольных городах бывшего СССР.

По окончании курсов клубных работников Наташа возвращается в Черкасы и становится руководителем театрального коллектива при ДК УТОГ. После бурной столицы провинциальная жизнь кажется затишьем, но Наташа старается де-

лать все возможное, чтобы «внести свою лепту» и в Черкассах. Жизнь шла своим чередом, но... в скором времени за видной и бойкой девушкой приехал «принц на белом коне», да и не откуда-то, а из Киева. Так она попрощалась с Черкассами навсегда, а в столице жизнь вновь забурлила. Наташа уже не только «пела», вела театрализованные представления, но и играла в спектаклях: «Гибель эскадры», «Январский ветер», «На рассвете», «Беда от нежного сердца» и в других. Успех за успехом! Она стала лауреатом на престижном фестивале, посвященном 50-летию СССР в 1974 году. А чего стоило ее сольное выступление на Московском фестивале художественной самодеятельности в 1982 году, когда Наташина песня в жестовом исполнении «Києве мій», в сопровождении Симферопольского ансамбля танца «Крымчанка», произвела ошеломляющее впечатление, а зал Московского театра мимики и жеста буквально «взорвался» аплодисментами!

Косарева не единожды становится лауреатом всесоюзных фестивалей народного творчества (первый из них состоялся в 1986 году, 2-й — в 1987-м, а 3-й — в 1988-м), которые проходили в г. Москве.

В 1993 году Наталья была персонально приглашена на празднование 50-летия образования Таджикской ССР. Она тогда вошла в состав делегации не только как официальный представитель Украинского общества глухих, но и как артистка, и показала себя в Душанбе просто потрясающе — для неслышащих таджиков песни в ее исполнении были настоящим подарком к юбилею.

У Косаревой — великое множество наград и медалей, но, несмотря на эти «титулы», она осталась сама собой, не «зазвездилась», что часто происходит со многими актерами и не только. Работала Наталья Федоровна в Киевском ДК им. Луначарского культработником. На проводимых ею культурных мероприятиях всегда был аншлаг, а на дискотеках, сопровож-

даемых инструментальным ансамблем, состоящим из «первых парней на селе», яблоку негде было упасть. Благодаря Наташе Косаревой столичная художественная самодеятельность всегда была на высоте.

Позже, после окончания Ленинградского восстановительного центра ВОГ, Наталью повысили в должности — она становится методистом Научно-методического центра УТОГ.

Ей бы радоваться жизни, процветать и уверенно продвигаться по служебной лестнице, но... семейные проблемы захлестнули молодую женщину, надломили, казалось бы, твердый, чуть ли не жесткий, характер. Неунывающая, сильная, она впала в глубокую депрессию...

Согласитесь, после долгих лет состояния «невесомости» не каждый сможет выйти на сцену и вновь нести людям свою любовь к песне... Браво, Наталья Федоровна! Вы отлично показали себя не только на областном конкурсе «Ретро», но и на одноименном Всеукраинском фестивале ветеранской песни в жестовом исполнении. Вам доверили прочитать и новоиспеченный «Гимн ветеранов УТОГ», автором которого является И. Дуценко. А это значит, что после «антракта» Косарева вернулась всерьез и надолго! И зрители с нетерпением ждут новых встреч с любимой артисткой.

Розділ III

Поети та журналісти

Голубая звезда

*«Я хочу, чтобы сердце другие сердца волновало,
И в волненьи таком настоящий покой я найду».*

ИСААК САПОЖНИКОВ.

И. Сапожников.

Об Исааке Ароновиче Сапожникове писать нелегко. И не столько потому, что его имя — одно из самых значительных имен в истории Украинского общества глухих, сколько потому, что, по сути, существовало два Сапожникова.

Поэтому я решила сначала написать об одном, а потом — о другом, главном.

О первом Татьяна Георгиевна Филинина, многие годы проработавшая рядом с ним, говорит:

— Это был — титан! Титан — иначе не скажешь. Он один тянул на себе груз, который многим другим был бы не под силу. А кроме того, он везде всем прокладывал путь. И театру «Радуга», и газете «Наше життя», и литобъединению «Відлуння».

Это я помню. Помню, как в начале 80-х возникло литературное объединение глухих поэтов «Відлуння», как здесь все организовывал Исаак Аронович, как все литобъединение на нем, на волне его мощной энергии, и держалось, как мы, поэты «Відлуння», периодически собираясь на литературных семинарах, — как в гости приходя, к накрытому столу — всю основную работу сваливали на него одного: Сапожников все сделает.

И Сапожников делал. Организовывал семинары, разыски-

вал литконсультантов и издателей, издавал сборники. Спустя некоторое время после его смерти литобъединение как-то понемногу, незаметно распалось, заглохло. Неслышащие поэты, конечно, остались, но нет больше всего того, о чем ностальгически поет сердце, — ни поэтических семинаров, ни литературных разборок, ни скромных книжечек, где под одной обложкой собраны воедино все голоса «Відлуння».

Это, конечно, во многом объясняется тем, что Украина переживает трудные времена, стремясь если не жить, то хотя бы выжить. До поэзии ли тут, до жарких дебатов по поводу той или иной стихотворной строки, когда вот она — нищета, смотрит глазами стариков, детей, инвалидов, протягивая руку. Огромная армия безработных скитается по стране, и забота о хлебе насущном, страх завтрашнего дня, а то и просто ставшие привычными меркантильные соображения сковывают ваше собственное сердце. И все же — поэзия самоценна. И сила ее нередко возрастает как раз во времена самые тяжкие. И, как мне кажется, распад литобъединения во многом обусловлен тем, что больше нет Сапожникова. Он, думаю мне, сумел бы, несмотря на все трудности, добиться того, чтобы единое, переливчатое, перекликающееся «Відлуння» не выродилось в отдельные, разрозненные, одиноко звучащие в тишине или совсем затихающие в отдалении «відлунки»...

«Відлуння» — родное, единокровное и, пожалуй, самое любимое детище Исаака Ароновича Сапожникова. Год рождения — 1980-й...

Другое детище Сапожникова, принятое из рук Виктории Францевны Лоос и выпестованное им, — Киевский народный самодеятельный театр. Тридцать лет этот большой, серьезный, ответственный человек, в котором, по-видимому, было очень много глобального отцовского чувства, вел, образно говоря, «за ручку» свое талантливое дитя — поющее, танцующее, лицедействующее — все к новым и новым вершинам.

Народный самодеятельный театр не распался, когда Исаака Ароновича не стало. Но и здесь чувствуется его отсутствие. Если не как полная пустота, то как некоторая недостаточность. Словно он вышел из театра и не приходит больше — и осталось печальное и темное ощущение незаполненного им жизненного пространства. Впрочем, какой глухой не любит «зримой» песни? А постоянно действующий конкурс песни в жестовом исполнении носит имя И.А. Сапожникова.

Исааку Сапожникову обязан своим возникновением и профессиональный театр глухих — театр мимики и жеста «Радуга». Первый краеугольный камень в основание «Радуги» заложил именно он, Сапожников. Благодаря своей удивительной способности достигать намеченной цели во всех благих начинаниях, Исаак Аронович, потратив немало усилий, времени и, очевидно, того, что в просторечии называется нервами, сумел-таки добиться — во времена, когда к профессиональной творческой деятельности глухих относились, мягко говоря, с недоверчивой снисходительностью (или — со снисходительной недоверчивостью?), — чтобы театру «Радуга» было выдано, так сказать, «свидетельство о рождении». Иными словами — право на существование, на жизнь. Год рождения — 1969-й...

«Наше життя», газета Украинского общества глухих, тоже появилась на свет в немалой мере благодаря тем же недюжинным «пробивным» способностям Исаака Сапожникова. Чтобы прорубить это небольшое окошко в мир для глухих (и оно же — окошко в мир глухих), Исаак Аронович будоражил власти в Киеве, ездил в Москву, оббивал пороги... И старания фантастически везучего «ходатая за глухих» не пропали даром. Газета для глухих, при столь активном родовспоможении, наконец, подала свой голос, особенность которого в том, что его «слышат» глухие, живущие в Украине. Впервые они услышали этот голос в разгаре июльского дня — и в буйство

летних красок ворвался жестовый ветер события: наша газета! Год рождения — 1967-й...

И хотя все эти даты, все эти «годы рождения» той или иной живой, пульсирующей точки УТОГ, приводятся здесь не в хронологической последовательности, а в порядке значимости и по степени усилий, затраченных Исааком Ароновичем Сапожниковым на то или иное дело, все они, в конечном счете, сводятся к одному: к тому, что Сапожников — это Сапожников! Перефразируя слова известной песни, можно сказать: куда бы не забросила его судьба, все равно он оставался Сапожниковым.

В юбилейном поздравлении Аллы Славиной, московской поэтессы, журналиста и историка, присланном к тридцатилетию газеты «Наше життя», отмечено время, насыщенное для нее (как нашей гостью) памятными событиями, и не просто отмечено, а с ориентацией на определенную личность: «...В восемьдесят каком-то, еще при Сапожникове...».

Вот как — даже время измеряют по Сапожникову!

Таков образ человека, о котором Татьяна Георгиевна Филянина говорила, в горестном почтении покачивая головой:

— Да, это был титан! Одно слово — титан!

Был.

Вся жизнь этого титана укладывается в несколько строк биографической справки, приведенной в одном из поэтических сборников «Відлуння» — «Живий дощ» (Київ, «Радянський письменник», 1991):

«Родился 10 августа 1913 года в г. Киеве. В 1934 г. был откомандирован в Москву в Литературный институт, который вскоре пришлось оставить из-за резкого снижения слуха, завершившегося полной глухотой.

С этого времени работал в Обществе глухих в Москве, а затем — в Киеве. Одновременно в течение тридцати лет был режиссером драматического коллектива УТОГ, ставшего впоследствии народным театром.

В период войны возглавлял Таджикское республиканское общество глухих. В последнее время был директором Республиканского научно-методического кабинета клубной работы Украинского общества глухих.

Печататься начал с 1934 года. Опубликовал свои произведения в журналах «Крокодил», «Перец», в коллективных сборниках «Натхнені працею», «В едином строю», «Шляхами неспокою», «Серцем почуте», «Живий дощ», «Відлуння» (посмертно), в различных журналах и газетах.

Это — один Исаак Сапожников, время которого, яркое и насыщенное до предела, все же было жестко отмерено двумя — через черточку — датами: 1913—1985... Это был человек, который создавал целую эпоху в жизни Общества глухих. Эта эпоха кончилась.

Но я знаю также и другого Исаака Сапожникова. Если приоткрыть завесу... И что же там, за той завесой? Стихи. Просто — стихи. Размеренный и в то же время взволнованный, чуть глуховатый голос души:

*«Еще темней. Все гуще, гуще Тень,
Никто глубокий мрак на небе не разбудит...
Так гибнет свет. Так умирает день,
Так умирают мысли, чувства, люди».*

Какой холод, какая грусть. Эти строки как будто пришли прямо из Небытия...

Вспоминается такой случай. Праздновался 70-летний юбилей И.А. Сапожникова. Торжество отмечалось во Дворце культуры УТОГ имени А.В. Луначарского. Исаак Аронович важно и почти неподвижно восседал на сцене, обставленный со всех сторон цветами, и только, поблескивая стеклами очков, поворачивал голову в направлении очередных чествований. Там много говорилось о больших заслугах юбиляра перед Обществом глухих — и он, слушая, мерно кивал большой,

рельефной головой то ли в знак согласия, то ли в знак благодарности.

Среди всего прочего было прочитано и мое стихотворение, посвященное Исааку Сапожникову. Оно было написано именно к этой дате. Стихи «по случаю» мне обычно не удаются — и то мое стихотворение не обладало большими поэтическими достоинствами. Но произошло что-то непонятное: Исаак Аронович, которому после чтения моего стихотворения со сцены передали листок, где оно было написано, пробежал этот листок взглядом... и неожиданно оживился. После окончания официальной части вечера он показывал этот листок своим друзьям и — улыбался... Меня, конечно, интересовало, что в этом стихотворении привлекло его внимание, поэтому я не удержалась и спросила его об этом. А когда он сказал мне, что именно, — я, откровенно говоря, удивилась.

Ему было семьдесят лет. Он был стар, сед и тучен. А взволновала его в моем стихотворении — одна строфа, имеющая отношение к его стихотворению «Первая любовь».

«Первая любовь» Сапожникова — удивительное, чудесное стихотворение. Оно озарено какой-то особенной светлой аурой взволнованного и возвышенного юношеского чувства, в нем слышится неизбывная, страстная тоска сокрушенного Данте о своей навсегда утраченной Беатриче.

*«Любимая! Как я о ней мечтал
В четырнадцать, в шестнадцать, в девятнадцать!..
Ходил за ней, выслеживал, страдал,
Но все не мог, не в силах был признаться.*

*А годы проходили чередой,
Неумолимой сложностью пугая,
Ее увез из города другой,
И в жизнь мою вошла потом другая...»*

Начинается стихотворение строфой:

*«Люблю бродить по городу один
С Крещатика до площади Толстого,
Люблю огни сверкающих витрин,
Биенье пульса города родного».*

Я отозвалась на это стихотворение (самое мое любимое у Сапожникова) — ответной строфой:

*«И может быть, с волнением читая
«Люблю бродить по городу один»,
Вас вспоминает женщина седая —
Та, с улицы сверкающих витрин».*

И вот, прочтя эту строфу, он, весь вечер поблескивавший непроницаемыми очками, — оживился, взволновался, помолодел...

То, давнее мое стихотворение, как и другие неудачные стихи, забыто даже мной. А эта строфа — запомнилась. Благодаря ей за монолитным, годами создаваемым образом «титана», ворочающего глыбами больших и важных дел, проглянула живая человеческая душа — прекрасная в беспомощном своем страдании, говорящая о глубинном, о сокровенном...

В его стихах — то тут, то там, проблесками — встречаются строки, словно нечаянно, мимолетно открывающие образ вечного путника, замороженного сиянием далекой звезды:

*«Снова звезды кружатся в тумане,
В серебристом зареве пути,
Снова дали голубые манят
Без конца идти, идти, идти...»*

Вот этот Сапожников, к сожалению, мало кому известный, мне особенно дорог.

Когда он был жив, все ценили в нем прежде всего талант-

ливого руководителя, общественного деятеля или, выражаясь словами Т.Г. Филяниной, Сапожникова-титана. Этого Сапожникова больше нет. Исаак Аронович ушел в вечность в 1985 году.

Дело его подхватили и продолжили другие. Живут на сцене Культурного центра УТОГ народный театр и театр «Радуга»; созданная с его участием газета «Наше життя» рассказывает о жизни глухих; перебивается нечастыми, но поэтически насыщенными публикациями и литобъединение «Відлуння». Где-то живет дочь Сапожникова. Живут своей жизнью женщины, которые были его женами и которых он любил... Не знаю, посадил ли он дерево. Ведь говорят, что жизнь человека можно считать вполне оправданной, если он произвел на свет хоть одного ребенка и посадил хоть одно дерево.

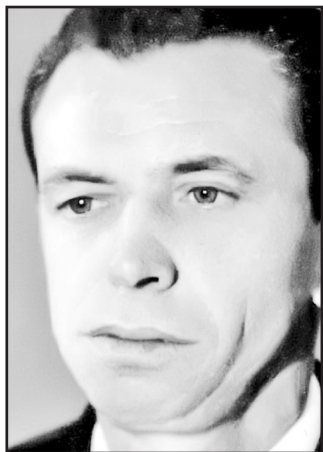
Но другой, духовный Сапожников не исчез, и биография его не закончена. Потому что настоящая биография поэта — это его стихи, а не формальные сведения о его жизни. Он незримо присутствует в своих стихах, и волнение его большого поэтического сердца волнует другие сердца.

Раскроешь книгу — и зазвучит оттуда размеренный, глуховатый, усталый голос Сапожникова-поэта:

*«Тишина... Тишина...
Это все, что мне в жизни осталось,
Я хотел бы взорвать надоевшую мне тишину,
Я мечтаю творить, но меня поглощает усталость,
И больной головой я бессильно склоняюсь к окну.
Огоньки... Огоньки... Задрожали в тумане и тают,
Тишина порождает в ушах надоедливый звон.
Но душой я бодрюсь, я живу, я дышу, я мечтаю,
Потому что всегда голубую звездой озарен».*

О. ПОДОЛЯН

Вопреки судьбе

Н.П. Ныров.

Есть судьбы человеческие, перед которыми невольно склоняется голова наша. В них нет громких подвигов, они отличаются от других только какой-то особенной внутренней цельностью. И хотя они ничем не бросаются в глаза, окружающие чувствуют их незаурядность. И что отрадно — воспринимают ее просто и естественно. К таким людям относится и человек, о котором я пишу этот очерк — Николай Павлович Ныров.

...Родился он 19 декабря 1930 года в небольшой русской деревне Песочное Богородского района Нижегородской области в семье колхозников, где было четверо детей. Николай — младший. Жила семья скромно, но дети росли сытыми, одетыми и обувными. В годы войны и до конца жизни отец служил в милиции: его призвали в армию сразу, как началась война, но там решили, что бывший чоновец будет полезнее и нужнее дома.

Первый класс сельской школы окончил Николай на «отлично». И на этом его судьба безжалостно поставила точку.

В августе в средней части России ночи уже холодные, часто бывают и заморозки. На травы ложатся белые росы, холодные, как снег.

Вот в такое утро Коля с товарищами воробьиной стайкой полетели в ближайший лес за кислющими яблоками-дичками (лакомством деревенских ребятишек) босыми — по белой росе.

А к вечеру мальчик уже лежал в беспамятстве. Когда к нему вернулось сознание, он уже не только ничего не слышал, но и руками, и ногами не мог двигать совсем: они были парализованы.

Врачам нелегко далась частичная победа над тяжелой болезнью, но жизнь Коли ими была спасена. И надо было жить. Другую часть победы над страшной болезнью и ее наследием годами упорно добывал сам Николай. Ежедневные тренировки медленно, но неуклонно, отвоевывали у болезни движение за движением: сначала он начал ходить с помощью костылей, потом — с палкой.

В 14 лет пошел в колхоз помогать старшим. Это было страшное время: война вымела село и выкосила все трудоспособное мужское население, остались старики, калеки, женщины и дети. Николай пахал и бороновал, ковыляя на больных ногах за плугом или бороной по бескрайнему полю. От усталости дрожали все жилки в теле.

Это он потом воспел в стихах. Не этот ли тяжкий труд и постоянное видение полной самоотдачи в работе матерей, не щадивших даже детей своих для скорейшей победы над врагом, сеяли в его душе зерна мужества? Здесь не резали слух громкие слова о патриотизме, но глаза видели этот патриотизм ежедневно в облике уставших до изнеможения матерей. Не потому ли так глубоки и выстраданы его стихи о материнских руках:

«...Те руки сеяли и жали, Детей растили, хлеб пекли, Сынов на бой благословляли, И их к свершениям вели. Они натружены, корявы. Морщин на них-не перечесть... Отчизны честь, Отчизны слава, — Они гражданственность и есть!»

В 20 лет Николай поступил на работу на обувную фабрику в Богородске. Быстро овладел мастерством пошива модельной обуви, со слышащими товарищами ладил: они с уважением относились к неразговорчивому парню. Однажды они рассказали ему, что между ними идет спор о директоре фабрики Куприянове: зарвался, рабочих в упор не видит, а недоделок в

работе хватает. Да, директор был человеком крутым, рабочих не баловал: опоздал на работу без уважительной причины — «строгач», опоздал второй раз — гнал с работы.

Коля предложил написать частушки. Все обрадовались — это прямо не ставило под удар директорского гнева никого, а цель достигалась: о недостатках будет сказано. Утром следующего дня цех хохотал над Колиными частушками, а через пару дней — работницы исполнили их на сцене фабричного клуба под переливы гармонии. Куприянов, красный, исподлобья глядел на сцену. Выдержал. А утром секретарша подала Николаю записку: просьба зайти в кабинет директора. Шел с тяжелым чувством. Какое-то мгновение директор в упор разглядывал стоявшего перед ним парня. Николай не опускал глаз. Взгляд директора смягчился.

— Твоя работа? — показал ему его листочек с частушками.

— Да, моя.

— Ныров Николай? — уточнил директор (на фабрике работал и брат Коли — Александр).

— Да.

— Молодец! Вот возьми, — протянул ему конверт, — это особая премия. В конверте лежало 150 рублей — большие деньги для того времени.

Когда уезжал на Украину и пришел за расчетом и документами, ему по приказу директора выдали двухнедельное выходное пособие, хотя по закону оно не полагалось, так как уходил он по собственному желанию. Секретарша передала слова директора:

— Если не получится там — возвращайтесь, примем!

На Украине у Николая все получилось: создалась семья, поступил на протезный завод, выпускавший обувь для инвалидов, экстерном сдал экзамены за десятый класс вечерней средней школы. Мечтал о поступлении в Киевский пединститут на деффак, но сбыться этой мечте помешало рождение дочек-двойняшек. Пришлось думать уже не об институте, а о том,

как жить дальше. Один ребенок и двое — большая разница: с одним дитятам вы сходите и в магазин, и на рынок — куда надо. С двумя — никуда. А надо успеть сделать так много. Словом — житейская проза удвоенная... Все время кто-то должен быть и с детьми. Вопрос встал ребром: или жене, или мужу надо на время оставить работу — иного выхода нет. Жена работала в вечерней школе, — днем была дома. Она ждала ответа мужа, зная, что он примет единственно верное решение, каким бы трудным оно для него ни было. И не ошиблась: он оставил работу на год, пока подросли и окрепли дети. И на работе, и в семье он оставался неизменно человеческим, всегда думал прежде о других, а не о себе. О возможных насмешках скупно сказал:

— Умные все поймут.

И был прав.

А через 7 лет он, при прямом содействии ЦП УТОГ, переходит на работу в Винницкий облотдел инструктором по оргмассовой работе. На этой должности он проработал 31 год — до самого выхода на пенсию.

Работать с людьми — работа нелегкая, но он всегда находил общий язык и с начальством, и с подчиненными — язык прямой, искренний и доброжелательный. Он умел и любил работать, и считал главным научить людей трудиться правильно, добросовестно. Щадил их человеческое достоинство, всегда был сдержан и корректен. Умел сплотить вокруг себя людей и «заразить» их желанием не тлеть, а гореть на работе. Одно время по необходимости он по совместительству работал директором Дома культуры. Состояние работы ДК, прямо скажем, было удручающим: ее попросту не было, Дом культуры пустовал, а его работники слезно жаловались, что мол, глухие стали жить зажиточно, обзавелись телевизорами и ходить в ДК не хотят, заниматься в кружках — тоже. День-два Николай Павлович присматривался, знакомился с работой впритык и, поняв, в чем дело, предложил другой план. Стал организовыв-

вать разнообразные тематические вечера, к участию в которых привлекались все желающие, а не только участники художественной самодеятельности. Люди получили большой стимул — стимул самовыражения. И если на первом вечере сидело в зале человек 15, то на третьем — яблоку негде было упасть.

В работе Николай Павлович всегда следовал принципу: «не зажжешь других, если не будешь гореть сам».

...Кроме семьи и работы были еще и стихи — его святая святых. Они постучались в его сердце в 19–20 лет и вошли в него навечно. Он мог сидеть над ними ночи напролет, мучаясь поиском нужного слова. И когда находил, был весел, шутил — весь словно светился радостью. А если не удавалось — был подавлен, злился, и в это время жене доставалось, так как именно она была первым ценителем и ревнителем его стихов.

— Хорошо, но вот эту строку надо бы переделать... — говорила она, прочтя его новое стихотворение.

— Но почему? Все верно, не придирайся, Галя!

— Я не придираюсь, честное слово. Подумай. Сам увидишь.

Иногда уходил задумчивый, иногда на пол летели клочки бумаги со стихами, но он упорно правил их, и в результате, от того, что получилось, радость была двойная. И надо сказать, что так поступали оба: и он, и жена. И теперь, когда позади уже более 40 лет их совместной жизни, они радуются тому, что умели не уступать, быть требовательными друг к другу.

Стихи Николая Нырова хорошо знакомы читателям газеты «Наше життя», а также многим любителям поэзии в Украине. Лучшие из них вошли в его сборник «Источник верности», во всесоюзный альманах «Поэзия», в антологию «Русские советские поэты Украины». В них его жизнь, его любовь, его радости и печали, надежды и сомнения. Они, — не боюсь сказать, — нетленное наследие для будущих нсслышащих поэтов. Юные, увлеченные, примут они от него эстафету Поэзии и понесут ее в Вечность.

Трудное счастье Галины Швец, или Умение быть человеком

*«Я боюся завжди однієї біди —
неуміння людиною бути».*

ГАЛИНА ШВЕЦЬ.

Г. Швец.

Писать о стихах всегда трудно, ощущение такое, словно «алгеброй проверяешь гармонию» или к чужой прекрасной и законченной картине дополняешь свой несовершенный «рисуночек». А стихи — они живут сами по себе — тихой, спасительной музыкой в душе. И пусть мой рассказ о стихах Галины Швец будет несколько сумбурным, но искренним потоком воспоминаний и восприятий.

Как давно не собирались мы вместе — поэты литобъединения «Відлуння»... Все такие разные, но молящиеся одному богу — Поэзии. Это были чудесные встречи, которые начинаешь ценить и понимать только на расстоянии.

Пишу — и все у меня перед глазами. Строгая и деликатная Елена Смирнова с царственной короной волос. Неутомимый труженик пера (и души!) Анатолий Симоненко. Талантливая, духовно спаянная чета искрящихся юмором одесситов — Ирина Дуценко и художник Валентин Людвик.

Застенчивый, постоянно рвущийся вверх, как весенний побег, Иван Стронский. Порывистая, неудержимо вдохновен-

ная Лена Краснокутская. «Незнакомая звезда» — Юлия Соловьева. Валерия Яремко, и живущая, и пишущая, словно по строчкам Блока: «...А сердце радоваться радо хоть самой малой новизне...»

И Федось Савенок, и Моисей Родкопф, и умудренный Николай Мачковский, — профессиональный литератор, с удивительной теплотой относящийся ко всем «зеленым» поэтам.

Посчастливилось застать Исаака Ароновича Сапожникова, жизнь которого давно уже стала легендой. Молчаливый Зиновий Гарник, слишком рано — ему не было и пятидесяти — ушедший «за горизонт».

Николай Ныров, покинувший нас совсем недавно. Мастер Тихого Слова, наш Мэтр, мнением которого дорожили все. Всегда сдержанный, но в доброжелательной глубине глаз улавливалась легкая насмешливость. Совсем чуть-чуть... Ровно столько, сколько должно быть у человека, умудренного опытом, но сохранившего юношеский пыл. Может быть поэтому неизменная палочка, помогавшая ему ходить (кстати, всегда — только прямо), воспринималась тросточкой джентльмена. Однажды, набравшись смелости, я спросила Николая Павловича о моих стихах. Он только покачал головой: надо прочитать внимательно, подумать, нельзя же так — «из конопли да сходу»... Вообще его отзывы о наших стихах непременно были доброжелательными — не хвалебными — ободряющими. И лишь однажды по поводу моих стихов проскользнуло: «риторика». Но это было как раз то, что мучило и меня, хотя я знала мотивы этой «риторики».

Галина Швец, поэтесса, жена Николая Павловича, вспоминается прежде всего материнским отношением ко всем нам, независимо от возраста.

Ей постоянно хотелось пожалеть, накормить, расспросить. Она мне виделась по библейской притче Марфой и Марией в одном лице, со всеобъемлющей жадой не только заботиться

и сопереживать, но и внимать Слову, и — высший дар! — самой изрекать Слово. Женщина, Жена, Мать, Поэтесса — все с большой буквы.

Гладко причесанные волосы, опрятная простота в немодной одежде. Галина Саввична носила тогда очки с очень толстыми стеклами, за которыми глаза виделись, как в тумане. Из-за большого дефекта зрения она двигалась осторожно, небыстро, чаще всего держась за локоть мужа, реже принимала помощь от кого-то другого.

И все-таки необычайная интеллигентность чувствовалась, от нее исходил тот свет Любви и Доброты, который не во всех прекрасных людях внешне различим.

Наиболее яркое воспоминание? Пожалуй это... На одном из заседаний литобъединения обсуждали подборку моих стихов, тогда еще полудетских. Помнится, было там стихотворение с «залихватским» рефреном, варьирующимся и так и этак:

*«Память — словно колокола звон,
Память — отголосок давней были,
Память — листья облетевших крон,
Память — ворошенья ветхой пыли...»*

Галина Саввична поднялась с места, опершись на стол, так как ей было трудно стоять (получился невольный поклон-устремление в мою сторону), и произнесла как-то беспомощно-потрясенно: «Таня, что Вы сделали с памятью?..» Там были еще какие-то слова... я не пыталась ни запомнить, ни вникнуть... Потому что мне достаточно было этой фразы, чтобы внутренним взором все сразу охватить. Из-за очень толстых стекол очков глаза ее казались особенно добрыми и беззащитными, замедленные жесты — особенно мягкими. И еще эта манера говорить так, чтобы ни в коем случае не обидеть...

Стихотворение было совсем не о памяти, скорее, об отношении к памяти в моем тогдашнем возрасте. Об этом и было ска-

зано недвусмысленно: «Молодость не любит вспоминать — слишком яркок дней звенящий круг...» И все-таки я мгновенно поняла Галину Саввичну. Для меня это стихотворение было мимолетным, преходящим, я даже несколько «играла словами». И вдруг разом ощутила, что есть слова, которыми играть нельзя. И, конечно, по большому счету, нельзя играть словами вообще. Гумилевское «Слово — это бог» — не гипербола! Слово способно ранить и исцелить, вознести и низвергнуть, создать и разрушить. Достаточно было встать Женщине, прошедшей большую часть жизненного круга... Она могла просто молчать, за нее говорили стихи ее и ее мужа, Николая Нырова. Немного найдется людей, имеющих полное моральное право говорить от первого лица то, о чем пишет Галина Швец в своих стихах.

«Відлуння» — отзвук, отголосок. В гости к глухим поэтам приходили их коллеги — поэты слышащие, и не только поэты. Всех встреч здесь вспомнить невозможно. До сих пор у меня хранится сборник Леонида Татаренко с его автографом и книга Ивана Драча на русском языке с автографом переводчика Юрия Мезенко, — очень интересный получился разговор, потому мне попадались еще переводы Мезенко с испанского, в частности, Мигеля де Унамуно.

Мы выпустили два поэтических сборника под эгидой «Відлуння», встречались уже не разрозненными поэтами — семьей. Возможность общаться — это и было, пожалуй, главным. Съезжались со всей Украины, приглашали к себе москвичей: Исаака Рубина, Ивана Исаева, Аллу Славину, Ларису Голубеву, несколько раз приезжал малоизвестный тогда Ярослав Пичугин.

Непременно посещал литературные семинары Юрий Петрович Максименко, очень много внимания поэтам уделяла Татьяна Георгиевна Филянина. Но особую заботу мы ощущали от нашего ангела-хранителя — Ангелины Владимиров-

ны Липовецкой, бывшей тогда директором Курсов УТОГ на Кловском спуске.

А вечерами в кухоньке за чаем собирався тесный кружок — поговорить «за жизнь». Как я жалею, что от этих милых чаепитий меня зачастую уносило посторонним течением (Киев — город моего студенчества, и много «вешек» оставил: друзья, знакомые, милые сердцу места...).

Прошли годы с нашей последней встречи, и летом девяносто девятого в дневной суете мне непостижимым образом вспомнилось: «... Что Вы сделали с памятью, Таня?..» Словно ведомая какой-то рукой, я отложила (вернее — отбросила) все запланированное, отыскала вначале один поэтический сборник, потом другой... И так вот и читала, стоя возле книжного шкафа, стихи Галины Шве́ц. И это были совсем незнакомые мне стихи. Наверное, пройдя определенный временной отрезок, я просто поднялась на другую гору, и с этой новой возвышенности разглядела то, чего не замечала ранее. Стихи потрясли меня. Особенно «Вічне», посвященное мужу:

*«Без пісень солов'їних, без шелесту трав
Простилається наша терниста дорога...
Не кажу я, що так ще ніхто не кохав —
В почутті моїм стільки людського й земного...»*

В том году Галине Саввичне исполнялось 65 лет, и я решила написать ей, им обоим, сожалея, что не сделала этого за все годы. Я не знала, о чем буду писать — слишком велико разделяющее нас жизненное расстояние, но написать хотелось непременно. И написала... А через пару недель мое письмо вернулось ко мне немым укором в своей запоздалости. В углу — косой казенный штемпель «Адресат выбыл», но на обороте (неужели винничане все сплошь добры и великодушны?) от руки дописано: «Выбыл в Киевскую область». Навела справки в Киевской организации УТОГ, и ее председатель М.М. Левиц-

кий любезно предоставил новый адрес и скупой передал на словах: «Живется семье Нырова и Швеца нелегко».

Но разве было им легко когда-нибудь? Сейчас это модно — школы выживания. Если нет трудностей, мы их создаем искусственно. Но разве выжить в экстремальных условиях — это важнейшее? А может быть мерило в том, сумел ли ты пройти под ударами судьбы и сохранить человеческое достоинство, уберечь огонек той лампадки внутри, который принято называть Душой или Любовью? Не в этом ли цель и смысл высшей школы, именуемой Жизнью?

Кого Господь любит, тому дает испытания... Наверное, святой человек, который пройдя войну и беду, голод, тяжесть детского труда, пожизненную болезнь и глухоту, напишет на исходе пути, как Николай Ныров:

*«Жизнь пролетела, словно миг,
Но долгий миг, теплом согретый...
...Но с нами долгий свет любви
И неистраченная нежность...»*

Все их биографии — в стихах. У Николая Павловича — лирика, кажется, всеобъемлющая, с удивительной мелодикой и напевностью, тревожная и тревожащая. У Галины Саввичны...

В сборниках по алфавиту она всегда занимает последнее или, в крайнем случае, предпоследнее место. Словно за ней оставляют последнее весомое, подытоживающее слово. И она его говорит. Стихи ее потрясающие по силе чувства и мысли. Есть поэты, у которых можно поучиться красоте слова и «словесного жеста». У Галины Швеца надо учиться красоте чувства. Утверждая главные человеческие принципы, ее поэзия вместе с тем не декларативна, не плакатна. Это — настоящая тонкая лирика, женская — женственная, светящаяся каким-то медовым, янтарным светом:

*«Мов ниточка, в'ється стежина,
Дерева і квіти...
Приходить в красу цю людина,
Щоб душу зігріти».*

Чистый, идущий из сердечных глубин голос поэтессы органично звучит в любом стихотворном размере, ему не тесны рамки ямба, хорея, дактиля... Кропотливая работа над словом остается «за кадром», а перед читателем течет речевой ручей кристальной воды, «криниця».

*«То в згадці оживе,
То в сні мені присниться
Зелена вулиця у рідному селі:
Там п'є небесну синь
Мурована криниця,
Щоб стало їй всім —
І людям, і землі...»*

Стихи написаны прекрасным украинским языком, привлекают ясным, свободным изложением. И это притом, что:

*«Ти до когось приходиш піснею,
Милим шепотом нив і гайв.
А до мене порою пізньою —
Шелестінням важких словників.*

*Добуваю слова, як золото:
З-поміж тисяч понять — одне...
Умирають думки, розколоті
Об безсилля моє страшне..»*

Глухой поэт — больше, чем поэт. Действительно, сколько прекрасных мыслей, порывов разбивались о «страшное бессилие», вызванное нехваткой слов. То, что у слышащих поэтов, что называется «на слуху», глухой поэт должен «добывать, как золото».

Вспомнилось: в очень давнем письме Н.П. Ныров заметил мне вскользь — «...правда, я не знаю, как даются Вам стихи...»

Но Галина Шве́ц, очевидно, преодолела и эту преграду. В ее поэзии сверкают крупинками золота мысли, исполненные жизненной силы, переливаются разноцветными россыпями рифмы — звонкие и приглушенные, явные и на тончайшем созвучии.

Ей силой таланта удалось вернуть первоначальное волнение в то, что было «затерто» (Помните Асадова: «Как жаль мне, что гордые наши слова Держава, Родина и Отчизна порою затерты, звучат едва в простом словаре повседневной жизни...»).

Вечный Огонь, Кремлевская стена... То, чем жило целое поколение... (И, руку на сердце положая, нравственнее ли живет поколение наше?) Гале было семь лет, когда отец «Пішов солдатом в степову імлу»:

*«Посивіла... Та не позбулась снів,
Як батько повертається додому».*

Вновь и вновь возвращается к теме Галина Шве́ц:

*«Весна квітує й горнеться до мене,
Душа радіє сонячному дню;
Граптом в серце — щемом — небуденне:
Гаряча квітка Вічного Вогню...»*

Остановись, загляни в свою душу, как сам ты бережешь этот чудо-свет?..

*«Його було так важко врятувати!
Його так конче треба вберегти!
Спасли його — і сплять тепер солдати,
А далі захищати мусиш ти!»*

Недавно в российской программе «Время» промелькнул

сюжет: фашиствующие юнцы поджаривают на Вечном Огне сосиски. Без комментариев. Комментарии и были бы здесь той самой «банальностью». Строки Швеца куда действеннее:

«...А далі захищати мусиш ти!..»

Защищать?.. Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан?.. Или — непотворление злу?.. Или — не мешать?.. Философия Ортеги — у каждого своя истина? Или — не пытаться изменить мир, все предопределено?

Каждый выбирает для себя... Поэтесса Галина Швец отвергает все абстрактные «искания» ради жизни:

*«Боротись чи ні — значить бути тобі чи не бути:
Тут іншого вибору жодному з нас не дано!
Столиць у мерзоті в годину підступної скрути,
І тільки в Людини — одно!»*

Медленно оседает, рассыпаясь в прах, небоскреб, словно слепленный из песка. За несколько минут распадается то, что по замыслу должно было стоять десятилетия. Миллиарды людей видят это на экранах. Страх плетет свою паутину, мир балансирует «девочкой на шаре».

И опять бесстрашная Мудрость Женщины в ответ на терзания Гамлета-мужчины отвечает:

«...Тут іншого вибору жодному з нас не дано!..»

Поэт только тогда Поэт, если стоит на какой-то нравственной позиции. Даже если его творчество — искусство ради искусства, оно и тогда действительно своим сотворением Красоты, служением ей. Галина Швец не отвергает красоты слова. Ей, учительнице русского языка и литературы, сам Бог велел относиться к Слову, как к ребенку — бережно и ласково, но вместе с тем — требовательно.

И ее «дети-стихи» уходят в мир достойными вложенного в них труда.

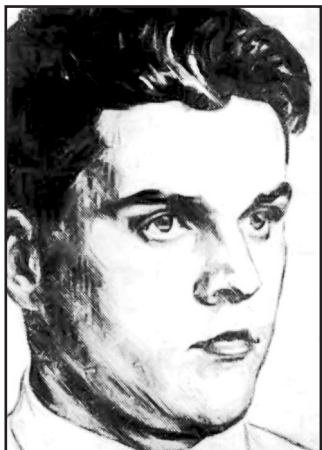
Столь часто варьируется в ее стихах: «А щастя те — просте, земне...», «Такі прості ви, людяні, звичайні...» (о руках), «Чи не тому він так бере за душу, що все в нім щире, людяне, просте?...», что в этом отгадываешь жизненное кредо. И сама поэтесса раскрывает истоки этой мудрости:

*«Вчила мати колись:
Не сумуй, не журись,
Як прийде в хату скрута чи горе.
Не заплющуй очей,
Не цурайся людей —
З ними всяку недолю побореш.
Разом з ними іди
Й не страшися біди,
Бо її у житті не минути.
Бережи з юних літ
Дорогий заповіт:
Із людьми слід людиною бути...»*

Поэзия Галины Швец выдерживает высшую проверку — на духовность. Апостолами, идущими в мир, чтобы проповедовать идеалы Любви, Добра, Красоты, видятся мне настоящие поэты. И если одного из них дорога неожиданно уводит туда, «где времени уже нет», ему на смену непременно рождается другой.

Сергій ЗВОРСЬКИЙ

«Український Пушкін» з трагічною долею

О. Влизько.

Серед яскравого сузір'я видатних українських письменників 20—30-х років XX століття, що згодом увійшли в історію національної культури як творці «розстріляного відродження» і які визначали неповторні, новаторські, енергійні й життєстверджуючі риси тогочасної української літератури, немов одинокий океанський айсберг виокремлюється непересічна постать талановитого поета Олекси Влизька. Непересічна насамперед тому, що це єдиний з тих майстрів художнього слова, кого ми відносимо до класиків вітчизняної літератури, який був глухим.

Доля відвела Олексі Влизьку лише 26 років життя, але він встиг, увірвавшись до української літератури сліпучим метеором, попри молодість, залишити в ній яскравий слід. Ім'я поета було добре відоме всім тогочасним шанувальникам української поезії поряд з іменами Павла Тичини, Максима Рильського, Володимира Сосюри, Андрія Малишка як надзвичайно плідного автора багатьох чудових творів, що друкувалися ледь чи не в усіх часописах України і майже щороку виходили окремими збірками й швидко розкуповувалися.

Потім був несподіваний арешт, швидкий судовий процес, розстріл і довгі десятиліття штучно створюваного забуття нав-

коло його імені. Лише в 1958 році, в часи так званої «хрущовської відлиги», влада, врешті, визнала, що Олекса Влизько був репресований незаконно, і помертню його реабілітувала. Але й досі тривалі роки замовчування даються взнаки, тому навіть в оприлюдненій у різних виданнях, включаючи й енциклопедії, лаконічній біографії поета зустрічається чимало неточностей і прогалин. Пояснюється це тим, що майже всі документи, що можуть пролити світло на життєвий шлях Олекси Влизька, були конфісковані чекістами під час його арешту і, швидше за все, знаходяться у важкодоступних для дослідників відомчих архівах.

Невеличка частина творчої спадщини О. Влизька зберігається в Інституті рукописів Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського (фонд 75). Цінним фактографічним джерелом в цій ситуації є спогади молодшого брата поета, Олександра — художника за фахом, опубліковані ним у книзі «Налятий сонцем (це і є мій брат, невигадааний Олекса Влизько)» (Київ, 1994). Там же вміщено й фрагменти відгуків літературних критиків на творчість Олекси Влизька, спогадів письменників з числа тих, хто знав поета і спілкувався з ним.

Олекса Федорович Влизько народився 17 лютого (за старим стилем — 4 лютого) 1908 року, а от стосовно місця його народження відомості разюче суперечливі: село Сигнаївка в Україні (часто цю назву помилково перекидають на Сингайку), російське місто Новгород, село Коростень (точніше, Коростинь) на березі озера Ільмень на Новгородщині, станція Боровйонка Крестецького повіту тієї ж Новгородської губернії. Як доведено дослідниками біографії і творчості Олекси Влизька, зокрема Ф. Степановим, майбутній поет народився саме на ст. Боровйонка (вона й зараз існує поблизу іншого залізничного вузла — міста Окуловки). Батько майбутнього поета після перебування у монастирі служив у той час у різ-

них парафіях дяком і псаломщиком, тож сім'я не могла похвалитися великими статками, радше навпаки.

Читати Олекса навчився дуже рано, вражав усіх гострою пам'яттю, початкову освіту отримував на Новгородщині, а з 1917 року — в Україні, в рідному батьковому селі Сигнаївка на Звенигородщині (нині Шполянський район Черкаської області), в сусідньому містечку Городище та селі Лебедин коло Чигирина — в гімназії, потім у вищій початковій школі. З семи років Олекса вже ніколи не розлучався з книжками, жадібно читаючи все, що вдавалося дістати. Особливо любив він читати твори Тараса Шевченка, багато з яких знав напам'ять і, звичайно, ті, що пов'язані з Шевченківським краєм — Черкащиною.

У 13 років хлопчика спіткала трагедія: узимку, рятуючи наймолодшого брата Авеніра, який, послизнувшись, упав в ополонку, Олекса вимок до нитки і застудився. До тяжкої застуди додалася скарлатина, епідемія якої в той час лютувала у селі. Семирічний Авенір від хвороби помер, а Олекса, з великими труднощами оклигавши від підступної скарлатини і отоларингіту, повністю втратив слух, поступово ставала нерозбірливою і його мова. Згодом у Києві йому зробили операцію, але слух не повернувся. Цю травму Олекса компенсував повсякденним розвитком пам'яті, неабиякою начитаністю: книга стала для юнака найважливішим джерелом формування освіченості, художньої та соціальної свідомості. З цього часу він не розлучався з зошитом і олівцем — і як засобом для спілкування, і для запису своїх перших російськомовних віршів.

Потяг до знань у Олексі був настільки сильним, що він здобув навіть вищу освіту, навчаючись у Київському інституті народної освіти (так тоді деякий час називався Київський національний університет імені Тараса Шевченка), на літературно-мовному факультеті. Як згадував у 1954 році в емігрантському часописі «Сучасна Україна» (Мюнхен) один з його

знайомих, глухота дивним чином тільки збільшила внутрішню духовну працьовитість О. Влизька і нітрохи не зменшила його органічний міцніючий зв'язок із життям (А.В. «Розмова на папері» — «Сучасна Україна», 5 грудня 1954 р., с. 7). Відомий письменник Леонід Первомайський, який був ровесником і приятелем О. Влизька, зазначав, що у рисах характеру юного поета «домінували енергія, безнастанне творче кипіння, рання зрілість, певність своєї сили». Одразу слід застережити, що незважаючи на те, що у багатьох публікаціях і спогадах Олексу Влизька характеризували як глухонімого, насправді ж, як свідчить його брат (якому не можна не вірити, адже він, як ніхто інший, найчастіше спілкувався з Олексою), мова в нього збереглася, хоч і не завжди розбірлива.

З 1924 року Олекса жив з матір'ю і братом Олександром у Києві, на Подолі, у порожній Воздвиженській церкві, обладнавши в ній для себе куточок. Жилося їм дуже важко, часто голодували, треба було платити попові за наданий притулок, великою проблемою було обігрітися взимку у холодній церкві.

У тому ж 1924 році юнак уперше поніс свої, написані ще російською мовою, вірші до редакції київського «Більшовика». Друкувався він також у маловідомому профспілковому журнальчику «Обмінюємось досвідом». На той час українську мову він знав погано, та й мати була росіянкою, невідомо взагалі, що спонукало Олексу повністю перейти на писання виключно українською мовою, але опанував він її швидко, не розлучаючись кілька місяців зі словником.

Перший вірш українською мовою — «Серце на норд» був опублікований наступного року в ілюстрованому журналі «Глобус» (№ 22), який редагував відомий письменник Борис Антоненко-Давидович. Саме він став «хрещеним батьком» Олекси Влизька в українській літературі. Багато корисного дала О. Влизькові дружба і запальні дискусії з поетом і прозаї-

ком Гео (Юрієм) Шкурупієм (1903—1937), з яким він познайомився під час купання на Дніпрі.

Перша поетична збірка юнака, заголовок якої він запозичив з відомого вірша Павла Тичини, вийшла у 1927 році і одразу була дуже високо оцінена критиками і громадськістю, відзначена третьою премією Народного комісаріату освіти УРСР.

«Коли вийшла Влизькова книжка «За всіх скажу», нам треба було зрозуміти, що всі ми початківці, а він поет», — згадував Л. Первомайський. Найточнішим, на нашу думку, у критичній оцінці збірки був тодішній діяльний критик Яків Савченко: «Я не знаю нічого кращого в українській поезії останнього десятиліття щодо такої шляхетності думок, такого міцного й суцільного пафосного піднесення і, нарешті, такої широти й людяності мислення. Це тим паче вражає, що Влизькові всього... 19 років».

Популярність збірки «За всіх скажу» була такою великою, що за недовгий час її було перевидано тричі. Того ж, 1927 року виходить друга збірка О. Близька — «Поезії». Він багато друкується у пресі, найчастіше — у футуристичному органі М. Семенка «Нова генерація».

Рання і досить несподівана слава, можливо, запаморочила юнакові голову і він пішов на авантюрну витівку, про яку, мабуть, сам потім жалкував. Того ж 1927 року у пресі вилися повідомлення, що О. Влизько потонув у Лебединському ставку (за іншими версіями — у Дніпрі). Ця новина справила приголомшливе враження на шанувальників красного письменства. Тогочасний провідний критик Володимир Коряк у некролозі в центральній харківській газеті «Комуніст» (2 серпня 1927 р.) нестримно оплакав смерть юного поета, говорячи про загибель на самому старті літературного життя «українського Пушкіна». Інші літературознавці ставили непересічний талант Влизька на один щабель з Байроном. Насправді ж Влизько, любитель містифікацій, просто імітував свою заги-

бель, бажаючи простежити реакцію громадськості й дізнатися про оцінку його, як поета, «з погляду вічності». Невдовзі він спростував звістки і некрологи про свою смерть весело-іронічною заявою в пресі про намір і надалі жити і творити, радувати своїх шанувальників новими творами (невипадково свою наступну збірку він так і назвав у властивій для себе манері — «Живу, працюю» (Харків—Київ, 1930).

Дворічна перерва між імітацією загибелі та виходом нової збірки була для Влизька не відпочинком, не творчою паузою, а щент наповнена наполегливим навчанням в інституті, повсякденним вивченням життя, участю в літературних гуртках, творчими поїздками на будівництво Дніпрогесу та на шахти Донбасу, де, до речі, працював його родич Іван Влизько. Побував поет разом з колегами по перу — М. Семенком, М. Терещенком, І. Фефером і в Німеччині (написавши по поверненню звідти збірку віршів «Hoch Deutschland» (1930), книгу шляхових нарисів-репортажів «Поїзди йдуть на Берлін» (1931), низку статей до часописів). У 1929 році Близько побував також на далекому Памірі, звідки привіз свої «Східні балади», збирався навіть у Китай «робити революцію». Як згадував потім Л. Первомайський, під час своєї подорожі по Паміру в 1932 році в далекому гірському поселенні йому розповіли, що тут вже побував Олекса Влизько, глухий поет з України, який один, без супроводжуючих, на коні проїхав важкими стежками у незнайомих горах сотні кілометрів. Але, як правило, у творчі відрядження він їздив з братом Олександром, який допомагав у спілкуванні і навіть ілюстрував обкладинки деяких книг Олекси.

Нові книги О. Влизька починають виходити одна за одною. Продуктивність і працьовитість молодого поета були просто вражаючими. Помітним художнім досягненням О. Влизька стала «Книга балад» (1930), яка приваблювала новизною, версифікаційною майстерністю її автора. Книжка вибраних поезій Влизька «Рейс» (1930) була видана й швидко розпо-

дана нечуваним для поезії того часу тиражем у 33 000 примірників! Через рік з'являється книжка його агітаційних віршів «Моє ударне», в яких певною мірою копіювалася творча манера В. Маяковського, до якого В. Влизько ставився з повагою і вважав своїм учителем. Останніми, передсмертними книжками О. Влизька були збірка поезій морської тематики «П'яний корабель» (1933), повна мужньої романтики моря і моряцького відважного фаталізму, з віршем «Рейд» у центрі, та лірично-філософська поема «Мій друг Дон-Жуан» (1934). Причому кожна наступна книга поета так різко відрізнялася від попередньої за стилістикою, жанром, технікою віршування, тематикою, начебто її написав зовсім інший поет. Він виступав і як лірик, і як пародист, і як прибічник класичної поезії, і як палкий прибічник нових літературних течій — футуризму, «виробничої поезії» — агітки тощо. В цьому — весь Влизько, невгамовний експериментатор, невтомний трудівник пера, оптиміст, романтик.

Мабуть, найкраще виявив себе поет у творах із морською тематикою, що нею — разом з Юрієм Яновським та Гео Шкурупієм — дуже збагатив новітню українську літературу. Його широковідомий вірш «Матроси», цікава задумом і виконанням «Іронічна увертюра» та багато інших поезій — це дуже цінний матеріал для хрестоматій, тематичних збірників та інших видань для масового читача, зокрема для учнів і студентів.

«Коли шукаєш найкоротше і найточніше слово для визначення головного джерела Влизькової творчості, знаходиш тільки одне — як це не парадоксально звучить стосовно глухонімого поета — музика», — писав Л. Первомайський.

Справедливо кажуть, що талановита людина — талановита в усьому. Крім поезій, О. Влизько пробував свої сили і як художник, графік — в оформленні книжок. Наприклад, виконана ним обкладинка до збірки поезій О. Лана цікава оригінальним конструктивістичним трактуванням.

У листопаді 1934 року прийшла нова біда: поета за брехливим обвинуваченням було заарештовано. Через лічені дні, майже одразу ж після провокаційного вбивства 1 грудня в Ленінграді відомого партійного діяча С. Кірова, з Москви до Києва прибула спеціальна група високопоставлених слідчих і юристів з одним-єдиним завданням — «викорінення ворогів народу». Судила Влизька, абсолютно цивільну людину, разом з 28-ма представниками української культури, виїздна сесія військової колегії Верховного Суду СРСР під головуванням В. Ульріха, який «прославився» тим, що майже завжди виносив підсудним смертні вироки. Олексу Влизька звинуватили у тому, що він як... «білогвардієць» готував «терористичні акти». Абсурдність цих звинувачень є цілком очевидною, адже в часи «білого руху» — російської монархічної армії Олексі було лише 10—12 років, пізніше він був тільки комсомольцем, однак для закулісних режисерів судового «спектаклю» це не мало ніякого значення, смертний вирок був проштампований задалегідь. 15 грудня чи у ніч з 16 на 17 грудня (за іншими даними — 26 грудня) того ж року Олексу Влизька разом з відомими українськими письменниками: Григорієм Косинкою, Іваном Крушельницьким, Дмитром Фальківським, Костем Буревієм та іншими було розстріляно в підвалах колишнього Київського інституту шляхетних панянок (нині — Міжнародний центр культури і мистецтв по вул. Інститутській, більше відомий як Жовтневий палац) (див. «Вирок військової колегії найвищого суду СРСР у Києві в справах терористів-білогвардійців», «Вісті ВУЦВК», 18 грудня 1934 р.). Місце поховання страчених — невідоме, швидше за все це ліс поблизу с. Биківня на північній околиці Києва.

Усі Влизькові книжки, журнали, де він друкувався (а це були майже всі українські часописи того часу, включно з «Літературним ярмарком» Миколи Хвильового), були знищені разом з поетом. Робилося все для того, щоб імена талано-

витих українських діячів культури, що увійшли в історію як творці «розстріляного відродження», були викреслені з пам'яті народу. Як наслідок, вже через чверть століття стало важко скласти навіть звичайну біобібліографічну довідку про поета, що так недавно хвилював тисячі сердець і був на устах у всіх. Публікація творів О. Влизька довгий час була можлива тільки за межами СРСР, зокрема, вже в часи Другої світової війни, у 1942 р. у польському Кракові Святослав Гординський видав книжку вибраних віршів поета «Серце і вогонь».

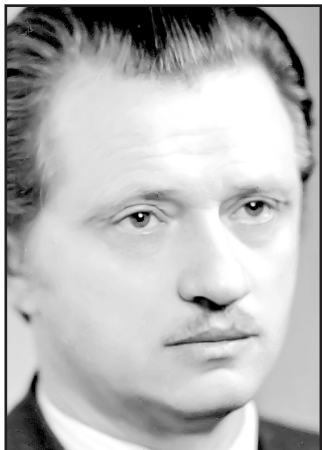
Після посмертної реабілітації О. Влизька в Україні знову стали час від часу виходити невеличкі за обсягом збірки його творів, зокрема: «Вибрані поезії» (1963), «Вогонь любові» (1968), «Вибране» (1988), деякі його вірші включаються до антологій, хрестоматій, шкільних програм. Олекса Влизько через десятиліття штучно створюваного забуття знову повертається до свого народу.

Доля відвела О. Влизьку лише 8 років літературної творчості. Але те, що встиг здійснити за цей час глухий поет, який жив і творив в умовах голоду, холоду, побутової невлаштованості, — це справжній подвиг нескореного духу, сталевोї волі, високих ідеалів, подвиг, на наш погляд, й досі не оцінений належним чином.

...Через п'ять років Україна відзначатиме 100-річчя від дня народження Олекси Влизька. Маємо сподівання, що до ювілею буде видано найбільш повне за всі часи зібрання його творів, відбудуться урочисті збори у Спілці письменників України, можливо буде, нарешті, встановлено меморіальну дошку на будинку по вул. Стрілецькій у Києві, де у підвальній квартирі жив у останні роки О. Влизько (такі спроби вже робилися раніше, але без успіху), випущено поштову марку, здійснено інші заходи по вшануванню пам'яті поета. Бажано, щоб до цих акцій долучився й УТОГ. На нашу думку, найкраще, що може зробити УТОГ задля увічнення пам'яті глухого кла-

сика вітчизняного письменства — це встановити, можливо, в кооперації зі Спілкою письменників України, літературну премію імені Олекси Влизька для відзначення творчості кращих письменників із фізичними вадами, зрозуміло, з усіма належними атрибутами — певною сумою грошей, дипломом лауреата, нагрудним знаком, широким висвітленням цієї події у ЗМІ, а також опублікуванням творів лауреатів. Ми, можливо, й самі не усвідомлюємо, скільки в Україні є талановитих творців-інвалідів, тож встановлення такої спеціалізованої літературної премії матиме для них величезне стимулююче значення, сприятиме виявленню нових непересічних особистостей, що визначатимуть інтелектуальне, літературне обличчя України XXI століття.

Лекарственные травы Анатолия Симоненко

А.Ф. Симоненко.

Сразу хочу объяснить благосклонному читателю, что травы Анатолия Федоровича Симоненко никоим образом не сродни тем, которые можно купить в аптеке, собрать самому или, в крайнем случае, приобрести у какой-нибудь бабки-шептухи, — его травы не имеют ни запаха, ни цвета. Их невозможно сорвать или потрогать... Но их можно прочесть, можно наслаждаться их звучанием и слоговой ритмикой, восторгаться гармонией слов, ибо травы поэта — его стихи. Они несут в себе особую силу, излучают особую энергетику, имеют для него особые целительные свойства:

*«Стихи мои — лекарственные травы,
Я собирал их в трудные года.
Стихи мои — не ради легкой славы,
А были мне — как в голод лебеда...»*

Какой удачный образ! Человек, понимающий любящий поэзию, этот образ легко поймет и примет, как принимаю его я, потому что знаю истинную ценность этого растения, спасшего во время голодовки жизни тысяч людей.

Если следовать этому образу, то легко догадаться, что скрывается за фразой — «я собирал их в трудные года». Омрачен-

ное войной детство будущего поэта стало ещё более мрачным, когда ему пошел 9-й год — тяжело переболев менингитом, юный Толя полностью потерял слух. Начиная с этого периода, у оглохшего мальчика началось другое, качественно иное детство. Да что там детство — жизнь! И, тем не менее, у него хватило силы воли, выдержки, мужества и прочих мужских и человеческих качеств, которые делают человека, пусть и глухого, вполне нормальной и достойной личностью. Беда его не сломала и не довлекла над ним — не было никакого угнетающего воздействия на его психику и развитие. Гораздо позже по этому поводу, будучи уже взрослым, немало испытывшим и повидавшим в жизни, Анатолий Федорович с гордостью, я бы даже сказал, с некоторым вызовом, в стихотворении «Горение» напишет:

*«Мне глухота не омрачает счастья —
Гореть, идя сквозь время напролом.
Я за людей собой могу ручаться, —
Не я, они построили мой дом!»*

И опять образ: дом, который построили поэту люди, не следует трактовать буквально, ибо это не дом в привычном для нас понимании. Здесь имеется в виду атмосфера, сложившаяся вокруг поэта, — и не просто какая-то там заурядная атмосфера, а атмосфера доброжелательности, помощи, заботы, — и это все вместе взятое помогало глухому человеку успешно решать жизненные проблемы, справляться с трудностями практически любого характера, возникавшими у него на пути.

Однако вернемся к периоду его детства. По причине глухоты Толя вынужден был оставить массовую школу и перейти в Харьковскую спецшколу для неслышащих детей, которую он окончил с отличием в 1953 году. Затем была учеба в техникуме физкультуры — и опять диплом с отличием. Неуемная жажда знаний, неподдельный интерес к новому, неизведанно-

му, страсть к познанию жизни и постоянное стремление занимать активную жизненную позицию привели юношу в Харьковский педагогический институт им. Г. Сковороды, который он тоже окончил вполне успешно.

Вряд ли стоит говорить здесь о нем, как о незаурядном спортсмене, — в прошлом двукратном чемпионе Олимпийских игр глухих и рекордсмене мира по прыжкам в длину и с шестом. О его спортивных заслугах знают все.

Следует сказать — хотя и это не новость — что в жизни у Анатолия Федоровича, помимо спорта, была еще одна страсть — поэзия, а если говорить конкретно — поэтическое творчество. Однако, как известно, с годами спортсменов, пусть даже самый выдающийся, вынужден оставить спорт, уступая дорогу молодым — более сильным и здоровым. А вот что касается поэзии — то эта страсть остается на всю жизнь, с годами не увядая и не ослабевая. По крайней мере, у Анатолия Федоровича она не ослабевает, более того, с годами она стала всепоглощающей, и он отдает ей львиную долю своего свободного времени.

Впервые поэтический голос Анатолия Симоненко зазвучал в 14 лет. Я не так уж давно знаком с ним — порядка 12 лет — и, к сожалению, его ранних стихов не читал, и по этому поводу не могу сказать ничего конкретного. Знаю только, что на раннем этапе творчества его иногда критиковали. Так что разное случалось на его творческом пути — были и удачи, и неудачи (что характерно для любой творческой личности), поэтому все, написанное им, не всегда воспринималось однозначно. А написал Анатолий Федорович за весь свой творческий, период сотни стихов и две поэмы — «Тишина» и «Духовный свет».

О чем же пишет поэт? Что волнует его? На что обращает внимание? Какой тематике отдает предпочтение? Ответ краток: Анатолий Симоненко пишет практически обо всем — здесь и лирика, и социальные мотивы, и вопросы нравствен-

ности, и рассуждения на политические темы, и стихи о Родине (о малой Родине в частности — например, стихи «Волчанск», «Улицы Харькова», «Происхождение» и другие). Автор открыто говорит о своих привязанностях, о своей любви к родным краям, которые находятся одновременно и в Украине, и в России (его отец — выходец из России, и это обстоятельство повлияло на воспитание сына и формирование его взглядов).

Реки, деревья, бескрайние нивы и поля — все то, с чем ассоциируется понятие «Родина», уже само по себе для него близко и дорого:

*«Украина — кровь моя и сердце,
а душа — в воронежском краю.
Мне всю жизнь глядеть не наглядеться
на большую Родину мою».*

Крайне проникновенны стихи Анатолия Симоненко о дружбе и любви. Открытость поэта проявляется в них просто и непринужденно. Теме любви посвящен целый раздел его книги, включающий в себя 27 стихотворений. В него вошли стихи разных лет, начиная с юношеского периода. Раздел получил свое название по одноименному стихотворению, вошедшему в него. Он так и называется — «Любовь земная». Вот концовка из стихотворения:

*«Мы с тобой — как рельсы на разъездах:
сходимся — расходимся — бежим...
Встречам нет ни времени, ни места,
но союз любви нерасторжим...»*

В стихах поэта присутствуют мотивы и ревности, и привязанности друг к другу любящих людей, и вынужденной разлуки, наравне с мотивами измены любимой, её непостоянства и ветренности. Все эти страсти — будь то радости или страдания

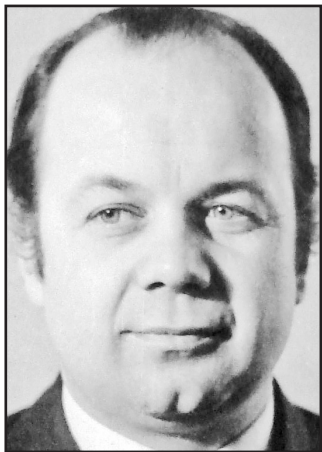
— он пропускает через свое сердце, то радуясь и восторгаясь, то жалуясь, скорбя и негодуя.

Цикл стихов с лирически-философским уклоном собран в разделе «Животворность». Это наиболее обширный раздел, насчитывающий 42 стихотворения.

Трудно на ограниченной площади дать развернутую оценку творчества поэта. И как бы я ни расхваливал — или наоборот — ни критиковал его, я все-таки останусь субъективным в своих рассуждениях и мнении, хотя и пытаюсь быть максимально беспристрастным. Читателю нужно самому прочесть его стихи. Хочется надеяться, что в недалеком будущем такая возможность у почитателей творчества поэта появится, ибо Анатолий Федорович уже подготовил к изданию свою книгу лирических стихов (о стихах из этой книги и идёт речь) под не менее лирическим названием «Теплынь», состоящую из трех разделов: «Лекарственные травы», «Любовь земная» и «Животворность».

Книга вышла в 2005 году и доставила радость как неслышащим, так и слышащим ценителям и любителям поэзии.

Не бійтесь завтрашньої днини

М. Мачковский.

Писати схвальний відгук про творчість поета — приємно. Писати про творчість відомого поета, та ще й земляка — приємно вдвічі. І не тільки тому, що в даному випадку мене, автора цього нарису, єднає з літератором спільний край — наша Хмельниччина, на якій ми обидва колись прийшли у цей світ, а і все те, що притаманне людям, які живуть або жили на цій землі, а також і те, що ми — майже ровесники: я народився напередодні Великої Вітчизняної, поет же — невдовзі після її спалаху. Ду-

маю, я не грішитиму проти істини, якщо скажу, що і поет, і я значною мірою зберігаємо у пам'яті часи повоєнних літ, пережили голодний неурожайний сорок сьомий рік і скрутні часи на селі в подальші роки. На нашому віку всього було... Для молодших поколінь усе це видається трохи не древньою історією, а ми її свідки і водночас — її учасники, хоча і опосередковані. Тоді нам годі було й думати про модне вбрання, яким нині часто-густо хизується не тільки задеркувата юнь, але й школярики початкових класів, чим викликають заздрісні погляди своїх товаришів, для котрих модна, з викликом, одіж не по кишені їхнім батькам. Часи нашого і старшого поколінь набагато трагічніші і драматичніші:

*«Ну, звісно, нам жилося не по моді:
Одежина, що ледве прикрива.*

*Та конячина... їй сльозу на морді
Втираю недоноском рукава.
Останню сотку скоро доорю я,
А прохачі-удови — звідусіль.
Не дивляться, яке у мене руб'я,
Як плечі роз'їда утоми сіль».*

Зверни увагу, шановний читачу, на рядок: «Втираю недоноском рукава». Не рукавом, а лише його недоноском. Ось таке було життя, причому часто навіть у тих, хто багато і важко працював. І хоча основою для цього вірша («Одіж 1946-го») поетові Миколі Антоновичу Мачківському, про творчість якого тут йдеться, послужив спогад його односельця, я впевнений, що щось подібне він і сам міг бачити. В ті роки, у повоєнне лихоліття, таке явище було досить частим — особливо у сільській місцевості, коли бідні вдови, чоловіки яких полягли в боях не тільки на рідній землі, але і в країнах Європи, наодинці мучилися зі своїми повсякденними бідами та клопатами, серед яких клопіт про свій город був найголовніший, бо власний клаптик землі гарантував усій сім'ї виживання.

Земля для селянина — усе. А оскільки поет народився у селі і його батьки були хліборобами — то він з молоком матері убрив у себе вічну любов до землі-годувальниці. Ця тема завжди була близька поетові, навіть незважаючи на те, що він, будучи ще зовсім молодим, майже юним, покинув рідну домівку і подався хай в недалекі, але невідомі світи.

У поета поняття землі та поля — невід'ємні одне від одного, їх можна трактувати як синоніми. У його збірці поезій «Вибране», яку пан Микола люб'язно мені надіслав, на цю тему є низка віршів: «Золота барва», «Подільський зяб», «Уроки поля», «Біла повинь гречок». Лише поет з образним сприйманням світу, з метким оком художника, по-філософськи, не без світлої туги, може ділитися ось такими своїми думками та враженнями:

*«Квітує гречка... Мов чиєсь весілля
Бунтує на околиці села.
А в орача, який ту гречку сіяв,
І голова, як гречка, зацвіла».*

Точно підмічено і гарно сказано.

Я вперше познайомився з поезіями і поетичним світом Миколи Мачківського, коли переглядав збірку віршів нечуючих авторів «Живий дош», що вийшла друком у видавництві «Радянський письменник» у 1983 році. У ній поетична творчість Миколи Антоновича представлена доробком із 16 поезій.

Не знаю чому, але мені до цього думалося, як я вже казав раніше, що поезія — то справа чуючих, а для людей з вадами слуху цей різновид творчості — ізольований, відгороджений від них, оскільки у них відсутнє звукове сприймання довколишнього світу. Але коли я прочитав ту збірку, мені стало прикро за таку упереджену думку — бо серед поезій деяких авторів я знайшов дійсно талановиті речі, написані на високому художньому рівні. І я зрозумів: ці люди сприймають недоступний їм світ звуків душею — у них брак слуху компенсується внутрішнім відчуттям і, можливо, добре розвинутою уявою.

Я був також приємно здивований тим, що нечуючим людям доступна вища освіта взагалі, і обраний ними фах — зокрема. Знайомлячись з короткою біографічною довідкою Миколи Антоновича, я навіть по-доброму позаздрив йому, позаяк він, нечуючий, спромігся здобути професію журналіста, закінчивши університет ім. І. Я. Франка у славному місті Лева.

Професія журналіста — це моя блакитна мрія у роки моєї юності. Щоправда, для того, щоб працювати в газеті чи журналі, або взагалі вміти писати, як мені говорили мудрі люди, — не обов'язково закінчувати факультет журналістики, бо в даному випадку все визначається мірою природного обдарування чи схильності людини до такої роботи. І все ж, і все ж...

І все ж Микола Антонович, а в ті роки — просто Миколка, втративши слух, не втрачав надії на краще майбутнє. Хлопчина розумів, що воно, оте майбутнє, залежить, здебільшого, від нього самого, воно — в його власних руках. Учився у спецшколі для дітей з вадами слуху. Потім — працював у колгоспі, згодом — на спорудженні Кам'янець-Подільського цукрового заводу. А вчитися далі йому кортіло, ой як кортіло. Його давно вабила магічна сила Слова, бо Слово — провідник думок, за його допомогою думки можна донести до свідомості співрозмовника, групи людей, колективу, громади. Юнака зачаровувала гармонія слів поезія. Вона манила його душу і уяву, кликала до свого оманного світу, тихесенько обплутувала його душу своїми тенетами і міцно-міцно тримала. Юний Микола усвідомлював своє становище бранця і нічого не робив, аби звільнитися. Навпаки, він робив усе можливе, щоб його залежність від Слова приносила йому насолоду. А тим часом незвичайний бранець таємно плекав надію перебрати на себе управління Словом, підкорити його і повелівати ним. Цього прагнуло все його єство.

«Шукайте — і знайдете», — сказано в Біблії. Юнак шукав — шукав можливості вчитися, і знайшов вуз, який був йому до вподоби. Він закінчив його, здобув фах журналіста і став працювати в редакції газети в одному з районів Хмельниччини.

Я трохи обізнаний з особливостями роботи газетяра, оскільки в юнацькі роки був позаштатним кореспондентом «районки» і водив дружбу з її молодими працівниками. Вони мені багато чого розповідали зі своєї практики. Тому, коли я прочитав вірш «Попутка», написаний газетярем і поетом Мачківським, згадав розмови про неспокійне життя журналістів, котрим постійно бракує часу і котрі завжди кудись поспішають.

*«Попутко, хай погода чи негода,
На тебе кваплюсь — втома у ногах.*

*Як мчала ти! Було спиняти шкода,
Та зваж, є діло... Попереду — шлях!*

*І ти не відмовляла в тім проханні,
Яка б не колобродила пора.
З-за лісу вилітала — гостя рання —
І виручала знов газетяра».*

У цьому вірші поет вдається до такого стилістичного прийому, як персоніфікація — залізна машина раптом стає живою істотою, яка допомагає людині. Автор, звичайно, вдячний не залізному агрегатові, а водієві, який сидів за кермом, і просто по-людськи відгукнувся на прохання подорожного підвезти.

Свої перші вірші поет Микола Мачківський, як написано у вступному слові до збірки поезій «Вибране», опублікував у таких поважних газетах як «Літературна Україна» та «Сільські вісті». Але тут треба зазначити, що нечуючий автор друкувався, хоча і пізніше, також і в газеті Українського товариства глухих «Наше життя». Правда, його публікації у «НЖ» носили епізодичний характер. Поет також друкував свої поетичні твори в не менш шановних часописах — «Дніпро», «Ранок», «Україна».

Пан Микола — досить плідний літератор. Протягом усього свого творчого життя він видав ряд поетичних книг: «В житях», «Червоний рушник», «Зав'язь доброти», «Осіння радість», «Розімкнуте коло» та інші.

А протягом останнього десятиліття, як пише поет в адресованому мені листі, він працює в прозі. Вже написані та випущені у світ його дві книги — художньо-документальна повість «Сорокодуби» та художньо-документальний роман «Пароль — «Проскурів». Назва першої книги походить від назви села Сорокодуби, що в Красилівському районі на Хмельниччині, де народився поет-воїн Володимир Булаєнко, який за-

гинув смертю хоробрих на фронтах Великої Вітчизняної війни. За цю повість авторові була присуджена обласна література премія ім. Володомира Булаєнка. «Повість «Сорокодуби», — як пише Микола Антонович, — принесла мені велику творчу радість. Я одержав на неї дуже теплі відгуки від таких відомих письменників як Дмитро Білоус, Олекса Ющенко, Микола Вінграновський, Борислав Степанюк, Іван Сочивець, Олександр Матійко, Степан Крижанівський, Дмитро Іванов, Валентин Чемерис, Богдан Мельничук та інші». Книга настільки вдало написана і настільки цінна за змістом, що київський академік Георгій Почепцов попросив автора надіслати йому два примірники для передачі їх до Національної бібліотеки Німеччини. Прохання було задоволено, і зараз книжковий фонд згаданої бібліотеки у місті Мюнхені збагатився на два примірники літературного твору нечуючого українського письменника Миколи Антоновича Мачківського.

А за роман «Пароль — «Проскурів» Миколі Антоновичу була присуджена міська премія ім. Богдана Хмельницького. Роман був позитивно оцінений критиками, про що свідчать публікації в «Літературній Україні» та в деяких обласних газетах.

Микола Мачківський завершив працю над історичним романом «Чорний дяк», у якому розповідає про свого земляка Ісайю Кам'янчанина, котрий жив у XVI столітті. Роман складається з двох книг.

Але як би літератор не був перевантажений працею над прозовими творами, як би не був обтяжений обов'язками редактора прози та поезії у Хмельницькому державному видавництві «Поділля», він завжди знаходить часину для роботи над поетичним словом, бо у віршованій формі прагне донести до читача свої думки про наше сьогодення, яке певною мірою таке ж драматичне, як і в роки його і мого дитинства. Воно драматичне — але не трагічне. І це головне.

Мине час, і Україна набереться вдосталь сил, аби гідно йти

впевненим кроком по обраному нею шляху, пильно вдивляючись у потаємні сутінки третього тисячоліття, позбуваючись всього зайвого, недоброго, огидного, брудного, яке на шарувалось за останні 80–90 літ. Не треба боятися майбутнього. Наша доля — в наших руках, бо якою ми її викреслимо, такою вона і прийде до нас. Очищаючи наші душі, будемо вірити і сподіватися на краще, адже завтрашній день — день нашого становлення і зросту. Про це і пише нечуючий майстер прози і поетичного слова з Поділля:

*«Не бійтесь завтрашньої днини —
Усеньку ніч спокійно спіть:
Най все недобре з тіла плине.*

*Хай набирається у грудях
Джерельце, повне чистоти,
В яким — ні крапельки бруду,
З яким здоровшати, рости!..»*

Микола Антонович відзначив свій черговий ювілей. Це той вік, коли людина подумки оглядає свій пройдений шлях і дає критичну оцінку зробленому, створеному, досягнутому: А чи варто було жити? Що залишиться нащадкам? І що я в змозі ще зробити для них?

Мій землянин — поет і прозаїк Микола Антонович Мачківський — може пишатися своїм і життєвим, і творчим шляхом. На сьогоднішній день у нього за плечима — 35 років роботи в пресі. Він обіймав посаду редактора Білогірської районної газети, був літературним редактором і літконсультантом обласних газет. У свій час — завідував кабінетом молодого автора при обласній організації Спілки письменників України. А ще — більше 10 років очолював обласну літературну студію «Подільські джерела», заслуживши щире подяку багатьох поетів-початківців — оскільки допо-

міг їм звестися на ноги, зорієнтувавши їх у пошуках власної стежини у світ поезії.

Закінчуючи свою розповідь про М. А. Мачківського, не можу не процитувати його короткий, але ємний вірш «Надія», сповнений глибокої філософської думки, яка відображає духовну суть автора. У вірші, як мені здається, — сконцентрований погляд поета на життя, згусток його роздумів про вічне. Саме така поезія торкається душевних струн людини, хвилює її уяву...

*«Скороминуще плаче у мені,
А вічність, нестаріюча, несплинна,*

*Від сходів і до згаслої стерні
Оддаєки тріпоче, як хустина.
На цьому несходимому лану,
Де клопітно щоднини гречкосію,
Скороминущість власну не клену —
Розтану сам — лишу свою надію!»*

Оце і є справжня Поезія!

Ирина ДУЦЕНКО

Под знаком Девы

И. Дуценко.

Я родилась под знаком Девы в городе Балта Одесской области, но помню себя только в Одессе.

Мой отец был самым первым звукооператором Одесской киностудии. Тогда еще кино было «великим немым», и папа «научил» его говорить, за что и вошел в историю кинематографа. А вот меня после перенесенного менингита так и не смог ввести в мир звуков, хоть и изобрел для меня такой звукоусилитель, что было слышно «на другом конце Одессы». Но я и без слуха пошла по его стопам

и, как и он, проработала на киностудии 30 лет.

Мама была по специальности инженером-химиком, но на работу не устроилась и посвятила себя семье. Она была очень хорошей мамой, читала мне книжки, заказывала красивые платья у портнихи тети Сони, и водила гулять в сквер к памятнику Воронцову. Однажды она вела меня за руку по улице, и я увидела группу жестикулирующих людей. Я засмотрелась на них и спросила маму: «Кто это?»

— Не смотри на них, это глухонемые! — ответила мама и торопливо повела меня дальше.

Я шла и все время оглядывалась на странных людей. Могла ли я тогда знать, что ровно через месяц после этой встречи сама потеряю слух после болезни и стану очень плохо говорить. Мне тогда было семь лет, врачи успокаивали родителей, что со временем слух восстановится.

Я ждала и надеялась, жду и по сей день, но он все не восстанавливается...

После болезни мне пришлось очень долго сидеть дома. Но я к тому времени уже умела хорошо читать. Перечитала все детские книжки, а потом взялась за папину библиотеку. Большую радость мне доставляли стихи Пушкина, Лермонтова, Жуковского. У меня была хорошая память, я легко запоминала стихи, и музыка рифм звенела в моей душе.

Несколько лет я занималась по учебникам дома, сама пробовала сочинять стихи и увлекалась рисованием. А потом поступила в Одесскую школу № 91 для глухонемых детей, сразу в пятый класс. Школа была очень далеко от дома, транспорт туда не ходил. На дорогу в школу и обратно приходилось тратить ежедневно больше двух часов. Но я к этому привыкла, мне нравилось, что по дороге можно было сочинять стихи. Печататься я начала в седьмом классе, в газете «Юный ленинец».

Во время учебы в школе посещала художественную студию и кружок юного автора при Одесском дворце пионеров. Там были замечательные руководители, которые меня очень поддерживали.

После школы поступила в художественное училище на отделение керамики. Учиться было очень интересно, с однокурсниками общалась совершенно свободно. Дипломную работу — три расписных блюда на тему «Русские сказки» я защитила на «5», и мне предлагали остаться работать на фарфоровом заводе. И в то же самое время я получила приглашение на Одесскую киностудию, где срочно требовался художник. Я выбрала последнее, вот так и вышло, что на второй день после получения диплома я стала работать в кино.

Мне сразу оказали большое доверие: поручили рисовать заголовки и надписи для кинофильмов, что требовало грамотности и большого внимания. А потом я стала работать над научно-популярными мультфильмами, что требовало общения

с режиссерами, консультантами, операторами. Для каждого фильма у меня была особая тетрадка, в которую они писали все, что относилось к кадрам, и, что самое интересное, все были уверены, что так и положено — не объяснять словами, которые часто забываются, а записывать четко и понятно.

Был у меня и свой ритуал: придя утром на работу и сев за стол, сначала — написать маленькое стихотворение, а потом уже погружаться во все сложности комбинированных съемок.

Мультфильмы были на разные темы: медицинские, сельскохозяйственные, технические. Вместе с режиссером часто приходилось ездить в командировки, делать зарисовки и фотоснимки в шахте, на электростанции, в больнице, в заводских цехах. Надо было разбираться в механизмах и сложных чертежах. Мне много помогали операторы, которые снимали мои заготовки. Однажды сделала для Донецка мультфильм «Угольные комбайны». Оттуда мне передали благодарность и «большой каменноугольный шахтерский привет». Как я была рада!

Со временем мне присвоили первую категорию художника-мультипликатора научно-популярных фильмов. На Доске почета была моя фотография, увеличивалось количество грамот и благодарностей. И никто не задумывался над тем, как же мне удастся на такой ответственной работе обходиться без слуха...

Одно время я по совместительству работала внештатным автором телестудии, готовила лирические репортажи о природе, юморески, заставки к детским передачам. В этом мне помогал мой муж — художник В. Людвик, который делал рисунки и фотографии. Однажды нам поручили сделать репортаж о детской музыкальной школе, не посчитавшись с тем, что мы не слышим музыки. И, что самое удивительное, в итоге все остались очень довольны результатом.

Через всю мою жизнь проходит увлечение поэзией. Печа-

талась в газетах, журналах, коллективных сборниках поэтов УТОГ. По натуре я — неисправимый оптимист. И, несмотря на жизненные невзгоды, каждый день нахожу для себя хоть маленькую радость. А самая большая радость для меня бывает тогда, когда в газете печатают мои стихи...

Редактор и... просто женщина

*«Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья».*

А. ПУШКИН.

Н. Каменская.

Эти строки классик российской поэзии посвятил своей жене, своей музе, своей Натали — Наталии Николаевне Гончаровой. И такие же возвышенные слова нам хочется повторить в адрес другой женщины, полной тезки жены поэта — тоже Натальи Николаевны; только фамилия у нее другая — Каменская.

Удивительно милая, добрая, улыбающаяся, порой смешливая, обожающая юмор, талантливых людей и цветы... И вместе с тем — серьезная и уравновешенная, обладающая сильной волей, целеустремленно и настойчиво добивающаяся воплощения своих планов. Впрочем, ее работа к этому обязывает — вот уже около 20 лет она трудится на нелегком и требующем полной отдачи посту редактора газеты «Наше життя» Украинского общества глухих. Нелишне будет здесь упомянуть, что эта газета — единственная в своем роде, другой такой пока никто в Украине не издает. Так что и должность у нее — по-своему уникальная и, согласитесь, совсем не женская.

Здесь требуется многое: знания, эрудированность, начитан-

ность, умение вникнуть в суть событий и «подать» материал. И, конечно же, умение выслушать человека, понять его и передать его мысли другим. А если учесть, что чаще всего, собеседниками являются люди с недостатками слуха, которым трудно найти общий язык с окружающими, — становится понятно, насколько уникальным по характеру и душевным качествам должен быть редактор газеты для глухих.

Вместе с тем, Наталье Николаевне, как и редакторам других газет, часто приходится решать нелегкие организационные вопросы, когда времени «в обрез», срывается выпуск очередного номера и надо найти единственно правильный выход из тупика.

При этом она предпочитает действовать не командным методом, а путем собственного примера. Коллектив редакции небольшой, и поэтому редактор — не начальник, а основная действующая сила, задающая темп работы остальным. Львиная доля времени уходит на правку материала и формирование очередного номера. У многих это приходит с возрастом, с опытом работы, у Натальи Николаевны — это врожденный талант от Бога.

И проявился он не сразу, не вдруг. Многое в ее жизни осмысливается по-другому, когда понимаешь, что это была «подводка», подготовка к основному, главному. Эти случайные и неслучайные совпадения в судьбе начались с самого дня рождения, появления на свет в самом начале сентября того памятного года, когда человек впервые вырвался из объятий земного притяжения.

Сентябрь — самый богатый и щедрый месяц в году и люди, рожденные в этом месяце, такие же богатые и щедрые натуры — душой, внешностью, обаянием, умом и добротой. А главное — они не останавливаются на достигнутом и стремятся сделать еще больше.

Такова и наша Наташа. Родители ее приехали в Киев из разных областей Украины, здесь устроились на работу, позна-

комились и создали семью. Вначале они жили в общежитии, затем в гостинке и только когда Наташе шел десятый год, переехали в отдельную квартиру. С детства девочка привыкла к трудностям быта, росла неизбалованной и очень ласковой. «Люблю дуженько!» — часто повторяла она и крепко обнимала родителей или пришедшего в гости человека.

В младенчестве Наташа много болела, и в раннем возрасте частично потеряла слух. Бабушка со слезами часто вспоминала, как только начавшая ходить Наташа откликалась на ее зов вон с того конца большого огорода. А сейчас — зови не зови...

Родители работали посменно, и часто девочке приходилось оставаться одной дома. С садиком не сложилось — бессердечная воспитательница наказывала девочку за то, что она не просыпалась вместе со всеми детьми после дневного сна. А ведь она просто не слышала...

Вытерпев несколько раз несправедливое наказание, Наташа заявила родителям, что в садик не пойдет. Вот так и тянулись дни — ключ на шее, обед на плите и жди, пока не придут со смены мама или папа.

Детство, проведенное в гостинке — как в большой коммунальной квартире, где все дети дружно играли, шалили и занимались рисованием на ящиках для картошки, стоявших в длинном общем коридоре, — научило Наташу дружить и ладить с людьми. Дружбу с одной из своих подружек — Ирой Коберник — она поддерживает до сих пор, спустя более 30 лет после того, как их гостинку расселили. Переезд в новую квартиру и разлуку с друзьями Наташа перенесла тяжело — на новом месте дети ее дразнили, и дружба с ними не получилась.

Уже тогда, во время стихийных занятий рисованием в компании друзей по гостинке, проявились у Наташи способности к рисованию, которые, впрочем, никто особо не развивал — не до того было. Лишь иногда папа брал на прогулку блокнот и рисовал что-либо по заказу дочери. Девочка внима-

тельно следила за его движениями. С таким же интересом следила она за тем, как отец проявляет и делает фотографии в домашней фотолаборатории, как на белой фотобумаге под действием проявителя возникают знакомые лица и пейзажи... Кто знал, что спустя годы эти способности к рисованию пригодятся ей в работе?

А еще были походы всей семьей в Голосеевский парк и дальше — в лес: за грибами, ягодами, целебными травами и... хорошим настроением. На крутых склонах Голосеева Наташа впервые встала на лыжи. Очень много хороших, добрых воспоминаний связано в их семье с этим уникальным зеленым оазисом, располагавшимся через дорогу от их гостинки.

Лето Наташа проводила в селе — то у одной, то у другой бабушки, поэтому с сельской работой знакома не понаслышке. Прополка, сенокос, уборка урожая, уход за домашней живностью — ко всему с детства привычны ее руки и никакой работы она не гнушается.

Больше всего Наташа любила слушать рассказы старших, их воспоминания о былом (не здесь ли берет начало умение внимать чужим рассказам и запоминать). А еще любила, когда сельчане пели народные песни — простые, мудрые и вечные. Жаль только, что случалось это не часто — работа и заботы оставляли мало времени для праздного песнопения.

Особый разговор — о школе. Гостинка, в которой росла Наташа, находилась на улице Сеченова, совсем рядышком со школой для слабослышащих детей. Иногда она с подружками встречала во время прогулок в школьном саду неслышащих девочек и даже пыталась перенять у них некоторые жесты. Это было простое детское любопытство. В эту же школу мама водила Наташу на занятия к логопеду, поскольку девочка плохо выговаривала звуки. Однако когда пришло время выбирать, в какую школу идти, родители решили, что дочка должна учиться не в этом интернате — ведь им приходилось

часто встречать машущих руками, малоразвитых детей из специальной школы по соседству.

Потеря слуха у Наташи тогда была небольшой, интеллектуально девочка была развитой и смышленной, однако из-за неправильного произношения специалисты комиссии направили ее в логопедическую школу. Ездить нужно было далеко, приходилось рано вставать. Мама нашла работу ближе к дому, чтобы уделять Наташе больше внимания. Впрочем, вскоре девочка ездила в школу самостоятельно, каждый день преодолевая приличные расстояния с пересадкой. Первые годы она усиленно занималась дома под руководством мамы — Надежда Григорьевна проявила много терпения и настойчивости, чтобы ее дочка ни в чем не уступала другим детям в учебе, а даже была лучше их. Не сразу Наташе повезло с учительницей. Первый педагог, встретившийся на ее школьном пути, отказался от работы с плохо слышащей ученицей. Зато Мария Павловна Хоменко не испугалась трудностей и стала для Наташи настоящей Первой Учительницей — доброй, терпеливой, понимающей и человечной. Наташа училась очень хорошо, «четверки» в ее тетрадях были большой редкостью, а в таблице дружными рядами красовались одни пятерки. В классе, во многом благодаря Марии Павловне, была благожелательная атмосфера, Наташу любили и никогда не обижали. И это при том, что долгое время она была единственной девочкой в классе.

Однако все изменилось, когда по окончании четвертого класса комиссия приняла решение перевести способную девочку в более сильный коллектив. Здесь ей с первых же дней пришлось столкнуться с завистью и злобой — мол, что за «выскачка» пришла к нам из 4-В? Новые одноклассники никак не могли поверить, что Наташа действительно не слышит и не притворяется, если не отзывается на их зов. Как же она диктанты и сочинения пишет на «отлично»? — недоумевали завистники.

И хотя упорной и целеустремленной девочке не составило труда завоевать их уважение и симпатию, вспоминать учебу в старших классах она не любит — слишком часто приходилось глотать обиду от злых слов и намеков. Впрочем, и со школы осталась у нее подруга — Таня Мельниченко, с которой много лет поддерживают друг друга и в радости, и в горе.

Наташа продолжала учиться на «отлично» по всем предметам, однако самыми любимыми были уроки русской и украинской литературы, биологии и... рисования. К слову, школа была с русским языком преподавания, и с большим трудом и слезами в первом классе пришлось переучивать Наташу, с детства говорившую только на украинском языке. Однако позже она уже свободно говорила на двух языках, и в числе самых любимых была учительница русского языка и литературы Валерия Леонидовна Чеборина. Она не только передавала своим взрослеющим питомцам знания по школьной программе, но и давала читать много других хороших книг, организовывая в классе их обсуждение и обмен мнениями по самым острым и неожиданным вопросам. Во многом благодаря Валерии Леонидовне Наташа научилась уверенно выражать свои мысли и всегда получала самые высокие оценки за сочинения.

Еще девочка принимала участие в школьных утренняях и вечерах, хотя в душе очень боялась не услышать что-то и подвести одноклассников. Была заместителем секретаря комсомольской организации школы и... выпускала школьную стенгазету. Это ей действительно нравилось, она с удовольствием писала тексты, придумывала заголовки и поправляла огрехи неумелого художника.

А дома ее ждали любимые книжки и многочисленные хобби — увлекалась и выращиванием цветов, и собиранием гербария, и коллекционированием значков и монет, и даже написанием стихов и прозы — это была несовершенная, юношеская проба пера.

В школьном сочинении на тему «Кем я хочу быть?» Наташа написала, что мечтает стать... журналистом.

Однако после окончания учебы (школа была восьмилеткой), пришлось выбрать другую профессию. Вначале Наташа решила стать библиотекарем, но в приемной комиссии столичного культпросветучилища намекнули, что у нее будут проблемы из-за состояния слуха и отказались принять документы. И это несмотря на то, что у Наташи было свидетельство об окончании школы с отличием. Как быть? Ведь совсем не хотелось идти в 9-й класс обычной школы и опять привыкать к новому коллективу. Если уж учиться, то сразу и получать специальность. По совету отца, Николая Яковлевича, узнавшего от коллег по работе о существовании спецгруппы для глухих в Киевском техникуме легкой промышленности, решила поступать туда, хотя особой любви к швейному делу не питала. Боязни перед будущими неслышащими однокурсницами не испытывала — ведь в детстве не раз общалась с девочками из соседней школы. Однако переживала из-за незнания жестового языка — как общаться с новыми подружками?

Навсегда запомнился Наташе первый урок на жестовом языке — это была русская литература, которую преподавала в их группе Наталья Васильевна Иванюшева. Тогда еще ее ученицам было невдомек, как им повезло учиться у такого корифея жестового языка! Впрочем, группа Шс-83 была по-своему уникальной — многие девочки, приехавшие в Киев из многих городов бывшего СССР, имели хорошие остатки слуха, свободно разговаривали устной речью, были грамотные и начитанные. Наташа быстро освоилась в новом коллективе и чувствовала себя среди неслышащих очень комфортно, с ужасом вспоминая школу.

Жестовый язык вызывал у нее живой интерес — а почему это слово показывают именно так, а не иначе? Однако сама она продолжала общаться только речью. Все изменилось

спустя год учебы в техникуме. Как и всем отличникам, Наташе приходилось подсказывать своим новым подружкам на уроках. Добрая и отзывчивая, она всегда с готовностью приходила на помощь друзьям. И вот тут ей стало явно не хватать знаний жестового языка. Кроме того, в группе было несколько глухих девочек, которые тоже хотели свободно общаться с Наташей. Так в 19 лет она стала овладевать незнакомым для нее языком. Во время учебы в техникуме стала членом УТОГ.

Четыре года учебы пролетели быстро. В дружной группе будущих технологов швейного производства было четыре «красных» диплома, один из них — у Наташи. Как всегда, к учебе она относилась с большой ответственностью. Кроме того, была комсоргом группы и проводила политинформации. Из техникума тянутся крепкие нити дружбы со многими однокурсницами, разъехавшимися после окончания техникума во все концы огромной страны. Еще долгие годы после окончания учебы Наташа переписывалась с большинством из них. И только время, заботы и распад Союза прервал эти нити. С теми же из девчат, кто остался в Киеве и области — Мариной Макухой (Ратиевой), Людой Нечволод (Алексеевой), Людой Цымбалюк (Кононович), Таней Фигурной (Деминной), Наталья часто видится и общается, а с Мариной они — коллеги по работе.

При распределении по окончании техникума Наталья взяла направление в СПКТБ УТОГ, мечтая работать по специальности — технологом. Однако когда пришла устраиваться на работу, ей отказали: в конструкторском бюро ожидалось сокращение и мест не было. Наташа обратилась в ЦП УТОГ — как же так, вы дали направление, а работы нет. Тогдашний начальник отдела кадров Н.С. Полев попытался было уговорить Наташу поехать в Днепропетровск, где на УПП требовались контролеры ОТК. Но девушка оказалась упорной — мол, я киевлянка и отличница, если не можете устроить на пред-

приятнях УТОГ в Киеве, давайте мне свободный диплом. Выдавая Наташе справку о свободном трудоустройстве, Полев посоветовал ей обратиться на Республиканские курсы подготовки и повышения квалификации руководящих работников и специалистов УТОГ, где нужен был методист в учебную часть. Так в 1982 году Наташа оказалась в небольшом, но дружном педагогическом коллективе курсов, где проработала 10 лет. Вынужденная работа не по специальности не слишком огорчила ее — ведь к швейному делу душа ее не очень лежала. И принимая решение, где же учиться дальше, она останавливает свой выбор на заочном отделении педагогического института. Поскольку из-за трудностей с трудоустройством время для поступления было упущено, решила не терять год зря, и пошла на вечерние подготовительные курсы при институте. Тем более что в техникуме она не изучала биологию, а в пединституте профильный экзамен предстоял именно по этому предмету. Нелегко было вечерами, после работы бежать на курсы и повторять забытое из школьного курса или изучать то, что не преподавали в техникуме. Но к трудностям Наташе было не привыкать. Из их большой группы окончили эти курсы только три человека, в том числе и она, остальные не выдержали и отсеялись.

Весной 1983 года Наташа пришла в приемную комиссию Киевского государственного педагогического института им. А.М. Горького (ныне — Киевский национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова), чтобы сдать документы на факультет «Дефектология». И натолкнулась на запрет — глухих не принимают. Поехала в Министерство образования — снова отказ.

В отчаянии она вернулась на работу и рассказала обо всем своему директору — Вере Георгиевне Пироговой. Отложив все дела, Вера Георгиевна поехала с Наташей в Министерство, велела ей подождать в коридоре, а сама зашла к заместителю

министра. О чем она говорила — осталось секретом, но разрешение на сдачу документов в пединститут Наташе выдали. Экзамены она сдавала на общих основаниях (спецгруппы для глухих в тот год не было).

Первый экзамен — биологию — Наташа сдала на «отлично» и была сразу, как имеющая «красный диплом» после техникума, зачислена на учебу в институт.

Так и тянулись дни за днями — работа, учеба и... никакой личной жизни. Подружки по техникуму еще в годы учебы заводили романы с парнями из параллельных групп, выходили замуж, рожали детей. Наташин альбом с трудом вмещал все их свадебные фотографии и снимки их ребятишек — ее любили и с удовольствием звали на семейные торжества.

Когда стала работать, в отпуск не сидела дома — ездила в Прибалтику, в Сочи, в Геленджик. Появлялись новые подружки и шли ей письма со всех концов большого Союза — от бывших однокурсниц и новых подруг, с которыми познакомилась в поездках.

Однако в личной жизни все не складывалось — с человеком из мира слышащих ей было сложно из-за проблем со слухом, а с глухим грамотным парнем все никак судьба не сводила.

И вот однажды в страшный чернобыльский год, в геленджикском санатории «Дружба», который не зря прозвали «всесоюзной свахой» для глухих людей, судьба ей улыбнулась — она встретила парня из Йошкар-Олы — столицы Марийской республики, что в далеком Поволжье. Парень с редким именем — Радик, был ей под стать — высокий, стройный, симпатичный. И также как она — слабослышащий, грамотный, окончил массовую школу, жестов не знал, общался речью.

Банальные слова — встретились два сердца, два одиночества... Но даже дальние расстояния и другие препятствия не стали преградой влюбленным, и через год, в 1987-м, молодые люди поженились и стали жить в Киеве.

В начале лета следующего года Наташа с отличием окончила институт, получив диплом учителя начальных классов школы для глухих детей. А в сентябре она родила сына, которого назвала именем былинным и богатырским, из той же пушкинской поэзии — Русланом.

В заботах о сыне и семье пролетели три года. Когда пришла пора выходить на работу из декрета, оказалось, что Курсы ожидает нелегкое время, грядет сокращение. По предложению нового директора — Ангелины Владимировны Липовецкой и не упускавшей из виду своих питомцев Натальи Васильевны Иванюшевой, Наташу взяли по переводу на работу в орготдел ЦП УТОГ на должность инструктора по реабилитационной работе.

Нелегко было начинать на новом месте, да еще на таком ответственном участке работы, но со временем Наташа освоилась и стала специалистом и в этом деле. Работала она под началом В.П. Сандутея, а затем — Е.З. Нестеренко, многому училась у них и всегда старалась быть им хорошей помощницей. Ее прилежание в работе не осталось незамеченным — в 1996 году она была назначена заместителем начальника орготдела.

Но ее жизнь не ограничивалась только работой, семьей и встречами с друзьями. Наталья активно участвовала в жизни профсоюзной и первичной организаций УТОГ. Еще во время работы на Курсах была она председателем профкома. Многие из тех, кто сейчас ходят в начальниках, были тогда молодыми задорными ребятами, и вместе с ними Наташа организовывала в коллективе ЦП праздники, конкурсы и викторины. А однажды, с благословения председателя ЦП УТОГ Ю.П. Максименко, была создана команда КВН из молодых работников ЦП и других способных глухих киевских ребят. Эта команда играла в состязаниях наравне с командами слышащих и никогда не была на последнем месте. Капитаном этой команды была наша Наташа. Благодаря игре в одной команде она смог-

ла лучше узнать многих способных молодых ребят (Сергея Котельянца, Виталия Гриценко, Татьяну Веселову, Алексея Нашивочникова и многих других) и продолжает поддерживать с ними связь и сейчас.

Привычный круг дел и забот был в одночасье прерван в 1997 году, когда, после ухода тогдашнего редактора газеты «Наше життя» Елены Леонидовны Дулибы в декретный отпуск, остро встал вопрос о том, кто же возглавит работу редакции. Ю.П. Максименко настоял на том, чтобы за эту нелегкую работу взялась именно Каменская. Он был непреклонен в своем решении и не хотел слушать доводов сомневающейся в себе Натальи. И еще один человек ни на минуту не сомневался в том, что она справится, — это ее отец, Николай Яковлевич. Мама, жалея дочь, хотела бы ей работы более легкой и менее ответственной.

Следует особо отметить роль отца и мамы в жизни Наташи. Они всю жизнь честно и добросовестно работали на рабочих должностях и всегда были и есть не только для дочери, но и ее друзей, образцом интеллигентности, честности и порядочности.

Итак, перст судьбы, а вернее выбор Ю.П. Максименко пал на Наталью Николаевну, и она была назначена редактором газеты. Нелегко пришлось ей, не имеющей журналистского образования и опыта работы, да и с кадрами в редакции был полный развал. И здесь пригодилось все то, чем ей приходилось заниматься в жизни. Все, что подспудно дремало где-то в глубине, стало сутью ее сегодняшней работы. И может она теперь говорить наравне с поэтами и художниками, журналистами и производственниками, медиками и учителями, людьми глухими и слышащими. Особенно пригодилось ей особое чувство слова, владение украинским и русским языками и еще — знание жестового языка и психологии инвалидов по слуху в работе с авторским активом газеты. Она поддержи-

вает тесные связи со многими талантливыми внештатными авторами и привлекает к сотрудничеству новых корреспондентов из числа инвалидов по слуху, которые благодаря этому имеют возможность реализовать творческий потенциал и расширить свое мировоззрение. Увеличилось число глухих и в штате редакции. Если на момент прихода Натальи Николаевны здесь не было глухих, сейчас в редакции успешно работает еще 5 неслышащих сотрудников.

За годы работы в редакции Наталья Николаевна много сделала для перехода редакции на современные издательские технологии, внедрила целый ряд новых направлений по информационному обеспечению неслышащих членов УТОГ и популяризации деятельности УТОГ. Под ее руководством газета расширила тематику своих публикации, увеличила свой объем и стала выходить на сайте.

За многолетнюю и безупречную работу Наталья Николаевна Каменская в 2001 году награждена нагрудным знаком «Отличник УТОГ», а также Почетной грамотой и нагрудным знаком Министерства труда и социальной политики. В 2003 году она удостоена Почетной грамоты Кабинета Министров Украины с вручением нагрудного знака, отмечена благодарностью мэра г. Киева и является номинантом творческой акции «Зорі надії», а в 2006 году ей присвоено звание «Почетный член УТОГ».

Редакция в последние годы не ограничивается подготовкой в печать только газеты. Здесь действует под началом все той же неутомимой Натальи Николаевны издательская группа по подготовке книг и брошюр. И вновь она берется за новый, незнакомый участок работы и успешно справляется с ним. Наталья Николаевна является редактором всех печатных изданий, которые вышли в УТОГ с 2001 по 2016 год. Это такие книги, как: «Свет безмолвных звезд», «Неутомимая труженица», «Почетные члены УТОГ», «Тихая звезда», «Перемогу набли-

жали як могли», сборник карикатур глухих художников, «Герои спорта из мира тишины», сборник материалов I Всеукраинской конференции по истории обучения глухих в Украине и сборник Всеукраинской конференции по проблемам реабилитации инвалидов по слуху, «Теплынь» и многие другие.

Но и это еще не все. Тесно общаясь с неслышащими педагогами, Наталья Николаевна приняла близко к сердцу «крик души» бывших коллег о том, что назрела необходимость в создании их общественной организации. Немало сил и энергии вложила она в организацию работы Объединения неслышащих педагогов, где со дня его создания в 2001 году на общественных началах являлась ответственным секретарем, а 9 июня 2006 года избрана президентом.

Не могла она остаться в стороне и при создании лаборатории жестового языка при Институте специальной педагогики АПН Украины. Испытав на себе все тяготы обучения глухого человека среди слышащих, когда знания приходилось добывать ценой невероятных усилий, она всем сердцем жаждет помочь глухим детям, для которых жестовый язык — самый доступный и полный источник информации.

Для того, чтобы более полно реализовать эти выстраданные убеждения, Наталья Николаевна решила еще на одно новое и, в большинстве своем, неизведанное для глухих дело — решила заняться научной работой и поступила в аспирантуру Института специальной педагогики АПН.

А помимо всего этого она просто женщина — жена, мама, дочь... И у нее должно остаться время на заботы о семье, муже, уже взрослом сыне и невестке. А еще есть родители-пенсионеры, которые на «фазенде» в 120 км от Киева с нетерпением ждут, когда их Наташа сможет вырваться к ним хоть на денек...

Живая душа

*«Мы теперь уходим понемногу,
В ту страну, где тишь да благодать,
Может быть, и скоро мне в дорогу,
Бренные пожитки собирать».*

Сергей ЕСЕНИН.

Е.С. Смирнова.

Елена Сергеевна Смирнова — Отличник УТОГ, Отличник народного образования, педагог от Бога, талантливая поэтесса, самобытная актриса Харьковского ОДК УТОГ.

Родилась 17 апреля 1932 года в Казани в семье интеллигентов первого поколения. Отец — Сергей Иванович Смирнов (1907-1992) окончил Казанский ветеринарный институт, а в 1931-1932 году учился в аспирантуре этого института. Мать — Антонина Андреевна (1909—1979) также училась в том же институте, на факультете биологии и получила специальность «врач-биолог». В марте 1931 года Сергей Иванович и Антонина Андреевна поженились, а в 1932 году у них родилась дочь Елена.

По распределению семья Смирновых была направлена в г. Троицк, где родители жили с 1932 по 1949 год и работали на ветеринарной станции. В 1936 году в семье родился сын Владимир.

Елена училась в обычной массовой школе. В 1948 году после простуды она заболела менингитом и потеряла слух. Роди-

тели пытались лечить ее в Москве, но безрезультатно. Поэтому, мать много внимания уделяла воспитанию, обучению и познанию жизни дочери. Потом Елена напишет:

*«От беды иль от кривды гасла радость —
Утешала с мудростью в глазах:
«Жизнь по правде — вот твоя отрада,
Только правда, правда — не за страх!»*

В 1950 году отца Елены направили в Харьков. Сергей Иванович в Харьковском ветеринарном институте возглавил кафедру «Терапия крупного скота», где проработал до самой смерти. Имел много научных работ, много учеников. В 1997 году к 90-летию со дня рождения и к 5-летию со дня смерти в Харьковском ветеринарном институте была открыта мемориальная доска, посвященная профессору С.И. Смирнову. Елена Сергеевна присутствовала на этом мероприятии.

В 1951 году Елена с отличием окончила массовую школу в Харькове и поступила на исторический факультет Харьковского университета им. М. Горького, который также окончила с отличием в 1956 году.

После университета ее направили работать в Харьковский городской архив. Работа была не трудная, но и не интересная.

И вот в 1957 году Елену Сергеевну пригласили работать учителем истории в Харьковскую специальную вечернюю школу № 23 рабочей молодежи из числа неслышащих. Это было то, о чем она мечтала. До этого времени Елена Сергеевна жестовой речью не владела, т.к. общалась только со слышащими, но хорошо читала по губам.

Жестовой речи училась у учителя математики школы, глухого В.Н. Хоменко, который вовлек ее и в художественную самодетельность Дома культуры УТОГ.

Работая в школе, она полностью посвятила себя своим ученикам. Ее жизнь была частью жизни школы, где она прора-

ботала 30 лет. На уроках истории ученики знакомились не только с фактическим материалом — это были уроки-путешествия во времени. В своем стихотворении «Моим ученикам» Е. Смирнова писала:

*«Я горы книг переберу
И в соты памяти сберу
Познанья самый сладкий мед —
Тебе отдать».*

Елена Сергеевна — талантливая поэтесса. Все свободное время она отдавала Музе. Ее стихи печатались в газете «Наше життя» УТОГ, в журналах «Радуга», «В едином строю» ВОГ, в коллективных сборниках «Сердцем почуте» (1970 г.), «Живий дощ» (1983 г.), «Відлуння» (1991 г.), «Строка, посвященная юбилею» (1993 г.), «Камертон» ВОГ. Свои стихи она читала на литературных вечерах в Харьковском ДК, а также в Одесском и Киевском ДК УТОГ, куда приезжала по приглашению председателей областных организаций УТОГ и где у нее были друзья по перу. В Одессе — И. Дуценко, В. Людвик, в Киеве — И. Сапожников, Ю. Соловьева, В. Яремко.

Елена Смирнова — член литературного объединения «Відлуння» со дня его создания, т.е. с 1981 года, постоянно участвовала во всех семинарах, проводимых для неслышащих поэтов в г. Киеве и в г. Москве. Кроме того, она участвовала в общественной жизни Общества.

Долгие годы была членом ревизионной комиссии Харьковской областной организации УТОГ, участвовала в художественной самодеятельности, играла в народном самодеятельном театре «Ариадна» Харьковского ДК УТОГ в таких ролях, как Анна Павловна — спектакль «Все остается людям» С. Алешина, 1972 г.; купчиха Круглова — «Не все коту масленица» А. Островского, 1974 г.; Ольга — «Макар Дубрава»

А. Корнейчука, 1976 г.; Дарья Семенов Её амплуа – роли благородных дам, матерей, интеллигентных женщин.

Изумительно «пела» жестами. Ах, как она пела «Бьется в тесной печурке огонь» и другие военные песни! Ведь она их слышала во время войны...

До конца своих дней Елена Сергеевна Смирнова была членом корпункта газеты «Наше життя», членом правления областной организации УТОГ, лектором в областном Доме культуры УТОГ.

Она сделала много добра для неслышащих своими советами, разъяснениями, беседами по душам, написаниями заявлений, прошений, ходатайств в разные инстанции.

А еще Елена Сергеевна собрала уникальные материалы об истории областной организации глухих, о вечерней школе рабочей молодежи, о становлении областного народного театра глухих. Жаль, написать обо всем этом она не успела...

Так случилось в жизни из-за безответной любви, что у Елены Сергеевны своей семьи не было. Поэтому, когда у ее брата Владимира родилась дочь Алена, она стала племяннице второй матерью и с восторгом рассказывала о ее успехах.

После ранней смерти Алены, которая умерла от туберкулеза в 2001 году, Елена Сергеевна свою любовь и опеку перенесла на внучку Дашу, дочь Алены.

А 17 августа 2002 года на станции Лозовеньки, рядом с Харьковом, Елена Сергеевна сошла с электрички, дождалась, пока не освободится колея, и не спеша начала переходить в сторону вокзала. Из-за поворота вылетел скорый поезд, и женщина даже не успела ничего осознать, как страшный удар отбросил ее метров на двадцать. От головы осталась только роскошная коса, а в кармане нашли пенсионное удостоверение, по которому и опознали ее...

Похоронена Елена Сергеевна на Лозовеньском кладбище, рядом с могилами родных.

А в душе все звучат строки из Есенина:

*«Этой скорби теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет».*

Каюсь перед читателями: у Есенина ведь — «Этой грусти...». Но в душе моей скорбь. Какая женщина ушла, какая личность!

*«Прощай, Елена!
Ты жила правдиво.
Душа живая,
Чистая, как цвет».*

Устремленная к творчеству

*«За то, что чувства сохранились
И жизнь по-прежнему люблю,
Что слезы горечи забылись,
За все тебя благодарю».*

Мария ВЕСЕЛОВСКАЯ.

Т.Ю. Комендант.

Татьяна Юрьевна Комендант (Воронова) родилась 18 февраля 1958 года в Симферополе.

В школу в родном Симферополе Таня ходила с радостью, училась с большим желанием и никогда бы не променяла ее ни на какую другую, если бы в 11 лет внезапно, после болезни, не оглохла. Пришлось привыкать к другой школе, к иному коллективу и к жизни вдали от семьи.

Это было трагедией для Тани, но еще большей трагедией — для ее родителей. Девочка с трудом привыкала к непривычной обстановке, замкнулась в себе и только ночами давала волю слезам. Единственной отрадой были книги, которые стали для нее верными друзьями и спутниками жизни.

Впрочем, школа была не простая, а знаменитая Феодосийская — для слабослышащих детей. Эту школу у моря и учителей, всегда участливых к ней, она полюбила больше всего. А свои мечты и мысли Таня излагала в стихах. Стихи были ее собеседниками и советчиками и писать их начала еще с

младших классов. Особенно трогательно стихотворение «Последний звонок», которое она написала к выпускному вечеру в 1974 году:

*«По коридорам бродит тишина...
На парте спит развернутый задачник...
А в классе, у раскрытого окна,
Стоит девчонка и тихонько плачет».*

Школу Татьяна окончила с похвальной грамотой, и в этом же году без экзаменов была принята в Киевский техникум легкой промышленности, в группу глухих, на отделение «Технология швейного производства». Время учебы пролетело не как 4 года, а как четыре дня. Здесь же, в техникуме, она встретила свою любовь — единственную, на всю жизнь.

Получив диплом с отличием, Таня вернулась в родной город Симферополь и по направлению Центрального правления УТОГ пришла на работу на местное УПП УТОГ. Свыше 20 лет отдала она предприятию. Была швеей-мотористкой, контролером готовой продукции, расчетчиком карт раскроя ткани, инженером по качеству, модельером-конструктором. И на любой должности Татьяна Юрьевна подходила к работе творчески, ответственно и изобретательно.

Особенно сложно пришлось в годы застоя и экономического кризиса, когда Симферопольское УПП УТОГ было на грани банкротства. Как модельер-конструктор предприятия, Татьяна Юрьевна проделала титаническую работу по обновлению и расширению ассортимента швейных изделий, выпускаемых на УПП. Ею было разработано свыше 100 моделей швейных изделий: летние полевые костюмы для военнослужащих, костюмы для сотрудников МВД, прокуратуры, МЧС и многое другое. За этим перечнем — многие часы сложной творческой работы и неустанного поиска. Ее разработки не раз занимали призовые места на республи-

канских конкурсах на лучшую модель среди швейных предприятий УТОГ.

В 2002 году Татьяна Юрьевна перешла в Крымскую автономно-республиканскую организацию УТОГ на должность инструктора по работе с глухими. Зная свое дело, инициативная и эрудированная, она блестяще справлялась со своими обязанностями, всегда была безотказна и внимательна к нуждам и запросам глухих, которые обращались к ней за помощью и советом.

Без ее деятельного участия не обходилось ни одно мероприятие в Симферопольском ДК УТОГ. Часто по работе Татьяна Юрьевна бывала в Севастопольском ДК УТОГ, выезжала в другие территориальные организации УТОГ Крыма.

Всегда могли положиться на ее помощь и поддержку молодые активисты из Крымского совета неслышащей молодежи, бюро первичных организаций в спецшколах-интернатах в г. Феодосии и Симферополе. Во многом благодаря ей были открыты спецгруппы для глухих в ПТУ № № 38, 15.

Много сделала Татьяна Юрьевна и для укрепления дружеских связей между КАРО УТОГ и обществом глухих города Старый Хайдельберг (Германия).

С ее приходом на работу в Крымскую автономно-республиканскую организацию УТОГ был наведен порядок в делопроизводстве и отчетности. Для того чтобы успеть все, приходилось часто задерживаться на работе допоздна. Но за множеством повседневных дел не забывала Татьяна Юрьевна и о своем хобби, любимом творчестве, поэзии.

Она — известная в Украинском обществе глухих поэтесса, печаталась в сборниках: «Живий дощ» (1983 г.), «Відлуння» (1991 г.), «Строка, посвященная юбилею» (1993 г.), выпущенных Украинским обществом глухих, в газетах «Победа» и «Крымский комсомол».

Как истинный поэт, она по особому чувствует Слово. И не случайно из под ее пера рождаются такие строки:

*«По книгам не шарил он в поисках нужного слова,
он брал их у грома, у моря, у ветра ночного,
являя при этом диковинный вкус и уменье...»*

С 1978 года Татьяна Воронова Комендант активно сотрудничала с газетой «Наше життя» УТОГ и с другими изданиями, на страницах которых увидели свет не только ее стихи, но и очерки о глухих людях и репортажи о самых интересных событиях в жизни КАРО УТОГ. И во всем, что выходит из-под ее пера, ярко выражено стремление петь «совсем особенным голосом своим».

Во время подготовки к празднованию 80-летия Крымской автономно-республиканской организации УТОГ Татьяна Юрьевна собирала сведения о создании и становлении объединения глухих в Крыму. Эта работа так увлекла ее, что она написала книгу об истории этой одной из старейших организаций глухих в Украине.

В любое дело, за которое берется, Татьяна вкладывает частичку своей души. А еще она — верный друг, заботливая жена и мама, хлебосольная хозяйка, не устающая удивлять своими кулинарными шедеврами. И главное для нее — стремление к творчеству, неординарность и свежесть всего, за что она берется, переходя от поэзии — к прозе, а от нее — снова к стихам...

*«Это же просто, до смешного просто —
Пред окном распахнутым, в утренней тиши,
Хочешь — стихами, можно даже прозой,
На любой бумаге — что-нибудь пиши».*

За світлу радість життя

У Бабиному яру, неподалік пам'ятника жертвам геноциду, вчиненого фашистами проти єврейського народу, стоїть християнський хрест. Він символізує мученицьку смерть тисяч нескорених українських патріотів, які загинули в роки Другої світової війни від рук гітлерівських катів. Цей хрест було встановлено на відзначення 50-ї річниці з дня загибелі Олени Теліги. Хто ж вона, ця українська дівчина?

О. Теліга.

Олена Теліга народилася 21 липня 1907 року в Санкт-Петербурзі в сім'ї відомого вченого-гідротехніка і меліоратора, директора водного департаменту у Міністерстві рільництва Російської імперії Івана Шовгенєва, рід якого походив з українського міста Слов'янська.

Під час революційних подій в Україні вся родина переїжджає до Києва, де Іван Шовгенєв бере активну участь в формуванні незалежної демократичної української держави. Його обирають міністром до уряду Української Народної Республіки.

1923 року більшовицький переворот в Україні призвів до поразки УНР. Іван Шовгенєв зазнає переслідувань з боку комуністичної влади. На Олену, ученицю Київської трудової школи, також лягло тавро дочки «націоналіста». Тому сім'я вимушена була емігрувати до Чехословаччини. Отож Олені довелося сповна випити гірку чашу, яка випала на долю емігрантських дітей.

Пізніше про цю тривожну пору своєї юності вона написала вірш «П'ятнадцята весна». У ньому звучить глибокий душевний біль від розлуки з рідним краєм.

Перебуваючи в еміграції, Олена Теліга вступає в Празі до Українського педагогічного інституту імені М. Драгоманова, на історико-філологічний факультет. Тут вона знайомиться з письменниками «празької школи»: Юрієм Дараганом, Євгеном Маланюком, Олегом Ольжичем, Наталею Лівицькою-Холодною та іншими. Під їхнім впливом починає писати вірші та публіцистичні статті, в яких виступає свідомою українкою, непримиренною противницею російського великодержавництва. Її вірші з'являються на сторінках львівського журналу «Вісник», який видавав Дмитро Донцов. Саме Д. Донцов справив особливо великий вплив на формування світогляду Олени Теліги.

На жаль, з того літературного доробку за життя молоді поетеси не було видано навіть невеличкої збірки поезій.

1929 року вся родина Олени Теліги (на одній з вечірок української молоді вона познайомилася з колишнім вояком армії УНР Михайлом Телігою і він став її чоловіком) переселяється до Варшави. Тут поетеса створює свої найкращі поезії, в яких визріває рішучий протест проти безбарвної «нудоти життя», звучить заклик до боротьби за оновлення світу і людини в цьому світі.

*«Усе — лише не це! Не ці спокійні дні,
Де всі слова у барвах однакових,
Думки мов не роздмухані вогні,
Бажання — в запорошених оковах.
Якогось вітру, сміху чи злоби!
Щоб рвались душі крізь іржаві ґрати,
Щоб крикнув хтось: «Ненавидь і люби» —
І варто буде жити чи вмирати!»*

Недарма ж її називали поеткою вогняних меж. За поетичним темпераментом, інтонацією своїх бунтівливих поезій Олена Теліга перегукується з Лесею Українкою.

У Варшаві поетеса входить до складу літоб'єднання українських письменників «Танк», яким керує Наталя Лівицька-Холодна. Не пориває творчих зв'язків і з поетами «празької школи», очолюваної Олегом Ольжичем, одним з керівників Проводу ОУН (Організація українських націоналістів). Він залучає Олену Телігу до Культурної референтури Проводу оунівців. А невдовзі вона стає головою мистецького товариства «Зарево». Навколо неї гуртується свідомо українська молодь.

Вона багато спілкується з людьми. Проте не всі знали, як важко дається поетесі це спілкування. Олена Теліга не хотіла, щоб зважали на її фізичну недугу — значну ваду слуху. І це їй значною мірою вдається...

Олена Теліга розгортає активну роботу по збиранню коштів на видавничу діяльність мистецького товариства, виступає як організатор національно-визвольного руху. Займатися ж виданням власних творів у поетеси не вистачає часу.

Весною 1941 року через Краків на схід інтенсивно почали пересуватися німецькі військові машини. Олена Теліга та її однодумці сподівалися на те, що в результаті війни між фашистською Німеччиною і комуністичним СРСР Україна, як Словаччина та Хорватія, стане незалежною державою. Вони невтомно проводять велику агітаційну роботу серед українського населення. З цією метою Олена Теліга підготувала антологію української патріотичної лірики з символічною назвою «Буде буря!». Ця книжка мала будити приспану національну свідомість українців. На жаль, збірка так і не була видана. Але рукопис, який зберігся, свідчить про те, що Олена Теліга дуже добре розбиралася у тодішньому літературному процесі.

22 червня 1941 року почалася Велика Вітчизняна війна.

Поетеса поривається в Україну, до милого серцю міста над Дніпром, де минула її юність. У тривожні липневі дні, нехтуючи небезпекою, член Організації українських націоналістів Олена Теліга переходить кордон і пробирається до Львова. Звідти важкими воєнними дорогами вона добирається до Києва. Зруйноване місто, наруга чужинців над людьми — все це викликало в неї гнів і потребу боротьби з окупантами. Відважна патріотка збирає своїх однодумців. Організовує випуск тижневика «Українське слово» та літературного журналу «Літаври», на сторінках якого публікує твори українських літераторів, закатованих у сталінських таборах, знайомить киян з доробком літературної еміграції. Затим створює Спілку українських письменників, що об'єднала здібну творчу молодь. І все це — незважаючи на суворий окупаційний режим.

Така активізація націоналістичних сил в Києві та й, зрештою, по всій Україні, викликала занепокоєння окупаційної влади.

Розпочалися масові арешти. Першим заарештували головного редактора газети «Українське слово» — Івана Рогача.

Олег Ольжич, який на той час також перебував у Києві, умовляв Олену Телігу залишити місто і піти в підпілля. Але патріотка, усвідомлюючи власну відповідальність перед друзями і перед справою боротьби за свободу України, не залишає своїх однодумців.

9 лютого 1942 року в будинку Спілки українських письменників по вулиці Трьохсвятительській гестапо заарештовує весь актив разом з Оленою Телігою та її чоловіком Михайлом.

Останнім автографом вірної дочки українського народу був напис на стіні в камері № 34 в'язниці гестапо (колишня в'язниця НКВС) по вулиці Короленка, 33: «Тут сиділа і звідси йде на розстріл Олена Теліга». А над цими словами — зображення тризуба, який сьогодні став нашим державним гербом. Це

значить, що вона і в таку хвилину була непохитною і вірила в те, що настане день розплати, і злочинці, які загнали народи Європи в пастку, у кам'яний мішок смерті, зазнають кари. Поетеса вірила, що настане день, і Україна буде незалежною державою, коли перед смертю писала:

*«Заметемо вогнем любові межі,
Перейдемо убрід бурхливі води,
Щоб взяти повно все, що нам належить,
І злитись знову зі своїм народом».*

21 лютого 1942 року Олена Теліга разом зі своїми побратимами була розстріляна у Бабиному яру.

Вдячні люди приходять до Бабиного яру. Вони запалюють свічку скорботи, вшановуючи пам'ять своїх справжніх національних героїв. Але той сумний вогник не затьмарює невмирущого палахкотіння Олениних слів, що тремтить у подихах вітерця та блищить у сонячному промінні:

*«В сотах мозку золотом прозорим
Мед думок розтоплених лежить,
А душа вклоняється просторам
І землі за світлу радість — жить!»*

Серце, віддане святим ідеям

З. Гарник.

Уявляю цього поставного, буйночубого юнака за письмовим столом у затишній кімнаті сільської бібліотеки. Там, серед царства книжок на простих, але дбайливо впорядкованих полицях, все спонукало до творчості.

Тут висповідувалася його душа, сповнена глибокої і чистої синівської любові до України, до рідного краю — Поділля, до народних звичаїв.

А народився Зиновій Павлович Гарник 26 листопада 1938 року в селі Прошове на Тернопільщині, в селян-

ській родині.

Дитячі літа його опалені лихоліттям Великої Вітчизняної війни.

Про це він пізніше так згадує у вірші «Вдови»:

*«Їх очі пеленає смуток,
Немов густий туман діброви,
Букети свіжих незабудок
Несуть на цвинтар вдови, вдови...»*

І як застереження людям завжди бути пильними:

*«Сплять солдати — знані й невідомі,
Сльози з обелісків омивають пил,
Сплять солдати... Оживає спомин, —
Ти, історіє, не спи!
Бий на сполох! Бий же дні і ночі,*

*Хіросіму й Нагасакі розбуди,
Знову недруг меч насильства точить,
Глянь, історіє, туди!»*

У дитинстві після тяжкої хвороби Зиновій частково втратив слух. Проте не занепавав духом — учився. Закінчив десятирічку.

Любов до сільської праці, до землі привела юнака до сільськогосподарського технікуму, закінчивши який, Зиновій деякий час працював агрономом у рідному селі.

Ще в школі почав писати вірші. Отож, маючи творчу натуру і бажання вчитися далі, поїхав до Львова і вступив на філологічний факультет університету імені Івана Франка.

По закінченні навчання завідував бібліотекою в рідному селі — сіяв у серцях односельців зерна «розумного, доброго, вічного».

Згодом довідався, що в Тернополі є Товариство нечуючих людей і вступив до нього.

Скоро його, як людину освічену і неординарну, помітило керівництво обласного відділу УТОГ і почало залучати до громадських справ. Так молодий нечуючий поет став одним із найактивніших членів Товариства. А невдовзі він вступив і до обласного осередку Народного руху України. Глухота не завадила його політичній діяльності. Патріотичні вірші, які він писав і публікував в обласній і районній газетах, надихали до праці на благо України й рідного народу. У цих віршах промовляла його щира і чиста, як сльоза, українська душа.

Зиновій Гарник з глибоким почуттям писав про відродження Української державності, присягався її духовності:

*«Присягаю під небом блакитним —
На хлібах золотих ланів.
І стоятиму так непохитно,
Щоби ворог напасти не смів...»*

*За тебе, моя Україно,
Я на вієтар себе принесу,
Щоб стрічки — і жовту, і синю,
Заплела ти собі у косу!»*

У вірші «Українські зерна» він звертається до кожного чесного українця:

*«Якщо в тобі байдужості іржа
Душі козацької не зжерла
І воля України не чужа —
Ти маєш українські зерна».*

Як представник свого покоління, поет складає клятву на вірність рідній Україні, її святим ідеям:

*«Клянемося тобі, молода Україно,
Під прапором неба й пшеничних ланів,
Ніколи вже більш не впадем на коліна,
Хоч як би наш ворог шалів-сатанів...»*

Гнівно виступає Зиновій Гарник проти її недругів, котрі не відмовилися від наміру затягти український народ у нове ярмо, закликає людей єднатися:

*«І поки кубляться вампіри,
Не вдарив хмари дикий грім,
Єднаймося, друзі, разом, щиро
І захистімо України дім».*

Вірний син свого народу, Зиновій Гарник палко любив українську мову:

*«Як тебе забути можна,
Рідна мово! Ти ж одна!
Кожне слово — даль тривожна,
В кожнім змісту — глибина.*

*Я з тобою, рідна мово,
Перейду усі світи.
Як святиню, кожне слово
Буду вічно берегти!»*

Саме любов до України, до її звичаїв і мови стала девізом Зиновія Гарника.

Коротка життєва дорога судилася цьому обдарованому нечуючому поету-патріоту. 1995 року обірвалося його життя, але пам'ять про себе він залишив нам у своїх віршах.

В одному з них Зиновій Гарник так висповідується про свою поетичну творчість:

*«Поезіє, моя зваблива Феє,
Прости мені, пречиста, гріх тяжкий,
Що серце я віддав святим ідеям —
Лірично не мережаю рядки.
Не вмію зрадно кривити душею,
Народжувати солов'їний спів,
Коли над Україною моєю
Палають зради вогнища сліпі.
Невидимо, нечутно-потаємно
Сплітають сіті підлі павуки,
Щоб знов у зашморги яремні
Вкраїну затягнути на віки.
Я повернусь до тебе неодмінно,
Моя кохана Феє, подожди,
Коли в саду вишневім України
Доспіють волі чесноі плоди».*

За життя творчі доробки глухого поета друкувалися в газетах, журналах, збірниках літературного об'єднання УТОГ «Відлуння».

Тільки по його смерті син впорядкував весь творчий доробок поета і видав 2001 року в Тернополі першу його збірку.

Полет с одним крылом

*«Каждый из нас ангел,
но только с одним крылом,
и летать мы можем, только
крепко обнявшись друг с другом...»*

А. Соцков.

Среди каждодневной суеты большого города, среди пошлости и тупости, льющейся с экранов телевизоров, звучащей по радио и бьющей в глаза со всевозможных рекламных вывесок, вдруг крохотным островком любви и нежности показалась мне тоненькая книжечка с неприятно обложкой, по чистой случайности оказавшаяся в моих руках. Поначалу пролистала, особо не интересуясь, и вдруг... как будто легонько током кольнуло, отчетливо по коже мгновенно пробежали «мурашки», а взгляд заскользил от строки

к строке, — и сразу пропало ощущение времени, лишь всплывали смутные, подернутые туманной дымкой, образы...

Глубоко вздохнув, закрыла последнюю страничку и, все еще находясь под воздействием удивительного симбиоза негражданской нежности и щемящей грусти, медленно перевернула книжку: Андрей Соцков «О чем родники говорили...» — было написано на обложке.

Из своих журналистских кругов я немного знала это имя и даже один раз видела Андрея на сцене Октябрьского дворца, когда ему вручали награду фестиваля «Заря надежды». Знала,

что Андрей — инвалид 1 группы, страдает ДЦП, плохо слышит, что-то там пишет и — все... Но то, что он пишет та-а-акие стихи — для меня стало открытием. Захотелось встретиться с автором, расспросить, узнать, как рождаются стихи, способные заставлять плакать и сопереживать, чувствовать и надеяться, верить и любить...

Несколько дней ушло на то, чтобы узнать телефон и домашний адрес Андрея Соцкова, договориться о встрече... И вот мы сидим в небольшой комнатке старой пятиэтажки, найти которую стоило больших трудов, а в голове роится множество вопросов, которые я собираюсь задать Андрею. И первый из них — о стихах, конечно. Рядом — родители Андрея, Альбина Ивановна и Виктор Петрович, которые также участвуют в беседе, помогая нашему общению.

— *Андрей, у тебя чудесные стихи. Когда ты начал писать?*

— Где-то лет в 16—17. Но серьезно начал писать, уже учась в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко, на факультете романо-германской филологии. В то время я увлекался поэзией Цветаевой, Менделеев, Бродского, Евтушенко, Симонова, стихами любимой поэтессы Анны Ахматовой. Кроме этого, очень много читал разнообразной литературы.

— *Так ты дипломированный филолог?*

— И еще — переводчик немецкого языка.

— *Почему именно романо-германская филология? Чем обусловлен твой выбор?*

— Еще когда учился в 5 классе, начал дополнительно заниматься немецким языком, хотя мой учитель математики настаивал на том, чтобы я всерьез занимался его предметом — способности к этому были. Может быть, из меня получился бы неплохой программист, но в то время еще не было такой специальности и, обсудив перспективу, решил ориентироваться на изучение языков.

— Школу Андрей закончил с отличием, — уточнила Альбина Ивановна. — А в Университет поступил на вечернее отделение. Занятия проходили 4 раза в неделю. Жадность к знаниям у Андрея была просто невероятная — за все годы обучения ни одной лекции не пропустил! Болел ли, с температурой ли, в любую, даже самую ужасную погоду, Андрей ехал на занятия. Случалось так, что он был единственным студентом в аудитории.

— *И что же, преподаватели читали лекции для одного студента?*

— Да. Брали магнитофон, записывали лекции, а на прощание преподаватель говорил: «Ну, Андрей, я надеюсь, что Вы лекцию распространите среди студентов!». В группе Андрея называли «палочка-выручалочка».

— *После окончания Университета были проблемы с трудоустройством?*

— Андрей работает переводчиком в одной немецкой фирме, готовит техническую документацию, коммерческие материалы, оформляет договора. За 12 лет работы со стороны фирмы не было никаких нареканий, его очень ценят как переводчика. А поэзия — это его хобби.

— *Как хобби? Такие стихи — и хобби?! А, может быть, это как раз и главное. Взять, к примеру, Чехова, который в историю вошел не как земский врач, а как прекрасный писатель.*

— Ну, может быть. У Андрея уже вышел пятый сборник стихов. Все его стихи печатались в России, Беларуси. Кроме этого Андрей работал журналистом-переводчиком в газетах «Киевские ведомости» и «Daily-экспресс».

— *Вот видите! А стихи у него — просто нет слов! Особенно лирика. Так может писать только глубоко чувствующий человек. Андрей, в твоей жизни была любовь?*

Мой собеседник на какое-то время замирает, и в его глазах темной птицей мелькнула затаенная грусть. Как оказалось, именно той, единственной и неповторимой, посвящены щемя-

щие стихи Андрея. Я видела фотографию, где они запечатлены вдвоем — прильнувшие друг к другу, как будто пытались стать одним целым. Не стали... Девушка предпочла исчезнуть, уехав и не оставив никаких координат, испугавшись трудностей совместной жизни двух инвалидов...

*«Летний день со зноем суеты,
С синим льдом чарующего взгляда.
Девушка несбыточной мечты,
Страстных слов мне от тебя не надо...
Не мечу я бисером стихов,
Было ясно сразу — с полуслова:
В битве за бездонную любовь
Жертвовать собой ты не готова.
Не готова... Бог тебе судья,
Разойдемся тихо, без прощанья,
Мягкими словами: «Мы — друзья»,
Прикрывая жесткость расставанья.
В отражениях кривых зеркал
Никогда не скрестимся лучами.
Чувств неразрядившийся накал
Уплывает в небо миражами.
Холодами веет боль-мистраль,
Дай-то Бог мне силы и терпенья.
Нежная хрустальная скрижаль
Перельется тихо в озаренье...»*

...С той поры прошло несколько лет. Андрей предпринимал попытки в надежде найти любимую, но — тщетно. «Уехала, а куда — не знаем» — слышал в ответ. Он и сейчас один — «ангел с одним крылом», тем не менее, пытающийся «летать» наперекор судьбе.

— Андрей, а тебе знакомо чувство полета? Во сне летаешь?

— Не только летаю, а иногда и стихи сочиняю во сне. Про-

сыпаюсь и стараюсь побыстрее записать, пока не забыл. А потом набираю на компьютере.

— *Может быть, мой вопрос покажется странным, но как ты, Андрей, смог написать песню «Вернись» от лица женщины?*

За Андрея ответила Альбина Ивановна.

— Это очень интересная история. Первоначально это стихотворение называлось «Осенний ноктюрн» и было посвящено все той же девушке. Но однажды его прочитала композитор, заслуженная артистка Украины Людмила Ермакова. У нее была уже готовая музыкальная зарисовка, и она наложила слова на музыку, так и получилась песня. Но требовалась незначительная доработка, и она позвонила нам, спросила, согласны ли мы на некоторые изменения. Мы, конечно же, согласились, более того, мы были счастливы от подобного предложения. А потом Ермакова показала песню заслуженной артистке Украины — Инеш, которая, только прочитав, сразу же воскликнула: «Это моя песня, она обо мне!» и добавила, что такие слова мог написать только святой человек. Позже на эту песню был снят видеоклип, а Андрея пригласили на его презентацию, подарили кассету с записью. К сожалению, у нас нет своего видеомэгнитофона, мы ходим посмотреть и послушать к знакомым.

*«Уходят боли летних ностальгий,
Как символы душевного разлада.
Но заглушает мерные шаги
Симфония шального листопада.
Разлуку излучает желтый лист.
Вернись... Но эхо отзовется. Поздно.
Лишь горькая рябиновая кисть
Горит, как остывающие звезды.
Вернись, любимый мой, вернись!
Твои следы дожди еще не смыли.*

*Вдвоем хочу по осени пройтись,
Пока еще не стали мы чужими.
Вглубь памяти уходят поезда,
Незримо унося глотки надежды.
На рельсах — снег и талая вода,
И отзвук зова слышится все реже.
И вырвать одиночество нет сил,
Перестрадай меня, заклятье-осень.
А дождь все моросил и моросил,
Как будто всем на свете вызов бросил.
Вернись, любимый мой, вернись!
Твои следы дожди еще не смыли.
Вдвоем хочу по осени пройтись,
Пока еще не стали мы чужими».*

Еще одна песня Андрея, которую также исполняет Инеш, называется «Снегопад». Обе песни вошли в фонотеку радиопрограммы «Промінь».

Мы продолжаем беседу, а меня не покидает ощущение, что Андрей своей интеллигентностью, галантностью и каким-то внутренним, врожденным аристократизмом кого-то очень напоминает, но вот кого...

— Андрей, что ты больше всего ценишь в людях?

— В первую очередь — улыбку, доброжелательность, уравновешенность. А еще — порядочность, верность, честность.

— Ты веселый человек. Что в твоей жизни значит юмор?

— Стараюсь трудности в жизни воспринимать с юмором, иначе просто можно зачерстветь душой.

— А что, по-твоему, нужно человеку, чтобы чувствовать себя счастливым?

— Вот вы пришли ко мне, мы общаемся — и я счастлив!

— Господи, оказывается, как мало нужно для того, чтобы дать возможность человеку почувствовать себя счастливым!

Спасибо, Андрей, что ты помог мне понять эту простую истину. У тебя много друзей?

— Много. В Германии, Америке, Беларуси, России и, конечно же, здесь, в Украине. Дважды я побывал в Германии — первый раз по приглашению моего немецкого друга, а второй раз — на лечении, после которого мне стало значительно легче. Я был очарован страной, языком которой в совершенстве владею, и после поездок у меня появился цикл стихов, посвященных Германии. Конечно, хотелось бы жить в Германии, где для инвалидов созданы все условия для нормальной жизни, но... «Я душой в Германии остался, сердцем возвратившись в Украину».

Несмотря на инвалидность, Андрей живет невероятно насыщенной жизнью, недоступной из-за лени ли, или из-за пассивного отношения к окружающему многим здоровым людям. Посещает «Литературно-интеллектуальный клуб» (ЛИК) при «Русском собрании», встречи которого проходят в Доме писателей на Банковой. Член «Международной ассоциации русскоязычных литераторов», также недавно стал членом Союза писателей России, он — дважды номинант Международной премии «Филантроп». А еще Андрей — кандидат в мастера спорта по русским шашкам. Родители Андрея по праву гордятся своим целеустремленным и талантливым сыном, ставшим им на старости лет опорой и надеждой. Вот только стоит в материнских глазах нескрываемая печаль — хочется ей, чтобы вновь засветились глаза сына влюбленным блеском, а стихи его были жизнерадостными и веселыми, а не щемяще-грустными.

*«Подарил мне октябрь
Золотистую осень.
По асфальту шуришит
Шалопай-листопад.
По лесному ковру
Серебрит иней проседь*

*И спадает с березок
Венчальный наряд.
Я вчера подсмотрел
Мимолетное чудо:
Назначала свиданье
Невеста-сосна
С умудренным годами
Раскидистым дубом,
Словно позднюю осень
Сменила весна...»*

Альбина Ивановна подает чай с печеньем, фрукты, вино. Мы пьем терпкое красное вино, шутим, смеемся.

Вдруг на стене прямо над собой я увидела чучело какого-то странного животного — по виду вроде заяц, но почему у него рога и клыки торчат?! Заметив мое изумление, мне объяснили, что это — сувенир из Германии, собирательный образ, вобравший в себя что-то от оленя, рыси и зайца. Согласно немецким мировоззрениям, каждый немец должен быть быстрым как олень, хищным как рысь и уметь петлять как заяц. Мда-а, мы бы до такого не додумались...

Поблагодарив гостеприимных хозяев за радушный прием, собралась уходить. Меня вышли проводить в крошечный коридор, мы прощаемся. Андрей галантно поцеловал мою протянутую для рукопожатия руку, и я вдруг поняла, на кого он похож. Да это же вылитый Пьер Безухов! Мягкий, интеллигентный, обходительный. Где ты, Наташа Ростова?!

*«Снегопад —
под мелодию сказочных снов,
Снегопад —
над волшебными кронами елей,
Подари мне шальную любовь,
Закружи в танце снежной метели...»*

З глибин душі

І. Котович.

Світ поезії Івана Котовича народжений життєдайним прагненням істини. Перша моя зустріч з цією мудрою, нелукавою і доброю людиною відбулася в Ковельській ТО УТОГ на Волині, під час проведення зустрічі нечуючих членів Товариства з молодим літератором. Перше, що вразило мене — це його уміння слухати: зацікавлено, з глибоким розумінням. Іванові очі за скельцями окулярів ніби випромінювали лагідне світло — вся увага звернута на тебе, але не було ніяковості, а текла невимушена

розмова, мовби з найближчим другом-ровесником, і було відчуття, що він зігріває своєю увагою, співпереживає. І раптом, тепло посміхнувшись, поглянувши на чудовий осінній букет жоржин, він стиха промовив:

*«Ідуть поети у жовтневий сон,
Де воскресають в полум'ї калини,
В стрункій красі вродливиці-жоржини,
У сивих нотах тополиних крон».*

У ту хвилину стрепенулося б навіть байдуже до поезії серце. Голова Ковельської ТО УТОГ Лідія Аврамівна Парвасюк, ласкаво поглянувши на Івана, з гордістю сказала: «Творчість Котовича — це, передусім, він сам».

Іван народився 7 вересня 1969 року в м. Любомлі Волинської області. Закінчив загальноосвітню школу зі срібною медаллю,

потім заочно — Луцьке культосвітнє училище, за спеціальністю «Бібліотечна справа». Звідси і почався його шлях у поезію.

Працював листоношею районного вузла зв'язку. У 1997 році заочно з відзнакою закінчив Львівський електротехнікум зв'язку за спеціальністю «Поштовий зв'язок».

Але не полишала Івана поетична муза. Він пише свої вірші з 1981 року. В 1984-му його твори вперше були опубліковані в Любомльській районній газеті, потім почав друкуватись в обласній та всеукраїнській пресі, в альманасі «Світязь».

1993 рік став для Івана Котовича роком народження його первістка — збірки поезії «Ходімо зі мною». Вже з цього першого видання постає тонкий лірик, чії вірші душевно оголені і водночас наповнені неповторним змістом.

У 2001 році виходить друга поетична збірка — «Ще не казка, уже й не будень», в якій автор щемливо висповідується в найсокровеннішому, по-філософськи осягає відвічні закони буття, черпає поетичні слова з криниці народної мудрості.

У післямові до цієї книги волинський поет Йосип Струцюк пише: «Десь, мабуть, наприкінці вісімдесятих, до літературної студії «Лесин кадуб» прийшов русявий юнак. Раз по раз поправляючи окуляри, читав свої вірші. З художнього боку не завжди довершені, але чітко зорієнтовані на національну ідею. Я навіть здивувався, яким чином серед тодішнього суцільного славослів'я і брехні пробився такий чистий, довірливий, абсолютно незахищений голос? На якому почуттєвому реєстрі формувався? Тільки той, хто не відступає від оберегу предків і їхньої віри, майже завжди спирається на правдиве слово:

*«Із Січі, з лісів, з яничарів —
Хто ми і звідки ми?
Очі сльозяться карі
Спогадом Колими».*

Іван Котович був першим серед тих, хто вітав національну

провесинь. І не безпідставно. Він дивився в майбутнє і вірив у нього».

Але мене Іван Котович найбільше цікавить як лірик. У 2002 році виходить його третя збірка поезії — «З нічних глибин скрадається світанок». Вона видана в рамках реалізації гранту Президента України для обдарованої молоді.

Основна тематика творів Котовича — життя в усіх його проявах: від вершин духовного осяяння до непізнаних глибин кохання:

*«Золота любов, чиста, мов сльоза,
Що бринить в мені неодцвітним серцем...
Скільки б не ревла весняна гроза,
Та щораз — хмільна, та щоразу — вперше».*

У 2002 році на Волині відбувся обласний літературний конкурс серед творчої молоді віком від 17 до 35 років. На адресу оргкомітету (Волинська обласна наукова бібліотека ім. Олени Пчілки) надійшло 60 добірок поезії і прози. Журі, очолюване професором Олександром Лисаком, у березні 2003 року присудило II місце Івану Котовичу — листиноші Любомльського райвузла зв'язку.

В альманасі «Обрії», виданому в м. Луцьку видавництвом «Терен», надруковані вірші поета під промовистою назвою — «Сузір'я вже пахнуть квітнем». На сторінках цього альманаху його поезія ховається під парасолькою бабиного літа, одягає золоту вуаль. Поет плете їй кульбабовий вінок, аби осінити сонцесяйним німбом. Вона йому — і кара, й порятунок, вона йому і лікар, і туга:

*«Хто вип'є море —
Залишиться спраглим,
Хто вип'є краплину
Твого погляду —
Насититься сповна».*

Світло Іванової поезії «напинає сонячним леготом вітрила серця» і несе нам маленький вогник очищення.

Добре розуміючи, що знання тільки наповнять його творчість новим змістом, він у 2003 році вступає на навчання до Волинського національного університету ім. Лесі Українки, на заочне відділення факультету «Українська мова і література». Коли Іван приїжджав на сесію, він ніколи не обминав обласну організацію УТОГ, завжди повторюючи: «Тут пахне добром і любов'ю. Ви — мої критики, ви — мої поціновувачі». І ми чекали такої миті, коли можемо відчуті тепло його серця, щирість його душі і проїнятися його світобаченням:

*«Не розкидайтеся словами:
Слова печуть, слова — болять.
Слова зміяються батогами
І душу зболену ятрять».*

Так. Словом можна вбити, а можна вилікувати. Душевну інтуїцію і роздумливість Котовича про швидкоплинність людського життя не можна не вітати. На моє запитання: «Що цікавого було в твоєму житті?», він тихо схилив голову і, ласкаво посміхнувшись, сказав:

*«Моя доля — зводити весну,
Моя доля — наближати щастя,
Моя доля — страдницький оброк:
Приспану Надію розбудити».*

А його надія — це його книги. У 2003 році виходить збірка його поезії «Передвістя зоряних доріг», де його ліричний герой шукає своє, ще ніким не сказане слово, і вірить, що кохання непереможне:

*«Ти ступила рвійно на поріг
І завмерла в сторожкім чеканні.*

*Я дотямив: це прийшло Кохання,
Передвістя зоряних доріг».*

Є в його доробку й добірка верлібрової поезії. Це збірка «Одинокий Всесвіт».

*«Я винуватий тільки в одному:
Не зміг подолати зачарованого безмежжя
Твоєї хмільної весни...»*

Але він його подолав. Дружина Котовича — Наталя Леонідівна, закінчила ВНДУ ім. Лесі Українки, за спеціальністю вона — викладач української та польської мови. Наталя — перший поціновувач його поетичних рядків, перший критик і перший вдячний читач. Часткова втрата слуху не перешкодила їй на шляху до отримання належної освіти. Вона стала добрим порадиником у написанні чудових поетичних рядків свого чоловіка.

Іван Котович — не тільки тонкий лірик, він як щирий патріот України переймається дисонансами нашого суперечливого сьогодення:

*«Не буття, а осмислення; не життя, а пульсація
Неосферних енергій надвисокої частоти...
Ми постійно напружені — ми витягуєм націю
Із болота розпусти у справні світи».*

І це підтверджує його громадянська позиція. Він — депутат трьох скликань Любомльської міської ради: 1998, 2002, 2006 років.

Не все, що надруковане в його книгах, однозначно сприймається, але запідозрити поета у нещирості і фальші не можна. Волинь в особі Івана Котовича має справжнього поета, наділеного іскрою таланту, і віриться, що його доробки знайдуть своїх шанувальників, а його поезія стане очищенням для тих, хто не змілів душею і вміє творити добро.

Коли слово — золото

В. Богаевский.

Існує давнє народнє прислів'я: «Слово — срібло, мовчання — золото». Але чи ж можливо мовчати, коли у людини душа — відкрита, щира, що називається наррозхрист, — звичайно, у позитивному розумінні. Вона спрямована на навколишній світ, чутливо реагує на всі зміни, що у ньому відбуваються. Душі весело, і вона співає, коли людина спостерігає красоти рідного краю; більше того, цей край стає їй стократ миліший, коли вона повертається до нього після довгої розлуки — вона милу-

ється до болю знайомими з малечих літ краєвидами, де стільки сходжено, де по всій окрузі знайоме майже кожне деревце, яке, вгледівши тебе, легким коливанням гілок вітається з тобою, як з давнім і добрим другом. І тоді в душі починають ви-кристалізовуватися слова, що стають некерованими, бо, волюючи простору, вириваються зовні — і тут починається той творчий процес, який продукує поезію чи прозу.

Як розмірковував один відомий російський поет-класик, прізвище котрого я, на превеликий жаль, нині не пам'ятаю, в поезії слово — все. Поезія складається зі слів, що утворюють образи та висловлюють думки. Якщо автор досягає своєї мети, підкоривши собі стихію слова, то його творіння є поезією, навіть якщо вони написані прозою, себто не віршами. Оживлене слово — ось результат творчості поета, тож його завдання — оживити слово. Існують «поетичні ідеї», котрі можна ви-

словити тільки завдяки сполученню слів і звуків, які надають незвичайну, виключну інтенсивність образам і думкам, і саме вони складають істинний зміст поетичного твору.

*«Із мого серця мальва проросла
І розцвіта малиново край вікон.
Моє ж коріння роду — із села.
Моя любов — рідній землі довіку!»*

Вірш, що має оці чотири рядки, вийшов з-під пера поета Валентина Вадимовича Богаєвського, ім'я якого добре знайоме українському (і не тільки українському) читачеві, а особливо дітям-читачам.

...Переді мною лежить невеличка добірка поезій Валентина Вадимовича, якій я хочу дати бодай коротеньку характеристику, і також коротенько зробити підсумки його багаторічної літературної і творчої діяльності.

*«Я ранком росяним по луках
Люблю пройтися босоніж,
Де між крутими берегами
Нуртує в даль ріка Трубіж»,*

— читаю в одному з його віршів. Так може написати тільки людина, яка зросла в сільській місцевості, душею прикипіла до неозорих полів, квітучих нив, для якої різнобарв'я луків — це своєрідна музика, і все це вона носить, де б не опинилася, у своєму серці, як талісман, протягом усього свого життя.

Валентин Вадимович є не тільки мій добрий товариш, і певною мірою колега по поетичному цеху, він ще є і моїм ровесником, бо народився, як і я, у передгрозовому 1940 році. А роком пізніше почалася війна, що принесла незчисленні біди та страждання не тільки дорослим, але й дітям, — бо й вони потерпали від браку тепла, від голоду, холоду... Маленькому Валі не поталанило — доля від нього відвернулася — у віці трьох

років він, простудившись, захворів і внаслідок цього значно втратив слух.

Хоча він народився у Києві, все його дитинство пройшло у мальовничому селі Дернівка Київської області. Успішно навчався у середній масовій школі у містечку Баришівка, при цьому більш схильним був до мови і літератури, до гуманітарних, ніж до точних наук. Почав пробувати поетичне перо десь у восьмому класі — це були дитячі, недосконалі вірші, інколи незграбні та дещо наївні. Однак з часом перо юного поета стає все більш упевненим, почерк — рівним і твердим. І ось успіх — у районній газеті «Прапор колективіста» з'являється його перша, образно висловлюючись, поетична ластівка, себто його перший надрукований вірш. Сталося це, коли він навчався у десятому класі.

Після закінчення школи юнак деякий час працював у друкарні, готуючись вступити до обраного ним вузу, яким був Український поліграфічний інститут ім. Івана Федорова. Успішно закінчивши Київський вечірній факультет журналістики цього вузу, молодий фахівець Валентин Богаєвський отримав направлення на роботу до видавництва дитячої літератури «Веселка», розпочавши свій трудовий шлях у ньому з посади коректора.

Його покликання — літературна діяльність. Він пише переважно про дітей і для дітей. У 1968 році вийшла його перша прозова книжка «Солов'ї в калині», що отримала високу оцінку з боку критики. «Хвалити важче, ніж гудити, — писав у своїй рецензії письменник Борис Харчук. — Але ми не боїмося передати куті меду. Стверджуємо безапеляційно — у літературу прийшов талановитий письменник, справжній художник слова. Лірик по натурі, Валентин Богаєвський бачить світ у його первісній красі. Він живописує дійсність такою, якою вона є. Його трепетне перо — це його тривожна і трепетна душа». Принагідно слід сказати, що зараз підготовлена до друку нова книжка автора під тією ж назвою — «Солов'ї в калині».

Постійно перебуваючи у творчому неспокої, Валентин Вадимович трохи пізніше видає нову книжку для дітей — «Така весела мандрівочка», а у 80-х роках світ побачила третя книжка письменника — «Пісня мирної весни».

Окрім власних творів, Валентин Богаєвський багато і плідно працює як перекладач з інших мов — досить назвати його переклади повістей та оповідань російських, білоруських, естонських, туркменських письменників.

Він працював провідним редактором у Державному спеціалізованому видавництві дитячої літератури «Веселка». Пропрацювавши у цьому видавництві більше 40 років, Валентин Вадимович відредагував безліч важливих науково-пізнавальних та публіцистичних книжок. Він є співавтором енциклопедичного словника для дітей «Україна— рідний край».

Валентин Богаєвський — член Національної спілки журналістів України та Національної спілки письменників України.

Друкувався в журналах «Барвінок», «12 місяців», у збірниках «Веселі пригоди», «Барвінок», «Червоний прапорець» тощо. Публікувався в газетах «Друг читача», «Поліграфіст», «Молода гвардія», «Молодь України», «Вечірній Київ», «Культура і життя», «Освіта», «Голос України», «Урядовий кур'єр», в закордонних часописах «Свобода», «Українсько-канадський вісник» та інші.

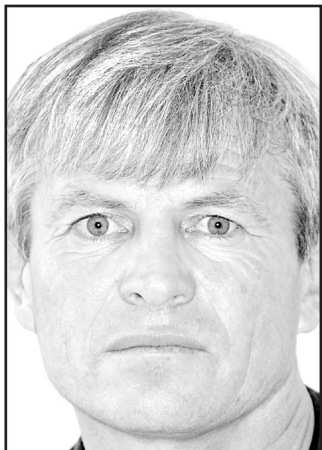
В.В. Богаєвський — лауреат літературної премії ім. Олени Пчілки, нагороджений відомчою медаллю «Сподвижник української книги» видавництва «Веселка», золотою медаллю Київської організації Національної спілки журналістів України «Незалежність», відомчою відзнакою УТОГ «За заслуги», а також почесними грамотами Держкомвидаву України, Національної спілки журналістів України, Міністерства освіти України та дипломами.

І наостанок. Якось у бесіді з Валентином Вадимовичем я запитав його, ким він себе вважає більше — поетом чи прозаїком.

Він, зволікаючи з відповіддю, на мить замислився, а затим сказав: «Літератором, оскільки моє робоче знаряддя — слово...»

Що ж, відповідь, на мій погляд, є вичерпною. Людська мова — основа життєдайності та діяльності будь-якого суспільства, її елемент — слово — може надихнути людину, а може і позбавити її будь-якої волі й сподівань; воно може бути яскравим і тьмяним, полум'яним і холодним, підбадьорливим і вбивчим. Воно може бути позбавленим будь-якого кольору, як залізо, а може бути не тільки сріблом, як стверджує прислів'я, але й золотом. А золото, як відомо, окисленню не піддається, воно вабить і зачаровує... Такі ж якості властиві і слову, яке стало першоджерелом усього суцього у світі, бо, як стверджує Книга книг, спочатку було саме воно — Слово... Що ж стосується творчості поета і письменника Валентина Богаєвського, то його слово вчить добру, пропагує людяність, здорові взаємини у суспільстві. Це тим більше важливо для нашої спільноти, оскільки його твори читає дітвора, і, треба думати, черпає в них той бадьорий дух, веселий настрій і прагнення, що в кінцевому рахунку сприяє їхньому нормальному світосприйманню і веде до добрих вчинків. Слово Валентина Богаєвського кличе і вабить дітей до світла. А діти, як відомо, з часом стають дорослими...

Щоб промінь серця людям залишити...

І.А. Стронський.

Звиклі до зірок тієї чи іншої величини, які спалахують і згоряють, або світять через роки і віки в сузір'ї вітчизняної поезії, ми інколи й не помічаємо інших талановитих поетів.

Але хочеться сподіватися, що не така доля судилася віршам нечуючого поета з Тернопільщини Івана Стронського. Бо вони — як той розквітлий сонях, вирощений залюбленою в рідну землю людиною.

Народився Іван Антонович Стронський 25 липня 1959 року в селі Виноградне Заліщинського району на Тернопільщині. В десятирічному віці Іванко втратив слух. До школи не ходив. Нікому не було діла до глухого хлопчика. Та поруч був його дід Іван, який водив малого внука «у край долин і круч предивних», розповідав йому казки над широким плином Дністра. Це були перші пізнання краси рідного краю. Згодом навчився читати.

Підрісши, Іван подав документи на заочне відділення вечірньої школи. Потім працював на підприємствах Кам'янця—Подільського і Житомира. Багато читав художньої літератури, особливо подобалася йому поезія. Вона виражала настрої його вразливої душі, його сокровенні бажання, давала відчуття краси української мови.

Молодий юнак почав і собі висповідуватись:

*«Звідкіля тобі моглося знати,
Що спіткає доля нелегка?
Із країни тиші веслувати
Вік мені на дивобережка,
Де звучать мелодії далекі,
Де блука маленький Синьоок,
Де співають люди... І лелеки
З клетотом танцюють свій танок».*

Перша збірочка «Таріль соняху» вийшла у світ 1993 року в Тернополі. Друга — «Провіяні зерна» — 1999 року.

Обидві збірочки відзначаються високим поетичним пафосом, глибоким філософським змістом. Вони сповнені любові до рідного краю, до людей, серед яких живе нечуючий поет.

Вірші Івана Стронського знайшли шанувальників красного слова серед односельців та численних друзів.

«У нього є свій казковий світ душі, до якого можна заходити щоднини...» — відгукнулася на творчий доробок молодого поета нечуюча поетеса Валерія Яремко.

А ось що сказав у передмові до збірки «Провіяні зерна» перший наставник Івана Стронського на поетичній ниві — Петро Мельник: «Іван Стронський — знаний в Заліщиках і на Тернопільщині член літературно-мистецького клубу «Дністер», чиї скарби пера не залишають байдужим нікого. Україна має незрадливого сина, бо «кожний син неньці своїй дорогий, хто до неї з любов'ю горнувся».

Ця любов до всього суцього — визначальний мотив у щедрій поетичній палітрі Івана Стронського.

*«Я в тривозі: хто ми є.
І куди йдемо в розгоні?»*

— пише він зі щирим уболіванням за долю неньки України, свого народу, зрештою, за кожного з нас.

І, нарешті, синівське одкровення:

*«В щирім слові згорю,
Щоб піднести Вітчизну...»*

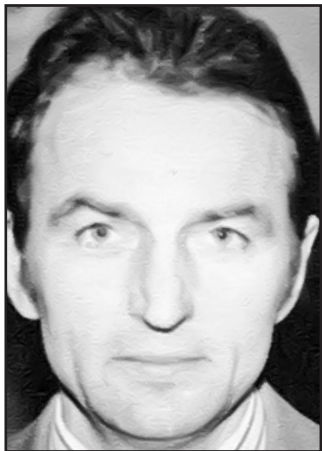
Іван Стронський часто зустрічається з учнями спецшкіл-інтернатів для дітей з порушеннями слуху і вони з цікавістю слухають вірші цієї неординарної людини. Він друкувався у колективних збірках нечуючих поетів України: «Живий дощ», «Серцем почуте», «Строка, посвященная юбилею», постійно друкується в газеті «Наше життя» УТОГ.

Нині Іван Стронський живе й трудиться в рідному селі. З березня 1991 року очолює Заліщанську територіальну організацію УТОГ, допомагає таким же нечуючим, як і сам, вирішувати їхні непрості проблеми, долати життєві негаразди. За його участі було організовано випуск стінгазети «Овид», яка ознайомила нечуючу молодь району з новинами правового законодавства і соціального захисту інвалідів зі слуху.

Поет Іван Стронський живе і творить з девізом:

*«Творімо, дерзаймо, друзі,
Щогодини,
Щоб дух людський
В душі здоровим жив,
Щоб на широких
Шпальтах часоплину
З нас племінь серця
Кожний залишив...»*

Колискова у травневу ніч

Ф. Савенок.

Він немов виник нізвідки, вплив з мороку забуття легкою, перелітною хмаринкою. Постарілий та обідній, він сильно здав ззовні, але, як не дивно, не втратив бадьорості духу та ясності думки. А найголовніше — свого поетичного таланту. Український «соловей» Федось Савенок, один з кращих глухих поетів, через довгий час повернувся з далеких мандрівок невідомими світами.

Повернувся, так і не знайшовши свого талану, не набувши щасливої долі, та все ж не з пустими руками і порожньої душею — з дивовижними, прегарними віршами-піснями, що беззвучно заспівав чарівним голосом справжнього співця любові. Це і скорботна, сповнена великого жалю, любов до рідної землі, до її, хоч і «знівеченої», але вічно живої краси:

*«Моє літо, моє поле,
Хата в рідному краю...
Лише спомин, лише болі
Душу здавляють мою.
Нині там ростуть поганки,
Де манили нас гриби —
Радіацію щоранку
Відчуваю на собі.
Краю мій! Зелений краю!
В серці біль я твій несу.*

*За безлюддя душу краю,
За знівечену красу».*

І піднесена одухотворена любов до «зоряних глибин», і трепетна, ніжна любов до дівчини, жінки, «неповторної, як весна»:

*«Де тополі тонкостволи
В даль замірялись ясну —
Я зустрів тебе у полі,
Неповторну, як весну».*

Це і гірка, жаліслива любов до самого себе — бідолашного бродяги, та, разом з тим, горда і навіть прекрасна любов до себе — сина людського, частки єдиного всесвіту, створеного Богом:

*«Мене не буде, а й тоді
Десь часточка моя
У щім буятиме житті,
У травах і гаях.
У ріднім краї залишусь
Я подихом весни,
Ввіллюся в теплий вітру шум,
У світанкову синь».*

Дивне створіння — людина! Серед повного або відносно-го благополуччя вона може повністю втратити свій талант, безцінний дар Божий. А може озлидніти, розвіяти по світу все, що має, але залишитися поетом.

Федось Савенок, незважаючи на всі життєві негаразди, поетом бути не перестав. Він склав свою пісню, що ніколи не скінчиться, — пісню про життя і смерть. Вірніше, безсмертя. І ллється, ллється у тиші дурманної травневої ночі ця солов'їна пісня, ця незвичайна «колискова для себе»...

*«Вітер віє з-під борів
Та й розмаю-гаю:
Спи, Федосю, спи старий,
Баю, баю, баю...
Жінка й діти бачать сни,
Все заснуло місто.
Спи, Федосю, навесні
Сниться золотисто.
Проженем зі сну блазнів,
Стрінем там і Віру,
Де гай синьо заяснів
В світанковій мрії».*

Шлях до слави та визнання для Федося Савенка був тернистим як і все життя. Не один раз він впадав у відчай, стояв на роздоріжжі, не раз хотів повернутися в рідне село Буряківку, де пройшли чи не найкращі роки життя. Але рідне село було мертве, лише вирував чортополох та будяки, які вимахували до двох метрів і ніби хизувалися перед всіма: «А ми найсильніші». Та через деякий час він опановував себе і знову поринав в немилосердне до нього життя, свої мрії, поезію.

Народився Савенок Федось Григорович 6 березня 1936 року в селі Буряківка Чорнобильського району Київської області у селянській родині. Слух втратив після тяжкої хвороби — менінгіту. Довго хворів, потім була Велика Вітчизняна війна, тож семирічку закінчив у рідному селі лише в 1953 році, будиши вже глухим.

В школі навчався з великою наполегливістю, навіть жадібністю. Шкільні завдання вивчав, самостійно читаючи підручники і ці знання карбувалися на все життя.

Потяг до книг прийшов ще в дитинстві з першим розумінням азбуки. Але, як потім згадував Ф. Савенок: «Найбільше я завдячую Григорію Максимовичу Лазаренку, своєму першо-

му вчителю. Це він прищепив мені любов та повагу до книги, до друкованого слова. Він був чуйним і уважним до мого лиха і завжди заохочував до читання. Він не раз писав мені — шануй друковане слово, осмислюй його і воно виведе тебе в люди». І він не помилився.

Після закінчення школи Федось ще 3 роки працював у колгоспі, допомагав батькам, а потім його «знайшов» Київський обласний відділ УТОГ, поставив на облік і рекомендував їхати до Києва для працевлаштування на підприємство, де працюють такі ж глухі, як він сам. Тож коли приїхав до Києва, то відразу прийшов на КДВП УТОГ, де працював спочатку слюсарем, ливарником, а потім обрубником, токарем, фрезерувальником. Він мав великі здібності, допитливий розум і золоті руки. За що б не взявся, все у нього виходило до ладу. Особливо йому подобалась професія фрезерувальника, сам процес роботи, коли шматок заліза перетворювався на потрібну деталь.

А у вільний час багато читав, особливо любляв поезію і сам пробував писати. Та розумів нестачу знань. Тому у 1975 році вступив на навчання до Київської вечірньої школи робітничої молоді № 27 для глухих, а в 1980 році без відриву від виробництва закінчив факультет журналістики Київського державного університету ім. Т.Г. Шевченка.

Федось Савенок за фахом був фрезерувальником, а за покликанням душі — пристрасним цінителем книги. Так уже давно повелося: з кожного заробітку він відкладав на передплату багатотомних видань класиків літератури. В його квартирі крізь скло книжкових шаф виблискували тиснені золотом корінці книжок. В особистій бібліотеці було повне зібрання творів О. Пушкіна, Т. Шевченка, Л. Українки, М. Горького, В. Маяковського, С. Єсеніна — всього понад тисячу томів.

Особливо він любив і шанував поезію. Багато віршів Т. Шевченка, О. Пушкіна, М. Лермонтова, С. Єсеніна, Р. Бернса — знав напам'ять і сам багато писав.

Його вірші друкувалися на сторінках газети «Наше життя» УТОГ, а найкращі — увійшли у колективні збірки «Серцем почуте», «Живий дощ», «Відлуння», підготовлені Товариством та видані видавництвом «Радянський письменник».

«Книзі, насамперед, художній літературі, — говорив Федось Савенок, — я дуже вдячний. Книги вивели мене на широкую життєву дорогу, навчили любити Україну, природу, життя і знаходити своє місце у ньому. Я не мислю свого життя без книги, без поезії», — і Федось Савенок теплим і м'яким жестом руки торкався до томика, що завжди лежав на його письмовому столі.

В 1974 році він звільнився з підприємства КДВП «Контакт» УТОГ і перейшов працювати кореспондентом в редакцію газети «Наше життя» УТОГ.

Але взаємовідносини з редактором газети не склалися і в 1981 році він пішов з редакції.

Не дуже добре склалося життя і в родині, особливо з дітьми.

До 1996 року він працював на різних посадах на підприємствах м. Києва, а у 1996 році вийшов на пенсію за віком і повністю присвятив себе своїй улюбленій музи.

З життя пішов у 2003 році.

Незадовго до смерті Федось Григорович з'явився в редакції, приніс цілий цикл віршів, де наче прощався з життям.

«Тихо листя падає...

То ж мої літа.

Ой ти, пісне осені,

Пісне золота».

Mare de vitae

Життєве море

Ю. Соловьева.

«Саме душа надає сенс і ціль життя», — говорив Арістотель. Як часто нас хвилює те, що ми можемо, те, як нас бачать інші, і як часто ми забуваємо, що ми маємо безцінну душу, яка може мріяти й прагнути, любити й надихати, змінювати життя на краще.

Батько Юлії Соловйової, Володимир Ананьєв, був військовим, мати — бухгалтером, але передусім дружиною офіцера. І це було причиною частих переїздів і того, що Юлія народилася в Азербайджані, у маленькому містечку Ленкорань.

Вони жили на березі Каспійського моря серед апельсинових садів і допитливих поглядів темношкірих тубільців. Дівчинку не раз лишали в колясці перед спокійними хвилями і перегукуванням чайок. Вона дивилася в небо, вслухувалася в море — і в ній зароджувалася душа поета.

*«Море приходит к тебе,
Если ты не приходишь к морю.
Что ему до тебя, отщепенца,
Прикипевшего к горю?
Но оно простирает из берегов
Свои белые, пенные руки,
Чтобы снова тебя обнять
После долгой разлуки.*

*После происков злых людей
И путей неверных
Только море может отмыть
От приставшей скверны.
Море вылизжет твою жизнь,
Как котенка кошка.
Станешь чистым, почти святым
И смешным немножко.
Мы из моря вышли, из лона вод
На пески и камни жестокой суши.
Только кто нас на ней поймет,
Кроме моря-кошки,
Вылизывающей души?»*

Коли Юлі було 5 років, вона вперше побачила циган. Це трапилося при переїзді на Україну, в Дніпропетровську. На вокзалі стояла страшна спека, робити було нічого, аж ось... Замайоріли кольорові сукні, заіскрилися темні очі, заблищали золоті сережки... Але це все було ніщо в порівнянні з тим, що вони співали. Ці звуки просто зачарували маленьку душу і потягли за собою. І хто знає, як би все склалося, якби дівча на виході з вокзалу не перехопив міліційний патруль і не віддав у руки мамі, яка, вся в сльозах, не знаходила собі місця, шукаючи малу.

*«Любовь — жестокий романс,
Который поют цыгане.
Таинственный дилижанс
Для призрачных расстояний.
Романс-дилижанс звенит
И по Вселенной катит,
Солнце ползет в зенит,
И горько гитара плачет.
Нет никого — никого! —
Кто не был в любовном трансе.*

*Даже дикий ветер степной
Поет романс о романсе.
В романсе цыганская дочь
Вслед за любимым уходит,
Ищет его всю ночь,
Но нигде не находит.
Нет, он не бросил ее,
Просто романс — жестокий.
Осень в степи живет
Монахиней одинокой.
Нет никого — никого! —
Кто не был в любовном трансе.
Даже дикий ветер степной
Поет романс о романсе.*

*Цыган не построит дом
И дерево не посадит.
Не думая ни о чем,
Он попросту жизнь растратит.
А сыну останется лишь
В звезды святая вера,
Ветер, ночная тишь,
Цыганское романсеро.
Нет никого — никого! —
Кто не был в любовном трансе.
Даже дикий ветер степной
Поет романс о романсе.*

*Романс-дилижанс плывет,
Уходит в ночное небо.
Никто не знает — никто! —
Любовь — это былъ или небыль».*

Спів циган був останнім, що повноцінно чула дівчинка. У тому ж році вона захворіла на запалення легенів і через лікування антибіотиками, які вбивали слуховий нерв, почала втрачати слух. Початкові класи вона закінчувала в малесенькій школі малесенького містечка Комунарська і якось ще давала собі раду, могла навіть так-сяк говорити по телефону. Справжні клопоти мали початися вже незабаром, але дівчинка про те не думала. Вона вчилася і насолоджувалася читанням книжок. Ба, почала сама писати!

Щороку на літні канікули Юля їздила в село до бабусі. Ліс і річка були її улюбленими місцями проведення часу, адже саме там вона могла дати волю своїм мріям і стати героїнею казкових пригод. І все це лягало ще нерівними рядками на білі аркуші в лінійку або клітинку шкільних зошитів.

*«Бабочка — Саломеей
Бездумной и беззащитной —
Странно движется в воздухе;
тонкие письма
Вьются следом за ней
серебристой строкою слитной,
Только их не поймет —
никогда не прочтет она.*

*И смотрю я на танец, на трепет, на тайную запись
С превосходством печальным немой,
безысходной тоски:*

*Мне — дано пониманье
Незнанья и робкая храбрость
С беспокойством касаться
своей — вот такой же — строки,*

Но не больше...»

Коли Юлі виповнилося 10 років, лікарі запропонували спробувати лікування струмом високої частоти. Результати мали бути вражаючими, та, на жаль, вразили лише своєю тотальною невдалістю. Дівчинка повністю оглухла і не могла вже більше навчатися в загальноосвітній школі. Батьку дозволяють переїхати в Київ, де є школи для дітей з порушеннями слуху і саме в такій школі Юля продовжує своє навчання. А паралельно, на бажання мами, вчиться малювати. І те, й інше дівчині вдається легко. 8 класів вона закінчує з відзнакою. Але справжньою любов'ю незмінно лишається слово. Перечитуються стоси книжок і набирає впевненості рука поета.

Та ось знову батька переводять в інше місце. Цим разом в Німеччину, в містечко серед незайманих лісів – Вюнсдорф. Спілкуватися з місцевими мешканцями дівчина, звісно, не могла — і з мовою важко було, і керівництво не дуже дозволяло — проте могла продовжити навчання з прапорщиками і писати статті для газети військових льотчиків. Їй навіть дали посвідчення військового кореспондента, з яким вона могла гуляти по лісу і не перейматися тим, що поруч стріляють. Самі ж вибухи дівчині не заважали, адже вона їх просто не чула. А от краса німецьких лісів її захоплювала і надихала до нових польотів думки. Ці ліси куди більше приваблювали серце дівчини, ніж убоге вар'єте для солдатів. Вона ніколи в них не губилася, як це сталося, коли втекла з чергового Кан-Кану в центрі Берліна.

*«Вам не случалось
Заблудиться в облаках
И пить из одуванчиков вино,
И в розовых опавших лепестках
Увидеть вновь свое давным-давно?*

*Ах, сколько важных, неотложных дел
У вас и даже у меня, признаться.*

*И уж таков у облаков удел —
Стесненно, бегло в лужах отражаться,
Где порой увидеть их случилось...*

*Вам не случилось, в сердце не стучалось,
Вдаль не манило, разум не затмило?
Какая жалость, что такая «малость»
Нимало вас, совсем не изменила.*

*Вам не случилось,
Вам не пелось просто,
Вам не мечталось или не любилося.
А если что-то было — у погоста
Упало и пропало, и забылось».*

Що не зробиш заради кохання! Перед самими випускними іспитами дівчина кидає все і їде в Москву з хлопцем, який збирався стати лікарем і вилікувати її глухоту. Він відніс її історію хвороби в інститут голкотерапії, а вірші й малюнки — в Літературний інститут ім. Горького, та нічого з того не вийшло. На своє двадцятиліття він назапрошував дівчат, з якими танцював і шепотів їм щось на вушка, і Юлії нічого не лишалося, як встати і піти геть. Вона пройшлася ще Старим Арбатом, єдиним близьким їй у Москві місцем, і повернулася в Німеччину, де знову з відзнакою закінчила вже 10 класів.

*«Боже, как хочется тонкого, нежного, светлого.
Ветер странствий, приди, позвони, постучи в мою дверь!
И накинута плащ, и мне станет невиданно весело,
Словно и не было всех моих тяжелых и страшных потерь.*

*И опять я лицо тебе в странствиях дальних придумую,
Нарисую глазами тебя на холстах-облаках.*

*Сколько лиц я твоих создавала, ты помнишь?
Все умерли.
Сколько уст целовала — лишь воздух остался в руках.*

*Но приходишь ты снова и снова зовешь меня в странствие.
И я снова тебя создаю — из лучей, из ветвей,
Из бродячих собак, из весенних иллюзий пространственных,
Из всех неисхоженных мной, неизвестных путей.*

*Боже, как хочется тонкого, нежного, светлого.
Ветер странствий, послушай! В сиянии вешнего дня
Я с тобой изменю — изменю безрассудно и весело —
Грубым, громким и темным, нещадно терзавшим меня».*

Після закінчення школи Юля повернулася в Київ до своїх рідних і друзів. Її вродо чарувала багатьох хлопців, але вийшла заміж вона за Дмитра Соловйова, який так довго любив її без відповіді. Вони здавалися прекрасною сім'єю — вона закінчила педагогічний інститут і стала вчителькою малювання, він був єдиним в країні глухим біохіміком. Та були вони настільки різними, як поезія і пробірки з сірчаною кислотою. І шлюб розпався. Дмитро виїхав у Сполучені Штати Америки, а Юлія лишилася у Києві, закінчила інститут журналістської майстерності й почала писати професійно.

*«Уходит поезд вдаль — стучат колеса,
Стучат колеса, до утра стучат...
Во мгле стеклянной вздрагивают розы,
Не ты, а звезды на меня глядят.*

*Без глаз твоих, темнеющих от страсти,
Светлеющих от нежности и слез,
Забуду я, что значит слово «счастье»,
Увяну, может быть, скорее роз.*

*Без слов твоих, без рук твоих, любимый,
Так бледен, мал, неинтересен мир...
Что я могу? Шептать родное имя
Летящей ночи, в дремлющий эфир.*

*И вспоминать, что было — так недавно
И так уже мучительно давно!
И знать наверняка — а это главное —
Что радость повторится все равно».*

Єдиною людиною, яка розуміла її, був молодий чоловік, з яким вона випадково познайомилась, коли лежала в одній з київських лікарень. Тепер було все навпаки — ззовні все виглядало дуже сумно, але всередині цвіли сади Едему. Вони зустрічалися у лікарняних коридорах і обмінювалися своїми позасвітними оповіданнями. Так постало те, що Юлія цінує понад усе і що благовійно називає рукописом. Та молодик виявився одруженим. Він виписався з лікарні, повернувся до дружини і зайнявся бізнесом. І працю життя Юлія змушена закінчити сама.

*«Все связано, все сплетено в одно.
Единство с ближним и единство с дальним —
Давным-давно уже предрешено,
Заложено в порыве изначальном.*

*Слепая вязь, невидимая сеть.
И я порой не смею оглянуться:
В глаза иные стоит посмотреть —
И параллели вмиг пересекутся...*

*Но я не оглянуться не могу.
Я не могу укрыться в темной нише:
Пурпурными следами на снегу
Сияет предначертанное свыше.*

*Да будет воля, Господи, Твоя.
Твоим предназначениям послушна
Порой бываю, как ни странно, я —
Иду, рукой влекомая воздушной...*

*Нет, не иду — пряду живую нить.
А Ты ее вплетаешь в сети мира.
И вспять не повернуть, не изменить
Хотя бы вздох в сплетениях эфира,*

*Невидимых узлов не развязать,
Таинственной твоей не видеть цели,
Самой себе пути не предсказать,
Не знать, где пресекутся параллели...»*

А тим часом постає збірка «Міражі», в якій поетеса показує всю ілюзорність життя. Видати книгу в 93-му допомогла давня подруга сім'ї — Марія Петрівна Чернявська. Наступна збірка — «Між небом та землею» побачила світ у 2006 році. Вона показує той стан, у якому зависла душа дівчини, шукаючи ключі до відповідей на свої питання. За браком коштів збірку видано разом зі збіркою іншої поетеси, Валерії Яремко. А спонсором цим разом стало Українське товариство глухих.

Якийсь час Юлія працювала в Товаристві глухих завідуючою літературного відділу газети «Наше життя», але відчувала, що це «не її» і почала співпрацювати з газетами «Петрівна» та «ІЛУ», а потім перейшла працювати в журнал «Райдуга». Жінка без проблем розуміє усну мову, читаючи з губ, і вільно нею говорить, так само легко вона розуміє мову жестів і при потребі нею відповідає, тож бар'єрів у спілкуванні, як з глухими, так і з тими, хто чує, не має жодних. Більше того, спілкуючись з жінкою, починаєш забувати, що вона абсолютно нічо-

го не чує. Проблема зникає сама собою. Інша річ — життя, яке ставить перед нами завдання, і творчість, яка вимагає посвячення, інколи і всього життя.

*«Когда твоя не удаётся жизнь
И нет в ней первой утренней росы,
И нет звезды вечерней, нет мечты, —
Переверни песочные часы.*

*Когда на всей планете ни души,
Все дни скучны, все сны твои пусты,
Ни птицы не живут в них, ни цветы, —
Переверни песочные часы.*

*Когда печаль умчится в небеса
И радость камнем ляжет на весы,
И видишь, что перевернулся мир, —
Переверни песочные часы.*

*Когда ни облаков, ни жемчугов,
Ни первой, ни последней высоты,
О милости случайной не проси, —
Переверни песочные часы».*

Одного разу, коли Юлії було 15 років, вони з мамою відпочивали в селі в бабусі і пішли до однієї знайомої на іншому кінці села в гості. А в тої вже була якась дивна жінка. На її старій шиї висіла низка найрізноманітніших хрестиків, серед яких дівчину особливо зацікавив срібний медальйончик Діви Марії. Жінка побачила це і подарувала їй цей медальйон. Уже тоді Юлія відчула, що він супроводжуватиме її усе життя. Ніби на підтвердження цього сталося диво. Коли вони поверталися додому, в місце, яким щойно пройшла дівчина, вдарила блискавка. Вона не помітила і не почула цьо-

го, але мати, що йшла ззаду, підбігла й не могла повірити, що з донькою все гаразд. Тоді ніхто не подумав про медальйон, але, коли дівчина на наступний день, не вміючи плавати, перепливла річку, вона зрозуміла, що так і є — Матір Божа взяла її під свою опіку. Ще не раз Юлії доведеться зазнати болю від людської і власної слабкості, але цей медальйон, який, ймовірно, був знятий з убитого під час II Світової війни німецького солдата, про що свідчить німецький напис на ньому, завжди буде з нею і завжди допомагатиме їй.

*«Я вижу, как время течет и бежит
И брызги взлетают над камнем,
И луч заходящего солнца дрожит
В летящем потоке хрустальном.*

*Жемчужиной трепетной и золотой
Горит на ладони Мгновенье —
Я буду нетронутой и молодой
До самой Долины Забвенья.*

*Хотя берегами клубятся века
И темные тянутся скалы —
Я буду все плыть мимо смерти, пока
Вдруг луч не погаснет усталый.*

*И станет жемчужиной черной в руке
Мое золотое Мгновенье...
И буду я плыть по туманной Реке
Туда, где реальны виденья».*

Юлія дуже любить море, адже воно нагадує наше життя. Часом воно неспокійне і кидає нас туди-сюди, часом навпаки, затихає і доводиться веслувати, а часом з'являється легкий ходовий вітер і варто лише вміло розставити вітрила, щоб він ніс

тебе туди, куди ти хочеш. А ще вона любить небо, яке, як говорив Кант, не перестає вражати своєю величчю. Воно впливає на море і підказує шлях.

*«Дни мои набегают, как волны, на берег
И уходят куда-то назад...
Море жизни, тебя никогда не измерить.
Смотришь вдаль — и теряется взгляд.*

*Все приходит, уходит — и радость и горе,
Тихо пеной по гальке шурша...
Мне, рожденной у моря — у самого моря! —
Так понятна морская душа.*

*Только больно и странно: все, что море приносит
И бросает на камни, к ногам —
Не мое, не мое: мое сердце молит и просит,
А волна отвечает: «Не дам!»*

*Вот же, видишь, в руках моих — россыпь жемчужин,
Книга странствий, портрет короля.
Но в придачу к сокровищам этим мне нужен
Сам король на борту корабля.*

*Дни мои набегают, как волны, на берег
И уходят куда-то назад...
Все проходит, но право лишь сердце —
Не уставшее ждать,
Не уставшее верить
В даль, в которой теряется взгляд».*

Из биографии:

Юлия Владимировна Соловьева родилась 8 июня 1960 г. в г. Ленкорань (Азербайджан). Оглохла в 5 лет после болезни. Училась в Киевской спецшколе-интернате № 9 для слабослышащих детей и паралельно — в художественной школе. В 1985 году окончила Киевский педагогический институт им. А.М. Горького, в 1990 году — Институт журналистского мастерства при Киевской организации Союза журналистов Украины. В 1995 году окончила Киевский художественный институт.

Член Союза журналистов Украины с 2001 года, автор очерков, опубликованных в сборнике «Свет безмолвных звезд», 2001 г. Печаталась в газете «Наше життя» УТОГ, в сборниках «Живий дощ» (1983 г.), «Відлуння» (1991 г.). Автор сборника стихов «Миражи» (Киев, 1993 г.). Соавтор сборника «Между небом и землей» (2006 г.).

Розділ IV

Художники

Великий Никифор

Всесвітньо відомий нечуючий художник, який увійшов в історію культури під іменем Никифора із Криниці, — одна з найбільших загадок у мистецтві слов'янського світу...

Мати його була глухонімою, така ж доля випала і синові.

Хлопчик виростав, зусібів обступлений стінами мовчання. Те важке мовчання і поніс у своїй душі на все життя.

Н. Дровняк.

Спалена важкою хворобою, жебрачка Явдоха Дровняк рано пішла зі світу, кинувши в нім дитя напризволяще. Тільки й устигла трохи поводити хлоп'я до церкви, щоб воно понадивлялося на ікони.

Що могла запропонувати безпритульному сироті доля?

Цілими днями Никифор ходив вулицями Криниці (до 1939 р. розміщувалась на території Польщі), висиджував у холодку під деревами, задумливо розглядаючи велеліпне панство, що з усіх-усюд з'їздилося сюди на курорт. Хтось із добрих лемків брав його за руку і мовчки вів до себе додому нагодувати, обігріти. А малий Никифор на віддяку малював їм що-небудь хтозна-де знайденим олівчиком. Усі чудувалися з тих малюнків — на них були якісь химерні будівлі, не схожі і чимось схожі на ті, які стояли серед гір. Певно, ніхто Никифорових малюнків не зберігав, і вони, подивувавши своїми химеріями, викидалися на сміття. Мине багато літ, і зачне панство шукати-

ме повсюдно в Криниці, чи не вціліли вони десь серед давнього непотрібу лемківських помешкань. У всій Польщі почнеться мода на лемківського художника Никифора Дровняка, або, як його часто називатимуть, Никифора Криницького.

Але все те буде згодом, коли гучна слава наздожене Никифора на порозі старості, і він зовсім не здивується їй, власне, нічим не зважить на неї. Житиме, як жив. Ніс себе крізь славу, мов ловку іграшку над натовпом дитячих рук, які хочуть ухопити її і розтрошить.

Знаємо, що в дитинстві йому давав притулок Іван Гриняк — зовсім незаможний господар. Власне, серед лемків у Криниці заможні і не було. Всі вони так-сяк перебивалися з хліба на воду, мали скромний заробіток за возіння цегли, каменю, піску для будівництва місцевому панству фешенебельних вілл. Деякі, маючи коней, «фіякрували» — на криницькі курорти прибували паломники не тільки з усіх кінців Польщі, а й з Угорщини, Чехословаччини, Австрії, Німеччини — всім потрібен був транспорт, щоб виїхати за місто подихати гірським повітрям, помилуватися карпатськими ландшафтами. Безліч того різномовного люду від ранньої весни до пізньої осені товклося в Криниці, і тільки на зиму вона завмирала серед гір і снігів. Тоді місто було схожим на Никифора Дровняка, бо ставало німим.

У скромних лемківських оселях довгими вечорами виколисувалася надія, що доля змилюється над дітьми і стане прихильнішою до них, аніж до батьків, і звучали тихі материнські голоси над дитячими лицами:

*«Колиш ся мі, колиш,
Колисонька з клена,
Колиш ся в тобі
Доля премилена».*

Ще ніхто не знає художника Никифора з Криниці, ще ніхто

не зважає на те, що робить задумливе мовчазне лемчення. Самі ж лемки вважають його істотою не від світу сього, а підросле Никифор, то стане для них божим чоловіком, якого розумові звичайних, завжди заклопотаних думою про хліб насущний, ніколи не дано збагнути. Очевидно, саме так сприймало багато в далекому Тифлісі Никифорового брата по мистецтву – Піросмані, який теж міг декому видаватися несповна розуму, бо теж нічого не мав, не жив грошем і не був прив'язаний ні до жодного двору. Малював на цераті свої дивні картини, які попервах ніхто не розумів, і стоїчно ніс на плечах хрест загадкової долі.

Никифора ніхто не вчив малювати і ніхто не заохочував до того. Не знати, коли він уперше взяв до рук олівця, щоб уже ніколи не розлучатися з ним.

Глухонімий заговорив до людей своїми картинами, але минуло багато часу, доки почули його...

За обступленою горами Криницею гриміли війни, літали аероплани, горіли в морях кораблі, бігали по рейках поїзди, засідали парламенти, сперечалися в Парижі художники всіх шкіл... — відбувалося неймовірно багато всяких подій, що впливали на долі окремих осіб і цілих народів, але Никифор нічого про все те не знав. Жив на клаптику згорьованої Лемковини вільним птахом, який навіть не мав свого гнізда і ніколи не сушив голову думками про завтрашній день. Для нього — буде все, як було, нічого не зміниться в карпатському світі біля Низького Бескиду. Бо ж на його картинах усіх літ час і простір замкнулися в одній площі і все назавжди завмерло. Згодом велемудрі психологи й теоретики пояснюватимуть той феномен загадовими атавістичними елементами світовідчуження Никифора Криницького.

Він розмальовував іконостаси, писав образи, пейзажі, портрети, всім за безцінь лишав свої роботи. Можливо, перший в його житті гонорар, виражений грішми, був уже в роки першої

світової війни. Про той епізод розповів лемко Григорій Пиж. У Криниці стояли австрійські війська. Командир частини сидів на коні й вигукував накази набраним з лемків обозникам; Тут і надійшов бідно зодягнений юнак, став осторонь і почав малювати, поглядаючи на австрійця. За кілька хвилин підійшов до офіцера й подав йому свою роботу. Офіцер довго дивився на малюнок, потім сховав його і простяг хлопцеві п'ять ринських. На всіх присутніх селян це справило неабияке враження: офіцер визнав Никифора за художника...

У тридцяті роки приїхав до Криниці відомий львівський художник Роман Турин, який одразу ж звернув увагу на дивака в чорних штанах, чорній заправній блузці, зіжмаканому капелюсі й з «краватом» на шії. Звичайно ж враження на того, хто його вперше бачив, Никифор справляв майже екзотичне — всі надовго затримували на ньому погляд. Але Роман Турин зауважив іншу подробицю — дивак малює. І саме професійна цікавість підштовхнула художника до нього. Він прискіпливо розглядав Никифорові роботи.

Турин був вражений побаченим. Він взяв над хлопцем опіку, допомагав матеріально.

Він — перша людина, яка стала агітувати всіх за Никифора, пояснювати, якого дивовижного художника має Криниця в його особі.

Никифорові на той час уже було 37 років. Він уперше вийшов на вулиці Криниці зодягнений у новий костюм, узутий не в зачовгані шкарбани, а в нові туфлі. Уперше був досхочу нагодований.

Турин ходив за Никифором і купував кожну тоді написану його роботу. Так їх у нього зібралося кілька десятків. Усе те Турин повіз до Львова, де в 1932 році було влаштовано першу Никифорову виставку. Місцева інтелігенція довго сперечалася про ті полотна. Одних шокувала незвичність художникового бачення, і вони не хотіли прийняти його; ін-

ших (і таких було більшість) саме вона й привабила. В одному з авторитетних тоді львівських журналів і з'явилася перша мистецтвознавча розвідка про художника з Криниці «Маляр наївного реалізму в Польщі — Никифор». Належала вона перу Єжи Вольфа.

Отже, Никифора відкрили.

Але — ненадовго.

Почалася Друга світова війна, його ім'я відразу ж згоріло в її полум'ї.

Після війни його відкривали заново. Йому було вже за п'ятдесят, і його не покидало відчуття важкої самоти в цьому світі. «Нікого немає поряд з Никифором» — не випадкова назва однієї з його картин.

Становлення художнього дару і потягу до прекрасного відбулося у Никифора під впливом церкви. Саме її гармонійне внутрішнє наповнення іконами, особливий настрій під час святкових богослужінь, дивовижна дерев'яна архітектура будівлі й дали наснаги та бажання Никифору творити прекрасне. На його роботах — не тільки глибокий внутрішній відблиск намальованих ним пророків, а й глибокий смуток від трагедії, пережитої його рідним народом — лемками, під час примусового виселення до Польщі у 1947 році. Тоді залишився без рідного гнізда і Никифор. Завезли його аж у район Щедрина. Проте ніщо не могло зупинити його любові й потягу до Криниці, де народився. Навіть після примусового виселення, незважаючи на декрети й заборони, повертався у рідне місто. Повертався автостопом, залізницею, пішки — дух лемка був незламним...

І художнику і його картинам судилося побачити світ. Першу виставку робіт Дровняка підготували Елла і Анджей Бажани у квітні 1959 року в Парижі. Світ був просто вражений красою його творіннь. Саме Никифор відкрив дорогу на захід усьому польському малярству після 1945 року. А далі — Ам-

стердам, Брюссель, Льєж... Свої двері для його робіт відкривають музеї та галереї мистецтва у Хайфі, Єрусалимі. Він підкорив Рим і Відень, Чикаго та Лондон. Всюди — лише похвали й захоплення.

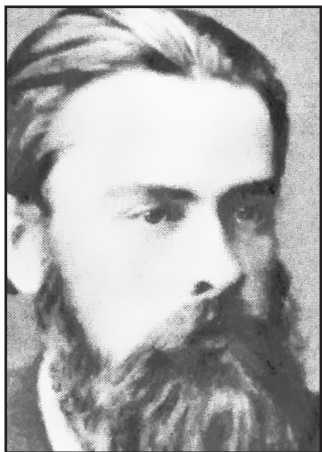
Він малював те, що бачив, втілював реальний світ на полотнах, робив це так, як ніхто не зміг до нього. Його руку художника скеровувала думка лемка, а мистецька досконалість ріднить його з європейськими модерністами і самим Марком Шагалом.

«Яка схожість творчих кліматів! Не туга, а крик широко розкритим ротом у простір» — зауважив ще у 1940-х роках В. Ласовський, порівнюючи творчість обох митців.

Історики мистецтва вважають, що в різних музеях і приватних колекціях світу налічується понад тридцять тисяч акварелей Никифора. Є його роботи й у колишньому Радянському Союзі; переважна більшість їх у Львові. Вони неодноразово виставлялися в місцевому музеї українського мистецтва. Були виставки Никифора й у Києві. Однак у нашій свідомості, як це не прикро, він не зайняв того місця, на яке справді заслуговує. Якщо кожен інтелігентний поляк може сказати, що він знає про феномен Никифора Криницького чи бачив його роботи, то з-поміж української інтелігенції таких людей треба шукати й шукати, бо мало хто чув про те, що на лемківській гілці нашого народу вродився цей геніальний художник.

21 травня 2006 року, до сто одинадцятої річниці з дня народження всесвітньовідомого нечуючого художника Никифора Єпіфанія Дровняка, у Львові, у сквері біля величавого собору Пресвятої Євхаристії, що на вулиці Івана Федорова, постав пам'ятник у бронзі.

Ученик Куинджи

Е. Столица.

В конце XIX века в русском изобразительном искусстве продолжали развиваться демократические традиции. Главными темами творчества многих художников становились жизнь и нелегкий труд простых людей, их скромный быт, историческое прошлое, красота природы. К числу мастеров кисти, внесших свой вклад в развитие демократизма в искусстве, в полной мере относится Евгений Иванович Столица.

Родом художник с Одесщины. Появился на свет в 1870 году в селе Будеи (ныне это Кодымский район Одесской области). Слух потерял в детстве после болезни. Его отец был лесничим. Когда будущему художнику исполнилось семь лет, семья переехала в небольшой город Ананьев.

Еще в раннем детстве мальчик увлекся рисованием, и это стало его любимым занятием. В шесть лет попробовал рисовать карандашом, в одиннадцать — маслом. Поступил в Одесское реальное училище, где преподавал рисунок известный украинский пейзажист Геннадий Ладыжевский. Затем способный юноша продолжил образование в Петербургской академии художеств. Здесь его учителями были замечательные мастера — М.К. Клодт, И.И. Шишкин, А.И. Куинджи.

Евгений Столица блестяще окончил Академию. Это позволило ему в числе лучших учеников попасть стипендиатом на трехгодичный срок в мастерскую Куинджи, а потом, вместе со

своим наставником и другими учениками, совершить путешествие по стране и побывать за границей.

Огромное влияние на дальнейшее творчество молодого художника оказал его любимый наставник Архип Иванович Куинджи. На выставках Столицу ожидал большой успех. В 1896 году на вернисаже ученических работ Академии художеств экспонировалось его полотно «На реке Рось, близ могилы Т.Г. Шевченко», которое приобрел известный собиратель живописи П.М. Третьяков. В следующем году Столица выставил на конкурсную выставку четыре произведения и получил звание художника за картину «В саду».

Евгений Иванович любил выставлять свои произведения на «Весенних выставках» в Академии. Задолго до открытия, еще в середине зимы, он приезжал из своего родного городка Ананьева в Петербург, привозил новые картины, этюды и серьезно готовился к открытию.

Значительным событием в его жизни стало участие в 1899 году в северной экспедиции на ледоколе «Ермак», организованной адмиралом С.О. Макаровым.

«Столица так пристрастился к полярной природе, что целые дни проводил в торосах, — вспоминал о художнике Макаров в своей книге «Ермак» во льдах», — и мы часто побаивались, чтобы какой-нибудь любопытный белый медведь не побеспокоил его своим неожиданным появлением, в то время как он увлеченно писал природу, среди которой они живут».

Вернувшись в Ананьев, Столица на основе привезенных этюдов сделал серию картин, посвященных участникам экспедиции и неповторимой природе Арктики: «У границы полярных льдов», «Полярное лето», «В царстве белых медведей». Картина «Ледокол «Ермак» в полярных льдах» экспонировалась на Международной выставке в Париже в 1900 году.

Во время русско-японской войны в 1904 году Столица на-

ходил на передовых позициях в Порт-Артуре и сделал ряд этюдов. Здесь он начал «Портрет адмирала С.О. Макарова и художника В.В. Верещагина», изображенных в каюте броненосца «Петропавловск». Из-за взрыва судна и гибели этих выдающихся людей работа осталась незаконченной.

Уже дома, в Ананьеве, художник вдохновенно пишет картины, посвященные подвигу русских солдат и матросов, героически защищавших Порт-Артур.

В 1909 году, по ходатайству И.Е. Репина, А.И. Куинджи и В.В. Матэ, совет Академии художеств присуждает Е.И. Столице звание академика живописи. Он становится известным не только в России, но и за рубежом, получает награды за свои картины, некоторые из которых находятся в музеях Западной Европы.

Благодарный ученик — Евгений Иванович Столица, никогда не забывал о своем учителе, и выступил одним из учредителей и активных участников Общества им. Куинджи, участвовал в конкурсах его имени и был удостоен первой премии.

В 1916 году Евгений Иванович закрывает свою петербургскую мастерскую и уезжает в Ананьев, где живет до 1923 года. Из-за переезда были утеряны его работы, оставшиеся в Петербурге.

Последние годы Столица работал в Москве, вступил в Ассоциацию художников революционной России (АХРР), участвовал в выставках этого объединения. Умер художник 26 августа 1929 года.

Остались его работы. Они находятся в музеях Москвы, Петербурга, Николаева. На родине художника, в Ананьевском филиале Одесского художественного музея, его творчество предоставлено наиболее полно. Эти картины были подарены семьей художника.

Представленные иллюстрации — «Вечер» и «Зимний полдень» — позволяют понять, что главная тема его творчества —

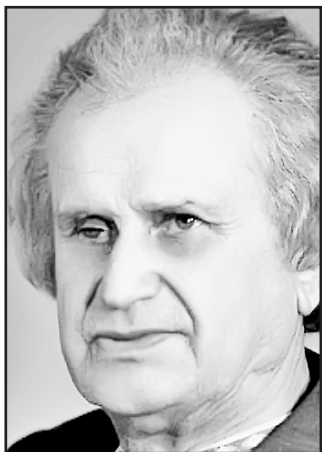
природа родных мест; передает он и занятия деревенских жителей — «Деревня», «За ягодами», «Сбор тыквы». Цветовая гамма пейзажей сдержана, но в картинах эпического звучания он, как и его учитель А.И. Куинджи, оживляет краски эффективным освещением («Зимняя лунная ночь»). В 20-е годы художник не проходит мимо того нового, что появилось после революции в деревне («Весенний праздник»), пишет портрет полководца М.В. Фрунзе.

Персональная выставка произведений Столицы состоялась в 1975 году в Одесском художественном музее.

Жито — життя

*«Серед степу широкого — посивілий, як віхола.
І чоло його бронзове в голубінь вироста.
За плечами похилими літо бабине дихає.
А жита — як літа його, а літа — як жита».*

Борис ОЛІЙНИК.

О.Ф. Саєнко.

Видатний український митець, народний художник України Олександр Ферапонтович Саєнко належить до славетної когорти української інтелігенції, яка, починаючи з 20-х років минулого століття, творила духовний фонд нації. Понад 500 творів залишив митець у скарбниці українського мистецтва. Творив свій неповторний дивовижний світ Олександр Саєнко хлібним стеблом, черпаючи натхнення із глибинних джерел народної культури та мистецтва. Лише через роки можна осягнути велич поста-

ті Олександра Саєнка, лише з роками стає вона все могутнішою.

У 1999 році ім'я Олександра Саєнка стало відоме світові — 100-річчя від дня народження художника відзначалось за рішенням та участю ЮНЕСКО, а його ім'я було занесено до календаря пам'ятних дат цієї міжнародної організації.

Складним, сповненим тяжких випробувань і втрат, що випали на долю його покоління, було життя. І водночас доля усміхалася йому, даючи натхнення і творчі здобутки, вірних і щирих друзів, вітиху від єдиної доньки Ніни та онуки Лесі.

У ранньому дитинстві, перехворівши на скарлатину, він втратив слух і мову. Це обмежило спілкування з оточуючим світом, і, водночас, це внутрішнє зосередження дало поштовх, потяг до світу прекрасного і визначило його мистецьку долю.

Зростав Олександр Саєнко у Борзні на Чернігівщині у сім'ї завідуючого школою садівництва Ферапонта Петровича Саєнка та його дружини Мотрони Іллівни. Сім'я була великою — п'ятеро дітей, найменший — Олександр. У родині завжди панували мир і злагода, взаємна повага і розуміння. Невдовзі після народження останнього сина Ферапонт Саєнко був засланий царським урядом за прогресивні погляди на Північ — у Пінегу Архангельської губернії, і сім'я надовго залишилася без господаря дому.

З дитинства Олександр виявив зацікавленість до малювання, вирізував візерунки на батіжках, якими пас гусей, виклеював узор з соломи. «Ото їдуть дядьки волами, а під возом хитається мазниця з дьогтем, я підбіжу, вмочу паличку в дьоготь, та й клею ним солону», — згадував він.

Одного разу за таким заняттям застав хлопця син відомого художника Миколи Ге — Петро Миколайович, що приїздив у гостини. Він порадив Мотроні Іллівні віддати сина вчитися до Петербурзького імператорського училища глухонімих.

Важкими були дев'ять років навчання, бо хлопець був відірваний від сім'ї, і водночас — цікавими, бо саме там він почав оволодівати основами образотворчої грамоти. Завдяки педагогам, яких викликали з Академії мистецтв для навчання обдарованих дітей, Олександр навчився добре малювати, цікавився літературою з мистецтва, відвідував виставки, які на той час експонувалися в Петербурзі. Утвердилось бажання вчитися мистецтву.

«Одного разу в травні 1916 року я зібрав усі малюнки, написав заяву з проханням прийняти мене до Академії мистецтв і пішов до ректора. Переглядаючи мої малюнки, ректор і викла-

дачі з недовірою і якоюсь зверхністю дивились на мене. Нарешті ректор написав мені на клапті паперу, що глухонімий хлопець не може вчитися в Академії, бо він не опанує теорії мистецтва і викладачам буде важко з ним спілкуватись. Тяжко переніс я відмову, — згадував Олександр, — гірко було на душі. Шлях до мистецтва, про що мріяв останні роки, був закритий для мене».

Повернувся додому. Всі турботи по господарству лежали на материних плечах, тож допомагав їй господарювати. Але мрія про мистецьку освіту не полишала Олександра. Він записується в студію до Андроника Лазарчука, вихованця Петербурзької Академії мистецтв, і відвідує її разом з Володимиром Костецьким та Полем Лазарчуком. Іде в Київ і вступає до художньої школи, але почалася громадянська війна і школу було закрито. «Невдача на цей раз не зупинила мене, — згадував Олександр. — Бажання вчитись було нестримним. І ось я вже студент Миргородського художньо-промислового інституту, пізніше перейменованого в училище. Подив і захоплення викликали мої малюнки у викладачів. Особливо сподобались мої роботи ректору інституту Василю Григоровичу Кричевському, який любив і глибоко розумів українське народне мистецтво».

На жаль, вчитися у Миргородському інституті довелося лише кілька місяців. Голод, холод, розруха зрештою привели до того, що інститут був закритий, а студенти роз'їхалися по домівках.

Влітку 1920 року Олександр отримав лист-запрошення від В. Кричевського приїхати на навчання до Української Академії мистецтв у Києві.

«...Умови навчання в інституті були важкими... Не було паперу, на якому ми могли б малювати. Використовували газети, аркуші з книг і малювали, малювали, бо любов до мистецтва була над усе. Пам'ятаю, як я сам викроїв і пошив собі

штани та сорочку з полотна і носив їх. На сорочці за власним ескізом зробив вибірку олійними фарбами, а штани були темні в смужку. В інститутському гуртожитку було холодно, часто не було води, і ми, студенти, їхали в Боярку заготовляти дрова, а за водою спускались до Дніпра. Багато студентів не витримували і повертались додому, кидаючи навчання. Моїми друзями по навчанню в той час були — Є. Дмитрієва, В. Костецький, О. Сиротенко, Т. Бойчук, І. Кисіль, С. Колос».

Часто В. Кричевський — керівник майстерні внутрішнього оформлення інтер'єрів, в якій навчався О. Саєнко, відлучався у справах з інституту і в такі дні доручав Олександру, як найкращому із своїх учнів, проводити заняття з композиції та народно-декоративного мистецтва. Студенти готували ескізи оформлення меблів, килимів, вибірок, керамічних виробів, а Саєнко допомагав їм порадами.

«Одного разу ректор інституту І. Врона зацікавився, як я проводжу заняття зі студентами, — згадував О. Саєнко. — Прийшов до нас у майстерню, сів у куточку і довго спостерігав за мною. Потім запитав у студентів, чи розуміють вони мене, на що вони відповіли ствердно. Врона залишився задоволений мною і подякував за проведені заняття. Я багато допомагав своїм друзям-студентам за вказівками В. Кричевського в той час, коли він брав участь у зйомках фільму «Тарас Шевченко» в Одесі. Це була пора підготовки дипломних робіт».

І ось настав урочистий момент захисту дипломної роботи «Проект оздобу сільради». Відгуки були схвальні, а сам захист пройшов відмінно.

«Дорога мамо! Пишу про свій випуск. 27 січня 1928 р. я здав усі мої дипломні роботи до кваліфікаційної комісії. 29 січня був огляд у присутності нашого професора В.Г. Кричевського і ректора інституту. І кваліфікаційна комісія зразу ухвалила мій випуск з інституту. А 31 січня був прилюдний захист дипломних робіт студентів, на якому виступив професор Таран —

рецензент моєї роботи. Прочитав біографію, назвав стаж роботи і сказав, що я заслуговую звання художника-синтетика з внутрішньої організації будинку».

Олександр Саєнко вступив у самостійне художнє життя з такою характеристикою професора В. Кричевського: «1) дуже уважно ставиться до всілякої роботи; 2) найбільш цікавиться народною творчістю, яка впливає на всі його роботи; 3) уміє взяти з матеріалу, яким оперує, все характерне і цінне; 4) його творчі особливості — здібність перетворювати все, що він собі уявляє, під власним характерним кутом. Його твори носять виразні ознаки характеру українського народного мистецтва, але без чистого етнографізму, і це дає надію на дальшу поступовість».

Після закінчення інституту В. Кричевський запропонував Олександрові Саєнку виконати два панно для оформлення приміщення історичної секції Всеукраїнської Академії наук. Працюючи над ними, Саєнко вивчав архівні матеріали. І з безлічі ескізів разом з В. Кричевським вибрали два, які стали основою монументальних панно «Козак Мамай» та «Невільники». Вперше в архітектурі був застосований мозаїчний набір соломою як новий вид монументального мистецтва. Солома, як матеріал, все більше вабить митця своїм золотистим кольором і можливістю передати геометрично стрілчасті форми, характерні для українського народного мистецтва.

Починаючи з 1924 року, О. Саєнко постійно бере участь у виставках, на початку 30-х років працює як художник-мультиплікатор на Київській кінофабриці, згодом — як художник-кераміст — у науково-дослідному інституті.

Чимало його робіт придбали музеї, Академія наук, картинна галерея Харкова. Деякі з них експонувалися на художніх виставках за кордоном — у Таллінні, Берліні, Парижі.

Наступний етап творчості починається з 1936 року, коли О. Саєнко взяв участь у I Всеукраїнській виставці українсько-

го народного мистецтва, яка експонувалася у Києві, Москві, Ленінграді. За активну творчу роботу та участь в організації цієї виставки О. Саєнко нагороджений першою премією та дипломом першого ступеня.

Напередодні війни О. Саєнко все частіше живе у Борзні, виконує замовлення музею Т. Шевченка у Києві, бере участь в оформленні павільйону України на Виставці досягнень народного господарства у Москві.

1943 року Олександр Ферапонтович одружився. Його дружина — Ганна Яківна — була вчителькою української мови і літератури. Здебільшого вона вчителювала по селах, далеко від Борзни. Але завжди поспішала додому, до сім'ї. Єдина донька Ніна залишалася під наглядом і опікою батька, який безмежно її любив і намагався прищепити їй устремління до мистецтва. Подружнє життя тривало недовго — 1954 року Ганна Яківна померла у селі Черняхів Кагарлицького району на Київщині.

Незважаючи на важкі часи, Олександр Саєнко багато і наполегливо працював. Настав час, коли відновилися дружні стосунки з товаришами по навчанню — Є. Дмитрієвою, В. Костецьким. До нього завітав М. Дерегус з дружиною; з'явилися публікації В. Касіяна, Г. Местечкіна про його творчість. О. Саєнко став веселим, бадьорим — відкрилися нові творчі горизонти і перспективи. Для підготовки персональної виставки О. Саєнко переїхав до Києва, де з великою увагою й чуйністю до нього поставилося керівництво Українського товариства глухих — К.В. Філонок та М.І. Неплюй, надавши йому приміщення для роботи, а згодом — й квартиру. За таких умов О. Саєнко міг багато й плідно працювати, гідно підготуватися до виставки.

Перша персональна виставка 1962 року стала справжнім святом не лише у родинному колі. Це була подія в українському мистецтві.

«Після зустрічі з Саєнком я ходжу радісний і піднесений, бо справжнє мистецтво приносить людині радість і насолоду, — говорив М. Стельмах на обговоренні виставки. — Я багатший став, багатшою стала моя душа після зустрічі з Саєнком. Той, хто виріс біля землі, хто любить хліборобський труд, збагне закономірність і поетичність Саєнкового золотого стебла. Для мене особисто за ним відкривається цілий світ моєї рідні, життя якої невіддільне від живого стебла, від золотого врожаю».

Після виставки у Олександра Саєнка почався новий творчий період. Він працює з піднесенням і натхненням, з'являються нові роботи: «Рече та стогне Дніпр широкий», «Семен Палій на коні», «Семен Палій з люлькою», «Іван Сірко», «Золота Україна», «Дума про хліб». Вісімнадцять тисяч соломинок було покладено, перш ніж перед глядачем постав останній твір у завершеності!

Коли достигали жита, Олександр Ферапонтович йшов у поле і на ділянці, відведений для сортових стебел, відбирав солому за кольором, щільністю стебла і станом стиглості. Те ж саме робив і з пшеничною, ячмінною, гречаною соломою, бо кожна з них має свій колір, свої відтінки. Він рідко користувався фарбованою соломою, вважаючи, що неповторна вона природним кольором. Як правило, він фарбував тло, на якому золотом переливалася солома.

Творчість — це найпотаємніша духовна діяльність людини, яку важко передбачити і прогнозувати. О. Саєнко, досягнувши визнання своїми монументальними роботами, наприкінці 70-х — початку 80-х років повертається до виготовлення килимів, керамічних виробів, вибіжок, оформлення меблів. Він, як і в молоді роки, прагне до того, щоб оточення людини було гармонійним і естетичним, відповідало смакам і уподобанням українців, носило ознаки національної культури.

Важко уявити розвиток українського килимарства без творів О. Саєнка — «Козенята під деревом», «Щедра осінь»,

«Червона калина», «Квіти України», які позначені гармонійною довершеністю композицій, вираженістю колірної гами. В ці ж роки О. Саєнко, разом з дочкою, виконав оформлення інтер'єрів громадських споруд.

Постать Олександра Саєнка була б не до кінця окреслена, якби не згадати про його збиральницьку та дослідницьку працю. Упродовж усього життя він збирав колекцію декоративно-ужиткового мистецтва, до якої увійшли ічнянські кахлі, вироби з дерева та кераміки, гутне скло, килими, тканини, вишивані речі, кролевецькі рушники, народний одяг, меблі. Чимало з цих творів він врятував від руйнації, відновив та відреставрував їх. Мріяв Олександр Ферапонтович створити музей народного мистецтва та побуту Борзнянщини. Першою такою спробою був музей історії Борзнянщини на території радгоспу-технікуму. О. Саєнко передав до музею історичні матеріали, етнографічну колекцію, власні твори, працював над поповненням фондів музею. Але через деякий час музей було закрито.

Нині мрія художника здійснилася. У Борзні відкрито Державний художньо-меморіальний музей «Садиба народного художника України Олександра Саєнка». Майже тисячу експонатів: твори Олександра Саєнка, документальні матеріали, пам'ятні речі, колекцію народного мистецтва — передала в дар музею дочка митця.

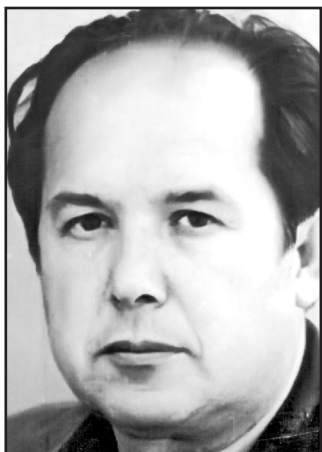
І йдуть до музею люди, щоб вклонитися Художникові, долучитися до життєдайного мистецтва, твореного золотосіяним житом-пшеницею. І йдуть до музею діти напитися джерельно чистої води із криниці народної мудрості й талану, любові й шани до національного мистецтва.

*«Так хотілось би в мармурі його долю уславити.
Тільки ж він не у камені, а в живому — живе:
Кожне зерня лице його береже в своїй пам'яті,
Кожен колос по імені, наче батька, зове».*

Художник Людвик

*«Волшебная сказка осевшего снега,
Измывшее ввысь просветлевшее небо,
И нега проталин, и звоны капели,
И хоры синичек, что дружно запели...»*

Н. СЕРГЕЕВА.

В. Людвик.

Зрительный зал Одесского Дома культуры УТОГ был переполнен народом. А со сцены плескал шумный морской прибой картин Айвазовского, дышал свежим настоем хвои и чебреца могучий и таинственный «Лес» Шишкина, с полотна Васнецова прямо на зрителей летел на сером волке Иван-Царевич, ехали на добрых конях три богатыря, три рыцаря справедливости — Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич. Бушевали на картинах яркие краски, переливались мягкие полу-

тона. Казалось, что видишь, как мелькает по холсту кисть художника, бросая точные мазки и волшебные штрихи, из которых на глазах складывалась сама жизнь во всем ее трепетном многообразии...

И самые жесты высокого, широкоплечего парня на сцене были пластичны и выразительны, как картина. Его жестовая речь была красочной, как палитра художника. Он словно не рассказывал, а рисовал на невидимом холсте волнующий мир искусства. С клубной сцены в зал словно катились горячие

волны вдохновения, и каждый присутствующий приобщался к прекрасному и возвышенному творчеству.

Закончив выступление и поклонившись аплодирующему залу, широкоплечий парень вытер вспотевший лоб и одел брошенный на стул пиджак с крохотным серебряным значком Союза художников СССР. Это был одесский глухой художник Валентин Людвик, активист Дома культуры УТОГ, член литкружка «Бригантина» Одесской областной организации УТОГ.

— Что же ты, Валентин, числишься в «Бригантине», а столько времени ничего не пишешь? — задал ему кто-то вопрос.

— А я ежедневно пишу, только не шариком по бумажке, а кистью по холсту! — ответил он. — Настанет пора — и рассказик напишу, дайте только время. А вообще я писателем не собираюсь быть, поэтому и не тороплюсь.

Ну, что же, он прав по-своему. Времени у него, как всегда, в обрез. Он говорит, что свободное время у него бывает только в трамвае. Но он всегда находит время для художественного рассказа в Доме культуры. Без него не обходится ни один литературный вечер. И что бы он ни рассказывал — очередную информацию об искусстве, поэму Байрона или просто интересную историю — все получалось у него очень ярко и живописно, конечно потому, что он — художник. Посетители Дома культуры очень любили его выступления.

Позднее у Валентина Людвика была своя художественная мастерская и свободная творческая работа. Его уважали ведущие художники Одессы, его вызывали на собрания Союза художников. Он был счастлив: сбылась его заветная мечта, к которой он стремился много лет. Путь к этой мечте был труден и крут. Попасть в Союз художников нелегко даже слышащему — очень большие требования предъявляются к искусству наших дней, все большие и большие задачи ставятся перед художниками.

С первого курса Одесского художественного училища не было для Валентина большей радости, большего удовольствия, чем смешивать краски на палитре, писать землю, воздух, облака и людей. Он влюбленно писал жизнь и в ясные, и в пасмурные дни, наслаждался трепетными оттенками цвета и ликующей яркостью бытия.

Труден путь художника от первого рисунка — античного гипсового листа на первом курсе, до солнечного луча отраженного на полотне. Но если все дается без труда, то это не интересно. Для сильного человека интересна упорная ежедневная борьба с трудностями, преодоление их, за которым следует высшая награда — радость победы.

Быть художником — это значит, ради этюда штормового моря человек должен два часа сидеть на пронзительном осеннем ветру, держать кисти в негнувшихся от холода пальцах, напряженно следить за изменчивой игрой волн, чтобы правдиво изобразить их на картоне. Это значит, по собственной охоте сидеть на самом солнцепеке у пыльной степной дороги и с увлечением рисовать убегающие вдаль телеграфные столбы, бесстрашно забираться с этюдником в дремучие дебри карпатского леса, где вполне можно встретить медведя, что однажды и случилось. Медведь прошел мимо и скрылся в кустах, так что вписывать его в этюд пришлось уже по памяти.

В мастерской Людвика были горы этюдов и плотные ряды побывавших на выставке картин. Своего любимого «Сигнальщика» после Республиканской выставки художник подарил военному музею. Ярких, горячих «Футболистов» и натюрморт с диким виноградом передал в Фонд защиты мира. Бесстрашный «Черноморец», об отчаянном порыве бросающийся под танк с гранатами в руке, прямо с выставки был закуплен для учреждения.

Вот стремительно мчащиеся чуть ли не по воздуху «Велосипедисты» — картина, которая экспонировалась на Респуб-

ликанской спортивной выставке. От нее веет бодрым ветром скорости, неумемной молодостью, радостью бытия. Рядом — романтический «Юнга» рассказывает нам о трудной и увлекательной морской учебе, о борьбе с коварной стихией, о дальних странах, которые пока скрыты за горизонтом. Небольшая картина «Вечер на рейде» проникнута теплым одесским юмором: молодой моряк на досуге примостился у борта и наигрывает на гитаре нехитрую песенку — конечно же, о синем море, о чайке, о любимой девушке. И летит эта песня над зеленой волной...

Новая картина «Жизнь побеждает» еще не была на выставке. На ней — весна победы, трудная и радостная весна. Солдат возвратился в родное село, и на месте знакомой с детства хаты увидел лишь груды развалин с обгорелой трубой. Много горя принесла война, но все же страна выстояла, победила! И в честь великой победы солдат решил посадить молодое деревцо. Он изображен опустившимся на колени, бережно держащим в огрубевших руках трепетный ствол молодой березки. Эта картина глубоко волнует зрителя.

А еще Людвик — прекрасный портретист, он исполнил несколько портретов известных глухих спортсменов — в дар Киевскому музею УТОГ (там они экспонируются). Делал художник и росписи церквей, а также принимал деятельное участие в конкурсах на лучший эскиз герба города Одессы, области и многих районов. Опыт у него в этом жанре был.

Валентин Людвик написал целую серию новых картин на тему НЛО. Художник давно увлекался астрономией и уфологией. Рассказы о встречах землян с неопознанными летающими объектами (НЛО) дошли до нас через тысячелетия. Много сообщений об НЛО и даже о встречах с инопланетянами стало появляться в печати в наши дни. Не всякий верит в реальность подобных событий, есть сомневающиеся и в среде ученых. Однако материалов, фактов скопилось настолько много,

что возникла целая отрасль науки об НЛО — уфология. Творческая фантазия художника позволила В. Людвигу воплотить в зримых образах то, о чем рассказывают летописи, предания и легенды. Естественно, отображая в картинах встречи с НЛО в древности, приходится глубоко изучать и сами легенды, и жизнь людей в те далекие времена. Как были одеты и вооружены воины Александра Македонского? А древние русичи? Какие они, инопланетяне? Их аппараты? Все это можно увидеть, а значит, и узнать благодаря картинам В.Людвика.

Первые картины Валентина Людвика на темы космоса и НЛО экспонировались в апреле 1992 г. в Москве, когда там, в выставочном здании на Кузнецком мосту, была организована большая экспозиция из картин глухих художников республик бывшего СССР, а также из дальнего зарубежья. Персональная выставка картин Людвика на тему НЛО уже готовилась. Это было что-то похожее на передвижную выставку серии картин Рериха под общим названием «Гималаи».

В свое творчество Валентин Людвик вкладывал столько света, радости, молодости, что у каждого, кто смотрел на его картины, возникали такие же ответные чувства, желание жить и работать во имя счастья, во имя мирного и спокойного будущего людей на земле.

Художественный совет Одессы отмечал особую энергию Людвика, необычную продуктивность его работ. И когда Валентин подавал в Союз художников заявление со скромной просьбой принять его в кандидаты, председатель ответил ему:

— Зачем тебе в кандидаты? Пиши заявление прямо в Союз — давно пора!

Строгое жюри в Киеве, а потом и в Москве утвердило заявление Людвика. А потом на торжественном собрании одесских художников ему вручили билет Союза художников СССР, который он бережно хранил вместе со своим художественным дипломом.

Пролетают дни. Летят листки календаря, лепестки цветущего сада, золотые осенние листья и пушистые звездочки снежинок. Зорко вглядывались в жизнь карие глаза художника. Он видел красоту, радость, огромное счастье жить и быть человеком. Он спешил запечатлеть все это на холсте, чтобы радоваться самому и радовать других.

А 3 сентября 2007 года его жизнь оборвалась...

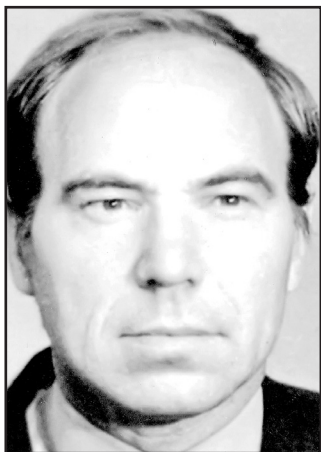
Из биографии:

Родился Валентин Григорьевич Людвик 7 октября 1932 года в селе Юрковцы Могилев-Подольского района Винницкой области. Слух потерял в 3 года после болезни, поэтому учился в Черновицкой спецшколе-интернате для глухих детей. Здесь начал увлекаться рисованием. После окончания с отличием спецшколы-интерната поступил в Одесское государственное художественное училище им. М.Б. Грекова, которое окончил в 1956 году.

В призывных возгласах искусства

*«И крик срывается с холста,
И бронза — колоколом чувства,
И умирает глухота
В призывных возгласах искусства».*

Д. АДАМЯН.

Ю.И. Тямушкин.

Юрий Иванович Тямушкин — известный неслышащий художник, член Национального Союза художников Украины, организатор и участник многих международных и всеукраинских выставок живописи глухих художников. Его работы — в музеях нашей страны и зарубежных частных коллекциях. Он также автор карикатур, которые охотно печатаются на страницах газет «Высокий замок», «Милицейский курьер», «Ах, Одесса!». И, конечно же, часто появляются его смешные за-

рисовки в нашей газете, а в сборнике работ глухих карикатуристов «S DEAF PRIVETOM!», выпущенном Украинским обществом глухих в 2003 году, представлены также работы его учеников из руководимого им клуба юных карикатуристов «Смех». Всем своим творчеством: и картинами, и карикатурами, и выставками, художник дарит людям радость и оптимизм.

Родился Юрий Иванович 2 января 1937 года в городе Руза Московской области, в семье военнослужащего. В 5-летнем

возрасте, от взрыва снаряда, мальчик полностью потерял слух, но недуг не сломил его, не помешал раскрыться его таланту.

В 1947 году семья переехала на место жительства под Измаил Одесской области, и Юру направили в спецшколу-интернат для глухих детей № 97 в г. Одессе.

Так Юрий Тямушкин, уже переростком, оказался в специальной школе. Не зная ни азбуки, ни жестов, не умея ни считать, ни писать, смысленный от природы мальчишка упорно взялся за учебу, да и ребята в классе помогали ему. За короткое время он освоил жестовый язык, несмотря на то, что в школе глухих тогда запрещали «махать руками». Учился здесь он до 5 класса, а потом перешел в вечернюю школу для рабочей молодежи, причем сразу в 7 класс. Директор вечерней школы не соглашался принимать его в этот класс и дал учителю математики задание проверить знания Тямушкина по своему предмету.

Парню повезло — ему попался замечательный учитель, который владел жестовым языком и имел четкую артикуляцию. Юрий хорошо считывал с губ и прекрасно понимал все, что говорил педагог. В присутствии директора школы ему дали сложное контрольное задание по математике, чтобы проверить его знания. Он быстро ответил на все вопросы. Преподаватель поинтересовался, откуда он так хорошо разбирается в этом сложном предмете, на что Юрий ответил, что изучал его летом, в свободное время. После этих испытаний его зачислили в 7 класс.

Получив свидетельство об окончании семилетки, Юрий поступил в Одесское государственное художественное училище на отделение живописи, где был единственным глухим студентом. Там он изучал специальные дисциплины, а на практических занятиях в мастерской совершенствовал свое мастерство. Кроме того, 4 раза в неделю Юрий посещал вечернюю школу для рабочей молодежи. Понятное дело, что приходи-

лось ему нелегко, но упорный и целеустремленный юноша настойчиво шел к своей цели. А таланта ему не занимать. Подтверждением этому стала его победа в конкурсе на лучшую работу, посвященную 100-летию со дня смерти Т.Г. Шевченко. В этом конкурсе, объявленном в училище весной 1961 года, приняли участие студенты с первого по пятый курс. Юрий Тямушкин, учившийся на третьем курсе, занял первое место, представив картину «Солдат Т.Г. Шевченко среди казахов». За победу в конкурсе его наградили бесплатной 10-дневной поездкой в Киев. Эти дни запомнились Юрию на всю жизнь. Жил он в общежитии Киевского художественного училища, которое находилось в Печерской Лавре, без усталости бродил по древнему и такому молодому городу, много рисовал с натуры, делал наброски церквей, а также отдыхал и купался в Днепре возле Выдубицкого монастыря.

После окончания училища Тямушкин продолжал упорно стремиться к знаниям. В 1969 году он окончил Львовский государственный институт декоративного искусства.

Сегодня художник живет и работает во Львове. Он любит свой город и, конечно, ему очень близки его многовековые культурные традиции. Они отражены в городских пейзажах: это не топографические окаменелости, а полные атмосферы, динамики, поэтичности архитектурные ансамбли («Околицы Львова», «Окраина Подкаменя» и др).

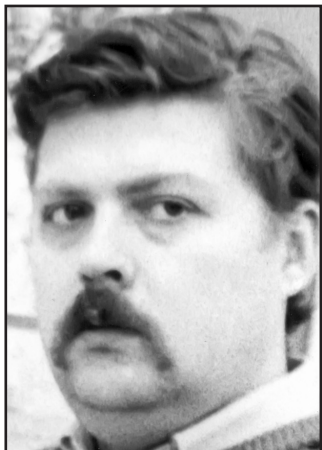
Колористическое богатство сочетается у художника с тонким восприятием природы. Юрию Ивановичу присуще желание любоваться одними и теми же прикарпатскими мотивами, метко подмечая их бесконечные изменения. Этюды, написанные маслом за 20 минут (он спешит написать их, пока не растаял туман в горах), дают возможность почувствовать не только свежесть влажного воздуха, запах сена в стогах, прохладу чистого тающего снега, но и навевают воспоминания о народном песенном творчестве, которым славятся эти места.

Не забывает Тямушкин и Одессу, часто бывает там и отражает увиденное в новых картинах. На выставке, проходившей в Одесском музее западного и восточного искусства, демонстрировались удивительно живописные и светлые одесские пейзажи художника («Малый Фонтан», «Черноморка», «Китобойное судно»), поэтические картины о строительстве одесских Черемушек, где виды новостроек поражают интересными колористическими эффектами.

Юрий Тямушкин — художник с большим опытом, который не только провел несколько персональных выставок, но и организовал I и II Всеукраинские выставки живописи художников во Львове (1998 и 2000 годы), в Житомире (2001) и в Луцке Волынской области (2001). Он также руководил подготовкой Международной выставки произведений глухих художников СНГ в Одессе (2000), а также вернисажей в Тернополе (2004) и Ивано-Франковске (2006). Весной 2007 года Тямушкин впервые организовал групповую выставку в Киеве в двух залах Центрального дома художника, а недавно снова представлял творчество глухих в этих же стенах. Он сумел организовать более 20 персональных и групповых выставок неслышащих художников.

Вот такой он — Юрий Тямушкин, тонкий лирик, умеющий затрагивать самые сокровенные струны души, остроумный карикатурист, своим творчеством поднимающий настроение, и прекрасный организатор, думающий не только о популяризации собственного творчества, но и работ своих коллег. Пожелаем же, чтобы его полотна, от которых часто веет чем-то левитановским, находили новых преданных почитателей, которые по достоинству оценят и их простую задушевность, и мастерство исполнения, и богатство красок.

Портрет художника... со временем

М. Поплавко.

...Тысячи раз встречаешь человека, здороваешься, беседуешь с ним, но не знаешь, что он собой представляет на самом деле, — до той поры, пока он вдруг не блеснет новой, неожиданной гранью своего таланта (если, конечно, он обладает каким-нибудь талантом). Ну, что касается таланта, то я никогда не сомневалась, что у Михаила Поплавко он есть. Миша — хороший живописец; его картины, которые я давно и хорошо знаю, слепленные из жирных, основательных мазков, похожи на щедро намазанные маслом и медом большие куски вкусного, свежего хлеба. Дух земли, теплый и вместе с тем тяжеловатый, тянущий вниз, преисполняет их. Мне всегда казалось, что Миша Поплавко — светловолосый, плотный, по-домашнему уютный, очень похож на свои картины. Или, наоборот, что его картины очень похожи на него самого.

Но что у того же Поплавко, которого я знаю много лет, внезапно прорвется жажда необычайного — и потянет на всякие новшества и художественные подвиги, этого я, честно говоря, не ожидала. А вот поди ж ты... Неисповедимы пути Господни. И пути художника — тоже.

Вот потому, что я от Миши этого не ожидала (а ожидала, признаюсь, все тех же добротных и... однообразных картин,

над которыми он так плодотворно работает, что, несмотря на большую загруженность, создал на протяжении двадцати лет более 150 серьезных художественных полотен), начала нашу беседу на персональной выставке Михаила Поплавко с такого несерьезного вопроса:

— Миша, а ты помнишь свой самый первый рисунок?

Вопрос-то и в самом деле несерьезный (ведь я обратилась к профессиональному художнику, президенту Киевского союза неслышащих художников, а не к счастливому победителю конкурса детского рисунка). Но оказалось, что Миша хорошо помнит и свой первый рисунок (представьте, это сразу был натюрморт собственной постановки, который малыш соорудил, как и полагается, из кувшина, чашки и еще какого-то обязательного атрибута любого натюрморта), и свою первую любовь — первую же свою учительницу, молодую художницу Таисию Николаевну Захарову. Персональную учительницу рисования для Миши нашла бабушка, которая души в нем не чаяла, как, впрочем, и он в ней. А вообще-то все началось с того, что Мише подарили карандаши...

Потом мы заговорили о бабушках и дедушках; тогда и выяснилось, что один из дедушек Миши был контрадмиралом, управлял пароходством на Волге, а в печально известном 1937-м его репрессировали, как и многих других представителей потомственной интеллигенции. Пойдя еще дальше, я узнала, что он, Миша-то наш, происходит из старинного дворянского рода.

Странное дело! Отчего-то меня тянуло все глубже и глубже в прошлое...

Ближе к делу, подумала я, скользнув взглядом по картинам с многочисленными крохотными куполами и огромными рыжими подсолнухами. И спросила:

— Миша, ты считаешь себя художником-реалистом?

Михаил как-то тонко, загадочно улыбнулся и протянул:

— Ну-у... В общем-то, да. Но пойдем, я покажу тебе что-то новое.

И подвел меня к картине, которую я, в общей суматохе, какая обычно бывает на открытии выставки, могла бы и не заметить.

Первое, что бросилось в глаза, это особенный, летящий мазок, уже знакомый мне, — две или три старые картины Поплавко выполнены в этой своеобразной технике. На тех картинах, так или иначе, присутствуют персонажи из древнегреческой мифологии (Бахус, Муза), и пропитанные сочными, хмельными красками полотно движется, волнуется, трепещет. Явственно чувствуется, что все в этих вдохновенных картинах — дышит, живет... И, что самое интересное, этот косой, стремительный мазок совсем не похож на Мишу — на того Мишу, какого я знаю. Такова картина «Вдохновение», где художник — сильный, грубоватый мужчина — резкими взмахами кисти переносит на холст, стоящий перед ним, образы своего воображения. Он торопится, спешит, чтобы не упустить то прекрасное мгновение, которое дарит ему явление Музы. Живописец смотрит на свое творение, а Муза — женщина в белом стоит напротив, рядом с картиной, и страстно, неотрывно смотрит в горящие глаза художника, вливая в него новые творческие силы, животворящее вдохновение... Это, как мне кажется, одна из лучших работ Михаила Поплавко.

И вот здесь, на новой картине, — тот же стремительный, летящий мазок...

Миша тем временем объясняет:

— Вот это я, здесь, в настоящем времени... но смотри — темная завеса времени разрывается, и вместе с ней разрывает меня: на одной половине остается мое отражение в зеркале, а на другой — рука с кистью, занесенной над холстом. Знаешь, это больно, но ничего, терпеть можно... А в разрыве — моя прошлая жизнь. Видишь, вот он я, средневековый живописец с красивыми длинными волосами.

Я внимательней всмотрелась в картину — и... Хотите — верьте, хотите — нет, но я почувствовала, как золотисто-розовое сияние, струящееся из открытого арочного окна, заливает не только столик на гнутых ножках с изящным фарфоровым кувшином и молодого художника в голубом камзоле, который смотрит на меня из далекого прошлого (и, надо признаться, выглядит намного романтичнее Миши), но и меня саму... Я почувствовала, что прошлое — вот этими невидимыми сетями света — затягивает меня!

Мне стало как-то не по себе, пришлось спешно возвращаться в настоящее время и переключаться на... вот именно, на самые последние работы Михаила. Для равновесия — чтобы не так туда, в бездну прошлого, тянуло.

Миша, причем с нескрываемым удовольствием, стал показывать картины, написанные им в последнее время. И в них тоже было что-то такое (хотя уже совсем не мистическое), на что я не могла не обратить внимания.

Вот большая — в полстены — картина: майский сад; темно-волосая девочка в венке из одуванчиков, сидящая под раскидистым цветущим деревом, в окружении красных тюльпанов, желтых и пушистых одуванчиков, пытается надеть на сиамского кота такой же венок, как на ней самой. Ну да, такой же, только вот коту веночек-то велик, и, свалившись ему на шею, выглядит как... цветочное ожерелье. Впрочем, кот не возражает: ожерелье так ожерелье, и, кажется, вполне доволен — вниманием маленькой хозяйки, хорошей погодой и жизнью в целом. Свет, радость, сладкий цветочный аромат весны. И — образ счастливого, беззаботного детства... Картина называется «Диана в саду». И еще несколько таких картин — «Анюта и анютины глазки», «К Спасу» — легких, радостных, непривычно светлых (нетипичных для его темноватой палитры), показал мне Михаил Поплавко.

— Эти картины — какие-то другие... Они не похожи на те,

какие ты писал раньше. Почему? Чем ты это можешь объяснить?

— Тем, что я счастлив. Это очень важно для художника, когда в семье все хорошо. Вот, например, на этой картине — Диана, моя дочь. А здесь — тоже Диана, только я написал «Анюта», потому что цветы называются «анютины глазки». Анюта и ее глазки.

У девочки на картине, действительно, синие глаза — совсем как анютины глазки. Не девочка — цветок.

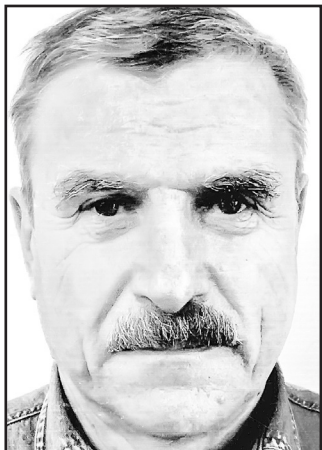
На другой день я снова пришла на выставку картин Михаила Поплавко, устроенную на Курской, 6 — в Культурном центре УТОГ, где Миша сейчас работает художником-оформителем. (Это, кстати, Мишина юбилейная выставка — она приурочена к его сорокалетию). Пришла, чтобы посмотреть на таинственного незнакомца — средневекового художника в голубом камзоле — и добровольно попасться в золотые сети прошлого.

Но, полюбовавшись картиной — в полной тишине, благо посетителей в выставочном зале на этот раз не было, — я поняла, что вижу уже не совсем то, что изображено на ней. Вернее, совсем не то. А вижу вот что — темная завеса времени разорвана, и в голубом прорыве в неизвестность высвечивается... мое собственное будущее. Женщина на переднем плане — ну, конечно, с красивыми длинными волосами; белая птица, сидящая то ли на моем плече, то ли на спинке кресла, то ли вообще парящая прямо в воздухе, дальний берег моря, корабль с Белыми Парусами...

И сошло на меня озарение: да вот же, вот же она, машина времени! Не громоздкий механизм, а вдохновенное творчество.

Когда-нибудь я обязательно попрошу Михаила Поплавко перенести меня в то прекрасное время, которое мне пригрезилось, когда я рассматривала его картину в тишине пустого зала. Как? Очень просто — закажу ему свой портрет. Портрет с будущим...

Голубой и зеленый — цвета тишины

Б. Вовк.

Очутившись в «оранжевой реке», разлившейся невиданным половодьем по центральным улицам Киева, я запаздывала на заранее запланированное мероприятие. Но подоспела как раз вовремя — когда посетители Культурного центра УТОГ оцепили подходы к выставочному залу тесным полукругом, а Владимир Викторович Скурчинский, бросая взгляды на седовласого и худощавого человека, стоявшего рядом с ним со смущенной улыбкой, и поправляя очки на мясистой переносице, говорил:

— Я знаю Бориса Наумовича лучше, чем кто-либо другой из здесь присутствующих. Я знаю о нем даже больше, чем он сам о себе знает!

И — после короткой, но веской паузы — общественный директор Музея УТОГ продолжал:

— Когда я приезжаю в Россию, все художники меня спрашивают: «Ну, как там Вовк?» «Да ничего, — говорю, — живет себе потихоньку, понемножку рисует...» «Как это? — удивляются они. — Ведь уже во время учебы в ЛВЦ он был таким талантливым живописцем, можно сказать, самым лучшим из нас!»

Да, тогда, в студенческие годы, он, может, и был лучшим из них. Но теперь многие из его сокурсников стали маститыми

мастерами живописи, членами Союза художников России, а он... Итог всей жизни — вот эта выставка под названием «Моя Украина» в Культурном центре УТОГ, устроенная в честь его 65-летнего юбилея. Да что говорить, все мы знаем, что среди наших «нечуючих митців» — немало талантливых людей, а вот членов Союза художников — раз-два и обчелся. Так пожелаем же Борису Вовку — хотя бы на старости лет, хотя бы с помощью этой скромной выставки — вступить, наконец, в Союз художников Украины!»

Потом попросила слова жена Бориса Наумовича — высокая, светловолосая женщина, говорившая не только толково и грамотно, но и с большим чувством. Екатерина Ивановна сказала, что художник — это человек, который смотрит на мир не так, как все остальные люди, а совсем иначе. «Он видит все, абсолютно ВСЕ! — недоуменно то ли восхищалась, то ли сокрушалась она. — Я ничего не могу скрыть от него! И я вам скажу: нелегко — ох, нелегко! — быть женой художника... Но при всем при том я своего мужа очень люблю, уважаю и от всей души благодарна всем, кто сегодня собрался в этом зале, чтобы познакомиться с его творчеством. Здесь, на этой выставке, собрано все то лучшее, что он создавал не день и не два, а многие и многие годы».

Трогательным было и выступление взрослых детей Бориса Наумовича — они поздравили отца с юбилеем и поблагодарили за то, что он дал им в этой жизни. А дал глухой художник своим слышащим детям, оказывается, немало: доброе сердце, чуткую душу и, ко всему этому, высшее образование. Саша — как и когда-то отец, — работает художником-оформителем, а Наташа недавно окончила педагогический университет имени Драгоманова, получила профессию психолога. По их взглядам, словам, жестам и по множеству других неуловимых движений, я поняла, что в семье Бориса Вовка все действительно любят, уважают и ценят друг друга. Глядя на этот отлично

спевшийся семейный «квартет», я вдруг словно увидела Бориса Наумовича — давно мне знакомого по Киевскому объединению неслышащих художников — впервые в жизни. И это открытие ЧЕЛОВЕКА, признаюсь, было для меня не менее (а может быть, и более) важным, чем открытие художника. Потому что последнего, к сожалению, не произошло. Борис Вовк, «самый талантливый», по словам Скурчинского, из бывших студентов художественного техникума при Ленинградском восстановительном центре ВОГ, написал ряд, в общем-то, неплохих картин, и все же, все же... Наверное, он мог бы сделать намного больше в искусстве, однако что-то ему помешало.

Рассматривая картины, вывешенные в выставочном зале КЦ УТОГ, я в какой-то момент осознала, что именно оказалось помехой, не позволившей Борису Вовку состояться в полной мере как художнику. Причем на эту мысль меня навела одна характерная особенность его творчества, которая, в равной степени, является и достоинством и недостатком мировоззрения (верней, мироощущения) этого художника.

Если окинуть выставку сразу, то происходит любопытное явление: картины Бориса Вовка превращаются в своеобразный флаг, состоящий из двух сплошных полос сверху голубая, внизу — зеленая. Потому что это, преимущественно, тема «Родная природа», не отличающиеся большим разнообразием. Внизу — земля, поросшая зеленой травой, деревьями и кустарниками. Вверху — голубое небо, даже, я бы сказала, голубой провал в никуда. Просто земля и просто небо — и ничего больше. И вдруг каким-то то ли шестым, то ли седьмым чувством ощущаешь, что во всем этом — что-то есть... А еще спустя мгновение начинаешь понимать, что это — то, что есть в произведениях Бориса Вовка, незримо присутствует во всех картинах, — тишина. Та безлика, безрадостная, довлеющая над всем тишина, которая стала образом его жизни, и которую он воплотил в своем творчестве.

Некоторые глухие, особенно те, которые занимаются творчеством, все-таки сумели совершить прорыв из царства тишины. Борис Вовк, к сожалению, не сделал такого прорыва. У него есть отличные пейзажи, которые могли бы стать украшением любого дома: «Родной Днепр», «Весна цветет», «Танцующие березки». В них передано тихое очарование природы, чувствуется настроение художника, и, как во всех остальных картинах Вовка, преобладают голубой и зеленый цвета. Эти цвета, как и другие, в общем-то, тоже имеют свои градации и свою мелодику. Но голубой и зеленый в картинах Бориса Вовка — это именно цвета тишины.

Когда я думала об этом, пытаюсь собрать воедино свои отрывочные мысли и наблюдения за посетителями выставки, мое внимание привлек такой эпизод. Наташа, дочь художника, делясь с матерью своими впечатлениями, деликатно, почти незаметно кивнула куда-то в сторону:

— Вот эта — самая лучшая.

Я тоже туда посмотрела. Там, где-то за «хатой с краю», утопающей в сирени и тишине, меня ожидала приятная неожиданность — довольно большая картина «Праздник в Карпатах». Здесь тоже было голубое, но уже какое-то другое небо. А под ним — плавные, летящие — и впрямь как будто танцующие — линии зеленых холмов, веселые девушки и юноши в праздничных гуцульских нарядах. Непривычно яркие (для этой выставки), резковатые краски, «грубо, зримо» переходящие в зажигательные ритмы быстрого танца. Да, эти торопливо и как будто небрежно брошенные на холст беспорядочные краски, где голубое смешивалось с оранжевым и сиреневым, зеленое — с желтым и красным, прямо на глазах переходили в живые, торжествующие звуки неслышной музыки.

«Праздник в Карпатах», где, казалось, и горы поют, стал еще одним открытием, сделанным мной на этой выставке, — я поняла, почему Борис Вовк считался самым лучшим живо-

писцем среди молодых, начинающих художников, студентов ЛВЦ. И еще поняла, каким ярким и звучным могло быть все его творчество.

И для меня было настоящим откровением, что голубой и зеленый, особенно в сочетании с теплыми, солнечными цветами, тоже могут быть символами свободы, радости и истинного творчества, не знающего никаких ограничений и сметающего все преграды на своем пути. Ведь творчество — это всегда порыв, дерзновение, «езда в неведомое».

Убраний у дрантя

А. Рыженко-Янковий.

Когда я раздумывала, с чего бы мне начать серьезную статью, передо мной то и дело мелькало дымчатой бабочкой выражение Сент-Экзюпери: «роскошь человеческого общения». Бабочка эта, как мне казалось, была здесь совсем ни к чему — и я ее отгоняла, а она появлялась все вновь и вновь, пока не уселась на чистый лист бумаги — тот самый, на котором я собиралась писать о вещах значительных. И я, с некоторым недоумением на нее глядя, вдруг поняла, что именно она, эта бабочка, бесполез-

но-прекрасная (или прекрасно-бесполезная?), здесь как раз на своем месте, что, если по-честному, писать мне хотелось не серьезную статью о вещах значительных, как подобало бы, — а именно вот об этом, неопределенном и неосязаемом — о роскоши человеческого общения.

Но, если уж говорить о роскоши человеческого общения, то — далеко не всякое общение роскошь. А именно вот такое, когда вдруг происходят редкие — как редко встречается все истинно Ценное, — встречи с людьми, общение с которыми действует на вас, как поток свежего воздуха, когда вы настежь распахнете окно в душной комнате. И не просто свежего воздуха поток, а поток целого мира, которым и является человек, если он — Личность.

Говорят, что первое впечатление — самое верное. Но наблюдение это, может быть, сделанное более тонким знатоком лю-

дей, чем я,— для меня, в частности, не всегда оказывается правильным. Да и, наверняка, многим из вас в том, кто вначале произвел на вас впечатление самое яркое, приходилось позднее разочаровываться, и наоборот — тот, на кого вы и внимания-то при первой встрече не обратили, при ближайшем знакомстве оказывался интереснейшей личностью.

Когда я, с некоторым опозданием, пришла на собрание глухих художников Украины, уже отбирались — общим голосованием — работы на международную выставку «Живопись будущего». Отобранные картины должны были отбыть в Италию — и потому глухие художники, отечественными выставками не избалованные, перед ними особенно суетились.

Вначале я, как и все присутствующие, интересовалась больше картинами, чем их создателями,— пока мое внимание не привлекла забавная полемика (односторонняя, впрочем) председательствующего Михаила Поплавко, приземистого, полного, с рыжеватой аккуратной бородкой и мягкими стеснительными манерами — с высоким представителем «козацького роду». «Козак», естественно, имел «козацькі чуб та вуса», да еще и «карі очі», да еще и пиджачок был на нем какой-то темный и бедный, и брюки заправлены в сапоги с высокими голенищами — прямо выходец из прошлого века!

Так вот, вели они — представитель потомственной мягкотелой киевской интеллигенции и представитель «козацького роду» — такой разговор: стеснительный Миша в жестах и выражениях самых альтруистических скромно напрашивался на благородную миссию перевозчика картин всех художников в Италию и обратно — энергичный же «козак» выражал ему такое недоверие, что вот, мол, поедет он, Миша, со всем добром в Италию, получит там все премии за все картины — и все себе заграбастает, а остальным — тут «козак» развернулся от растерянного Миши в сторону зала:

— Во!

Маленький мальчик, сидевший передо мной, мгновенно оживился и стал дергать за рукав свою маму, с восторгом повторяя:

— Ма, дядя дулю показал!

И с неменьшим восторгом воспроизводя жест, так его восхитивший, пока не получил довольно чувствительный шлепок по пальцам.

— А тому — продолжал недоверчивый «козак», и ведать не ведавший о восхищенном дитяте, — щоб такого не було, — як приїдеш, — документ на стіл! Та щоб все в ньому було: що — кому — скільки!

Бедный Миша краснел и потел, и кивал поспешно:

— Да, да, конечно, обязательно! А как же иначе?

Было заметно, впрочем, что он обижен, хотя и старался не подавать виду. Он не намерен был вступать ни в какие перебранки: дороже всего его сердцу живописца был милый образ далекой Италии, которую он мысленно уже держал в объятиях и ни за что не хотел отпустить в недостижимую даль.

Я пожалела, что здесь, в зале, не было Гоголя — уж он-то, с той искрометной ловкостью и легкостью, с какой черти крадут души, схватил бы колоритный образ этого «козака», да и тень бедного Миши Поплавко впридачу, и поместил бы их в своей книге.

Таким было мое первое впечатление.

Я еще не видела его картин, а уже знала (догадаться было нетрудно), что они непременно должны быть на традиционно-избитую украинскую тематику: украинская хата (кто ее не рисует?), подсолнухи, коровы, мальвы...

Стандартные, гладкие, однообразные, мертвые картины, в которые Бог не вдохнул жизнь.

Господи, сколько я их уже видела, таких картин!

Когда он притащил на сцену тяжелые картины и поставил их перед залом, — я замерла от неожиданности.

Да, здесь была и «українська хата», и «дикі троянди», и «бузок». Но что это была за хата, что за троянды, что за бузок! В эти картины можно было войти. И жить в них.

Какой-то живой дух пребывал в них, какая-то сила в них... как бы это лучше выразиться?.. «вирувала». Нет, он был не просто художником — он был колдуном. Иначе — как объяснить это дыхание жизни, так явственно ощутимое, эту силу, исходящую от его картин?

Вот тогда я и обратилась к нему с вопросом: — Как Ваше имя?

— Анатолий.

— А фамилия?

— Рыженко. Анатолий Рыженко.

Так безымянный «козак», развеселивший невинного младенца, стал для меня Художником, обладающим тремя сокровищами — талантом, лицом и именем. Я говорю именно об этих ценностях, как неизменно ему принадлежащих, а других-то у него, пожалуй, и нет: карбованцев у него, как по всему видно, не густо; громкой славой, ношением на руках и хвалебными речами не избалован; и даже картины его — как-будто не его собственность: он — сам по себе, они — сами по себе. Сегодня они еще при нем, а завтра, купленные каким-нибудь поляком-коллекционером, уплывут в неизвестность...

Странно, что вся жизнь человеческая, безмерная в духовном пространстве, составляющая порою целый век во временной протяженности, может уместиться всего в нескольких строках. А то и в двух — через черточку — датах. Нет. Пока еще — только в одной: за пугающей черточкой — утешительная незаконченность, полное глотков воздуха и мазков кисти благодатное многоточие...

«Рыженко-Янковий Анатолій Олексійович.

1959 р. нар., с. Брідок, Теплицького р-ну на Вінниччині.

Початкову освіту отримав у місцевій восьмирічці. У зв'яз-

ку з погіршенням слуху продовжив навчання в Кисляцькій спецшколі-інтернаті для слабочуючих на Вінниччині.

Навчання в ЛВЦ, згодом в МАХІ ім. В. І. Сурикова.

Станковий живопис.

Мої роботи побували — в обласних, республіканських і міжнародних виставках — Болгарія, Польща, Німеччина, Чехословакія, США, Росія...»

Это — то, что он написал о себе сам в своей биографии.

Разве за этими скупыми строками разглядишь колдовскую особенность его таланта — передавать в своих картинах не просто изображение жизни, пусть самое точное, а — живую жизнь? Разве распознаешь за ними все богатство незаурядной личности?

А он таки — Личность. Глубокая и своеобразная. Фантастически сочетаются в нем черты простого сельского художника (при том — свободного, что нередко бывает житейским синонимом слова «нищий») с высокой культурой и образованностью, ясным, живым умом, прекрасным украинским языком. С редким по нашим временам (а может быть, и во все времена?) духовным целомудрием. В нем словно причудливо срослись два разных человека: один — вызывал желание поклониться к нему и из простой человеческой жалости отдать ему последний грош, другой — был неким высшим существом, на которое надлежало поднимать глаза с благоговейным трепетом...

Когда я пыталась выделить что-то из нашей беседы — какие-то его выражения, мысли — оказалось, что я просто не могу этого сделать, как не могу разделить дыхание на вдохи-выдохи, — общение с ним было единым, цельным потоком, тем, что и называется роскошью человеческого общения.

Но одно я все же отметила особо. Он говорил, что человечество вовсе не эволюционирует, а деградирует, что в идеале человек должен быть не таким «скрюченным» и «расслаблен-

ным», каков он есть, а таким, чтобы и машину мог обогнать, «щоб міг полетіти»! Он говорил, что «хотів би полетіти, але — земля вчепилася, держить і не пускає».

Давно уже выделяю изредка встречающихся — среди едящих и пьющих, и ползающих во прахе, из которого созданы и в который вернутся, — одержимых жаждой полета. Кто они, почему они такие — страдающие странным атавизмом крылатости, откуда идут их корни?..

Я говорила — на русском, он — на украинском.

Когда я выразила опасение, что вот, мы говорим на разных языках... — он ответил:

— То — нічого. Головне: ти розумієш мене, а я — тебе.

Да — и, может быть, в большей степени я — чем он, свободный, — измученная своими вечными разногласиями с твердящими мне в один голос: «Спустиись на землю!», ощутила блаженство общения с говорящим со мной на некоем позабытом и утраченном языке едином: «Я хотів би полетіти...»

И, наконец, труднее всего — с его ярко выраженным талантом, который я все же не могу оценить вполне. Я видела слишком мало его картин, чтобы утверждать всенародно, что он — великий художник, но и того, что я видела, достаточно, чтобы понять, что он — художник необычный. Однако боюсь, что мое мнение о его картинах может быть пристрастным, — потому что эти картины (как в свое время картины Ф. Васильева и А. Исачева) затронули мое глубинное чувство — ностальгию о прекрасном и поэтическом мире. Особенно острую на фоне нынешней кошмарной жизни.

Весь этот мир неким невидимым взрывом разорван на осколки и летит в тартарары, а тут — такая ясная, ленивая сельская тишь, такая вековая хата, полуразрушенная, вросшая-таки в погибающую землю могучими корнями непобедимой жизни; свежие розы, не слыхавшие взрыва, — мирно спят и видят райские сны — сны о жизни вечной; бледный,

затуманенный поток сирени словно разливает со своим ароматом нежное мелодичное звучание — песнь жизни вечной... Все здесь — цветет жизнью, все — о жизни вечной! Не о той, что будет после конца света где-то там, в далеком небесном раю — последнем и вечном убежище для избранных, а об этой, здешней, не менее райской красоте земной, которая, несмотря ни на что, не погибнет, не исчезнет, а пребудет — вечно...

Это ли — не спасение?

Вот потому что я так увидела эти картины — с точки зрения собственной неприкаянности в распадающемся мире — для меня они не просто мастерски выполненные пейзажи, а живые острова той Красоты, что спасет мир.

Нет, нельзя, видимо, дать верную оценку, если находишься во власти собственного пристрастия.

Но и отодвинув в тень это свое пристрастие, думаю, что о картинах Анатолия Рыженко можно сказать то же, что сказано об описаниях природы Льва Толстого Сомерсетом Моэмом — писателем самым сдержанным и объективным в своих оценках: «Картины природы написаны уверенной рукой, они реалистичны и в то же время полны поэзии. Никто в русской литературе не умел лучше Толстого дать почувствовать аромат сельской ночи, жар полдня, благоговейное таинство расвета».

От себя же — хочу повторить одно: ни в чьих картинах мне не встречался так сильно выраженный украинский дух. Тот таинственный, тот волшебный и животворный дух, что витает испокон веков над этой землей — даже вот такой, пораженной метастазами торговых ларьков, мусорных свалок и злачных мест.

И такова его сила, что часть его, видимо, передалась и мне — и я, никогда раньше не писавшая стихов на украинском языке, вдруг написала первый в своей жизни «Вірш» — вот такой «Вірш»:

Художнику Анатолию РЫЖЕНКО

*«Зустрічаю — «по уму»,
Провожая — теж.
Так — чесніше, а тому
Тут — межа всіх меж.
Духом бачу: чоловік,
Убраний в дрантя, —
Мов архангел між калік,
Квітка між сміття.
Фітогomo, що Олесь
Дивний марив ним.
Не в майбутньому, а деь,
Де в багні стоїм.
Хата в тиші, спів бузка,
Марення троянд...»*

«Убраний у дрантя» — странное это выражение, которое может даже показаться обидным, по отношению к такому необычному человеку звучит особенно — с ударением на первом слове. Вот так: УБРАНИЙ (в дрантя).

Здесь, на этом месте, где оно сейчас написано, это королевское, переливчатое слово «УБРАНИЙ», и села в самом начале бесполезно-прекрасная (или прекрасно-бесполезная?) бабочка, залетевшая из книги Сент-Экзюпери «Планета людей».

Ирина ДУЦЕНКО

Волшебный карандаш Галины Крестино

*«Умира тишины свои проблемы.
Вам кажется, что все для нас молчит?
Неправда! Ведь картины тоже немые,
Но холст живет и чувствами кричит».*

Т. НУЖИНА.

Г. Крестино.

Галина в раннем детстве заболела менингитом и из-за грубой ошибки врача потеряла слух...

Жила она тогда с родителями в Виннице, глухих там не встречала и была уверена, что она одна такая несчастная на всем белом свете.

В феврале 1941 года родители повезли ее в Москву, в школу-интернат для глухих детей. Ей в то время было одиннадцать лет. Но врачи и сам директор школы не советовали разлучать ее с родителями, поскольку она владела речью, хотя и очень слабой, но, находясь среди глухонемых детей, могла бы полностью разучиться говорить.

Родители решили жить в Москве всей семьей, а Галина была приходящей ученицей в школе-интернате. Но грянула война, и все планы рухнули...

«Со временем, — как вспоминает Галина, — я взялась за чтение книг и учебников. Благодаря сестре я и без школы сумела

научиться грамоте. У сестры обнаружился педагогический талант, и она взялась за меня всерьез, а я очень старалась и делала большие успехи.

После войны вся наша семья переехала в Одессу, где мне удалось поступить в художественное училище им. Грекова. Рисованием я увлекалась с детства и была очень счастлива заниматься этим делом всерьез. Училась на факультете живописи, в совершенстве овладела техникой масла и акварели, но предпочитала работать карандашом.

В Общество глухих пришла после окончания училища. Когда впервые вошла в вестибюль Одесского дома культуры УТОГ, была приятно удивлена — там было много очень симпатичных людей, которые общались и словами, и жестами. Сразу нашлись добровольцы, которые помогли мне освоить таинственный язык глухих, который мне сначала казался таким же трудным, как китайская грамота.

Я очень обрадовалась, когда меня приняли в члены УТОГ. В библиотеке Дома культуры тогда работала молоденькая девушка Валя Зимина (Семенова В.И.). Именно она вручила мне членский билет УТОГ. С помощью Вали и других посетителей библиотеки я постепенно освоила жесты и стала жить по-новому.

Я прекрасно чувствовала себя в Обществе неслышащих друзей. Почти каждый вечер ходила в клуб, участвовала в работе шахматного кружка, занималась в литературном кружке, который вел незабываемый А.С. Запорожец. Он учил нас переводить на язык жестов отрывки литературных произведений и очаровывал всех своими плавными, классическими жестами.

В 1959 году я стала работать в Одесском доме культуры художником-оформителем и декоратором и очень увлеклась этой работой. Особенно мне нравилось рисовать декорации для нашего самодеятельного театра. А потом я сама стала участвовать в спектаклях».

Галина Стефановна Крестино всю жизнь проработала в Одесском доме культуры УТОГ. Все художественное оформление, начиная от висящего в фойе плана мероприятий и кончая декорациями сцены, было сделано ее руками. А какие великолепные композиции, шаржи и плакаты она рисовала для праздников!

Но ее сердце было отдано карандашу. На выставках ее небольшие графические работы всегда привлекали внимание и вызывали восхищение.

Художница постигла «душу карандаша» и покорила его. Рисуя портрет, чередовала жирные энергичные штрихи и тончайшую светотень, где надо, растирала линии пальцем, чтобы создать объем, рассыпала тончайшие черточки, и от этого рисунок словно дышал и переливался цветом. Многие рисунки Галины Стефановны хранятся в Фонде художественного училища, где она училась.

Я рассматриваю ее старые альбомы. Вот один из них — обычная пожелтевшая школьная тетрадка в клеточку, рисунки незапамятных времен. Там изображены фантастические замки, какие только может создать воображение. На невзрачной страничке — чарующие взгляд романтические уголки природы. Самую неприметную травинку или веточку Галина изображала с такой ювелирной тонкостью и любовью, что при взгляде на эти рисунки хотелось плакать от умиления.

Покоряет мастерство моментальных зарисовок, которые художница делала во время путешествий — пейзажи, проплывавшие за бортом теплохода, виды из окна поезда или автобуса, облака под крылом самолета...

Вторым увлечением Галины Стефановны была художественная фотография. В ее фотоальбоме очень много оригинальных снимков с остроумными подписями. Вот «Встреча с армянским ишаком» — вызывает добрую улыбку. Снимок «Мяч не путается под ногами» — развеселит кого угодно. Яр-

ко сверкает «Утренний бриллиант» — росинка на цветке. Две скалы в море носят очень удачное название — «Сцилла и Харибда» и навевают воспоминания о древнем греческом мифе. Великолепен снимок «Как в тебя не влюбиться» — красавица-лягушка, кокетливо сидящая на листе кувшинки.

С подобными остроумными подписями и сделанные Галиной фотоснимки памятников и исторических мест Одессы, Москвы, Ленинграда...

Галина Крестино не стремилась к известности, не часто участвовала в больших художественных выставках. Но никогда не знал покоя ее волшебный карандаш.

26 февраля 2005 года оборвалась ее неутомимая работа, прервался жизненный путь, но ее картины, которые украшают стены Одесского дома культуры УТОГ, постоянно напоминают о ней.

...И ярких красок цвет

С. Кириллов.

Солнечные, до предела насыщенные светом и цветом картины Сергея Кириллова вызывают у всех, кто их видел, яркие впечатления.

Поневоле задумываешься, в чем же секрет такой красочной палитры художника, и ищешь истоки его таланта в детстве. Родился Сергей в 1968 году в Мариуполе. В возрасте трех лет почти полностью потерял слух в результате введения антибиотиков.

Учился он в Мариупольской спецшколе-интернате для слабослышащих детей. Был замкнутым мальчиком. Возможно, это и дало толчок в выборе увлечения. Рано проявилась у Сережи большая тяга к рисованию, и он стал посещать детскую художественную школу.

Взрослея, Сергей все острее ощущал ту трагедию, которая с ним произошла. Говорил: «...Как тяжело себя чувствовать ущемленным в жизни».

Еще учась в старших классах, он сделал выбор своего дальнейшего жизненного пути и сразу же по окончании школы поступил в политехникум Ленинградского восстановительного центра ВОГ на художественно-оформительское отделение.

В 1991 году, закончив обучение и получив диплом художника-оформителя, вернулся в родной город и начал свою трудовую деятельность по специальности.

С тех пор прошло немало времени... Это были годы творче-

ских поисков и неустанной работы над совершенствованием своего мастерства. Все новые и новые образы рождала фантазия художника. Он принимал участие в тринадцати всеукраинских выставках, неоднократно экспонировался в городском выставочном зале имени Куинджи. Вот что пишет о нем местная пресса: *«Из новых имен — молодой художник С. Кириллов. Его работы: «Царство небесное», «Коррида» — красочный взрыв, где ликования соседствуют с предчувствием затавившейся катастрофы.*

...Вибрирующие световые поля излучают «Белый натюрморт», «Цветы на закате», «Васильковое утро».

Сергей очень увлеченно рассказывает о своих детищах. Вот что говорит он об истории создания картины «Васильковое утро»: *«...Набросал эскиз, но он почему-то не понравился. Хотел даже сжечь эту картину, а потом как-то само собой оставил недоработанный этюд. И забыл о нем. Когда однажды готовился к участию в очередной выставке, мой взор пал именно на «Васильковое утро». Возможно, был хороший день, а может глаза мои увидели именно тот цвет, который просочился в окно и дал отблеск на незавершенном полотне — именно тот оттенок, который я искал многие годы. Короче, вдохновение вернулось ко мне. И на одной из выставок именно за свою «сожженную» — выстрадавшую картину получил первую премию».*

О каждой картине он рассказывает невероятное. И его приятно слушать, тем более, что все это действительно жизненные, а не выдуманные истории.

О картине «Желтые хризантемы» он сообщил по секрету, что рисовал её... пальцами.

Натюрморты и пейзажи Кириллова напоминают мозаичское панно, настолько насыщена их световая гамма. Работа «Утро» выдержана в холодных, серо-голубых тонах, построенная на контрасте фактуры от сухой до помпезной, что дает необычайный эффект колеблющегося пространства.

О том, как Кириллов совершенствует свое мастерство, говорят скупые строки в газете «Приазовский рабочий»:

«Совершенно неожиданным предстал Сергей Кириллов — брызжащее многоцветье прежних работ упорядочилось в лаконичные линии натюрмортов, в стилизованную панораму «Павловский парк», выдержанную в жемчужно-палевой гамме, напоминающей гобелен. Эту картину он готовил для Донецкой областной организации УТОГ.

На холстах Сергея потенциал сдерживаемой энергии выплеснут в глаза, точнее, в душу зрителя. Агрессивная живопись не оставляет места равнодушию. Порой пошевеливает волосы на затылке, как от холста «Мария Стюарт» — с рельефными кровавыми волнами густо наложенной краски. Яростным стоном раненого зверя, как в песне Владимира Высоцкого, взрывается «Охота на волка, кровь на белом снегу». Столь же активно, но уже радостью жизнеутверждения, звучит обширная, во весь холст, щедрая улыбка и нежно-лукавый женский взгляд в картине «Я люблю Вас».

В декабре 2000 года Сергей Валериевич Кириллов стал членом Национального Союза художников Украины

Ваятель

В. Борисанов.

В клубе глухонемых в Одессе проходило собрание комсомольского коллектива. На повестке дня первым вопросом значился прием в комсомол. Юношей и девушек, пожелавших стать комсомольцами, набралось немало.

Когда председатель собрания огласил заявление Василия Тихоновича Борисанова, с места поднялся среднего роста белокурый молодой человек. Подойдя к председательскому столу, он жестами рассказал молодежи свою биографию.

Вася Борисанов родился в 1916 году, в Кривом Роге Днепропетровской области. Отец — рабочий металлургического завода, мать — домохозяйка. Годовалым ребенком Вася потерял слух от менингита. Когда подрос, его отправили учиться в Запорожье, в спецшколу-интернат для глухонемых детей. Кроме грамоты, в школе обучали сапожному ремеслу. После окончания школы Вася должен был стать кустарем-сапожником.

Летом учеников, у кого были родители, отпускали домой на каникулы. Но дома одинокому глухонемому мальчику было скучно. Развлекался он тем, что уходил к реке, где лепил из глины разные фигурки.

Шли годы. Страсть к лепке всецело овладела подростком. Теперь он уже лепил бюсты вождей. Однажды, когда Вася заканчивал бюст Ленина, мимо двора шел секретарь комсомоль-

ского комитета города. Он заинтересовался работой глухонемого скульптора-самоучки, лучшие бюсты взял для местной рабочей библиотеки, а Васю комсомольский комитет отправил в Харьковское художественное училище. Через год Василий Борисанов перевелся в Одесский художественный техникум, который и закончил в 1936 году.

После нескольких добавочных вопросов по политической грамотности Василия Борисанова приняли в комсомол.

Когда собрание закончилось, он пригласил своих друзей посмотреть его новую работу.

Когда все пришли к Василию на квартиру, он повел в свою «студию», которая оказалась на чердаке. По узкой крутой лестнице еле поднялись наверх. Там, посередине чердака, все увидели гипсовую скульптурную группу на квадратном низеньком столе. Это был проект памятника Первой конной. На пьедестале, сделанном в виде пятиконечной звезды, в центре лежало разбитое орудие, возле орудия — раненая лошадь. Сбоку красноармеец прицеливался из винтовки в невидимого врага. Через орудие в стремительной скачке перелетали два конника, мчавшиеся в атаку. Очертания лошадей, распластавшихся в прыжке, фигуры всадников, каждым мускулом стремящихся вперед вместе с конями, лица их, выражающие жажду битвы и уверенность в победе, широкий взмах руки с клинком, готовым поразить врага, — все дышало энергией, поражало композиционной слаженностью, легкостью и простотой. На пьедестале памятника с боков были написаны имена живых и погибших героев гражданской войны.

Василий с любовью поглаживал свое творение, а глаза искрились радостью.

Все были поражены такой неистовой любви к вложенному труду и фантазии молодого скульптора. Василий Борисанов был талантливым человеком, много и упорно работал над каждым произведением.

Но грянула Великая Отечественная война... Лишения, переезды немного выбили его из колеи привычной жизни, но он, как и раньше, страстно любил свою работу, и при первой же возможности до самозабвения с головой уходил в нее.

Он много создал скульптурных композиций для парков и площадей Одессы, которые украшают их и сегодня. Все его работы имеют свой отличительный почерк, они выразительны, выполнены мастерски: «Сталевар», «Первая конная», «Слава труду», «Футболист» и другие.

Каждая из этих скульптур — увлекательный, взволнованный рассказ о героическом прошлом и сегодняшнем нашей Родины, ее людей.

Труд скульптора нелегкий, он требует большого физического напряжения, постоянных творческих поисков, глубоких знаний, жизненного опыта. Работы В. Борисанова не раз отмечались в прессе, получали положительные отклики.

Василий Тихонович всегда был в поиске, в заботе. Когда заканчивал одну работу, в мыслях уже созревал план будущей, еще более интересной, более захватывающей композиции.

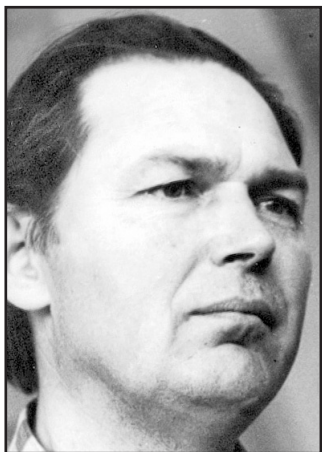
Глухой скульптор был членом Союза художников СССР. Его скульптурные работы хранятся в музеях Украины и России.

Ушел из жизни этот замечательный талантливый член УТОГ в 1998 году, в возрасте 82 лет. Одесса и одесситы хранят о нем память и сегодня.

Щедрість душі й жар серця

*«Він витесав із каменя троянду,
Таку, щоб не на день, а на віки,
Щоб побратимів юність полум'яну
Запам'ятали люди і зірки!»*

М. МАЧКІВСЬКИЙ.

З.І. Береза.

Зіновій Іванович Береза — відомий глухий художник-кераміст, член Спілки художників України, член Львівської обласної організації УТОГ.

Народився він 29 липня 1933 року в селі Женів Золочівського району Львівської області.

Тільки-но почав ходити до школи, як захворів і втратив слух. Але хлопчик не здавався. Він наполегливо продовжував навчання у масовій школі. До війни встиг закінчити лише 2 класи. Воєнне лихоліття перервало навчання, і тому Зіновій зміг здобути освіту в спецшколі-інтернаті пізніше, вже після закінчення війни.

Рано виявивши здібності до творчості, хлопець став навчатись у Львівській художній школі, яку закінчив у 1952 році. Здобуття освіти він продовжив, і у 1957 році завершив навчання на відділі художньої кераміки Львівського училища прикладного мистецтва ім. Івана Труша. Пізніше, вже в 1965 році, закінчив Львівський інститут прикладного та декоративного мистецтва.

У виготовленні кераміки Зіновій Іванович виявив себе як художник з власним стилевим почерком. Його характерною особливістю є постійна відданість покликанню митця — через предмети ужиткового та декоративного призначення вносити красу у побут людей.

Керамічні вироби З. Берези, починаючи з його участі у виставках початку 60-х років і до сьогодення, викликають незмінний інтерес у глядачів та зацікавлення мистецько-знавчої критики. Зіновій Іванович представляв свої роботи на обласних, республіканських та всесоюзних вернісажах прикладного мистецтва. Презентували його витвори, як вітчизняну кераміку, і на зарубіжних виставках.

Зіновій Береза — художник широкого творчого діапазону. Він автор численних зразків ужиткової кераміки, виготовлених на замовлення Львівської кераміко-скульптурної фабрики для масового виробництва. Його питні набори для молока, кави, квасу тощо здобули визнання й попит у шанувальників.

Перша персональна виставка митця носила ретроспективний характер і була присвячена 50-річчю з дня його народження. В експозиції були представлені витвори за весь період його життя у мистецтві, починаючи від ранніх, виконаних невдовзі після закінчення інституту, і закінчуючи 1983 роком.

Роботи Зіновія Берези експонуються у Львівському музеї етнографії та художнього промислу, у Державному музеї українського народного декоративного мистецтва у Києві та у Канівському музеї прикладного мистецтва.

Зіновій Іванович створив сувенірні кухлі, штофи, вази, кубки, присвячені ювілеям Львова і Києва, Олімпійським іграм у Москві. Художник успішно працював над декоративними і тематичними тарілками, настінними пластами.

До його кращих робіт можна віднести тарілки, присвячені 150-річчю з дня народження Т.Г. Шевченка та 100-річчю з дня

народження Лесі Українки, пласти «Врожай», «Кінець осені», «Останнє яблуко» та інші.

Цікавими пластичними знахідками декорування та утилітарною доцільністю відзначається фігурний посуд роботи З. Берези, що мав особливе поширення у 60-ті роки.

Зіновій Іванович досконало володіє технологічними засобами виготовлення кераміки. У своїх роботах, виконаних переважно у кам'яній масі, він вдало застосовує поливи, емалі, солі, вміє використати декоративний ефект самого матеріалу. Його виробам властива висока культура виконання, ретельність у проробленні кожної деталі.

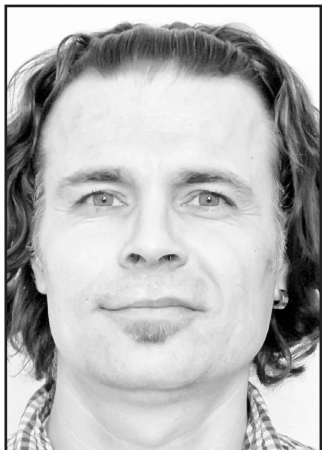
Корені творчості З. Берези йдуть від засвоєння ним багатих традицій народної кераміки та досягнень вітчизняного та світового мистецтва.

Художник регулярно організовує виставки своїх панно та керамічних виробів у Львові та Києві. Неодноразово виставляв свої роботи у Львівському обласному центрі культури і дозвілля УТОГ, чим сприяв естетичному вихованню нечуючих. Про авторитет і майстерність художника свідчать численні публікації в пресі і відгуки мистецтвознавців про його творчу діяльність.

Він — член Співки художників України з 1971 року, нагороджений численними дипломами обласних та республіканських виставок, а також дипломом Міжнародної виставки кераміки, що проходила у 1980 році у Франції.

Кераміка — найбільш демократичний вид декоративного мистецтва. Саме для людей, для нас з вами, і працює майстер, вкладаючи в свої творіння щедрість душі й жар серця. Тож хай щастить йому і хай ніколи не згасає іскра натхнення для чудових задумів і успішного створення майбутніх шедеврів, які духовно збагатять і прикрасять наше сьогодення!

Человек, талантливый во всем

Говорят, что если человек талантлив — то его талант проявляется в любом деле, чем бы он ни занялся... Одним из самых ярких примеров этого является Алексей Нашивочников, который своей разносторонностью продолжает удивлять и удивлять. Архитектор, художник, спортсмен, а ко всему прочему — и мастер слова. Ведь редко кому удастся так захватывающе рассказывать историю своей жизни...

А. Нашивочников.

— Расскажите о своем детстве. Какими были ваши школьные годы, чем вы увлекались и о чем вы мечтали в том возрасте?

— Я родился в семье слышащих специалистов. Отец был инженером-авиаконструктором, а мать — экономистом. Не слышу с рождения. Мое детство прошло на Нивках, во дворах между пятиэтажными хрущевками из рыжевато-желтого красного кирпича и в Сырецком лесопарке. Позже, уже в школьные годы, я жил с мамой на Борщаговке.

В детстве увлекался рисованием и игрой в конструктор, гонял мяч с дворовой детворой и играл в «войнушки». Одним словом, в далеком счастливом детстве был как все обычные советские мальчишки.

Во дворе у меня с некоторыми друзьями была особенная игра — в пластилин. Каждый из нас приносил коробку цветного пластилина, и мы смешивали цветные бруски в одну боль-

шую массу, которая получалась одного цвета, темно-грязно-серого. Потом мы усаживались на скамейке и решали, на какую тему лепить. Например, когда выбирали космическую тему, лепили звездолеты с всевозможными отсеками и космонавтов в скафандрах. Пластилиновые отсеки можно было открывать и запихивать туда пластилиновое космическое оборудование и одевать пластилинового космонавтика в пластилиновый скафандр.

Сколько разных тем в пластилиновых играх у нас тогда было! Сейчас в супермаркетах прохожу мимо прилавков с изобилием детских игрушек и игр, смотрю на готовые тематические игры типа «Лего» и думаю про себя: «Нет, лучше наших игр в пластилин не было и нет. Возьми хоть сегодняшние компьютерные игры, хоть игрушки-трансформеры, но наш пластилин был самой суперклассной игрушкой в мире!».

Кроме пластилина, я увлекался сборкой моделей самолетов из пластика на клею, делал бумажные модели парусников по чертежам из журнала «Юный техник», строил миниатюрные модели деревянных срубов-домов из тонких веточек.

Я учился в Киевской школе для слабослышащих детей № 9. В школьные годы посещал детскую художественную студию Н.О. Остапинского и закончил художественную школу на Оболони. Кроме изобразительного искусства, занимался волейболом, защищал честь сборной команды родной школы № 9 в республиканских первенствах среди неслышащих школьников.

В школе у меня самым любимым предметом была география, которую вела Алла Михайловна Власенко, наш классный руководитель. Благодаря ее свободному владению жестовым языком, все ученики очень любили эти уроки. Мы с большим удовольствием участвовали в школьных олимпиадах по географии, которые организовывала эта замечательная учительница.

В дошкольном детстве я в мечтах каждый день менял профессию: то хотел быть пожарником, то космонавтом, то рыбаком, то солдатом, то еще кем-нибудь... Не было у меня постоянства в этом вопросе. А позже, в школе, я особо не задумывался о выборе будущей профессии.

— **После школы вы пошли учиться в Киевский колледж (техникум) легкой промышленности. Чем был обоснован этот выбор?**

— В далеком 1988 году, заканчивая школу, я колебался в выборе вуза. Тогда я еще не определился с будущей профессией. Ведь у нас, неслышащих выпускников, был тогда небольшой выбор и мизерный список учебных заведений, куда нам предлагали поступать. Мне нечего было выбирать, я даже думал не поступать в вуз, а пойти работать. В то время у неслышащей молодежи была мода идти на предприятия с вредным производством, чтобы за короткий срок заработать максимальную пенсию. Но моя душа протестовала против этого и подсказывала пойти учиться в Ленинградский восстановительный центр ВОГ на художника-оформителя. Но я, за компанию с одноклассниками и друзьями, которые подали документы в Киевский техникум легкой промышленности, пошел учиться туда. Помню, как на собеседовании директор техникума спросил меня, почему я выбрал этот техникум. Я, не моргнув глазом, ответил: «Хочу научиться ремонтировать швейные машинки». А он мне: «А стиральные машины или холодильники не хотите ремонтировать?» Я понял его намёк и смутился от своего легкомысленного ответа.

— **Когда вы поняли, что хотите быть архитектором? Что вдохновило и подтолкнуло вас на выбор этой профессии?**

— В трудные 90-е годы я не раз менял разные профессии. Имея в кармане диплом техника-конструктора, я работал в разных местах не по специальности. И однажды сказал себе: «Стоп! Куда ты катишься? Вообще, какая цель у тебя в жиз-

ни? Хватит шараханий в стороны. Надо определиться и идти одной дорогой к цели».

С раннего детства я любил рисовать, и со школы мне нравилось чертить. Любил разглядывать архитектурные проекты в журналах и книгах. Однажды я через один журнал выкупил какой-то неполноценный проект индивидуального жилого дома и попробовал переделать его на свой вкус. В тот момент меня вдруг осенила мысль: «А если поучиться на архитектора? Ведь умею и рисовать, и чертить!». Тогда мое решение было прагматичным. Я считал, что у дипломированного архитектора будет больше возможностей для работы в различных сферах рынка, нежели у художника или дизайнера. Взял и поступил на архитектурный факультет в Национальную академию изобразительного искусства и архитектуры. И не прогадал.

На первом курсе, на обсуждении наших учебных работ, один преподаватель подошел ко мне и сказал, что неслышащему студенту будет не под силу учиться на архитектора, поскольку «это тысяча и одна профессия», по его словам. Он рекомендовал мне перейти на живописный или графический факультет. Меня задела за живое его слова. Доучился я до защиты дипломного проекта, а после защиты этот преподаватель поздравил меня и пожал руку. В Академии даже предлагали мне продолжить учебу в аспирантуре, но я отказался по семейным обстоятельствам.

— Вы спроектировали несколько станций метро в Киеве. Как вам удалось подключиться к этому серьезному делу и откуда вы брали идеи при проектировании?

— В Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры (бывший Киевский государственный художественный институт) я учился в архитектурной мастерской профессора Ларисы Павловны Скорик, известного архитектора и общественно-политического деятеля. По её рекомендации меня приняли в проектную организацию «УКРМЕТРО-ТУНЕЛЬПРОЕКТ». В то время многие ведущие специали-

сты ушли из этой организации, поэтому там была острая нехватка кадров. В первые же дни моей работы в «УКРМЕТРО-ТУНЕЛЬПРОЕКТЕ», главный архитектор проектного института — Тамара Алексеевна Целиковская, попросила меня помочь в разработке проекта архитектуры станции «Сырец», которую уже начали строить. Так я начал разрабатывать серьезные проекты, какими являются станции Киевского метрополитена. После пуска станции «Сырец» начальство и сотрудники стали ценить меня.

Идеи я черпаю по-разному. Типы станций определяются геологическим строением участка прохождения трассы метрополитена, нагрузкой вышестоящих зданий на участок, привязкой перспективных выходов к общественным местам и транспортным развязкам и т.д. После согласований с отделами геологов, трассы и инженеров-конструкторов, мы — архитекторы, уже можем начать лепить образ новой станции. Начинаются творческие муки, черпаем идеи из разных мест. То надо опробовать новые материалы для отделки станции, то привязываемся к топонимическому названию района перспективной станции, то надо учесть архитектурный стиль ближестоящих зданий. Иногда находим интересное в просматривании аналогов других станций в разных странах, и с коллегами вместе обсуждаем образ перспективной станции и т.д. Так рождается новый облик. Например, архитектурный образ станции «Теремки» я ассоциирую со стилем древнерусского искусства и зодчества, царских теремов, где много белого цвета с позолотой и вкраплениями цветной мозаики.

— **Помимо искусства, вы еще и человек, любящий спорт. Почему вы выбрали спортивное ориентирование? Какие достижения есть у вас в этом виде спорта?**

— О, спорт! Без физкультуры немыслима жизнь человека, ведущего здоровый образ жизни. В детстве и в юношеские годы

я любил гулять по лесу. Наша дача стоит совсем близко от леса Пуца-Водицы. Часто я уходил в одиночку бродить по лесу, собирал грибы и ягоды. Бабушка с дедушкой были спокойны за меня, я хорошо знал этот лес и увлекался изучением географических карт. Даже пытался нарисовать топографическую карту дачных участков с куском леса. Я пронес свою страсть к картам из детства: от карт Острова сокровищ и страны Швамбрании до детальных генпланов архитектурных объектов и спортивных карт для спортивного ориентирования в настоящее время.

Долгое время, еще со школьных годов, я занимался волейболом, пока не познакомился с Андреем Егерем. Мы с ним и Олегом Лавриком в 90-х годах заинтересовались спортивным ориентированием и развили этот увлекательный вид спорта среди глухих в Украине. Теперь наши украинские неслышащие спортсмены-ориентировщики успешно выступают на Дефлимпийских играх, чемпионатах мира и Европы. Благодаря А. Егеру и О. Лаврику, у меня возродилась любовь к лесу.

Сейчас совмещаю приятное с полезным, то есть любовь к природе соединена с бегом с картой и компасом по незнакомому лесу. Таким образом, я получаю огромное удовольствие от спортивного ориентирования. Раньше я серьезно занимался этим видом спорта, даже выступал за сборную команду Украины на чемпионате Европы по спортивному ориентированию среди глухих, который проводился в Венгрии в 2000 году. На этом европейском форуме я выступил неудачно, так как не успел восстановиться после болезни. Высшим достижением в моей спортивной карьере считаю свою победу на Кубке Украины по спортивному ориентированию среди глухих в Черновцах, в том же 2000 году, после провального выступления на чемпионате Европы.

В настоящее время делаю пробежки по вечерам после работы, иногда принимаю участие в различных соревнованиях по спортивному ориентированию среди слышащих спор-

тсменов в своей возрастной группе, когда выдается свободное время. Хочу сказать, что спортивное ориентирование является самым демократичным видом спорта и самым доступным для всех людей. На любом соревновании по этому виду спорта участники, от мала до велика, могут принять участие одновременно в своих возрастных группах по своим дистанциям. Чего не скажешь про футбол или плавание.

— **Мы знаем, что вы, помимо спорта, еще увлекаетесь туризмом (или альпинизмом, как точнее?). Расскажите об этом увлечении...**

— Точнее будет — горно-пешеходный туризм. Я увлекся этим видом туризма после того, как в 1993 году сдружился с Андреем Егерем на Международном туристическом слете среди глухих в Крыму. С ним я регулярно ходил в различные походы. Они бывали и спортивно-категорийные, и просто маршруты выходного дня (типа двухдневки под Киевом). Ходили по старым, добрым Карпатским горам, где поднимались на высочайшую гору Украины — Говерлу; по суровым, молодым Кавказским горам. Организовывали вместе с Андреем зимний поход на лыжах под Киевом. Не один пуд соли с ним съели в различных экстремальных ситуациях. Как говорится в одной пословице, «в беде познается друг». Так мы с Андреем хорошо узнали друг друга и дорожим этой дружбой до сих пор. В последнее время, к сожалению, из-за загруженности работой, у нас с ним не осталось свободного времени на горно-пешеходные походы. Горы зовут нас, скучаем по ним. Надеемся, что в один прекрасный день закинем рюкзаки на плечи и снова трахнем стариной в горах.

— **Кроме всего прочего, вы еще и художник. Расскажите, как вы начали рисовать свои картины? Что вдохновляло вас?**

— Я родился художником, и это истинная правда. В три года начал рисовать. Родители, бабушки и дедушки заметили мои способности в рисовании, часто покупали мне художе-

ственные принадлежности. Выше я писал, что посещал художественные студию и школу. Даже собирался поступить в ЛВЦ на художника-оформителя. В школьные годы любил рисовать гуашевыми красками и пастельными мелками.

В школе № 9 я вместе с одноклассником Славой Пескиным расписывал стены в игровой комнате, школьной библиотеке, колонны в столовой. Оформляли и новогодние панно в актовом зале. Жаль, что не сохранились они до сегодняшнего времени, а мы не сфотографировали на память наши масштабные художественные работы (можно сказать, что это монументальная живопись).

Любил рисовать портреты своих родных пастелью. Делал небольшие картины акварельными или масляными красками и раздаривал их.

Потом был большой перерыв в моем творчестве, когда я работал в разных местах и искал свой путь. Хотя числюсь членом Союза неслышащих художников г. Киева, который возглавляет профессиональный художник Михаил Поплавко, редко брал участие в профессиональных выставках. Один раз я с Мишей и небольшой группой наших художников (Ковтун, Мазуренко и Рыженко) съездил в Италию на Международную выставку-конкурс, это было в 1998 году.

Но в прошлом году в моей душе проснулся художник, теперь стараюсь находить свободное время для создания моих картин. Чаще общаюсь с Мишей Поплавко по поводу выставок и других мероприятий для художников.

Вдохновляет меня на создание картин позитивный настрой моей души. С недавних пор я дружу с известной киевской неслышащей художницей Галей Ингулой. Они с Михаилом Поплавко поддерживают меня в моем становлении как профессионального художника.

— Алексей, благодарим Вас за интересное интервью! Желаем Вам новых успехов и достижений в жизни, работе, творчестве, спорте!

Т. ДІДЕНКО

Його миргородські джерела...

І. Корчмарюк.

Щедра миргородська земля... Колиса мистецького краю виховала багатьох талановитих людей.

Розлетілись вони по всьому світу, радують інших своїм талантом, але не забувають про свої джерела, приїжджають, щоб подякувати...

Саме так сталося з талановитим молодим глухим художником із Борисполя Ігорем Корчмарюком, виставка акварельних робіт якого під назвою «Мої миргородські джерела» урочисто відкрилась 16 червня 2007 року в літературно-меморіальному музеї Давида Гурамішвілі.

Не дивлячись на те, що автору в цьому році виповнюється тільки 30 років, це вже 9-та персональна виставка художника. Його роботами милувалися не тільки в Україні, але і в Росії, Німеччині, Швеції.

Погортаємо Книгу відгуків. І українці, і росіяни, і німці, і шведи пишуть з однаковим захопленням:

«Бог дав тобі дар художника. Твої картини, побачивши раз, забути неможливо».

«Ви показуєте незвичайне в повсякденному. Відчувається погляд художника, пензель майстра, а в душі — Божа іскра».

«Хочеться нових зустрічей — з Вашим світлим і теплим мистецтвом. Це — як ковток свіжого повітря».

«Я пишаюся знайомством з тобою».

«Я ніколи не був в Україні, але після того, як побачив ці картини, у мене з'явилося відчуття атмосфери цієї країни».

Отже, сьогодні Ігор Корчмарюк — успішний молодий художник, він — член спілок художників, веде активне творче життя, про що свідчать численні грамоти, дипломи, публікації у столичній пресі. У 2002 році відбулася презентація його «Каталогу робіт», готується наступний...

Але так було не завжди. Великі проблеми зі здоров'ям, які виявилися відразу ж після народження дитини, змусили родину переїхати з Одеської області до Миргорода. Тут Ігор закінчив спочатку Миргородську спецшколу-інтернат для слабобочуючих дітей, а потім — факультет прикладного мистецтва Миргородського державного керамічного технікуму імені М.В. Гоголя, викладачі якого зіграли велику роль у становленні Ігоря, як художника.

Перші кроки акварельного живопису, а також знайомство з таїнами його виконання «по-мокрому», Ігор Корчмарюк отримав у «маестро акварелі» — члена Національної спілки художників України Анатолія Миколайовича Кривобоченка, який щедро ділився зі своїми численними учнями, спочатку в художній студії, а потім і під час їх навчання у керамічному технікумі. Свою любов до природи, закоханість в її красу Кривобоченко передав і талановитому учневі Ігорю, про що свідчать акварельні натюрморти, пейзажі різної пори року.

Це ні з чим не зрівняне космологічне довкілля, куди повсякчас прагне душа наша. Весна, з її квітучим розмаєм, зима із сніговою заметіллю, осінь з буянням барв — це все ті явища, які внутрішньо присутні в нас і складають ауру почуттів. Вони визначають особливості українського національного характеру, відомого не тільки у нас, але й далеко за межами України. І тому, коли відбувалися виставки творів Ігоря в далекій Швеції, у містах Треллеборзі і Мальме, дивлячись на його акварелі, глядачі сприймали роботи як споглядання на невідому Україну, а Ігоря — як її посланця, «виразника поетичної краси й природи української землі» (з книги відгуків виставок у Швеції, 2004 рік).

Пейзажі Ігоря — натхненні, поетичні, навіяні романтичним настроєм. Особливо приваблюють зимові етюди, вони сонячні, теплі.

Аквалельні та графічні роботи (гоголівські персонажі зроблені на замовлення бібліотеки ім. М.В. Гоголя у м. Києві) — це постійні пошуки вираження внутрішнього світу через поліфونیю різнобарвних кольорів. Усі мистецькі твори молодого талановитого художника Ігоря Корчмарюка викликають широку гамму емоцій і почуттів.

Зворушливою була зустріч талановитого вчителя зі своїм талановитим учнем через 6 років. Високо оцінивши роботи Ігоря, Анатолій Миколайович сказав: «Я щасливий мати такого учня. У такі хвилини відчуваєш, що працюєш не даремно...».

А Наталія Іванівна Беркута, класний керівник Ігоря, до сьогоднішнього дня підтримує з ним зв'язок і залишається його помічником, критиком і другом. «Моя друга мама», — вдячно називає її Ігор.

Але, мабуть, найбільша заслуга в тому, що хлопець, незважаючи ні на що, став художником, його батьків.

Це вони були поряд, допомагали, виховували в ньому віру в себе, у свої можливості. І коли у 2002 році відбулася перша персональна виставка робіт сина, важко сказати, хто з них був щасливішим. Книгу відгуків розпочинає натхненне звертання мами до сина:

*Ігор! Ти повірив у себе!
Ти — художник!
Нехай світлою буде твоя дорога!
Малюй...*

Так, доля немилостиво поставилася до Ігоря Корчмарюка, але завдяки неймовірним зусиллям батьків, при допомозі вчителів, друзів, колег, завдяки безмежній любові до життя само-

го хлопця, його великій працелюбності, сьогодні і в голову нікому не прийде говорити про «трагедію людини з обмеженими можливостями». Це не про нього. Ігор зумів піднятися над своїм недугом, знайти своє місце в житті.

Попереду — ще довгий і нелегкий шлях до справжньої майстерності, але у нього є талант, є бажання працювати, а це головне.

Добра, тепла атмосфера панувала на святі. Були зворушливі спогади вихователів Ігоря зі спецшколи-інтернату (Л.К. Терещенко, С.В. Халіна), сердечні привітання від колег, миргородських художників (А. Шкурка, голови мистецького об'єднання «Творчість», та С. Кас'яненко), від однокурсників (Л. Горбенко), від миргородських поетів (Л. Гараган, М. Олійник-Локай). Було здивування і захоплення, сльози радості і напутні слова. Усі раділи за Ігоря, хвилювались.

Мовчав тільки сам художник. Щира, відтверта усмішка, очі сором'язливо сховались за окулярами, інколи — свильований змах рукою...

І правда, для чого зайві слова? Він уже все сказав. Його ніжні акварелі, ніби зіткані зі світла і повітря — прозорі, легкі, свіжі — від погляду на які душі стає тихо, сонячно і святково, переконливо довели: перед нами самобутній талант, у якого велике майбутнє.

Роботи Ігоря надихнули миргородську поетесу Ларису Гараган на творчість, і вона подарувала йому цей вірш.

Зимняя акварель

*Белые всклокоченные ели
В муфты лапы спрятали свои.
Может, где-то вьюги и метели,
А на этой зимней акварели —
Ясные и солнечные дни.*

*Стелит зима белые постели,
Жемчугами ветви оплела.
Все деревья сразу поседели,
Но тепло ложатся акварели,
И зима согрелась от тепла.
Разгулялось солнце в небе ясном,
Утопает в белизне снегов.
Создан мир волшебной зимней сказки,
Чудо сотворили эти краски —
Рассказали о зиме без слов.*

Человек, живущий среди нас

В.И. Кидисюк.

Многие наши люди «с ограниченными возможностями» живут такой полнокровной жизнью, что им можно только позавидовать и воскликнуть — «смотрите, как можно жить!»

Об одном таком человеке хочется рассказать на страницах нашей газеты.

На первый взгляд Валерий Иванович Кидисюк — ничем не примечателен. Но те, кто соприкасался с его творчеством, а Валерий Иванович — художник по призванию, могут утверждать, что это необыкновенно-

го таланта личность.

Родился он в 1952 году, в с. Довбыш на Житомирщине, в семье служащих. Учился в Березовской школе-интернате для слабослышащих детей. С детства любил выращивать цветы. Он подолгу засматривался на эти прекрасные живые творения и потихоньку стал пробовать воспроизвести эту красоту на бумаге. Это его и подтолкнуло к искусству.

Первые уроки рисования Валерий получил у художника-любителя Степана Николаевича Опанасюка.

После школы стал работать на заводе «Сельхозмаш», что в Новограде-Волынском Житомирской области. Но любимое увлечение не бросил, также как и мечту продолжить обучение, и в 1973 году поступил в ЛВЦ на художественно-оформительское отделение. Ему очень нравилась эта профессия, и после окончания политехникума Валерий поступил на

Житомирский комбинат художником оформителем. Здесь он проработал 10 лет, совершенствуя свою технику и осваивая новые приемы. Наглядная агитация, всевозможные плакаты, витражи на предприятиях, в школах, детсадах и училищах — работы у него всегда было много.

Валерий Иванович очень любит житомирскую землю, свой родной край. Он так хочет видеть его цветущим, красивым! Своим талантом он преобразил доселе непримечательные места, его работы украшают многие уголки города.

В начале своей творческой деятельности он много внимания уделял декоративному оформлению, работая в музеях Житомирского агроуниверситета, казарм воинской части в г. Житомире, областной больницы им. Гербачевского, техникума № 15, сельскохозяйственного техникума.

Радуют глаз его росписи «Украинские казаки» и «Житомир» в помещении ДК УТОГ, а в агроуниверситете привлекает внимание живописная роспись на потолке «Небо».

В 1988 году Валерий Иванович создал девять скульптурных барельефов «История связи» на здании Главпочтамта, что находится на главной улице Житомира — Киевской. Из окна троллейбуса люди любуются красивыми барельефами, сотворенными руками глухого мастера. А неслышащие, конечно гордятся этим фактом и с удовольствием показывают Главпочтамт гостям города, как местную достопримечательность.

В. Кидисюк является соавтором придорожных стелл, расположенных на границе районов области.

А сколько работ Валерий Иванович представлял на разнообразнейших выставках! С 1979 года он начал принимать участие в областных, зональных и республиканских экспозициях в Киеве, Львове, Луцке. Был участником Всесоюзной выставки плаката «60 лет СССР», которая проходила в г. Москве в 1982 году. Представлял родную Житомирщину на ВДНХ в Киеве.

В жизни Валерий Иванович очень скромный человек, но в делах и работе — энергичный и неутомимый. Он — активист Общества глухих. Длительное время является членом президиума областной организации УТОГ.

Свободное от работы время Валерий Иванович посвящает своей семье — жене и двум дочерям. Радует он и подрастающей внучке.

А еще мало кто из глухих сможет похвастаться таким длинным перечнем городов и мест, в которых довелось побывать Валерию Ивановичу. Он — неутомимый путешественник, посетивший многие города Украины и России.

В 1975 году Кидисюк совершил турпоход по Карпатам с восхождением на Говерлу, а через год участвовал в турпоходе по Кавказу, преодолев 4 перевала. А в 1978 году Валерий Иванович спускался на байдарке по рекам в Новгородской и Калининской областях, в общей сложности пройдя 160 км по водным артериям.

И это далеко не полный перечень его увлечений.

В настоящее время Валерий Иванович трудится художником-оформителем Житомирского предприятия художественной рекламы ЧП «Владмар». Как и прежде, занимается общественной работой, никогда не отказывает в помощи по художественному оформлению ДК УТОГ.

Он постоянно в работе и заботах, но, как признался Кидисюк, иной жизни себе не представляет и получает большое удовлетворение от этого, хотя и испытывает дефицит времени.

Вот какой талантливый и интересный человек живет среди нас!

Евангелие от художницы

Л. Шинкаренко.

Говорят, что у поэта нет биографии, а есть судьба. То же самое можно сказать о художнике, точнее, о художнице Людмиле Шинкаренко. После беседы с Людой, которая длилась более трех часов, я поняла, что не узнала почти ничего нового из ее биографии, основные даты которой были вкратце изложены на открытии первой персональной выставки глухой художницы. Но зато сколько особых, судьбоносных моментов из ее жизни мне открылось! Эта встреча с истинной, глубоко преданной служительницей искусства,

и долгая, необычайно увлекательная беседа с ней, явилась еще одним подтверждением того, что в мире нет ничего прекраснее и важнее, чем душа человека...

Первое, что бросается в глаза, это своеобразная, не то чтобы одухотворенная, но очень душевная красота и несомненная, всепобеждающая молодость Людмилы. Эта светловолосая, высокая и немного полноватая женщина с удивительно милой, застенчивой, даже какой-то трепетной улыбкой словно сама просится на полотно художника. Где он, тот певец вечной женственности, который сумел бы запечатлеть смущенную, покрасневшую художницу в образе золотоволосой Флоры, окруженной солнечным светом, теплым дыханием жизни и нежным, животрепещущим морем цветов?... Ведь цветов, изображенных на картинах Людмилы Шинкаренко, действительно, — море, в котором можно

утонуть, захлебнуться в волнах сладких цветочных ароматов...

— Это моя самая любимая, — торопливо, кивая на небольшую картину «Фитобукет», открывающую ее выставку, говорит мне Люда, хотя я еще ни о чем не успела ее спросить.

Говорит художница Людмила Шинкаренко совсем не так, как подобает всесильной языческой богине Флоре: быстро, взволнованно, нервно теребя и сжимая длинные, тонкие пальцы... Нет, здесь и в самом деле что-то не так; чувствуется какое-то досадное несоответствие не только образу Флоры, но и вполне очевидному статусу художницы, к тому же, несомненно, талантливой. Почему эти руки, привыкшие держать кисть, такие шероховатые, покрасневшие, в мелких, но достаточно заметных трещинках? Пока я пытаюсь проникнуть в тайну этих прекрасных рук со множеством странных трещин, мелькающих передо мной, как две большие, вспугнутые чем-то бабочки, Люда объясняет свою особую любовь к довольно скромной, на мой взгляд, картине:

— Ведь в этом простеньком букете собраны самые лучшие целебные травы: зверобой, тысячелистник, шалфей и многие другие...

Несколько забегаая вперед, скажу о том, что даже вскользь не упоминалось на открытии выставки «Моя різнобарвна Україна», — Людмила принимала самое активное участие в росписи сельской церкви, и ее кисти в мало кому известном Синявском храме принадлежат фрески с изображением Иоанна-воина, Георгия Победоносца и других святых. Сам батюшка из всех других живописцев выделил глухую художницу из Белой Церкви и предложил расписать ей храм в отдаленном селе Синяве. Фрески, кстати, нужно было расписывать на большой высоте, и Люда очень боялась подниматься на хлипкие, шатающиеся деревянные мостки. Но батюшка сказал: «Не бойся, я буду молить Бога за тебя, и с тобой ничего плохого не случится...» А ведь и впрямь — ничего с ней не слу-

чилось, и образы святых, написанных «рабой Божией Людмилой», теперь украшают скромный сельский храм.

А Люда тем временем рассказывает историю создания картины «Сретение» — одну из самых лучших на этой выставке.

Образ Флоры, сначала показавшийся мне таким пленительным и как нельзя лучше подходящим к этой «художнице-цветочнице», рассеивался с каждым ее словом, вытеснялся иным, пока еще не имеющим явственных, четких очертаний... Эти летние, неизменно радостные букеты цветов и, словно в противовес им, слегка печальные осенние пейзажи, которые чаще всего встречаются на картинах Людмилы Шинкаренко, таили в себе что-то гораздо более высокое и глубокое, и, вместе с тем, — смутное, неясное и невысказанное...

Вот потому сейчас она и спешит сказать об этом, высказаться, излить свою душу перед слушателем, которого эта самая душа прежде всего интересуется. Тем более, что это — не просто женская душа, а душа художницы.

Раньше у Людмилы была мечта — стать настоящей, знаменитой художницей. Но это было так давно: когда она еще училась в политехникуме при Ленинградском восстановительном центре ВОГ. И когда, отказавшись от работы по распределению на милый ее сердцу Север (Людмилу Шинкаренко, как одну из самых способных художниц — выпускниц ЛВЦ, направляли художником-оформителем в Архангельский дом культуры ВОГ), вернулась в Украину и некоторое время работала по специальности: сначала в Ворошиловграде, потом — в Белой Церкви. Но после ухода в декрет и рождения сына, Людмилу Шинкаренко уволили с должности художника-оформителя в ДК УТОГ. Да еще перед ней остро стоял квартирный вопрос: у семьи Шинкаренко не было своего жилья, а квартиру можно было получить, только работая в системе УТОГ.

Вот так Людмила Шинкаренко и стала уборщицей в общестроении Белоцерковского УПП УТОГ.

Божественно прекрасный мир художницы раскололся на два, таких разных мира: утром — тяжелая и неблагодарная работа по уборке подъездов; вечером — страстные, вдохновенные занятия живописью...

Так Людмила живет уже несколько лет; руки ее огрубели и покрылись трещинами, но, тем не менее, это руки Художницы, истово преданной Искусству, — и из-под них появляются на свет все новые и новые полотна, полные высокой веры в Бога и тихого обаяния женственности.

Может быть, это кому-то покажется странным и непонятным, но Люда верит, что, рано или поздно, самая заветная мечта ее юности все-таки сбудется. И что тогда отец, мечтавший, чтобы дочь стала настоящей художницей, глядя из того таинственного, неведомого мира, где живут только души, наконец, возрадуется и простит за то, что она не смогла раньше исполнить свое предназначение.

...Недавно у Людмилы Шинкаренко появилась еще одна большая мечта. Она очень хочет подарить две свои картины — «Квіти для коханої» — двум первым лицам страны: президенту и премьер-министру.

Это щедрый и бескорыстный дар глухой художницы тем, на кого сейчас возлагаются самые большие надежды и к кому обращены самые сокровенные чаяния народные. Ведь Украина и украинцы — это не только земля наших предков и отдельные люди, которые на ней живут, а целая нация с прекрасной душой и с несложившейся судьбой.

Дай Бог, чтобы души оставались такими же прекрасными, а вот судьбы — складывались намного счастливей.

И дай Бог, чтобы в нашей «різнобарвній» Украине, отныне каждый, как и Людмила, мог проповедовать свое Евангелие — божественное учение о Любви, пропущенное сквозь живую человеческую душу.

Рецепт успеха художника Гусева

В. Гусев.

В Симферопольском ДК УТОГ неоднократно проводились выставки художника Вячеслава Александровича Гусева, широко известного не только в Крыму, но далеко за пределами Украины. Его картины неизменно притягивают внимание, поражают особым колоритом и светом. О жизни и творчестве этого уникального человека пойдет речь в этом рассказе..

Родился В.А. Гусев в 1960 году далеко от Украины — в г. Серове Свердловской области. В детстве ничего не предвещало беды — рос, как все мальчишки, играл во дворе, посещал музыкальную школу... Но в девять лет Вячеслав переболел отитом и потерял слух. Талантливый, способный к музыке ребенок оказался в сложнейшей ситуации — он теперь не мог заниматься тем, что любил и к чему привык.

Для дальнейшего обучения мальчика родные выбрали известную на весь тогдашний Союз спецшколу-интернат для слабослышащих детей в Феодосии. Чтобы поддержать его, семья решает переехать в Симферополь, поближе к школе.

Этот переезд сыграл решающую роль в судьбе Вячеслава. Во время учебы в Феодосии происходит его первая серьезная встреча с живописью, когда мальчик побывал в знаменитом музее И.К. Айвазовского, где увидел картины великого художника. Пораженный красотой картин, он всей душой потя-

нулся к ним. Это была любовь с первого взгляда и, как оказалось, на всю жизнь.

Причем мальчик не просто любовался картинами, но и сам стал заниматься живописью. С четвертого класса Вячеслав Гусев посещает художественную школу при галерее, носящей имя его кумира — Айвазовского. Однако здесь глухому мальчишке приходилось нелегко в коллективе слышащих сверстников. В это время его поддерживает Иван Гаврилович Федоренко, преподаватель художественной школы, который и посоветовал Вячеславу учиться дальше в Ленинградском восстановительном центре ВОГ на художественно-оформительском отделении.

Учеба в Ленинграде — это особая страница биографии Вячеслава Александровича. Он не только получил знания и диплом по специальности, но и обрел много друзей, с которыми поддерживает тесную связь до сих пор. Здесь, в ЛВЦ, он встретил и свою любовь. Зовут эту прекрасную женщину Галина. Именно она поддерживает своего мужа на протяжении всей его творческой жизни, у них прекрасные дети и уже есть двое внуков.

В 1982 году Гусев оканчивает Ленинградский восстановительный центр ВОГ, получает диплом с отличием и вместе с женой переезжает в г. Симферополь. Здесь Вячеслав Александрович стал работать на Крымском производственно-художественном комбинате, где, в основном, занимался изготовлением рекламной продукции. Однако художник не терял веру в себя и мечтал о выставках своих картин. Причем не просто лелеял в себе эти сокровенные мысли, а делал все, чтобы эта мечта сбылась. После напряженного рабочего дня на производственно-художественном комбинате он продолжал трудиться дома над своими картинами.

И вот, признание пришло. Гусев стал участвовать в различных выставках, фестивалях народного творчества, в между-

народных выставках глухих художников в Москве, Киеве и в других мероприятиях. И везде его картины привлекают всеобщее внимание, вызывают восторг и восхищение мастерством художника.

Но путь к такому всеобщему признанию был нелегок. Поэтому неспроста на вопрос: «Что бы вы хотели пожелать молодёжи?», Вячеслав Александрович ответил: «Мало быть талантливым, надо много работать над собой и своей мечтой. Надо верить, что у тебя всё получится, и идти к своей цели».

Искусство совмещать любимые дела

Н. Векслер.

Каждый раз, когда я переступаю порог сегодняшнего Культурного центра Украинского общества глухих, мою душу начинает «будоражить» ностальгия по 60—80 годам прошлого столетия.

Именно в те годы в ДК УТОГ имени Луначарского действовала так называемая ДНД (добровольная народная дружина). Собственно, она была в «моде» во всем тогдашнем Союзе. И начальником ее на общественных началах в ДК УТОГ неизменно был Нафтул Киселевич

Векслер — личность приметная. Этот, совсем не спортивной фактуры, как полагалось бы быть такому «бойцу», мужчина, тем не менее, выглядел впечатляюще. Стоя у входа и встречая посетителей, он всегда улыбался, знакомым мужчинам пожимал крепко руки, а с женщинами был особо галантным — нет, нет да и поднесет чью-то руку к губам. Ну, словом, настоящий джентльмен. При всем этом, не дай Боже кому-то нарушить покой в ДК! Нафтул Киселевич моментально менялся и превращался в грозного блюстителя порядка. Надо отдать должное Векслеру, он умел приструнить распоясавшегося хулигана, и дебоширы побаивались его. Ну, а если случалось, что кто-то «оступался», Векслер проводил разговор «тет-а-тет» и выпроваживал нарушителя покоя за по-

рог. Никто не осмеливался в его присутствии повторить «дебаш».

Своей общественной работой Нафтул Киселевич очень дорожил и гордился. За 20 лет работы в ДНД он никогда не пропускал дежурства без уважительной причины, и не было ему равноценной замены. В знак благодарности и уважения за служение общественному делу Киевская организация УТОГ занесла Н.К. Векслера в свою Книгу почета.

Нафтул Киселевич удивительно легко «совмещал» общественную нагрузку с основной. А по специальности Нафтул Киселевич Векслер был художником. В настоящее время в Музее УТОГ висят его знаменитые портреты — первого глухого председателя УТОГ П.К. Набоченко и создателя Республиканского театра мимики и жеста «Радуга» И.А. Сапожникова. Украшает интерьер и его картина «Ялта».

Есть работы Векслера и в Учебно-восстановительном центре УТОГ (раньше — Дом отдыха УТОГ «Сосновый бор»). Там до сих пор висят его большая картина «Пуща-Водица» и натюрморт. Очень много картин Векслера находятся в домашнем архиве киевлян — его друзей... Дома, у его жены Александры Алексеевны Мизгиревой, на стенах квартиры висели ее портреты, в которых художник с особой любовью передал красоту и очарование своей любимой.

...Но вернемся к биографии Н.К. Векслера. Родился Нафтул Киселевич 23 апреля 1921 г. в Богуславе на Киевщине. В детстве потерял слух, и родители привезли 7летнего мальчика на учебу в Киев. В спецшколе-интернате для глухих детей в этот период — 1932—1936 годы — работала пионервожатой Валентина Афанасьевна Бондаревская, которая и сыграла важную роль в жизни Векслера и в последствии стала другом его семьи. В школе у мальчика и проявились способности к рисованию. Он с удовольствием оформлял объявления, плакаты, стенгазеты. К концу учебы Векслер уже опре-

делился с выбором профессии и поступил учиться в Харьковское художественное училище, а затем — и в Харьковский художественный институт, но тут началась война...

Двадцатилетний парень оказался на Урале, где три года работал на оборонном заводе по выпуску военной техники. Довелось вынести и голод, и холод, и ночевки у станка... Указом Верховного Совета СССР от 06.06.1945 г. Н.К. Векслер был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» (эта награда нашла его только спустя много лет — в декабре 1998 года).

После войны Векслер вернулся в Киев и поступил на работу на Киевский УПК УТОГ в фотопортретный цех художником-портретистом, а затем — и переплетчиком. В то же время, без отрыва от производства, поступает в Киевский государственный художественный институт, но через 3 года был вынужден оставить учебу по семейным обстоятельствам.

Чуть позже у Векслера появилась своя мастерская. У него было много заказов, он работал художником на скульптурном комбинате Художественного фонда Украины. Под руководством Нафтула Киселевича в его родной Киевской школе-интернате № 6 для глухих детей действовал кружок изобразительного искусства, где занимались будущие художники — Вовк, Козак, Чирикал, Мазуренко и др. Многие воспитанники Векслера окончили художественно-оформительское отделение Ленинградского восстановительного центра ВОГ и впоследствии стали профессиональными художниками.

Достигнув пенсионного возраста, Векслер решил расстаться с «большим творчеством» и стал работать на КОПО «Контакт» художником-оформителем, но в 1991 году полностью посвятил себя занятиям живописью.

В заключение хочется отметить, что Нафтул Киселевич оказывал большую помощь при оформлении Музея истории Киевской организации УТОГ, был председателем клуба «Ве-

теран», проводил лекции, беседы, организовывал экскурсии для ветеранов, культпоходы в музеи и театры и т.д. Кроме того, он был постоянным членом правления областной и городской организаций УТОГ и членом художественного совета ДК им. Луначарского. За активное участие в общественной жизни Векслер неоднократно награждался Почетными грамотами ЦП УТОГ, Киевской облорганизации и Культурного центра УТОГ.

В возрасте 75 лет, 3 августа 1996 года, Нафтул Киселевич ушел в мир иной, оставив после себя свои работы и неизгладимую память.

Зміст

Передмова	3
Розділ І. Актори театру міміки та жесту «Райдуга» УТОГ	5
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Актриса от бога (об А. Мизгиревой)	6
<i>Анна МЕРЕЖКО, Наталья ИВАНЮШЕВА</i> Беспокойное сердце (о В. Стёпкине)	9
<i>Наталія КАМЕНСЬКА</i> Напуття, що збулося (про О. Кушніренка)	15
<i>Нина ЗАЙОНЦ</i> Его путь в искусство (об А. Василенко)	18
<i>Анатолий ЯРИНОВСКИЙ</i> Восхождение к мастерству (об А. Мягих)	23
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Звезда по имени Татьяна (о Т. Вуйцик)	30
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Заслуженный не «заслуженный» артист (о В. Шахове)	33
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Созданная, чтобы творить (о С. Мацук)	38
<i>Валентина РЕЗБАЕВА, Светлана ВИШНЕВСКАЯ</i> Актриса Большого театра (об Е. Стёпкиной)	41
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Незаменимый и неповторимый (о В. Марущак)	47
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Она была в числе первых (о Н. Крицкой)	50
<i>Альбина КРОТ</i> Жизнь, предназначенная свыше (о Т. Лапиевой)	53
<i>Ангелина ЛИПОВЕЦКАЯ</i> Вершины творчества (о Н. Зайонц)	58
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Превращение в прекрасного лебедя (об О. Кираш)	62
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Главное в нем — преданность сцене (о М. Пилипенко)	66

<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Увлеченный сценой (об И. Лисовом)	69
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> По наклонной вверх (об Е. Каплан)	74
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i> Измюминка по имени ЛИЛЯ (о Л. Ивановой)	79
Розділ II. Учасники художньої самодіяльності	85
<i>Надежда КОРЖИНЕЦКАЯ</i> Воспоминания (о Н. Коржинецкой)	86
<i>Нелла ЛАРИОНОВА</i> Светом озаренная (об Е. Заднепровской)	94
<i>Андрій УСТЕНКО</i> Друзі — артисти (о В. Пустогваре и М. Саксонове)	98
<i>Григорий ФОМИН</i> О Пете Тимакове	105
<i>Леонид ФИЛЯНИН</i> Моя жизнь в искусстве	108
<i>Нина БЕЛОВА</i> Талант, красота и любовь (о З. Плис)	115
<i>Нина БЕЛОВА</i> Слобожанский волшебник (об О. Нестведе)	118
<i>Анна МЕРЕЖКО</i> Влюбленная в Терпсихору (о М. Субботской)	123
<i>Валентина РЕЗБАЕВА</i> Хранитель Вечности (о В. Скурчинском)	127
<i>Нина БЕЛОВА</i> Театр — ее призвание (об А. Росинской)	132
<i>Елена СМИРНОВА</i> Счастливая судьба (об И. Нествед)	136
<i>Анна МЕРЕЖКО</i> Сцена — любовь и жизнь ее (об А. Исакиной)	142
<i>Валентин ЛЮДВИК</i> Звезда эстрады (о Р. Пискун)	146

<i>Нина БЕЛОВА</i>	
Он принял бой (о В. Хоменко)	149
<i>Ирина ДУЦЕНКО</i>	
Король смеха (об А. Белове)	154
<i>Евдокия ЗУЕВА</i>	
«Мои года — мое богатство...» (об А. Устенко)	158
<i>Марина МАЛИКОВА</i>	
Прикосновение ангела (об Е. Волошиной)	161
<i>Андрій УСТЕНКО</i>	
«Казав мені батько, щоб я оженився...» (про Г. Красикова)	168
<i>Ирина ДУЦЕНКО</i>	
Ее любовь — театр (о К. Бородиной)	173
<i>Надежда МИГУНОВА</i>	
Портрет женщины в интерьере (о Н. Беловой)	178
<i>Анна МЕРЕЖКО</i>	
Достойный сын своего отца (о В. Глодине)	187
<i>Н. ДЬЯЧЕНКО</i>	
Моя мама (о Л. Парчевской)	191
<i>Надежда МИГУНОВА</i>	
Ваш выход, Маэстро! (об И. Левине)	196
<i>Светлана АНТОНИК</i>	
Призвание — дарить чудеса (об А. Резнике)	201
<i>Валентина СЕМЕНОВА</i>	
Мадам Одесса — это что-то! (о Л. Стихиной)	205
<i>Євгенія ЦИГАНЮК</i>	
Яскрава особистість (о. Ф. Чепурном)	209
<i>Ирина ДУЦЕНКО</i>	
Наш Евгений (об Е. Мельникове)	213
<i>Екатерина БАШИНСКАЯ</i>	
Рожденная для сцены (о Н. Серede)	217
<i>Екатерина БАШИНСКАЯ</i>	
Театр — его жизнь (о М. Ковальчуке)	220
<i>Анна МЕРЕЖКО</i>	
Культработник от Бога (о С. Вишневской)	223

<i>Вера БЛИЗНЮК</i>	
Его талантов — не счастье (о Н. Бельском)	229
<i>Светлана АНТОНИК</i>	
Увлечение на всю жизнь (о Л. Топчиевой)	233
<i>Людмила ДУБРОВИНА</i>	
Критерій щастя (о В. Кушакове)	236
<i>Светлана ВИШНЕВСКАЯ</i>	
Зов души и сердца (об И. Квитковском)	239
<i>Анна МЕРЕЖКО</i>	
Звезда любительской сцены (о С. Марченко)	243
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i>	
Жизнь «в кадре» и «за кадром» (о П. Шевченко)	249
<i>Татьяна ЛАПИЕВА</i>	
Возвращение после «антракта» (о Н. Косаревой)	252
Розділ ІІІ. Поети та журналісти	257
<i>Юлия СОЛОВЬЕВА</i>	
Голубая звезда (об И. Сапожникове)	258
<i>О. ПОДОЛЯН</i>	
Вопреки судьбе (о Н. Нырове)	266
<i>Татьяна ВОРОНОВА</i>	
Трудное счастье Галины Швеца, или Умение быть человеком.	271
<i>Сергій ЗВОРСЬКИЙ</i>	
«Український Пушкін» з трагічною долею (про О. Влизька)	281
<i>Анатолий ЯРИНОВСКИЙ</i>	
Лекарственные травы Анатолия Симоненко	291
<i>Анатолій ЯРИНОВСЬКИЙ</i>	
Не бійтесь застрашної днини (про М. Мачківського)	296
<i>Ирина ДУЦЕНКО</i>	
Под знаком Девы (об И. Дуценко)	304
<i>Анна МЕРЕЖКО</i>	
Редактор и... просто женщина (о Н. Каменской)	308
<i>Анатолий СИМОНЕНКО</i>	
Живая душа (об Е. Смирновой)	322

<i>Анна МЕРЕЖКО, Людмила ШВЕЦОВА</i> Устремленная к творчеству (о Т. Комендант)	327
<i>Валентин БОГАЄВСЬКИЙ</i> За світлу радість життя (про О. Телігу)	331
<i>Валентин БОГАЄВСЬКИЙ</i> Серце, віддане святим ідеям (про З. Гарника)	336
<i>Марина МАЛИКОВА</i> Полет с одним крылом (об А. Соцкове)	340
<i>Марія ВЕРКО</i> З глибин душі (про І. Котовича)	348
<i>Анатолій ЯРИНОВСЬКИЙ</i> Коли слово — золото (про В. Богаєвського)	353
<i>Валентин БОГАЄВСЬКИЙ</i> Щоб промінь серця людям залишити... (про І. Стронського)	358
<i>Юлія СОЛОВЬОВА, Ганна МЕРЕЖКО</i> Колискова у травневу ніч (про Ф. Савенка)	361
<i>Віталій МІСЬКОВ</i> Mare de vitae. Життєве море (про Ю. Соловйову)	366
Розділ IV. Художники	379
<i>Михайло СЛАБОШПИЦЬКИЙ</i> Великий Никифор (про Н. Дровняка)	380
<i>Ірина ДУЦЕНКО</i> Ученик Куинджи (об Е. Столице)	386
<i>Ніна САЄНКО</i> Жито — життя (про О. Саєнка)	390
<i>Ірина ДУЦЕНКО</i> Художник Людвик (о В. Людвике)	398
<i>Софія ТЫМУШ</i> В призывных возгласах искусства (об Ю. Тямушкине)	404
<i>Юлія СОЛОВЬЕВА</i> Портрет художника... со временем (о М. Поплавко)	408
<i>Юлія СОЛОВЬЕВА</i> Голубой и зеленый — цвета тишины (о Б. Вовке)	413

<i>Юлия СОЛОВЬЕВА</i> Убраний у дрантя (про А. Риженка-Янкового)	418
<i>Ирина ДУЦЕНКО</i> Волшебный карандаш Галины Крестино	426
<i>Раиса БЫКОВСКАЯ</i> ...И ярких красок цвет (о С. Кириллове)	430
<i>Валентина СЕМЕНОВА</i> Ваятель (о В. Борисанове)	433
<i>Валерия ЯРЕМКО</i> Щедрість душі й жар серця (про З. Березу)	436
<i>Мария АНДРИЕНКО</i> Человек, талантливый во всем (об А. Нашивочникове)	439
<i>Т. ДІДЕНКО</i> Його миргородські джерела... (про І. Корчмарюка)	447
<i>Екатерина БАШИНСКАЯ</i> Человек, живущий среди нас (о В. Кидисюке)	452
<i>Юлия СОЛОВЬЕВА</i> Евангелие от художницы (о Л. Шинкаренко)	455
<i>Нелли БАРБАНОВА</i> Рецепт успеха художника Гусева (о В. Гусеве)	459
<i>Анна МЕРЕЖКО</i> Искусство совмещать любимые дела (о Н. Векслере)	462

Збірка третя. Творчість у тиші

Збірка нарисів з трилогії «Під крилом УТОГ»

Відповідальні за випуск: І.І. Чепчина
Н.М. Каменська
Г.М. Мережко

Укладач: Г.М. Мережко

Художнє оформлення: П.В. Моргунов
Комп'ютерна верстка: П.В. Моргунов
Комп'ютерний набір: М.О. Андрієнко

Підп. до друку 4.07.2016 р. Формат 60х84/16.

Папір офсетний. Друк офсетний.

Тираж 300 прим. Замовлення № _____
Ціна договірна.

Українське товариство глухих
03150, Київ, вул. Червоноармійська, 74

Поліграфічний центр УТОГ
03038, Київ — 38, вул. Нововокзальна, 8.